ТЕЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Августа 28 го дня 1832 года.

Цензоръ Николай Лазаревъ.

1832 N 13

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

КУРСКОЙ КУПЕЦЪ-АСТРОНОМЪ (а).

Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ родился въ Курскѣ 1794 года Апрѣля 21 дня отъ

---

1) Я имѣлъ случай познакомиться съ Семеновымъ въ Москвѣ въ 1828 году, и познакомилъ его, въ свою очередь, съ нѣкоторыми Московскими Учеными. Нашъ Профессоръ Астрономіи Д. М. Перевощиковъ удивился его астрономическимъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ безъ всякаго руководства, и нѣсколько разъ отзывался съ похвалою объ немъ въ своемъ Магазинѣ. Профессоры Павловъ и Максимовичь часто говорили съ нимъ вообще о природѣ, и могутъ засвидѣтельствовать о его способности понимать и разсуждать. Въ 1829 году мнѣ случилось быть въ Курскѣ, и я провелъ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ его заходлустьѣ, на тѣсномъ чердакѣ, между книгами, тетрадями и самодѣльными инструментами — термометрами, барометрами, трубами. Я просилъ его тогда написать мнѣ краткое извѣстіе объ его жизни. Онъ обѣщалъ,

родителей, купеческаго званія; грамотѣ учился у разныхъ церковнослужителей, которыми былъ очень недоволенъ, потомъ у одного иногороднаго учителя. Сей послѣдній научилъ его въ четыре мѣсяца читать и писать. Потомъ Семеновъ взятъ былъ родителями своими домой, гдѣ начали приучать къ его торговлѣ; онъ ѣздилъ въ Украйну, покупалъ скотину и часто, по приказанію родителей своихъ, работалъ на бойнѣ; но 13-лѣтній Семеновъ не на-

---

но никакъ не рѣшался сообщить мнѣ анекдотическія подробности, которыя могли бъ быть очень любопытными для публики: съ какими затрудненіями онъ боролся, къ какимъ хитростямъ прибѣгалъ, какіе неудачные опыты дѣлалъ и проч. Изъ скромности ли онъ такъ колебался, или изъ опасенія подпасть насмѣшкамъ въ своемъ кругу, или не желая сказать что-либо дурное о близкихъ къ себѣ людяхъ — не знаю. Однакожъ послѣ многихъ усильныхъ просьбъ я получилъ наконецъ отъ него описаніе собственно-учебной его жизни, и предлагаю оное здѣсь, исправивъ слогъ, исключивъ нѣкоторыя повторенія, но не перемѣнивъ ни одного научнаго выраженія. Я думаю, что читателямъ пріятно будетъ прочесть эту статью въ новое доказательство Русскихъ способностей. Можетъ быть нѣкоторые захотятъ даже поощрить чѣмъ нибудь самоучку - астронома, присылкою напримѣръ какихъ-либо книгъ ему въ подарокъ, или астрономическихъ инструментовъ, или важнѣйшимъ пособіемъ. Почему знать, что *при ономъ* не выйдетъ изъ Семенова какой-нибудь Фрауенгоферъ? Да и во всякомъ случаѣ, неблагородно ли почтить въ такомъ человѣкѣ этотъ чистый жаръ святой любви къ познанію? *М. П.*

ходилъ никакаго удовольствія въ этихъ занятіяхъ и чувствовалъ въ себѣ что-то особенное. Проѣзжая съ прикащиками наярмарки для покупки скота и видя тамъ горы, лѣса, рѣки и селенія, онъ спрашивалъ ихъ — (собственныя его слова) — почему поля имѣютъ неравности и возвышенія; отъ чего между горами бываютъ углубленія, которыя даютъ направленіе рѣкамъ; отъ чего небо имѣетъ издали голубой цвѣтъ; какъ произошли рѣки и колодцы; что такое солнце, мѣсяцъ и звѣзды? Но прикащики, будучи не въ состояніи отвѣчать ему на сіи вопросы, говорили: „Ѳедоръ! ты всё ребячишься! начто тебѣ это нужно знать и какая тебѣ отъ этого польза? Какъ ты будешь жить на свѣтѣ! вѣдь ты пропащій человѣкъ.“

Семеновъ въ свободные часы занимался книгами Священнаго Писанія, читалъ Четь-Минеи; а чтобъ узнать обиходъ и уставъ церковный, началъ ходить въ церковь, пѣлъ и читалъ на крылосѣ вмѣстѣ съ дьячками, чѣмъ снискалъ себѣ нѣкоторое уваженіе отъ старыхъ людей.

Въ 1810 году въ Февралѣ мѣсяцѣ случилось ему достать себѣ книгу *Телескопъ Астрономическій*, собранный Михайлою Бранкевичемъ и напечатанный въ Москвѣ

1808 года. Семеновъ читалъ сію книгу съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, и узналъ изъ ней, что наука разсуждающая о причинахъ различныхъ явленій въ природѣ есть Физика, а объ свѣтилахъ — Астрономія, посредствомъ коей можно предсказывать небесныя явленія. Ему показалось очень удивительнымъ, что, зная послѣднюю, мореплаватель можетъ знать и находить себѣ дорогу изъ отдаленнѣйшихъ морей, куда захочетъ.

Величина солнца, луны, планетъ, ихъ отстояніе отъ земли, обращеніе около солнца, безчисленное множество неподвижныхъ звѣздъ, неизмѣримое разстояніе ихъ отъ земли и движеніе земли удивили его очень много. Но какъ въ *Телескопѣ* описано все это кратко безъ подробныхъ геометрическихъ доказательствъ, то Семеновъ съ трудомъ вѣрилъ описанію: движеніе земли около оси и вокругъ солнца и круглая фигура ея затрудняли его много; онъ никакъ не могъ разрѣшить своихъ сомнѣній и представить себѣ въ умѣ сіи явленія.

Любопытство заставило его купить еще книгу: *Астрономію Фергусонову*, на-

печатанную въ Москвѣ 1802 года, изъ которой узналъ онъ совершенно, что земля кругла, ежесуточно обращается около оси и ежегодно около солнца. Всего любопытнѣй было для него въ этой книгѣ прочесть, что *затмѣніе солнца можно узнать* посредствомъ линейки и циркуля, сдѣлавъ напередъ нѣкоторыя исчисленія, кои однакожъ не были тамъ показаны; любопытство его возбудилось еще болѣе, и во что̀ бы то ни стало, надобно было удовлетворить оное.

1813 года въ Коренной Ярмаркѣ онъ купилъ себѣ *Астрономію Лаланда*, переведенную съ Французскаго на Россійскій языкъ Головинымъ и напечатанную въ Петербургѣ 1789 года. Астрономія сія раздѣляется на 12 книгъ. Онъ прочелъ первую книгу, и пріобрѣлъ изъ ней настоящее понятіе о Математической Географіи, узналъ большіе и малые круги земнаго шара, научился находить широту и долготу мѣстъ на земной площади вообще, измѣрять поверхности, высоту свѣтилъ небесныхъ посредствомъ астрономической четверти круга (квадранта), познакомился съ разными задачами географическими и астрономическими, которыя разрѣшаются посредствомъ глобусовъ, и съ способомъ распознавать созвѣздія

и звѣзды по ихъ положенію на тверди небесной. Онъ тотчасъ сдѣлалъ себѣ квадрантъ деревянный, наклеенный бумагою, трехъ вершковъ въ радіусѣ, съ означеніемъ градусовъ.

Вторая книга *Лаландовой Астрономіи* показалась ему непонятною; но онъ увидѣлъ изъ ней, что для познанія Астрономіи со всѣми ея подробностями, непремѣнно должно знать Сферическую Тригонометрію. Посему того жъ 1813 года лѣтомъ досталъ онъ себѣ *Плоскую Тригонометрію* Аничкова, напечатанную въ Москвѣ 1787 года, которая также показалась ему непонятною, ибо онъ не зналъ Ариѳметики. Онъ досталъ *Ариѳметику Меморскаго* и занялся ею; Ариѳметика не показалась ему мудреною, кромѣ дѣленія, и въ мѣсяцъ онъ кончилъ ее совершенно.

Потомъ досталъ *Геометрію Аничкова* которая также его не затруднила, послѣ *Тригонометрію Плоскую* того же автора.

Но цѣлью Семенова было узнать *Сферическую Тригонометрію*; почему онъ отыскалъ въ старыхъ изданіяхъ Математики *Безу Сферическую Тригонометрію*, которую понялъ очень легко. Въ исходѣ 1813 года Семеновъ принялся опять за

Астрономію Лаланда, которую понялъ кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ астрономическія выкладки основывались на Алгебрѣ, приводившей его въ большое затрудненіе. Въ 1814 году въ Коренной Ярмаркѣ купилъ онъ *Курсъ Математики Безу*, второе изданіе, напечатанное въ Москвѣ 1808 года, и началъ заниматься Алгеброю. Алгебра показалась ему сначала мудреною, и знаки алгебраическіе долго его смущали; но напослѣдокъ все это было преодолѣно имъ самимъ безъ всякаго руководства. Когда прочелъ онъ курсъ *Математики Безу*, то *Астрономія Лаланда* со всѣми своими выкладками и наблюденіями сдѣлалась для него понятною. Но въ ней недоставало таблицъ астрономическихъ. А потому 1814 года выписалъ Семеновъ изъ Петербурга *Теорію и Практику Кораблевожденія*, сочиненную Гамалеею, въ Петербургѣ въ 1806 и 1808 годахъ; здѣсь познакомился онъ еще болѣе съ новѣйшими астрономическими способами, выкладками и наблюденіями, но также не нашелъ таблицъ, кромѣ таблицъ солнца и разныхъ морскихъ.

Семеновъ читалъ Математики *Гг. Кестнера, Войтяховскаго* и *Осиповскаго*, и искалъ случай достать себѣ астрономическія таблицы, а особливо таблицы движенія луны;

таблицы прочихъ планетъ сочинялъ онъ уже самъ по ихъ среднимъ движеніямъ, показаннымъ въ Астрономіи *Гамалеи* и *Лаланда;* главное ихъ уравненіе, называемое Астрономами *уравненіе центра,* или *уравненіе орбиты* вычислялъ онъ, какъ показано въ теоріи движенія планетъ по данной средней аномаліи находить истинную.

Во всѣхъ сихъ таблицахъ хотя и не входило въ разсчетъ возмущеніе планетъ, но онѣ показывали небесныя явленія съ довольною для него точностію. Семеновъ по нимъ вычислялъ соединеніе планетъ между собою и съ неподвижными звѣздами, прохожденіе чрезъ меридіанъ, восхожденіе и захожденіе ихъ.

Азимуѳъ онъ наблюдалъ посредствомъ сдѣланнаго на мѣдной доскѣ круга при часахъ солнечныхъ, поставленнаго неподвижно въ горизонтальной плоскости на столбѣ; при которомъ кругѣ находились два отвѣса, состоящіе изъ двухъ петель. Но высоты свѣтилъ небесныхъ не могъ брать за неимѣніемъ хорошаго инструмента.

Лунныхъ таблицъ Семеновъ сочинить самъ не могъ, ибо въ Русскихъ книгахъ нигдѣ нѣтъ полной теоріи движенія луны;

при томъ луна имѣетъ множество неравенствъ, по причинѣ притяженія ея солнцемъ и землею, о которыхъ неравенствахъ не было ему извѣстно ни чего, выключая четырехъ уравненій: центра, эвекціи, перемѣны годичной а).

Семеновъ, составивъ таблицы, по которымъ посредствомъ 18 лѣтняго періода можно предсказать всѣ полнолунія и новолунія, затмѣнія солнца и луны, оставилъ Астрономію.

Въ 1815 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, отецъ женилъ Семенова.

1816 года Семеновъ, желая заняться *Физикою* купилъ въ Коренной Ярмаркѣ *Физику Нолета,* переведенную съ Французскаго *Вельяшевымъ-Волынцовымъ* и напечатанную въ Петербургѣ 1773 и 1781 годовъ. Потомъ прочелъ онъ Физику *ГГ. Стойковича* и *Шрейдера.* Для разныхъ физическихъ опытовъ понадобились ему машины: чтобъ сдѣлать ихъ, нужно имѣть хотя малое понятіе о худо-

---

а) Семеновъ къ этому прибавляетъ, какъ бы въ оправданіе себѣ: „Самые величайшіе Математики и Астрономы, какъ-то Эйлеръ, Клеро, Даламбертъ и Лапласъ, чтобы изслѣдовать подробно теорію движенія луны, много на сіе времени и трудовъ положили.“

жествахъ столярномъ, токарномъ и слесарномъ; Семеновъ, по совѣту своихъ знакомыхъ, опытныхъ людей въ токарномъ художествѣ и въ дѣланіи физическихъ инструментовъ, чѣмъ они особенно занимались для собственныхъ своихъ изслѣдованій, Гг. Щигровскаго помѣщика Ивана Ивановича Денисова, и Курскаго купца Василья Ивановича Воронкова, сдѣлалъ *токарный станокъ* на которомъ въ скоромъ времени выучился точить; потомъ началъ также самъ выливать мѣдныя вещи для машинъ и проч.

По книгѣ *Открытыя Тайны древнихъ Магиковъ и Чародѣевъ*, сочиненной Профессоромъ Галле, сдѣлалъ онъ электрическую машину, сперва малую съ стеклянным шаромъ, а потомъ большую съ стеклянным кругомъ и съ прочими электрическими приборами; дѣлалъ также электрическія лампады съ водотворнымъ газомъ для зажиганія свѣчи во всякое время, электрофоры, электрометры, барометры, термометры и прочіе физическіе инструменты.

Опыты электрическіе заняли его надолго; у него блистала молнія, звонили колокола, плясали куклы, стрѣлялъ Волтинъ пистолетъ; прочіе опыты гальвани-

ческіе производились столбомъ, состоящимъ изо 100 паръ мѣдныхъ и цинковыхъ кружковъ, изъ коихъ пятьдесятъ ему подарилъ одинъ Докторъ, а пятдесятъ онъ сдѣлалъ самъ.

Магнитные опыты производилъ онъ магнитомъ натуральнымъ, который поднималъ вѣсу 6 фун. Семеновъ дѣлалъ также искусственные магниты, компасные стрѣлки и прочее.

Въ 1817 году отецъ Семенова послѣ полуторагодичной болѣзни умеръ, оставя сыну своему множество невѣрныхъ долговъ и вексельныхъ дѣлъ, по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ: Семеновъ принужденъ былъ заняться *юриспруденціею*.

1818 года въ Февралѣ мѣсяцѣ досталъ онъ себѣ *Химію Гизе* и началъ заниматься химическими опытами приготовлялъ разные газы; и дѣлалъ много опытовъ особенно надъ газами кислотворнымъ, водотворнымъ и хлоровымъ. Потомъ дѣлалъ опыты надъ металлами и ихъ окисями и солями, надъ различными землями, щелочностями и тѣлами щелочнистыми и ихъ солями, особливо надъ солью cali holohenicum, s. cali muriaticum hyperoxydatum.

1820 года Семеновъ началъ приготовлять фосфоръ, пирофоръ и дѣлалъ много опытовъ надъ гремучимъ серебромъ, ртутью и прочими детонаціями.

У него была своя небольшая химическая лабораторія, съ химическими печами разной величины для приготовленія газовъ, ванны разныхъ сортовъ, съ стеклянными, глиняными ретортами и колбами, газопроводными трубками и многими другими химическими приборами; онъ дѣлалъ различные химическія огнива, чернила симпатическія, которыми удивлялъ простолюдиновъ, почитавшихъ его дѣйствительно за волшебника и колдуна.

При всѣхъ сихъ занятіяхъ, Семеновъ не оставлялъ совершенно Астрономіи; онъ искалъ безпрестанно случая достать астрономическія лунныя таблицы, просилъ для того нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ Студентовъ Харьковскаго Университета, но не могъ получить отъ нихъ.

Въ 1822 году, по просьбѣ Семенова, Генералъ Аверинъ писалъ въ Петербургъ къ своимъ знакомымъ, приближеннымъ къ Академіи Наукъ, объ лунныхъ таблицахъ, но въ отвѣтъ получилъ *Морской Мѣсяцесловъ*, на 1823

годъ. Сей Морской Мѣсяцесловъ, не извѣстный доселѣ Семенову, доставилъ ему новое упражненіе въ Астрономіи. Въ 1823 году Семеновъ просилъ письмомъ своего знакомаго *Г. Полеваго,* который обѣщался доставить ему лунныя таблицы чрезъ Г. Свиньина; и въ 1824 году Февраля 25 дня получилъ по почтѣ изъ Петербурга на Англійскомъ языкѣ *Морскія Таблицы* Іосифа де Мондозы Ріосъ, съ Русскимъ наставленіемъ, какъ употреблять сіи таблицы при морскихъ вычисленіяхъ, напечатаннымъ 1807 года въ Петербургѣ, и два Морскіе Мѣсяцеслова на 1824 и 1825 годъ. (Письмо которымъ просилъ Семеновъ *Г. Полеваго* было напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ). Впрочемъ Семеновъ имѣлъ уже сіи таблицы въ Теоріи и Практикѣ Гамалеи.

Курскій Гражданскій Губернаторъ Кожуховъ, прочитавъ письмо Семенова въ Отеч. Запискахъ, призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ о присланныхъ таблицахъ; Семеновъ отвѣчалъ ему, что получилъ таблицы не тѣ, которыя желалъ имѣть; Г. Кожуховъ обѣщался написать въ Петербургскую Академію Наукъ, и въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ, что таблицъ

лунныхъ достать въ Россіи ни гдѣ не можно, а).

Въ 1824 году Семеновъ, желая имѣть хорошія много увеличивающія зрительныя трубы, чтобъ видѣть спутниковъ Юпитера и прочія планеты, сдѣлалъ, по совѣту тѣхъ же своихъ знакомыхъ, станокъ, на которомъ можнобы точить всякаго сорта оптическія стеклы. Это стоило Семенову большаго труда и времени; наконецъ уже прочитавъ *Физическія Письма Эйлера*, напечатанныя въ Петербургѣ въ 1768 и 1774 годахъ, онъ преодолѣлъ всѣ трудности, началъ точить стекла, дѣлать изъ нихъ зрительныя трубы, микроскопы, волшебные фонари и прочія оптическія вещи.

Въ 1825 году въ Мартѣ, Семеновъ сдѣлалъ трубу, которая увеличивала въ пятьдесятъ разъ; онъ обратилъ ее въ первый разъ на небо и увидѣлъ спутниковъ Юпитера, серповидную Венеру и кольцо Сатурна. Луна представилась ему покрытою возвышеніями и неровностями.

а) Въ запискѣ Семенова при семъ случаѣ сказано: „Тутъ Семеновъ предался большому отчаянію и думалъ, что онъ никогда лунныхъ таблицъ не будетъ имѣть.“

Наконецъ 1827 года Апрѣля въ 14 день, утромъ, Семеновъ, наблюдая въ свою трубу, увидѣлъ солнечное затмѣніе кольцеобразное въ Курскѣ. Съ сего времени онъ началъ усовершенствовать сочиненныя имъ таблицы затмѣнія солнца и луны, по коимъ можно было только предсказывать сизигіи луны, въ которыхъ будутъ затмѣнія вообще на землѣ, и время близкое къ срединѣ затмѣнія. Но по симъ таблицамъ не льзя было предсказать съ точностію начала, конца и величины затмѣнія луннаго, еще менѣе солнечнаго, имѣющаго другія обстоятельства; Семеновъ долго думалъ, не льзя ли присовокупить еще что-нибудь къ его таблицамъ, чтобы предсказывать съ довольною точностію все затмѣніе.

Съ 1828 года онъ занялся симъ предметомъ. Ему нужно было вопервыхъ вычислить сизигіи луны съ довольною точностію; для сего вычисленія принялъ онъ извѣстныя три главныя неравенства луны, уравненіе центра, эвекцію, и годовое а), также главное неравенство движенія земли, называемое уравненіемъ центра; вычисляя по

а) Луна хотя имѣетъ еще главное четвертое неравенство, называемое *перемѣнною*, но оно въ сизигіяхъ = 0.

симъ положеніямъ и сравнивая ихъ съ Петербургскимъ Календаремъ, издаваемымъ Академіею, онъ увидѣлъ, что сихъ четырехъ неравенствъ для точнаго вычисленія недостаточно; продолжая долго вычислять и сравнивать, онъ нашелъ, что, по прошествіи 223 лунныхъ мѣсяцовъ, разность между сизигіею, у него вычисленною, и показанными въ календаряхъ возобновляется почти въ одномъ порядкѣ a).

По среднему угловому разстоянію возходящаго луннаго узла отъ солнца и средней аномаліи солнца онъ находилъ настоящую величину сего угла, а по сему послѣднему эклиптическое соединеніе луны съ солнцемъ или землею, то есть, сизигій, и широту луны во время сихъ сизигій.

Луна, будучи въ сизигіи, имѣетъ самой большой екцентрицитетъ; посему екцентрицитету и средней аномаліи Семеновъ вычислилъ особую таблицу радіуса-вектора луны, который по поправкѣ, заемлемой отъ средней аномаліи солнца или отъ годоваго неравенства луны, Семеновъ употреблялъ уже для нахожденія параллакса и часоваго движенія луны въ орбитѣ; все прочее

a) „Увѣрившись въ семъ, Семеновъ пришелъ въ крайнее удовольствіе."

какъ для солнца, такъ и для луны производилъ онъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Аргументы, отъ коихъ зависитъ неравенство, а именно средняя аномалія луны, аномалія солнца и угловое разстояніе узла луннаго отъ солнца, были раздѣлены не на 360 градусовъ, а на 1,000 частей.

Неравенства, которыя зависятъ отъ аргументовъ и служатъ для вычисленія сизигій, превращены, по среднему синодическому движенію луны, во время, а неравенства, посредствомъ которыхъ вычисляются угловое разстояніе узла и широта луны и проч. выражены частями круга.

Эпоха сихъ таблицъ взята изъ *Теоріи и Практики Кораблевожденія Г. Гамалеи* и *Астрономіи Лаланда* на среднее время Курскаго меридіана.

По симъ таблицамъ Семеновъ вычислялъ, хотя и не совсѣмъ, однако съ довольною точностію, затмѣнія солнца и луны; а потомъ свѣрилъ вычисленія съ Петербургскимъ Календаремъ, что доставило ему большое удовольствіе.

Наконецъ 1829 года весною, Семеновъ нашелъ случай съ своимъ родственникомъ быть въ Москвѣ, чтобъ получить разрѣшеніе

на нѣкоторыя свои астрономическія недоумѣнія. Здѣсь онъ познакомился съ нѣкоторыми Профессорами Московскаго Университета и получилъ отъ Г. Перевощикова астрономическія солнечныя и лунныя таблицы на Французскимъ языкѣ. Но пусть онъ разсказываетъ самъ о пребываніи своемъ въ Москвѣ:

— „Тутъ Семеновъ" — (онъ говоритъ о „себѣ въ третьемъ лицѣ) — „получа этѣ таблицы, былъ въ большомъ удовольствіи, и „чувствовалъ то, что можно чувствовать „отъ полученія такой вещи, которую онъ „искалъ съ большимъ нетерпѣніемъ болѣе 15 „лѣтъ, но нигдѣ не находилъ. У Г. Перевощикова былъ Семеновъ на астрономической лекціи, гдѣ преподавалъ Г. Перевощиковъ вычисленіе долготы склоненія и прямаго восхожденія солнца; также и перемѣну „наклонности эклиптики къ экватору; въ составъ сихъ вычисленій входили и всѣ „планетныя возмущенія; всѣ сіи вычисленія производились посредствомъ астрономическихъ солнечныхъ таблицъ Деламбра и тригонометрическихъ таблицъ Коллета. Все сіе для Семенова показалось „пріятнымъ, а особливо планетныя возмущенія, о которыхъ онъ давно хотѣлъ „знать. Г. Перевощиковъ занимался часто

„съ Семеновымъ разговорами объ Астроно-„міи и, желая ему дальнѣйшаго успѣха, по-„дарилъ ему свои сочиненія: 1) Разсужде-„ніе о неподвижныхъ звѣздахъ, напечатан-„ное въ Москвѣ 1828 года. 2) Руководст-„во къ Астрономіи, напечатанное въ Мо-„сквѣ 1826 года. Потомъ Семеновъ былъ „приглашенъ Г. Павловымъ на его физиче-„скую лекцію, въ коей преподавалось опро-„верженіе прежнихъ физиковъ, мнѣнія: 1) „что ртуть въ барометрѣ держится на „высотѣ единственно только отъ тя-„жести воздуха, 2) что дождь происхо-„дитъ отъ осадки воды, носящейся въ атмо-„сферѣ; 3) что теплотворъ есть вещество „матеріальное и не имѣетъ вѣсу и о про-„чемъ. Г. Павловъ сіи мнѣнія, какъ неспра-„ведливыя, опровергалъ. Семенову, пріучив-„шему себя къ мнѣніямъ о сей матеріи преж-„нихъ физиковъ, весьма удивительнымъ по-„казалось сіе опроверженіе; но однакожъ „онъ находилъ мнѣніе Г. Павлова справед-„ливымъ. Г. Павловъ подарилъ ему свою „Земледѣльческую Химію.

„ГГ. Профессоры Московскаго Уни-„верситета Павловъ и Перевощиковъ и „Максимовичъ были съ Семеновымъ въ Уни-„верситетскомъ Кабинетѣ Физики и Есте-

„ственной Исторіи, что̀ для Семенова „показалось совершенно новымъ, пріятнымъ „и удовольственнымъ.“

Вотъ какъ Семеновъ заключаетъ записку о своихъ ученыхъ занятіяхъ, для меня сдѣланную. Въ 1830 и 1831 годахъ онъ доставлялъ свои метеорологическія наблюденія къ Г. Перевощикову въ его Журналъ, а о послѣднемъ времени я не имѣю никакого извѣстія.

Усердно желаю, чтобъ эта статья моя, основанная на подлинныхъ словахъ, безъ всякихъ прибавленій и украшеній, обратила вниманіе *богатыхъ* друзей просвѣщенія на труды и способности нашего астронома-самоучки.

М. Погодинъ.

II.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды съ горъ уже шумятъ:
Бѣгутъ и будятъ сонной брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ:

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна пришла, весна идетъ!

„Мы молодой весны гонцы,
„Она насъ выслала впередъ! —

„Весна идетъ, весна идетъ!
„И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
„Румяной, свѣтлой хороводъ,
„Толпится весело за ней. . . .“

Ѳ. Тютчевъ.

III.

ЗАМОКЪ ЯКСМУНДЪ.

(повѣсть.)

Случается ли напасть скукѣ на Англичанина? Если онъ бѣденъ, то пьянствуетъ; если богатъ, путешествуетъ. Онъ бросается въ почтовую коляску по дорогѣ къ востоку; и, одинъ разъ пустившись, увлекается все однимъ и тѣмъже направленіемъ. Юга, солнца, ищетъ соскучившійся житель Острововъ Британскихъ. Впередъ! кричитъ онъ: и, подобно Альфіери, счастливъ, если быстро несется. Швейцарія и веселый Альпійскій бычокъ, прахъ Сципіоновъ и лацарони, останавливаютъ его на нѣсколько минутъ; онъ упивается роскошнымъ воздухомъ Неаполитанскаго

взморья, срисовываетъ Везувій, набрасываетъ кроки двухъ или трехъ Италіянскихъ крестьяночекъ; и, если Тунисцы его не обокрадутъ, если вечерняя роса, болѣе пагубная, чѣмъ холера, не убьетъ его, то продолжаетъ свой путь, скачетъ, чтобы разтрясти скуку, во весь опоръ, проникаетъ до отдаленнаго востока, садится верхомъ на верблюда, обѣдаетъ съ Бенинскимъ Пашей, покупаетъ Негритянокъ, дабы снискать благосклонность ихъ мужьевъ, дозволяетъ, чтобъ Мандинги его обворовали, Ангольцы приколотили палочьемъ, Чингальцы засадили въ тюрьму; и потомъ, когда чернокурчавые корольки Конго и Бисконго устанутъ мучить его голодомъ и пытками, бить и грабить, достигаетъ знаменитой Имперіи Томбукту, удостовѣряется самолично, что это имперія безъ столицы, столица безъ имперіи, слухъ безъ основанія, народъ безъ короля, царство безъ города; за тѣмъ, по совершеніи сего великаго подвига, схватываетъ лихорадку; его отравливаютъ, подъ видомъ лѣченья; журналъ его, украденный жрецами, кладется на сохраненіе во храмѣ; наконецъ, онъ умираетъ, покрытый славою и высохшій до костей, завѣщавая

свою странническую котомку туземному правительству, имя отчизнѣ, примѣръ всѣмъ глупцамъ, которыхъ возьметъ охота подражать ему.

Вотъ, друзья мои, чего стоитъ путешествіе на югъ. Итакъ да здравствуетъ сѣверъ!

Моя дорога была именно на сѣверъ. Я не скакалъ за приключеніями и чудесами; но, опустивъ поводья на шею вороной моей кобылы, предоставилъ ей везти меня, куда ей угодно. Мы были въ Германіи; тучныя нажити влекли мою кобылицу по направленію къ Мекленбургу. Дороги прескверныя, за то трактирщицы вѣчно смѣются; и если сторона довольно плоска и скучна, то людей нигдѣ не видывалъ я веселѣе. Я осмотрѣлъ замокъ, галлерею, всѣ рѣдкости Мекленбургскія, включая самого владѣтельнаго Герцога и его армію, состоящую изо ста воиновъ. Отсюда лѣниво тащились мы по Балтійскому берегу, проѣхали Померанію, заѣзжали въ Ростокъ и Висмаръ. Объ этихъ обоихъ городахъ сказать нечего, кромѣ развѣ того, что самое лучшее пиво въ Германіи затирается въ стѣнахъ Висмара, а самое худшее въ спускникахъ Ростока; почему сей

послѣдній въ большомъ омерзѣніи, а первый въ великой чести, въ этой классической землѣ ячменнаго броженья и мозговой горячки.

Въ Ростокѣ былъ у меня другъ, старый гусаръ Лихтенштейнскій, съ которымъ служилъ я подъ одними знаменами и который, богатый ранами и скудный достаткомъ, самъ добровольно пожелалъ остаться за реформой, женился на прекрасной Мекленбургкѣ и опочилъ отъ своихъ двенадцати кампаній въ нѣдрахъ маленькаго гарнизона, котораго сдѣлался отцемъ. Ротмистръ принялъ меня съ гостепріимствомъ солдата; но облако печали висѣло надъ его домомъ и покрывало его лице. Бутылки рейнвейна осушались медленно; разсказы фон-Гарманда (это было имя ротмистра), до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, слѣдовали другъ за другомъ не съ прежнею быстротой, которой я прежде такъ любовался. Даже любимыя побранки его отзывались меланхоліей.

„Что̀ это значитъ!“ спросилъ я: „не потерпѣлъ ли ты какого значительнаго убытка!“

Ротмистръ потрясъ головой.

„Или не раздражилъ ли противъ себя правительства?“

— „Нѣтъ!“

Въ это время Германія была наполнена недовольными, кои большею частію соединялись въ тайные союзы, одинъ другаго безразсуднѣе. Школьники, вскруженные примѣромъ Занда, убійцы Коцебу, бредили заговорами. Неужели, думалъ я, фон-Гармандъ осрамилъ свои сѣдые волосы подобнаго рода дурачествомъ?

Наконецъ распросы мои заставили его объясниться.

— „Э!“ отвѣчалъ старикъ, выведенный изъ терпѣнія: „ты весьма худой угадчикъ! Дѣло вотъ въ чемъ: я долженъ завтра отправиться въ дорогу, самъ не знаю куда, искать, самъ не знаю кого, драться съ молодцомъ, который почти братъ мнѣ и котораго не знаю, какъ зовутъ. Прогулка пріятная, не правда ли?“

„Я объявляю тебѣ, любезный ротмистръ, что не понимаю ничего въ твоихъ словахъ.“

— „Такъ вотъ тебѣ разгадка. Моя фамилія оскорблена, въ лицѣ одной изъ моихъ сестеръ, однимъ господчикомъ, котораго большая часть женщинъ почитаютъ ангеломъ, а я просто бродягой: теперь мнѣ должно считать себя обязаннымъ, видишь

цы, рыскать по свѣту, отыскать виновнаго, гдѣбъ-то ни было, и вразумить его, что не годится жениться на молодыхъ дѣвушкахъ, съ тѣмъ чтобы оставлять ихъ вдовыми отъ живаго мужа. Вотъ скоро годъ, какъ сестра моя заключила этотъ бракъ, которому, признаюсь, я душевно радовался. Зять мой казался прелюбезнымъ человѣкомъ. Не льзя имѣть больше ловкости и пріятности, какъ этотъ молодецъ. Онъ говорилъ такъ сладко, что я самъ попался къ нему на уду."

„И ты не зналъ, откуда выщелъ тотъ, которому ты отдалъ свою сестру?"

— „Онъ выщелъ, по прямой линіи, изъ Берлина; Парижъ и Германія богаты Ловеласами, ты знаешь."

„Его имя?"

— „Штейнфортъ. Имячко прекрасное для комедіи или для романическаго путешествія! Капитанъ Цитенскихъ гусаровъ по его словамъ; хорошъ, уменъ, въ корреспонденціи со всѣми углами свѣта; музыкантъ, танцоръ, краснобай, искусной ѣздокъ, говорунъ на многихъ языкахъ, притомъ большой вздыхатель; коротко сказать, обладающій всѣмъ безчисленнымъ множествомъ пустяковъ, которые торжествуютъ надъ серд-

цемъ женщинъ, или лучше, надъ ихъ глупыми головами. Когда Штейнфортъ повелъ сестру мою въ церковь, я думалъ, что всѣ красавицы нашей провинціи сами себя передушатъ отъ ревности."

„А какъ проводилъ онъ годъ послѣ свадьбы?"

— „Какъ слѣдуетъ опытному актеру: ни одной сцены не было позабыто. Въ первомъ актѣ, страсть; потомъ, обожаніе; далѣе, нѣжность, довѣренность, сердечныя изліянія, совершенная короткость, безпредѣльная дружба, восторги отеческой любви, все это съ глубокимъ искусствомъ и удивительною постепенностью; наконецъ, занавѣсъ опустился; герой исчезъ!"

„Какъ! Онъ уѣхалъ вдругъ, не подавъ прежде никакого признака?"

— „Родъ постильона, одѣтый весьма дурно, дней за восемь, отдалъ ему большое письмо, запечатанное черной печатью; тогда онъ заперся въ своей комнатѣ: жена удивлялась, что онъ осудилъ себя на такое затворничество. Она умоляла его выдти, разсѣяться, поѣхать на охоту въ ближній лѣсъ; въ самомъ дѣлѣ онъ вышелъ — и не возвращался. Дней черезъ восемь послѣ, раздушенное письмо, которое можешь ты

прочесть на досугѣ, извѣстило насъ, что гость нашъ удержанъ непреодолимыми обстоятельствами, въ странѣ, которой не заблагоразсудилось ему означить. Это письмо вотъ; ты увидишь, если захочешь пробѣжать его, что не льзя вѣжливѣе сдѣлать дурнаго поступка."

Брюзгливый ротмистръ далъ мнѣ прочесть письмо оно было въ самомъ дѣлѣ раздушено, но проникнуто печалью, исполнено нѣжности, краснорѣчія и силы. Слогъ его особенно поразилъ меня; я подозрѣвалъ, что ротмистръ могъ обманываться и что сіе странное приключеніе содержало въ себѣ какую-нибудь тайну. Молодой человѣкъ не былъ ли, подобно герою извѣстной драмы Гете, виновенъ въ двоеженствѣ? Или, можетъ быть, худыя обстоятельства, преслѣдованія безжалостныхъ заимодавцевъ, удерживали его въ одной изъ тѣхъ временныхъ квартиръ, гдѣ честные люди не очень любятъ покоиться, а бездѣльники живутъ весьма весело, на счетъ правительства и тѣхъ, кои туда ихъ посылаютъ?

„Итакъ ты отправляешься завтра поутру отыскивать сочинителя этого письма?"

— „Чортъ возьми! Чтожь прикажешь дѣлать?“

„А въ какую сторону пускаешься?“

— „Куда вѣтеръ подуетъ. Въ его бумагахъ нашелъ я куверты писемъ, съ Шведскимъ штемпелемъ; я знаю, что эта сторона ему знакома. Вотъ куда чортъ меня понесетъ! Прогулка будетъ не очень веселая; и между тѣмъ какъ я стану рыскать по горамъ и доламъ, вокругъ Шведской столицы, пріятель нашъ безъ сомнѣнія будетъ заниматься повтореніемъ своей роли въ Мексикѣ или въ Хили: плясать, дудить, бѣгать, строить куры, и присватываться, гдѣ-нибудь у антиподовъ, къ какой-нибудь Американской героинѣ.“

„Я самъ ѣду съ тобою!“

Въ самомъ дѣлѣ, ничто не мѣшало мнѣ поѣхать съ ротмистромъ. Приключеніе было такъ занимательно и таинственно; путешествіе мое находило опредѣленную цѣль; сторона, въ которую лежалъ нашъ путь, была еще нова для меня; фон-Гарманда я зналъ и любилъ, какъ отличнаго человѣка: одной изъ этихъ причинъ было достаточно, чтобъ заставить меня рѣшиться; но я не долженъ забыть послѣдней, самой сильнѣйшей изъ всѣхъ. На другой день

послѣ этой бесѣды, я былъ представленъ сестрѣ ротмистра; и ея горесть, блѣдныя щеки, глаза, надсѣвшіеся отъ слезъ, растрогали меня. Я поклялся не оставлять сѣдла, пока не успѣю открыть вѣроломнаго обольстителя, наказать оскорбленіе супружеской вѣрности и возвратить печальной Германской Аріаднѣ семейственное счастіе или свободу.

Итакъ мы пустились въ дорогу; двумѣ гусарамъ, настоящимъ дикарямъ военной цивилизаціи, не долго сбираться, чтобы рыскать по горамъ, лѣсамъ и доламъ. Ротмистръ курилъ; два толстые драгуна, превращенные въ слугъ, также курили, слѣдуя за нами; такимъ образомъ удалая кавалькада понеслась въ долины Помераніи.

Что̀ такое Померанія? Никто ничего о томъ не знаетъ; единственные географы, которые моглѝбъ сообщить намъ свѣденія объ этой удивительной сторонѣ, суть Балтійскіе контрабандисты. Вообразите себѣ плоскую равнину, гдѣ колеса вязнутъ по ступицу: земля удивительная, исчерченная, изрытая, изорванная топкими трясинами, удивительно плодоносная, обитаемая лошадьми съ человѣческою образиною, которыя отвѣчаютъ вамъ ржаньемъ и лягаются,

какъ скоро вы къ нимъ подходите; сторона прелюбопытная, въ которой вы можете побывать когда-нибудь; но меня опять, сохрани Господи! Въ городахъ терпя голодъ, въ деревняхъ подвергаясь безжалостному грабежу, мы могли бы считать кусты до втораго пришествія, не получивъ въ награду полу-золотника бѣлаго хлѣба, ни даже добраго полу-слова. Что̀ касается до бѣглеца, котораго мы искали, нигдѣ не оказывалось ни малѣйшаго слѣда его присутствія. Ротмистръ, не выпускавшій изо рта трубки, скучалъ уже безполезной кампаніей; оба драгуна оказывали тайное расположеніе къ инсуррекціи; я удвоилъ имъ порцію табаку, помѣстилъ ротмистра въ центрѣ, самъ сталъ въ авангардѣ, отослалъ обоихъ служивыхъ въ аріергардъ; и такимъ образомъ продолжалъ рекогносцировку Шведской Помераніи.

Въ иной деревнѣ говорили намъ, что бѣглецъ, котораго мы преслѣдовали, проѣзжалъ. И мы — шпоры лошадямъ, да во весь опоръ. Въ другой утверждали, что онъ слѣзалъ даже съ лошади и обѣдалъ за хозяйскимъ столомъ. Ему надобно быть теперь въ такомъ-то городѣ, мили за три, за четыре; и мы — туда

опрометью. Но достигнувъ предѣла нашихъ поисковъ, не находили ничего, кромѣ изумленныхъ лицъ, трехъ или четырехъ питуховъ въ трактирѣ и толстой краснощокой служанки.

Верховая ѣзда сама по себѣ есть пріятное упражненіе. Но, кромѣ того, берега Балтійскаго моря имѣютъ свою прелесть; и послѣдніе осенніе дни на сѣверѣ особенно плѣнительны. Пурпуръ и золото кустарниковъ, вороненое серебро, сверкающее на соснахъ, амарантовый цвѣтъ неба, огромное зеркало Бальтійскихъ волнъ, отражающее на поверхности своей всѣ сіи яркія и вмѣстѣ меланхолическія краски неба и лѣсовъ, соперничествуютъ тогда блескомъ и очарованіемъ, съ живописнѣйшими ландшафтами юга. Природа сладострастная, роскошная, привлекательная, упоительная въ странахъ полуденныхъ, на сѣверѣ облекается торжественнымъ величіемъ; она украшается багряницей, усыпанной рубинами; небо и земля разцвѣчаются весьма рѣзко; утренняя и вечерняя заря, опадающій листокъ, мшистый пень дерева, окрашиваются самыми густыми цвѣтами. Я бы пожалѣлъ о человѣкѣ, который, проѣзжая Померанію, въ прекра-

сную осень, не преклонилъ бы съ благоговѣніемъ чела предъ сею важною, унылою и, такъ сказать, страстною и задумчивою красотою.

Но однажды вечеромъ наслажденіе наше было возмущено однимъ изъ тѣхъ капризовъ, кои натура позволяетъ себѣ нерѣдко, подобно смертнымъ красавицамъ. Поднялся легкій вѣтерокъ, который усилился, взволновалъ и погналъ къ западу громаду облаковъ, кои изъ летучихъ, багряныхъ и опаловыхъ павильоновъ, вскорѣ превратились въ безбрежную, густую мглу. Волны Балтійскія расколыхались; труба Одинова возвѣстила бурю; дождь, громъ, вихрь, молнія, смѣшались. Куда дѣваться? Что̀ дѣлать? Лошади наши взбѣсились. Вблизи ни крова, ни убѣжища. Мы промокли до костей. Ротмистръ курилъ и богохульствовалъ; драгуны вздыхали о своихъ домашнихъ очагахъ, къ коимъ угрожали воротиться немедленно. На берегу Кляне-Гиффа, которымъ мы ѣхали, не было никакого пріюта, даже никакой пещеры: надлежало быть устрицей, чтобъ сыскать убѣжище; бобромъ, чтобъ найдти себѣ покровъ. Горизонтъ, со стороны земли, разрисовывался голубыми, желты-

ми, зелеными, живописными и восхитительными красками и представлялъ пестрый океанъ безчисленныхъ цвѣтовъ, посреди коего не примѣчалось однако ни малѣйшаго слѣда обитаемости. Со стороны моря, разстилалась безбрежная равнина, сѣдая, клокочущая, пѣнистая, ревущая, терзаемая сѣверо-западнымъ вѣтромъ.

— „Чортъ возьми!“ кричалъ ротмистръ.

Куда дѣвалось то время, когда, подъ огнедышущимъ жерломъ Французскихъ пушекъ и подъ потопомъ дождя, выбирали мы первое попавшееся дерево и голую землю для ночнаго бивуака, гдѣ подъ прикрышіемъ измученныхъ лошадей, погружаясь въ сонъ, прерываемый свистомъ непріятельскихъ пуль, были веселы и довольны? Ни что такъ не подстрекаетъ въ человѣкѣ энергію, какъ военная жизнь; увлеченные ея движеніемъ, люди становятся желѣзными. Но оторвите солдата отъ его батальона, удалите его отъ военныхъ сценъ, тогда онъ опять становится простымъ человѣкомъ, перестаетъ быть героемъ; ему не пріятны уже дождь, холодъ и голодъ; у него на умѣ теплый домашній уголокъ, хорошій ужинъ, хорошая постель. Мысли пагуб-

ныя героизму! И онѣ-то преслѣдовали насъ посреди печальныхъ равнинъ Помераніи.

Лошадь одного изъ нашихъ старыхъ драгуновъ стала на дыбы, сбросила своего всадника въ потокъ, который промылъ долину, для соединенія съ моремъ, и пустилась во весь опоръ къ сѣверу. Драгунъ, солдатъ закаленный, не желая купаться въ морѣ, уперся противъ быстрины потока и, не выпуская трубки изъ стиснутыхъ накрѣпко губъ, успѣлъ наконецъ кое-какъ выбиться изъ кипящихъ волнъ и пуститься въ погоню за скакуномъ. По счастію ретивый конь самъ опрокинулся; и кейзерлейтеръ, при блескѣ прихотливыхъ огней молніи, усѣлся опять въ сѣдло.

„Гей!" вскричалъ онъ: „я вижу свѣтъ!"

— „Гдѣ?"

„Влѣвѣ! Это должна быть крестьянская хижина; за сколько миль отъ насъ, не могу сказать; маршъ! сейчасъ отыщемъ!"

— „Маршъ!" вскричалъ весь караванъ.

Мы погнали нашихъ лошадей черезъ поля, заросшія мхомъ и залитыя дождемъ. Этотъ свѣтъ составлялъ нашу

единственную надежду. Онъ обѣщалъ намъ хорошій ночлегъ, пріютъ, въ которомъ имѣли мы крайнюю нужду, теплый каминъ, который не менѣе былъ необходимъ, однимъ словомъ все, чего могутъ желать отъ всей души усталые, измокшіе путешественники. Проскакавъ около получаса во весь опоръ, мы достигли наконецъ до воротъ одного четвероугольнаго дома изрядной наружности, который стоялъ среди безпредѣльной равнины и, своимъ уединеннымъ положеніемъ, какъ будто показывалъ, что построенъ здѣсь нарочно для гостепріимнаго убѣжища заблудившимся путешественникамъ. Изъ оконъ дома блисталъ большой свѣтъ; пѣсни, смѣшанныя съ громкими смѣхами, сливались съ дикимъ ревомъ вѣтра и бури; обитатели уединеннаго дома, казалось, предавались безумной веселости. Какое счастіе! Наконецъ мы находимъ веселыхъ собесѣдниковъ, убѣжище, украшенное праздникомъ, и — кто знаетъ? — можетъ быть, и прелестныхъ женщинъ!

„Друзья!“ вскричалъ ротмистръ: „отворите путешественникамъ!“

Сказавъ сіи слова, онъ стукнулъ. Но едва небольшой молотокъ, повѣшенный при две-

ряхъ, упалъ на мѣдную доску и пробудилъ эхо во внутреннихъ аппартаментахъ, какъ вдругъ все смолкло. Еслибъ ангелъ смерти коснулся своимъ крыломъ зданія и всего, что въ немъ находилось, то происшедшее отъ того безмолвіе не было бы глубже, внезапнѣе, неожиданнѣе. Шумъ стихъ, свѣтъ погасъ: только вѣтеръ одинъ продолжалъ свистать. Ни веселыхъ пѣсней, ни шумныхъ вакханалій!

„Что за чортъ!“ вскрикнулъ опять ротмистръ: „отворите ли вы?“

Ни гласа, ни послушанія! Дверь, пищетно звучавшая подъ усугубленными ударами молотка, оставалась неумолимою и для толчковъ, коими ротмистръ началъ осыпать ее. Внѣ себя, онъ клялся тѣнью Фридриха, тѣнью Генерала Дауна, что поставитъ на своемъ: ярость безполезная! Обитатели негостепріимнаго дома не шевелились, не подавали нималѣйшаго признака жизни. Въ столь критическихъ обстоятельствахъ, осталось для насъ послѣднее средство, составить военный совѣтъ, пригласить къ нему обоихъ драгуновъ и держать совѣтъ сей передъ самой крамольной дверью. Продолжать ли намъ путь? Или не пойти ли приступомъ на крѣпость? Не под-

ложить ли огня подъ нее? Сіи вопросы были подвергнуты общему изслѣдованію: но наша совокупная мудрость не могла дать никакого удовлетворительнаго рѣшенія. Драгуны и ротмистръ не позабыли ни ужаснаго шума оргіи, ни глубокаго молчанія, за нимъ воспослѣдовавшаго: честные Германцы не охотники схватываться съ преисподними силами; и, такъ какъ сопутники мои увѣрились, что страшная сцена, коей мы были свидѣтелями, происходила не безъ участія чертовщины, то ихъ мужество все исчезло. Драгуны не большіе философы: имъ должно простить.

Между тѣмъ ночный бивуакъ, который угрожалъ намъ, нравился и мнѣ только въ половину: я не сводилъ глазъ съ оконъ чуднаго зданія, недавно блиставшихъ и вдругъ такъ померкшихъ. Сквозь ставни, мелькнулъ снова слабый свѣтъ; я прижался къ самой стѣнѣ, безмолвно занялъ постъ подъ ставнемъ, который возобновилъ во мнѣ надежду, и терпѣливо ожидалъ развязки сцены. Ставень не замедлилъ отвориться; изъ окна выставилась голова; за ней слѣдовала шея и два плеча. Такъ какъ я находился въ сѣдлѣ,

то рѣшился воспользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ и, приподнявшись немного на стременахъ, схватилъ обѣими руками высунувшуюся голову. Хозяинъ ея старался высвободиться: его превосходная позиція давала ему надо мной большой верхъ, особенно, когда одинъ шагъ моей лошади могъ оставить меня тамъ, гдѣ я былъ, висячимъ, подобно вывѣскѣ. Сверхъ того антагонистъ мой былъ весьма здоровой мущина, котораго крѣпко сжатые кулаки вымѣщали, какъ нельзя лучше, оскорбленіе, наносимое его головѣ. Движенія моей лошади очень меня безпокоили; кулаки давали чувствовать себя не на шутку; я принужденъ былъ наконецъ схватить пистолетъ и кричать изо всѣхъ силъ:

„Сдайся, или ты погибъ!"

Нѣжный, жалобный голосъ смѣшался съ нашими ожесточенными криками:

„Пощадите, пощадите дядюшку!"

Свѣтъ, который принесла съ собой племянница моего плѣнника, далъ мнѣ разсмотрѣть прелестнѣйшую блондинку, какою могли когда-либо гордиться долины Саксоніи. Я опустилъ мою добычу, какъ вы легко можете представить себѣ, чита-

тель; и плѣнная голова спряталась, ворча съ досадою.

„Повинуюсь вамъ, сударыня“ — сказалъ я — „но, сдѣлайте милость, доложите вашему дядюшкѣ, что не прилично оставлять такимъ образомъ на дождѣ трехъ драгуновъ и ротмистра.“

Дядя былъ еще очень сердитъ; рыцарское благородство, мною показанное, не преклонило бы его, еслибъ племянница не присоединила съ своей стороны непреодолимыхъ доказательствъ. Она была прекрасна и сострадательна. Ея ласки и прозьбы не безъ труда вымолили испрашиваемое намъ гостепріимство; дядя, все еще продолжая кроптаться, поднялъ желѣзные запоры и отворилъ намъ двери. Но здѣсь возникъ новый споръ. Коммендантъ гарнизона соглашался впустить только дѣйствовавшую на приступѣ армію, то есть, меня одного. Я объявлялъ себя только авангардомъ и требовалъ исполненія капитуляціи для всего корпуса. Эта новая ссора угрожала быть очень продолжительною, какъ ротмистръ, который не былъ столько чувствителенъ, какъ я, къ могуществу двухъ голубыхъ глазъ и мелодическаго голоса дѣвушки, къ тому же раздраженный, проголодавшійся и измокшій до

костей, бросился въ отворенную дверь, опрокинулъ хозяина и свѣчку, которой былъ онъ вооруженъ, и овладѣлъ осаждаемой крѣпостью, задолго прежде, чѣмъ прелиминарные пункты новаго трактата были ратификованы обѣими договаривающимися сторонами.

Некогда было церемониться: въ сопровожденіи нашихъ драгуновъ, мы проникли въ святилище, бывшее театромъ оргіи, которую прервалъ нашъ стукъ. Маленькой хромоногой столишко, приставленный къ уголку; двѣ или три скамейки, источенныя червями; головни, едва курившіяся въ каминѣ: вотъ и все! Куда дѣвалась эта веселая толпа питуховъ и пѣвцовъ? Какъ исчезли огромные бокалы, большіе вертела, блюда, обремененныя дичиной, бутылки рейнвейна и кружки съ Мекленбургскимъ пивомъ? Въ этой унылой пустынѣ, напрасно искали мы слѣдовъ шумнаго праздника, который манилъ насъ обманчивой надеждой. Мы начинали бояться, чтобъ ужинъ, которымъ насъ угостятъ, не былъ въ гармоніи со всѣмъ прочимъ, какъ молодая сильфида, которая выпросила намъ дозволеніе войти, явилась съ скромнымъ, но вкуснымъ ужиномъ, въ корзинкѣ изъ тростника. Онъ

состоялъ изъ прекраснаго хлѣба, фруктовъ, куска баранины, который мы не замедлили изжарить сами, подобно Гомеровымъ героямъ, двухъ бутылокъ вина и нѣсколька водки. Таково было подкрѣпленіе, защитившее насъ отъ голода; и ротмистръ, оканчивая свой ужинъ, не переставалъ хвастаться своимъ богатырскимъ удальствомъ; по его словамъ можно было подумать, что битва Вейссембергская и приступъ Смоленскій ничего не значили въ сравненіи съ взятіемъ этой крѣпости, которое въ добавокъ обошлось безъ всякаго кровопролитія.

Дядя продолжалъ стоять у окна; онъ показывалъ видъ, что не обращаетъ вниманія ни на что, происходившее вкругъ него; наша веселость, разогрѣтая виномъ, не сообщалась нисколько сердитому хозяину; я рѣшился извлечь его изъ этой странной молчаливости и обратился къ нему съ вопросомъ:

„Какая причина могла побудить васъ, милостивый государь, выбрать жилищемъ такое уединенное мѣсто, такую пустынную сторону?“

Анахоретъ обернулъ голову и отвѣчалъ мрачнымъ голосомъ:

— „Звѣзды!“

Я захохоталъ; ротмистръ, который не былъ охотникъ ни до привидѣній, ни до колдуновъ, поблѣднѣлъ; оба драгуна сотворили крестное знаменіе. Взоръ звѣздочета остановился на мнѣ съ торжественнѣйшимъ выраженіемъ; глаза его засверкали, и онъ вскрикнулъ смущеннымъ, но звучнымъ и глубокимъ голосомъ:

— „Да, смѣйтесь, смѣйтесь, сыны земли, орудія страстей, бѣдныя дѣти! смѣйтесь, безразсудная, слѣпая толпа! смѣйтесь надъ тайнами, въ кои ваша глупость, ваше невѣжество и предразсудки не могутъ проникнуть! Вы не знаете ни того, что происходитъ на небесахъ, ни того, что дѣлается на землѣ; и когда судьбы вселенной мятутся, вы цѣпенѣете отъ слѣпаго изумленія; въ мірѣ и въ исторіи вы видите событія безъ пружинъ, дѣйствія безъ причинъ, результаты безъ предыдущихъ обстоятельствъ. Вы прозябаете, какъ деревья, обрастаете, какъ бездушные камни: бродите во мракахъ, васъ окружающихъ, не заботясь ихъ проникнуть. И вы смѣетесь надъ звѣздами, коихъ вліяніе вами управляетъ, дурачитъ васъ, опустошаетъ и наполняетъ снова ничтожный шаръ, вами обитаемый,

строитъ и разламываетъ мѣлочныя бездѣлки, кои вы называете царствами!"

Этотъ необычайный энтузіазмъ, прекрасное вино, выпитое нами, темнота, буря, наша усталость, упоеніе, которое начинало уже кружить головы и нарушать равновѣсіе обоихъ драгуновъ; одиночество, ветхая старина зданія, издыхающее мерцаніе головешекъ, до половины подернувшихся золою, свистъ вѣтра снаружи, явленіе молодой дѣвушки, которая, весело улыбаясь передъ своимъ старымъ дядею, перелистывала какую-то огромную книгу, не читая ее, какъ будто для того только, чтобъ дать занятіе своимъ пальцамъ и ускользнуть отъ нашего наблюденія: всѣ сіи контрасты, представлявшіе довольно странное зрѣлище, признаюсь, начали проникать самаго меня какимъ-то непонятнымъ ужасомъ. Я всталъ и, подошедши къ молодой дѣвушкѣ, прочелъ на страницѣ, выказавшейся изъ подъ ея пальцовъ, слова: *Сведенборгъ, Небесный Градъ*. Старикъ замѣтилъ мое движеніе. Тогда черты его прояснились; въ маленькихъ выдолбленныхъ его глазахъ засверкало яркое пламя; голосъ его загремѣлъ. Онъ всталъ въ свою очередь и показался мнѣ гораздо выше, чѣмъ прежде:

„Сведенборгъ! Сведенборгъ!“ вскричалъ онъ. „Открытель безконечныхъ міровъ! Созерцатель! Пророкъ!“

Гимнъ Новалиса (мистическаго поэта, друга Гете), гимнъ таинственный, отъ котораго мы пощадимъ теперь читателей, вырвался изъ его вдохновенныхъ устъ; гимнъ сей воспѣвалъ чудеса Небеснаго Града, какъ онѣ видѣны и описаны Сведенборгомъ; поэтъ, подъ руководствомъ корифея секты, обтекалъ сонмъ звѣздъ, коими усыпана небесная твердь. Я не сомнѣвался болѣе, что нашъ хозяинъ принадлежитъ къ числу иллюминатовъ, коими такъ изобильна Германія, къ тѣмъ пылкимъ и слабымъ головамъ, кои воспламенялись до безумнаго изступленія Яковомъ Бемомъ и Шеллингомъ. Стихи были сами по себѣ великолѣпны: страстная декламація старика сообщала имъ новое очарованіе.

Онъ сѣлъ; взглядъ, брошенный имъ на племянницу, далъ ей замѣтить, что бутылки уже пусты и свѣчки готовы погаснуть. Молодая дѣвушка вышла и чрезъ нѣсколько минутъ показалась опять, съ двумя другими бутылками и новыми свѣчками. Ея походка имѣла въ себѣ нѣчто торжественное; уходя и входя, она продолжала пѣть

превосходное заклинаніе Фауста, положенное Веберомъ на музыку. Драгуны выпучили глаза и не смѣли произнесть ни одного слова. Ротмистръ пилъ, чтобъ воспрепятствовать себѣ думать.

Между тѣмъ буря утихала; тучи, сгустившіяся надъ Балтійскимъ моремъ, бѣжали съ глухимъ и протяжнымъ ропотомъ. Свѣжесть и жизнь полились изъ растеній, вспрыснутыхъ ливнемъ. Извѣстно, какой сладостный запахъ сокрываютъ въ себѣ дикія прозябенія и какъ роскошно благоухаютъ онѣ послѣ бури. Сквозь разодранную мглу виднѣлся безмѣрный сводъ небесъ, подобно свѣтлому пологу, усыпанному звѣздами, прорѣзываемый безчисленными метеорами странъ полуночныхъ. Удивительное зрѣлище, на которомъ словно рубиновыя и аметистовыя волны, исполинскаго размѣра, катились по сребро-лазурному горизонту!

„Вотъ она!“ вскричалъ снова изступленный старикъ: „вотъ та минута, которая неминуемо должна наступить. Бури, омрачавшія вселенную, разсѣеваются. Вѣкъ тьмы проходитъ, настаетъ царство свѣта: атмосфера очищается, горизонтъ яснѣетъ. Тучи бѣгутъ; притѣсни-

тели падаютъ въ бездну, которая ихъ поглощаетъ; угнетенные возраждаются изъ ихъ пепла!" И, произнося слова сіи, онъ палъ ницъ на землю; слезы лились изъ его глазъ. Молодая дѣвушка стояла задумчиво, сложа руки. Фон-Гармандъ глядѣлъ на меня, какъ будто желая сказать: что все это значитъ? Я смотрѣлъ на него въ свою очередь; и мой нѣмой, но выразительный отвѣтъ говорилъ: я и самъ ничего не понимаю!

Между тѣмъ я припомнилъ, что либеральныя Нѣмецкія газеты и мистическія книги, порожденныя ими въ необыкновенномъ количествѣ, наполнены были высокопарными фразами и звучными періодами, похожими на слышанныя теперь мною изъ устъ старика. Ктожъ бы это былъ? Иллюминатъ, поэтъ, философъ съ разстроенной головой, месмеристъ, шарлатанъ, или можетъ быть, даже шпіонъ, подученный завербовать насъ въ шайку карбонаріевъ, дабы послѣ выдать въ руки правосудія? Въ продолженіе двухъ или трехъ послѣднихъ лѣтъ не одинъ молодой человѣкъ дорого поплатился за иллюминатство, въ которое былъ вовлеченъ съ намѣреніемъ; и я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія окон-

чить свое солдатское поприще въ черныхъ башняхъ какой нибудь крѣпости.

Разговоръ принялъ болѣе естественное и болѣе простое направленіе; мы говорили о женщинахъ, о лошадяхъ, о литературѣ и философіи: старикъ показывалъ ученость большую, но странную, почерпнутую изъ отвлеченныхъ и таинственныхъ источниковъ, смѣшанную съ поэзіей и мечтательностью, вообще весьма занимательную и мало обыкновенную. Его обхожденіе отличалось образованностью высшаго круга; языкъ, хотя изъятый отъ педантизма, походилъ не столько на обыкновенный слогъ устнаго разговора, сколько на стиль хорошо написанной книги. Я разсматривалъ его съ удивленіемъ. Уже шестая бутылка обходила нашъ кружокъ, становясь легче при каждомъ оборотѣ, и готова была опустѣть, какъ внезапный ударъ грома возвѣстилъ о возобновленіи бури. Хозяинъ всталъ, отворилъ окно и увидѣлъ, что небо опять померкло, облака сгустились, волны заколыхались, звѣзды, одна за другой, изчезали съ тверди и міръ погружался снова въ мракъ и хаосъ. Это зрѣлище, казалось, поразило его грустью; онъ проворчалъ нѣсколько печальныхъ возгласовъ, подалъ знакъ пле-

мянницѣ слѣдовать за нимъ и, поклонившись намъ почти до земли, указалъ дверь, которая безъ сомнѣнія должна была отвести насъ въ спальню. Потомъ онъ вышелъ. Богу извѣстно, въ какомъ изумленіи оставилъ онъ гарнизонъ гусаровъ и драгуновъ, предъ которымъ игралъ такую странную и неизъяснимую роль! Что̀ это былъ за человѣкъ? Изгнанный эксминистръ? Геній, пораженный сумасшествіемъ? Или контрабандистъ, скрывающій свое беззаконное ремесло подъ искусною личиною мистицизма?

Не смотря на то, мы отправились въ нашу спальню, всѣ четверо, храня глубокое безмолвіе и испытывая замѣшательство, подобное тому, въ коемъ находятся два надворные Нѣмецкіе совѣтника, встрѣтивъ трудную задачу, позабытую Трибоніаномъ, Папиніаномъ и ихъ комментаторами. Драгуны набожно помолились и заснули, составя вмѣстѣ четыре кресла; фон-Гармандъ находился въ нѣкоторомъ родѣ окаменѣлости; мнѣ приходили на мысль голубые глаза и бѣлокурые локоны молодой дѣвушки; фантастическая странность всего, происходившаго съ нами, препятствовала мнѣ заснуть. Ротмистръ,

какъ будто угадавъ мое смущеніе, началъ отрывисто рѣчь:

„Клянусь честью! я не вижу здѣсь ни зги, кромѣ того, что путешествіе наше очень не весело, что цѣлая недѣля усталости и скуки ни къ чему не привела насъ, что у меня разломило поясницу и что мой зятюшка можетъ, гдѣ ему угодно, чинить преступленіе двоеженства и многожества, какъ ему вздумается. Нѣтъ; я больше не мѣшаюсь въ этотъ вздоръ. Зима на дворѣ: насъ обокрадутъ или и вовсе уходятъ въ этой проклятой сторонѣ; одно остается тремъ моимъ лошадямъ, двумъ драгунамъ, вамъ и мнѣ: воротиться въ Ростокъ!“

— „Такъ воротимся!“

Едва я произнесъ сіи слова, какъ необыкновенная гармонія раздалась вокругъ насъ, словно повѣяла въ нашей комнатѣ и окружила насъ будто бы какою-то атмосферою простыхъ, но восхитительныхъ аккордовъ. Это былъ какой-то особенный родъ звуковъ, о которомъ никакой извѣстный инструментъ не можетъ подать идеи. Металлическое бряцаніе мѣднаго орудія смѣшивалось съ нѣжнымъ звукомъ флейты и заливною звонкостью скрыпки; драгуны, ко-

торые уже храпѣли, очнулись; и ротмистръ, который хотѣлъ повязать себѣ голову на ночь, выронилъ изъ рукъ Ост-Индскую тафту, посвящаемую сей важной цѣли. Я могъ бы уподобить эту гармонію бальзамическому, но раздражительному благоуханію, проливаемому извѣстными ароматическими цвѣтами.

Таинственный концертъ продолжался; и смятеніе ротмистра обнаруживалось грубыми восклицаніями, разногласившими съ мелодическою сладостью восхищавшихъ насъ звуковъ. Я взялъ свѣчу и обшарилъ всѣ углы комнаты, чтобъ открыть шкафъ или панель, за которою должно было скрываться изъясненіе этой тайны. Свѣчка выпала у меня изъ рукъ и погасла; но вскорѣ новое чудо поразило насъ новымъ изумленіемъ. Между двумя окнами висѣлъ портретъ какой-то старой дуэнны; мы прежде внимательно его разсматривали; облинявшая драпировка, увядшія розы, потускнѣй колоритъ портрета, доставили ротмистру матерію для нѣкоторыхъ весьма неснисходительныхъ замѣчаній. Вдругъ какое-то странное сіяніе озарило это старинное изображеніе: и, вмѣсто полуизглаженныхъ и мрачныхъ красокъ, вмѣсто пра-

дѣдовскаго костюма старухи, показались черты молодой прелестной женщины, коея красота и свѣжесть удивительно гармонировали съ чернымъ глянцемъ богатаго мѣховаго наряда. Внизу бюста весьма рѣзко отливала подпись, изъ черныхъ прописныхъ буквъ, состоявшая изъ слѣдующихъ словъ:

ШТЕЙНФОРТЪ ВЪ ЯКСМУНДЪ!

При семъ явленіи, ротмистръ чуть не опрокинулся навзничь. Фантасмагорія, которую мы видѣли, небесная музыка, восхищавшая нашъ слухъ, бесѣда старика и костюмъ его племянницы, все еще могли быть изъяснены изъ бѣлой магіи, невинной въ своихъ средствахъ. Но какъ сдѣлалась извѣстна цѣль нашего похода, имя бѣглеца, нами отыскиваемаго, и мѣсто, въ коемъ онъ находился? Неужели Штейнфортъ имѣетъ какое-нибудь тайное сношеніе съ обитателями этого очарованнаго жилища? Наше воображеніе терялось среди сихъ неразрѣшимыхъ таинствъ.

Яксмундъ есть старинный замокъ, коего руины находятся въ средоточіи острова Ругена, отдѣляемаго морскимъ рукавомъ отъ береговъ Помераніи. Вы не мог-

либъ выбрать лучшаго мѣста, еслибъ захотѣли устроить въ Германіи сцену для какого-нибудь фантастическаго романа. Ротмистръ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ первомъ мнѣніи о нашемъ странномъ хозяинѣ, представлявшемся ему подъ весьма сомнительными, каббалистическими, даже чуть не преисподними красками. Какъ бы то ни было, извѣщеніе, поданное фантасмагорическимъ портретомъ, было принято нами къ соображенію; и мы рѣшились, поутру съ ранней зарей, отправиться въ Яксмундъ.

Утро давно уже прошло и солнце сіяло во всей своей красѣ, когда мы проснулись, удивленные, что провели около восьми часовъ подъ свинцовымъ пологомъ самаго глубокаго сна, какой только можетъ овладѣть человѣкомъ. Толпа облаковъ, мчавщихся на западъ, блистала пурпуромъ и золотомъ. Мы посмотрѣли другъ на друга съ изумлѣніемъ; и я поспѣшилъ къ двери, чтобы видѣть, встали ли по крайней мѣрѣ наши хозяева. Эхо шаговъ моихъ раздавалось въ пустыхъ комнатахъ; сильфиды и колдуны изчезли; гарнизонъ очистилъ крѣпость безъ трубнаго звука и барабаннаго боя. Роскошный завтракъ, благородное

возмездіе за нѣсколько сокращенный наканунѣ ужинъ, стоялъ на столѣ. Ротмистръ съ своими оруженосцами прибѣжалъ на мой голосъ; завтракъ не замедлилъ изчезнуть; пиво, водка и вино лились ручьями; не одинъ тостъ опорожненъ былъ въ честь волшебника и его племянницы; и, когда побѣдоносное войско оставило уединенную пустыню, превосходный шнапсъ, приготовленный звѣздочетомъ, помирилъ трехъ честныхъ моихъ Германцевъ, стариннаго закала, со всею нечистою силою преисподней.

Любители живописной природы и готическихъ древностей! Ступайте въ Яксмундъ, но не забудьте вооружиться мужествомъ: и да изгонитъ разумъ вашъ идоловъ суевѣрія, какъ говаривалъ Канцлеръ де Веруламіо (Баконъ)! Я не знаю ничего прекраснѣе и величественнѣе этихъ руинъ, взгроможденныхъ вмѣстѣ и на предѣлахъ Германіи и на границѣ Среднихъ Вѣковъ. Между вами и Лапландіей, морской рукавъ разстилаетъ свои блѣдно-желтыя волны; два или три поколѣнія Вандальскихъ Королей спятъ подъ сими развалившимися аркадами; болѣе четверти мили покрыто обрушенными сводами, обломанными репьями, опрокинутыми

зубцами, ниспровергнутыми пилястрами; глубокіе гроты, обвалившіяся лѣстницы, теряющіяся во мрачныхъ подземельхъ, зіяютъ всюду. Тамъ башня, угрожающая паденіемъ; здѣсь исполинская колонна, достойная подпирать сводъ храма Одинова; далѣе огромный сводъ, едва поддерживаемый, на перевѣсѣ, обломками ветхой арки; наконецъ, эта громада камней подернута бархатнымъ ковромъ лишаевъ, пестрыхъ мховъ и всякаго чужеяднаго прозябенія. Все говорило намъ о временахъ давно забытыхъ, о трупахъ невѣдомыхъ, о запустѣніи и разрушеніи. Мы дивились украшеніямъ, въ кои природѣ угодно было облечь ихъ: пышныя и величественныя, но вмѣстѣ унылыя и грустныя, свидѣтельства вѣковаго опустѣнія сихъ развалинъ!

Мы ѣхали по морю: аппетитъ нашъ, возбужденный усталостью и утренней свѣжестью, напоминалъ намъ о себѣ весьма чувствительно; наступала ночь; прекрасный завтракъ волшебника былъ для насъ уже древнею исторіей. Какъ промыслить себѣ что-нибудь перекусить? Куда приклонить голову? Ни малѣйшаго человѣческаго слѣда не оказывалось на всей поверхности острова. Напрасно рыскали мы взадъ и

впередъ, вдоль и поперегъ: передъ нами разстилалась повсюду безбрежная пустыня камней, лабиринтъ кустарниковъ, мховъ и колоннадъ, варварскій храмъ, на фронтонѣ коего читалось крупными буквами: негостепріимность! Мракъ ночи становился часъ отчасу темнѣе и увеличивалъ для насъ болѣе и болѣе непроходимость дедала, въ который мы были заброшены. Къ довершенію нашего горя, ураганъ поднимался снова; сѣверовосточный вѣтръ шумѣлъ въ разсѣлинахъ, свисталъ въ кустарникахъ, отрывалъ, то тамъ, то здѣсь, ветхіе, подточенные временемъ, каменья; трепалъ недорослыя деревья и зачаверѣлыя листья, выбравшія своимъ мѣстопребываніемъ сіе ужасное убѣжище, воздымалъ порыжѣлыя волны отдаленнаго океана и, наполняя атмосферу печальнымъ завываньемъ, леденилъ наши изнуренные члены. Отчаяніе не могло бъ найти себѣ приличнѣйшаго святилища, какъ эти гигантскія руины, невѣдомыя Европѣ, небрегомыя путешественниками, находящіяся въ климатѣ, рѣдко посѣщаемомъ и такъ мало благопріятствуемомъ неласковою природою.

Въ крайнихъ обстоятельствахъ, тѣ, кои имѣютъ несчастіе быть господами,

узнаютъ тайну, которая рѣдко бываетъ имъ извѣстна: именно презрѣніе, питаемое къ нимъ слугами. Наши драгуны, увѣренные, что офицеры ихъ ничего не могутъ для нихъ сдѣлать, бросили насъ и отправились въ походъ сами по себѣ. Два или три сильные удара молоткомъ, послышившіеся вскорѣ, извѣстили насъ, что ихъ поиски были удачнѣе. Бѣдная лачуга, полу-сокрытая и почти погребенная подъ развалинами, ускользнула отъ нашихъ взоровъ: драгуны нашли ее и осадили. Они увидѣли внутри ея свѣтъ; это было единственное извѣстіе, которое они могли намъ сообщить. Свѣтъ этотъ изчезъ, и никто не отвѣчалъ на просьбы, крики и воззванія блуждающихъ странниковъ. Этотъ бѣглый свѣтъ, промелькнувшій и изчезнувшій такъ быстро во мракѣ, былъ ли бродящій огонекъ или просто лампа, происходилъ изъ подъ земли или сверкнулъ изъ подъ волосъ блудящаго привидѣнія: для насъ было все равно. Мы начинали примиряться съ очарованіями магіи и съ чудесами того свѣта. Ночевать подъ открытымъ небомъ намъ не хотѣлось; и еслибы самъ сатана отворилъ намъ свои владѣнія, мы и туда готовы были ворваться.

Раздраженные упорнымъ молчаніемъ, которое хранили обитатели хижины, мы начали бомбардировать ее каменьями; но нашъ бѣглый холодный огонь не производилъ никакого дѣйствія; и фон-Гармандъ, наученный опытомъ прошедшей ночи, рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, которое гусары любятъ употреблять въ своихъ экспедиціяхъ и которое избавляетъ ихъ отъ труда носить съ собою связку ключей. Пистолетный выстрѣлъ въ замо́къ раздробилъ его; но дверь не отворялась.

Вскорѣ огромный камень, оборачивавшійся и служившій ставнемъ окну, котораго мы не замѣтили, отодвинулся и далъ проходъ безобразной головѣ, покрытой щетинистою шерстью и гораздо болѣе похожей на рыло Сибирскаго медвѣдя, чѣмъ на человѣческую голову. Осаждающіе вскричали вдругъ, всѣ четверо:

„Отворите, дайте намъ ужинъ, постели и огонь, мы заплатимъ все, что̀ угодно. Ну! отворяйтежъ скорѣе!“

— „Отворяйте! Да я не хочу!“ отвѣчалъ пронзительный, нестройный голосъ.

„Ты не хочешь“ — вскричалъ фон-Гармандъ, въ ужасной ярости — „ты не хочешь! Такъ мы тебя заставимъ захотѣть! Чортъ возьми! ты не хочешь! Мы запалимъ твою берлогу и изжаримъ тебя живаго. Что̀ тебѣ больше нравится: риксдалеры или эта церемонія? Ну! говори!“

— „Я не хочу! Вотъ и все! Убейте меня, если это вамъ нравится и — если можете!“

„Полно, полно, добрый человѣкъ!“ началъ опять ротмистръ, перемѣнивъ тонъ и переходя отъ угрозъ къ ласкѣ: „не заставляй насъ мерзнуть въ такое проклятое время. Риксдалеръ съ человѣка: и мы ничего не требуемъ, кромѣ вязанки соломы. Соглашаешься, что ли?“

— „Домъ мой не трактиръ.“

„Ахъ! бездѣльникъ! бери десять риксдалеровъ и отворяй!“

— „Чтобы искусить меня, дьяволъ долженъ бы принять видъ попріятнѣе и голосъ понѣжнѣе и поласковѣе, чѣмъ у стараго гусара. Ротмистръ фон-Гармандъ! я плюю на твои риксдалеры и на всѣхъ васъ!“

О! такое ругательство было уже слишкомъ! Притомъ изумленіе наше было

неописанно, театрально въ своемъ выраженіи! Житель развалинъ Яксмунда зналъ и называлъ ротмистра по имени!!!

„На воздухъ эту берлогу!“ вскричалъ сей послѣдній.

„На воздухъ!“ перервали драгуны.

„На минутку!“ перервалъ я.

Церберъ этихъ руинъ все еще былъ у окна; и его, обросшая волосами, рожа, рисуясь въ рамахъ неправильнаго отверстія, казалось, внимательно наблюдала всѣ движенія непріятельской арміи.

„Если ты столько скроменъ и честенъ на серебро,“ сказалъ я ему, „то возьми золота. Что̀ тебѣ надобно за ночь?“

— „Золота! Да я не хочу. Худая нажива не въ пользу. А вы смотрите! У насъ недавно, въ одинъ разъ, повѣсили шесть господъ съ большой дороги, также хорошо убранныхъ и снаряженныхъ, какъ ваша милость!“

Бездѣльникъ поклялся вывесть меня изъ терпѣнія.

„Негодяй!“ вскричалъ я: „такъ ты считаешь насъ за воровъ? Мы настоящіе дворяне, военные люди, и требуемъ у тебя ночлега!“

— „Я самъ дворянинъ,“ отвѣчалъ онъ, „самъ военной и не хочу дать вамъ ночлега.“

Сіи слова и громкій смѣхъ положили конецъ переговорамъ. Тогда драгуны, видя безполезностъ всѣхъ мѣръ, принялись собирать между развалинами сухой хворостъ и листья. Они склали ихъ въ костеръ передъ дверью и зажгли. Едва огонь зашуршалъ въ хворостѣ и коснулся негостепріимной двери, какъ внутри раздались болѣзненные вопли, плачь и шумъ смущенныхъ голосовъ. Еслибъ комендантъ этого вертепа не отворилъ снова окна для капитуляціи, то крѣпость, черезъ четверть часа, обратилась бы въ груду пепла.

За дверью этой презрѣнной лачуги скрывались комнаты, нѣкогда достойныя принцовъ и королей, теперь разрушенныя, но все еще величественныя. Толстые запоры и цѣпи замыкали большую часть двери; и, въ прахѣ обломковъ, тамъ и здѣсь, среди мховъ, освѣщаемыхъ факеломъ нашего вожатаго, виднѣлись: то статуя рыцаря, валявшаяся по землѣ, то обломокъ гробницы, то кусокъ готической мебели, послѣдній остатокъ великолѣпія, изъѣденнаго вѣками. Напрасно осыпали мы вопро-

сами нашего чичероне; онъ не отвѣчалъ ни на одинъ. Мы оставили за собой не одну острокруглую дверь, не одну четвероугольную залу, убранную своими древними сѣдалищами изъ чернаго дуба; и сіяніе, разливаемое смолянымъ факеломъ, представляло намъ вдали еще длинный рядъ обвалившихся галлерей и обрушенныхъ сводовъ, какъ настоящій владѣлецъ сихъ руинъ остановился посреди одной обширной конюшни, которой достало бы на цѣлый кавалерійскій полкъ, и далъ намъ знакъ привязать лошадей нашихъ къ рѣшеткамъ яслей.

„Я надѣюсь,“ сказалъ ему фон-Гармандъ, „что ты не откажешься взять эти два фридрихсдора и дашь намъ поужинать.“

— „Оставьте у себя ваши деньги“ — отвѣчалъ грубіянъ: „онѣ здѣсь безполезны. Я васъ принимаю не хотя. Вы у меня просили ночлега и я вамъ даю его: не ждите ничего больше.“

Онъ тряхнулъ своимъ факеломъ и поглядѣлъ намъ въ лица.

— „Однако“ — продолжалъ онъ — „такъ какъ вы старые солдаты и я вижу въ васъ товарищей, то вотъ все, что̀ могу я сдѣлать въ вашу пользу. Совѣтую вамъ, ра-

ди вашего блага, молчать здѣсь. Васъ пятеро, всѣ вы вооружены и, какъ видно, не расположены ни кому уступить ни шагу: это я знаю все. Но," прибавилъ онъ, понижая голосъ, „еслибъ васъ было здѣсь и пятьдесятъ человѣкъ, то нашлось бы, съ кѣмъ поговорить!"

Мы посмотрѣли на этого полу-разбойника и полу-нищаго, который говорилъ съ нами такимъ страннымъ языкомъ, и едва не захохотали ему въ рожу. Что̀ касается до него, сердитый и важный, онъ провелъ насъ еще по двумъ или тремъ корридорамъ, черезъ полдюжины или болѣе пещеръ. По глухому и непрерывному колыханью, слышавшемуся надъ нашими головами, можнобъ было счесть ихъ подводными пещерами, такъ блистательно описанными Сутеемъ, въ *Проклятіи Кегамы*. Дошедши наконецъ до одной тяжелой мѣдной двери, онъ толкнулъ ее, указалъ *пріемную залу*, гдѣ мы должны были провести ночь, и обернулъ къ намъ тылъ.

Вообразите себѣ старинную моленную, нѣсколько скамеекъ, сосновый столъ по срединѣ, развалившійся жертвенникъ и каминъ безъ огня, котораго одно жерло могло бы доставить прекрасное помѣщеніе для

ночлега пяти путешественникамъ. Въ этомъ погребѣ было ужасно холодно. Возгласы разъяреннаго ротмистра, проклятія драгуновъ, мои крики, мѣшавшіеся съ ихъ воплями, раздавались въ отдаленныхъ пещерахъ, но не могли вызвать обратно нашего вожатаго, который впрочемъ имѣлъ основательныя причины не сдаваться на наши просьбы; ибо мы задушили бы его, какъ скоро онъ попалсябъ къ намъ въ руки. Утомленные безуспѣшностью нашихъ криковъ, мы принялись обыскивать эти запустѣлыя развалины; надобно было тащиться кое-какъ, полозть, карабкаться подъ сводами, безпрестанно спотыкаясь на обломки каменьевъ и опрокидывая другъ друга. Въ заключеніе всѣхъ этихъ трудныхъ поисковъ, мы не нашли ничего, кромѣ ратовища стараго копья, ножень кинжала, и нѣсколькихъ щепъ гнилой деревянной обшивки. Сваливъ этотъ мусоръ въ каминъ, мы развели небольшой огонь, который нѣсколько обогрѣлъ насъ; потомъ сѣли на одной изъ скамеекъ нашего убѣжища и предались размышленіямъ, нѣсколько менѣе грустнымъ.

Какой чортъ могъ жить въ такомъ запустѣніи? Отшельникъ, самый страстный къ уединенной жизни, умеръ бы здѣсь со

скуки; община Трапистовъ растерялась бы въ этихъ обширныхъ залахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы находились теперь въ самомъ за́мкѣ; лачуга крестьянина сообщалась подземными ходами съ чертогами, въ коихъ обитали нѣкогда Принцы и Короли Скандинавскіе. Лучи мѣсяца падали блѣдными волнами сквозь длинныя и узкія окна моленной, обрисовывая серебрянные фестоны вокругъ готическихъ щитовъ, странныхъ изваяній и уродливыхъ харь, коими топырщились стѣны залы. Тускло-брезжущій огонекъ въ каминѣ и палевое мерцаніе ночнаго свѣтила воззывали сіи живописные образы минувшаго и сообщали имъ движимую, фантастическую жизнь. Не смотря на мою усталость, я не могъ спать и смотрѣлъ завистливо на драгуновъ, кои, растянувшись на мокрой землѣ и всхрапывая, подобно басовымъ трубамъ органовъ, спали глубокимъ сномъ, какъ судья послѣ пяти часовъ аудіенціи или какъ Англійскій уэтчманъ въ своей караулкѣ. Глаза фон-Гарманда были устремлены на меня съ выраженіемъ пытливаго изумленія и таинственной торжественности, весьма извинительныхъ послѣ столь странныхъ приключеній. Гусаръ, какъ я уже говорилъ чи-

тателямъ, есть существо самое легковѣрное въ свѣтѣ; хотя и солдатъ, онъ часто бываетъ отшельникомъ; его ставятъ при подошвѣ пустынной горы, на опушкѣ какого-нибудь дремучаго бора; онъ терпитъ голодъ и холодъ; приказъ запрещаетъ ему спать; полу-пьяный, полу-голодный, чѣмъ онъ лучше можетъ убить время, какъ не скитаніемъ по воздушному міру чудесъ и волхвованій? Фон-Гармандъ, настоящій гусаръ и честный Нѣмецъ, никогда и не думалъ сомнѣваться въ исторической истинѣ произшествій, коими *Тысяча и Одна Ночь* занимаютъ своихъ читателей; и Радклифскія чудеса, совершавшіяся надъ нами, ему казались естественнымъ осуществленіемъ дивныхъ сказаній, въ кои онъ всегда отъ души вѣровалъ.

Вмѣстѣ съ нимъ мы перебрали всѣ наши приключенія: воздушная музыка, слышанная наканунѣ, молодая сильфида съ длинными свѣтлорусыми локонами, вкусный ужинъ и завтракъ, который она намъ приготовила: все было вспомянуто.

— „Нашъ вчерашній ночлегъ былъ получше,“ сказалъ я фон-Гарманду. „По крайней мѣрѣ, хотя бъ послушать, для препровожденія времени, того мелодическаго

концерта, который такъ очаровалъ насъ прошедшею ночью!"

Едва я вымолвилъ сіи слова, едва обнаружилъ это желаніе, какъ именно тѣ самые звуки, кои, за двадцать четыре часа, услаждали нашъ слухъ, раздались снова. Мы вскочили: это было уже слишкомъ! Непостижимыя таинства, коими наполнены были сіи мѣста, возбудили въ насъ такое любопытство, что, покинувъ обоихъ спящихъ, мы начали новые, болѣе внимательные и строгіе, поиски, въ безпокойномъ убѣжищѣ, которое принуждены были занимать. Обшаривъ всѣ углы комнаты, фон-Гармандъ прислонился отдохнуть къ стѣнѣ, возлѣ большаго камина, о которомъ я говорилъ. Я находился на противоположномъ краю комнаты, какъ вдругъ услышалъ крикъ: оборачиваюсь — ротмистръ исчезъ!

Вѣроломная стѣна, вмѣсто того чтобъ поддержать фон-Гарманда, обломилась подъ его тяжестью; и ротмистръ, опрокинувшись навзничь, застучалъ головой и плечами по ступенямъ подземной лѣстницы Я бросился за нимъ въ слѣдъ, чтобъ подать ему помощь. Онъ былъ уже на ногахъ: сильнымъ ударомъ ноги, сопровождаемымъ не менѣе энергическими возгласами красно-

рѣчія, которое считаю излишнимъ передавать читателямъ, онѣ прошибъ дверь, находившуюся внизу лѣстницы. Я за нимъ: сцена перемѣнилась.

Зала, въ которой мы очутились, освѣщенная пятидесятью жирандолями, была обширна, продолговата, странно убрана и наполнена мебелью, коей свѣжесть и красивая отдѣлка удивительно противорѣчили съ мрачными пещерами, изъ коихъ мы вышли. По срединѣ ея стоялъ длинный овальный столъ, обремененный драгоцѣннымъ серебромъ и превосходно изготовленнымъ кушаньемъ. Драпировка въ старинномъ вкусѣ, но блиставшая колоритомъ и свѣжестью, висѣла по окнамъ и стѣнамъ; богатство и красота отдѣлки напоминали великолѣпное искусство, коимъ Фландрія славилась въ тринадцатомъ столѣтіи; живость красокъ сохранилась во всей своей чистотѣ. Хрусталь, окружавшій свѣчи, увеличивалъ ихъ яркость; и лучи, проливаемые симъ свѣтозарнымъ созвѣздіемъ, падали на шлемы Тевтоническихъ витязей, на Оттоманскіе трофеи, на изваянія святыхъ, коихъ живописная ветхость сообщала новое очарованіе сему истинно волшебному мѣсту. Готическія кресла стояли вокругъ стола; на спинкѣ

каждаго изъ нихъ висѣла Тевтоническая шпага, съ обоюдуострымъ лезвеемъ, въ ножнахъ изъ вороненой стали.

Пусть читатель хотя на минуту вообразитъ себя на нашемъ мѣстѣ; пусть полюбуется этимъ величественнымъ и одинокимъ зрѣлищемъ, этимъ столомъ безъ собесѣдниковъ, этимъ праздникомъ безъ гостей; и пусть спроситъ самъ у себя, не должны ли были сіи чудеса, скопившіяся такъ внезапно, поразить ужасомъ самаго невѣрнаго вольнодумца!

Лице ротмистра весьма значительно вытянулось. Онъ сѣлъ, весь блѣдный и почти трепещущій. Я откупорилъ одну бутылку и въ двѣ серебряныя чаши, дорогой работы, съ отличною рѣзьбой, налилъ жидкости, которая въ ней содержалась: это было превосходное Іоаннисбергское вино. Первое возліяніе придало намъ смѣлости; и мы начали поднимать поочередно розовые колпаки, коими прикрывались блюда съ кушаньемъ; семга, пеструшка, отличная дичь, представились нашимъ взорамъ. „Тѣни прадѣдовъ!“ вскричалъ я въ энтузіазмѣ: „примите нашу благодарность! Ваше гостепріимство достойно вашей славы. Погреба ваши дѣлаютъ вамъ честь, кухня прево-

сходна; и ротмистръ фон-Германдъ вмѣстѣ со мною возноситъ къ вамъ свои благодаренія.“

Въ самомъ дѣлѣ, ротмистръ немного оправился и, искушенный благовоннымъ паромъ роскошнаго стола, занялъ мѣсто президента, развалился на фіолетовомъ бархатѣ, коимъ оно было покрыто, и началъ оказывать всевозможныя почести приготовленному празднику. Іоаннисбергское возымѣло свое дѣйствіе; его кроткая теплота переливалась въ наши жилы и мы начали привыкать къ своему странному положенію. Полные хозяева этихъ волшебныхъ чертоговъ, мы объявили смертную войну богатымъ гастрономическимъ препаратамъ, нами завоеваннымъ. Три бутылки были уже пусты; и, я думаю, мы безтрепетно могли бы выдержать тогда нападеніе всѣхъ Паладиновъ, Курфирстовъ и Феодальныхъ Бароновъ, кои давили собою міръ прежде и послѣ Карла Великаго. Мы принимались за четвертую бутылку; уже дерзновенная рука моя касалась серебрянной шишечки, служившей пробкою, какъ вдали раздался голосъ:

„Штейнфортъ!

Я призналъ тотчасъ нѣжные звуки вчерашней сильфиды и вскочилъ. Фон-Гармандъ, не столь романическій, какъ я, посылалъ ко всѣмъ чертямъ дорогаго зятя, коего имя помутило нашъ таинственный и питательный ужинъ. Между тѣмъ голосъ, по видимому, бѣжалъ и терялся подъ аркадами мрачнаго свода. Я оставилъ ротмистра въ смущеніи; и, не покидая чаши, въ которой трепетали еще остатки Іоаннисбергскаго, пустился въ погоню за сильфидой. Легкое упоеніе начинало овладѣвать мною; и эта молодая дѣвушка представлялась воображенію моему такъ прекрасною, такъ плѣнительною, такъ достойною занимать мѣсто въ числѣ сверхъестественныхъ существъ, кои творитъ поэзія и отвергаетъ разумъ; обстоятельства, сопровождавшія ея внезапное появленіе, окружали ее такимъ волшебнымъ очарованіемъ, что я пустился бы на всѣ адскія силы, чтобъ достигнуть до ней. Слабый свѣтъ сверкалъ и двигался въ глубинѣ коридора, которымъ я шелъ; чѣмъ далѣе я проникалъ, тѣмъ болѣе онъ удалялся отъ меня. Я ускорилъ шаги и споткнулся на камень, что̀ заставило меня упасть. Когда я хотѣлъ встать, силь-

ныя руки обхватили меня; мнѣ накинули на ротъ платокъ, скрутили веревкой руки и бросили меня въ мрачную комнату, коей тяжелая дверь заперлась за мной. Признаюсь, я былъ не очень приготовленъ къ такой катастрофѣ и обвинялъ въ жестокости, даже въ вѣроломствѣ, ангела или демона, меня прельстившаго. Мысли мои были смутны и печальны; я упрекалъ горько свою охоту къ приключеніямъ, понесшую меня такъ опрометчиво по слѣдамъ неизвѣстнаго бродяги и теперь подвергавшую опасности, провесть остатокъ дней моихъ въ одной изъ башенъ острова Ругена или умереть съ голоду въ одномъ изъ безчисленныхъ подземельевъ Яксмунда. Соображая всѣ отрывочные документы изъ воспоминанія обоихъ послѣднихъ дней, я не могъ придумать другаго изъясненія такому странному сцѣпленію необычайныхъ приключеній, какъ, что шайка хитрыхъ разбойниковъ владычествовала въ сихъ развалинахъ и Штейнфортъ принадлежалъ къ ней.

Въ ожиданіи, пока новый свѣтъ разсѣетъ сколько-нибудь сей мракъ таинствъ, я принялъ единственное рѣшеніе, приличное моему положенію, безусловно поко-

риться моей судьбѣ. Принужденный къ молчанію и недвижимости, я собралъ все свое мужество и старался убѣдить себя, что, если кусокъ свинца, брошенный селитрянымъ взрывомъ, долженъ былъ положить предѣлъ моей жизни, то все равно, чьей бы рукой ни былъ онъ пущенъ, солдата или разбойника. Это было единственное ободреніе, которое почерпалъ я въ своей философіи. Вдругъ, посреди мрака, царствовавшаго въ моей темницѣ, блеснулъ какой-то странный свѣтъ; проскользнувъ по стѣнѣ, онъ остановился на карнизѣ, въ верху моей тюрьмы. Вскорѣ, свѣтъ сей распространился, усилился и занялъ все пространство большаго стариннаго зеркала, которое тамъ висѣло. Положеніе этого зеркала было необыкновенное; оно было косвенное, но не наклоненное къ сторонѣ зрителя, а словно запрокинутое въ глубь стѣны, такъ что нижній край его выдавался впередъ, а верхній откидывался назадъ, какъ будто для того, чтобъ на поверхности его отражался потолокъ. Я устремилъ глаза на это зеркало, которое вскорѣ наполнилось множествомъ движущихся фигуръ. Удивленнымъ взорамъ моимъ представилось собраніе су-

дей, засѣдающихъ кругомъ, на креслахъ, обитыхъ бархатомъ. Они одѣты были въ мантіяхъ, подбитыхъ дорогими мѣхами; шляпы, опущенныя на лица, закрывали совершенно ихъ черты; остальная часть ихъ наряда принадлежала къ временамъ феодальнымъ. Ни малѣйшаго шороха не доходило до моего слуха; но я могъ различать всѣ движенія собранія. Поочередно ораторы вставали, говорили, размахивали руками; слушатели потрясали своими саблями, вставали и опять садились мятежно. Это было преинтересное зрѣлище и для меня тѣмъ болѣе поразительное, что я видѣлъ въ немъ неразрѣшимую загадку.

Прислоняся къ стѣнѣ, я разсматривалъ на досугѣ эту любопытную картину. Но съ какимъ ужасомъ увидѣлъ я фон-Гарманда, моего достопочтеннаго ротмистра, привлеченнаго предъ судилище пол-дюжиной замаскированныхъ людей, закованныхъ въ сталь съ ногъ до головы, вооруженныхъ пистолетами и саблями! Я не зналъ ни преступленія, въ которомъ его обвиняли, ни судей, которые его судили; но не сомнѣвался, что онъ находился въ крайней опасности; и такъ какъ онъ не былъ большимъ ораторомъ, притомъ же странное

и непредвидѣнное положеніе, въ коемъ онъ видѣлъ себя, должно было отнять у него послѣднее хладнокровіе, полученное имъ не въ большомъ изобиліи отъ природы, то я трепеталъ за него. Одинъ молодой человѣкъ прекрасной наружности началъ говорить; мнѣ казалось, что онъ защищалъ узника весьма сильно. Тогда произошло неизъяснимое смятеніе; судьи, приставшіе къ мнѣнію молодаго покровителя фон-Гарманда, столпились вокругъ него; противники ихъ выстроились предъ ними и свернулись въ тѣсно сжатую колонну. Мечи засверкали: они бросились другъ на друга, сшиблись, и закипѣла ужасная битва.

Между тѣмъ я не могъ полетѣть на помощь моему другу, ни даже сдѣлать малѣйшаго движенія. Тщетно силился я выбиться изъ тяжелыхъ оковъ, меня обременявшихъ. Битва сдѣлалась кровопролитною; самъ президентъ, вмѣсто того, чтобъ возстановить порядокъ, съ остервененіемъ раздавалъ сабельные удары своимъ противникамъ. Одинъ изъ нихъ, получивъ отъ президента рану, обрушилъ на него свое обоюдуострое лезвее, отъ котораго сей послѣдній успѣлъ однако отвернуться, такъ что, вмѣсто головы,

какъ я ожидалъ, слетѣла съ него мѣховая шапка, скрывавшая его лицо, и обнажила всю его физіономію.

Это былъ нашъ вчерашній хозяинъ, звѣздочетъ, дядя молодой прелестной дѣвушки, ревнитель ученія Сведенборгова!

Тогда зеркало померкло. Я остался въ прежней темнотѣ; и вскорѣ тѣже самыя руки, которыя меня связали, снова овладѣли мной, завязали мнѣ ротъ, потащили меня изъ подземелья въ подземелье, изъ коридора въ коридоръ, до одного мѣста, гдѣ развязали, давъ совѣтъ: если дорога́ мнѣ жизнь, хранить глубокое молчаніе о всѣхъ произшествіяхъ сей ночи. Начинало свѣтать; лошадь моя стояла, привязанная къ столбу; что̀ касается до ротмистра и обоихъ драгуновъ, они пропали всѣ трое; я обошелъ вокругъ развалинъ; распрашивалъ рыбака, который попался мнѣ на встрѣчу; но онъ не могъ подать мнѣ никакого свѣденія. Что̀ дѣлать? Куда дѣваться? Какъ воротиться въ Ростокъ? Что̀ скажу я сестрѣ фон-Гарманда? Какъ дать отчетъ о приключеніяхъ столь неимовѣрныхъ? Какъ осмѣлиться отворить ротъ, не подвергаясь опасности показаться сумасшедшимъ?

Наконецъ, послѣ тысячи поисковъ, обскакавъ всѣ развалины порознь, распугавъ стаи баклановъ и чаекъ, которыя кружились у меня надъ головой, какъ будто смѣяся моимъ поискамъ, я нашелъ кое-какъ сострадательную душу, которая промыслила мнѣ средства переѣхать на берега Помераніи. Тогда я отправился медленно въ Ростокъ; но, прежде нежели въѣхалъ въ городъ, остановился въ маленькомъ трактирѣ, гдѣ пробылъ до вечера, не умѣя рѣшиться ни на что. Наконецъ убѣдившись, что долгъ предписываетъ мнѣ не оставлять ротмистрова семейства въ пагубномъ невѣденіи, я въѣхалъ въ городъ.

Домъ фон-Гарманда былъ ярко освѣщенъ; въ немъ давался великолѣпный балъ. Я не могъ не подумать про себя, что вдова слишкомъ поспѣшила воспользоваться своимъ сиротствомъ. Но едва вошелъ я въ домъ, какъ фон-Гармандъ бросился меня обнимать. Его жена, сестра и мужъ сей послѣдней находились въ залѣ.

— „Ни слова“ — сказалъ мнѣ Фон-Гармандъ, оттащивъ меня въ углубленіе окна — „ни слова о томъ, что̀ было въ Яксмундѣ!“

Я переходилъ отъ изумленія къ изумленію.

Есть ли что непріятнѣе въ свѣтѣ, какъ тайна, въ которую не можемъ мы проникнуть и которая противится нашимъ усиліямъ? Посему расположеніе моего духа было самое вздорное, сварливое и нетерпѣливое; и, мнѣ кажется, я оставилъ бы тотчасъ фон-Гарманда и его балъ, еслибъ новое видѣніе не удержало меня. Сильфида моя была здѣсь же; я вальсировалъ съ ней и узналъ, что она была родная сестра Штейнфорту, зятю фон-Гарманда. Это ничего еще мнѣ не объяснило; я старался припомнить ей о Померанской ночи и о Небесномъ Градѣ Сведенборга. Она покраснѣла, положила палецъ на губы, и прелестная улыбка была единственнымъ ея отвѣтомъ.

Черезъ мѣсяцъ я былъ женатъ. Еще черезъ одиннадцать мѣсяцовъ, Магдалина Штейнфортъ, сдѣлавшись моей женой, подарила мнѣ дочку, такуюже миленькую и хорошенькую, какъ сама; но я все еще не зналъ ничего; и ночь въ замкѣ Яксмундѣ оставалась для меня непроницаемымъ таинствомъ. . . .

„Ну!“ сказала мнѣ однажды Магдалина, подавая листокъ газетъ: „ты вѣрно забылъ уже о ночи на островѣ Ругенѣ и о Померанской сильфидѣ?“

— „Совсѣмъ нѣтъ, душа моя! Но твое упорное молчаніе меня побѣдило; я привыкъ наконецъ къ этому таинству и не думаю болѣе приподнимать покрывала, которое рука твоя отказалась разорвать.“

„Прочти же этотъ листокъ!“

Я началъ читать:

„Правительство даруетъ полное и совершенное прощеніе Георгу Вальштейну, „Фридриху Штейнфорту и другимъ десяти господамъ“ (списокъ ихъ былъ приложенъ) — „обвиненнымъ въ участіи въ масонскихъ сообществахъ, клонящихся къ ниспроверженію властей и распространенію „возмутительныхъ началъ.“

— „Какоежъ отношеніе можетъ быть между этимъ обстоятельствомъ и странными приключеніями Якемунда и Ругена?“

„Я все раскажу тебѣ, другъ мой!“

„Дядя мой, Фридрихъ Штейнфортъ, этотъ необыкновенный старикъ, владѣлецъ уединеннаго домика въ Помераніи, гдѣ вы привели ночь, съ ранней молодости предался самымъ отвлеченнымъ наукамъ, наи-

болѣе способнымъ разстроить всякую здоровую голову. Ученикъ Германскихъ иллюминатовъ, пріобщенный ко всѣмъ ихъ сектамъ, энтузіастъ новыхъ идей, онъ сдѣлался, если не начальникомъ ихъ, то по крайней мѣрѣ, дѣятельнѣйшимъ орудіемъ самаго сильнаго изъ ихъ сообществъ, къ коему принадлежало множество Прусскихъ офицеровъ, Италіянцевъ знаменитыхъ фамилій и всякаго рода изступленной молодежи. Братъ мой Штейнфортъ также былъ его членомъ. Руины Яксмунда, мѣсто уединенное и неизвѣстное, представляли симъ заговорщикамъ-поэтамъ святилище, самое благопріятное для ихъ героическихъ бредней и замысловъ, болѣе сумазбродныхъ, чѣмъ опасныхъ. Тамъ они сбирались и принимали вновь посвящаемыхъ посреди мистической и воинственной пышности, способной раздражать и питать энтузіазмъ адептовъ. Братъ мой, пылкой, молодой мечтатель, взялся объѣхать Германію для распространенія началъ общества. Въ Ростокѣ, онъ увидѣлъ сестру твоего друга, забылъ свои обѣты и женился; но, вызванный повелѣніемъ Тайнаго Совѣта, засѣдавшаго въ Яксмундѣ, онъ долженъ былъ внезапно покинуть свою супругу. Я жила тогда съ

дядею, котораго напрасно усиливалась оторвать отъ его видѣній и который соединялъ, съ наклонностію къ астрологіи, алхиміи и тайнымъ обществамъ, дѣйствительныя, весьма глубокія, свѣденія въ химіи и физикѣ. Такъ какъ я находилась въ сношеніяхъ съ Ростокомъ, то была заранѣе предувѣдомлена о вашемъ отбытіи; и чтобъ впустить васъ въ наше убѣжище, чтобъ увѣдомить о мѣстѣ, гдѣ находился предметъ вашихъ поисковъ, мнѣ надлежало не только преодолѣть упорное сопротивленіе моего дяди, но и, съ нѣкоторою хитростію, употребить средства, кои доставлялъ мнѣ его физическій кабинетъ."

— „Но этотъ лучезарный портретъ?"

„Просто, волшебный фонарь."

— „А небесная музыка?"

„Фицгармоника, инструментъ изобрѣтенный въ Вѣнѣ, который дядя мой, страстный до подобныхъ изобрѣтеній, досталъ себѣ."

— „Но изъясниже мнѣ, любезная Магдалина, шумъ голосовъ, слышанный при нашемъ прибытіи, глубокое безмолвіе дома, когда мы вошли, нашъ летаргическій сонъ, и ваше непонятное исчезновеніе!"

„Штейнфортъ и нѣкоторые изъ его друзей сидѣли у насъ за столомъ въ то время, какъ вы явились; потаенная перегородка скрыла отъ вашихъ глазъ ихъ ужинъ и присутствіе. Что̀ касается до вашего сна, то усталость была для васъ довольно сильнымъ наркотическимъ средствомъ; между тѣмъ, задолго до вашего пробужденія, дядя, Штейнфортъ и я, отправились въ Яксмундъ, гдѣ, я надѣялась, вліяніе моего брата дастъ вамъ доступъ къ членамъ общества. Этого не сдѣлалось. Отсылая васъ въ Яксмундъ, я невольно подвергала опасности вашу жизнь; это неосторожность, которой я никогда не могу себѣ простить."

— „Какъ! Что̀ это значитъ?"

„Члены Яксмундскаго общества ожидали въ этотъ день новаго адепта. Все было устроено для его торжественнаго посвященія. Вы видѣли великолѣпный пиръ и воспользовались имъ, какъ слѣдуетъ. Фон-Гарманда сочли за шпіона. Въ этомъ качествѣ, его привели предъ судилище, которое конечно сдѣлалось бы виновнымъ въ смертоубійствѣ, еслибъ братъ мой не принялъ его подъ свою защиту?"

— „Но моя тюрьма, это зеркало!" . .

„Яксмундъ долгое время былъ святилищемъ знаменитаго въ старину Тайнаго Судилища: все въ немъ устроено для волшебныхъ призраковъ, для фантасмагорическихъ видѣній. Отверстіе, внизу судилищной залы, соотвѣтствовало точь въ точь зеркалу, коего косвенное положеніе должно было поразить тебя. Я не знаю, какою кровавою сценою окончилась сцена, произведенная вашимъ прибытіемъ. Сторожъ развалинъ увѣдомилъ собраніе, что въ виду Яксмунда показался корабль. Свѣтъ былъ погашенъ въ минуту; и всѣ разошлись. Съ того времени, главные начальники секты оставили Яксмундъ; и правительство, которое для формы и примѣра, наказало моего дядю и брата довольно значительнымъ штрафомъ, теперь, какъ ты видишь, въ силу даннаго предварительно обѣщанія, объявило прощеніе всѣмъ этимъ мелодрамматическимъ заговорамъ, такъ обыкновеннымъ въ Германіи, всѣмъ дѣтскимъ поэтическимъ замысламъ, кои можно встрѣтить только въ этой землѣ мечтаній, поэзіи и мистицизма!“ . .

(Blackwood's Magazine).

IV.

ЛОНДОНЪ.

ИЗЪ

ДОРОЖНЫХЪ КАРТИНЪ

Г. ГЕЙНЕ а).

— Я видѣлъ зрѣлище, замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ, кои могутъ представиться изумленному духу: я видѣлъ его, и волненіе мое еще продолжается. Въ моей мысли неизгладимо живетъ этотъ

а) Отрывокъ сей заимствуется изъ *Дорожныхъ Картинъ* (Reisebilder) *Генриха Гейне*, изданныхъ въ 1828 году. *Гейне* принадлежитъ къ числу современныхъ любимцевъ Германской публики. Онъ извѣстенъ, какъ поэтъ, многими лирическими и драматическими поэмами высокаго достоинства. . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Что касается до ихъ собственно художественнаго характера, то онѣ отличаются какимъ-то особенно ѣдкимъ юморизмомъ, который, по извѣстному неумѣнью Германцевъ пошутить, превращается иногда въ тяжелый, оскорбительный цинизмъ, враждующій не только со вкусомъ, но и съ приличіемъ. Университетская молодежь боготворитъ *Гейне*; но тѣ, кои поздравомысленнѣе и постепеннѣе, упрекаютъ его, и не безъ основанія, въ чрезмѣрной галломаніи. Предлагаемый здѣсь отрывокъ пусть послужитъ даннымъ для нашей читающей и мыслящей публики! *Изд.*

дремучій лѣсъ зданій, между коими низвергается стремительный потокъ человѣческихъ фигуръ, запечатлѣнныхъ всею пестротою разнообразныхъ страстей, волнуемыхъ любовью, голодомъ и ненавистью... Говорю о Лондонѣ.

Пошлите въ Лондонъ философа: но, ни за что въ свѣтѣ, не посылайте поэта. Пошлите туда философа и поставьте его на углу улицы *Cheapside*: онъ научится тамъ болѣе, чѣмъ изъ всѣхъ книгъ послѣдней Лейпцигской ярмарки. Какъ скоро окружитъ его эта безчисленная, мятущаяся толпа, океанъ новыхъ мыслей предстанетъ его воображенію; вѣчный духъ, носящійся надъ сею пучиною людей, одушевитъ его; самыя сокровеннѣйшія тайны общественнаго порядка внезапно предъ нимъ откроются. Онъ услышитъ и увидитъ біеніе пульса всемірной артеріи: ибо если Лондонъ, правая рука міра, рука дѣятельная и могущественная, то эту улицу, ведущую отъ Биржи въ Доунинг-Стритъ, должно назвать артеріей.

Но не посылайте поэта въ Лондонъ. Эта вещественная важность всѣхъ вещей, эта колоссальная однообразность, это машинальное движеніе, это недовольство са-

мой радости, этотъ гиперболическій Лондонъ, подавляетъ воображеніе и душитъ сердце. И еслибъ даже вздумалось вамъ послать туда поэта Германскаго, мечтателя, который сталъ бы останавливаться на всемъ встрѣчающемся, на нищей, покрытой лохмотьемъ, и на великолѣпномъ магазинѣ золотыхъ дѣлъ мастера. . . о! и ему сдѣлается дурно: его затѣснятъ, заталкаютъ со всѣхъ сторонъ и даже вовсе опрокинутъ съ ласковымъ *goddamn!* . . .

Проклятые толчки, *goddamn!* Я увидѣлъ скоро, что у Лондонскаго народа много дѣла на шеѣ. Онъ живетъ на большой ногѣ: хочетъ ѣсть и одѣваться лучше, чѣмъ другіе, хотя пища и одежда гораздо дороже у него, чѣмъ у насъ. Онъ также имѣетъ большіе долги, какъ слѣдуетъ большимъ людямъ. Не смотря на то, изъ хвастовства, бросаетъ время отъ времени свои гинеи за окно, нанимаетъ другихъ биться въ кулачки другъ съ другомъ для его потѣхи и даетъ еще на водку тѣмъ, кои управляютъ ими.

И вотъ для чего Джон-Булль обязанъ работать денно и нощно; дабы достало ему на подобные издержки, онъ долженъ день и ночь ломать себѣ голову, выдумывая раз-

ныя машины; вотъ для чего онъ считаетъ и высчитываетъ въ потѣ лица, бросается и бѣгаетъ, сломя голову, съ моста на биржу, съ биржи въ Страндъ. И теперь понятно, отъ чего достаются довольно чувствительные толчки бѣдному Германскому поэту, который, на углу улицы *Cheapside*, заслоняетъ всѣмъ дорогу, смотря, разинувъ ротъ, на эстампы, развѣшенные въ лавкѣ купца, ими торгующаго. *Goddamn!*

Эстампъ, который я разсматривалъ такъ пристально, на углу улицы *Cheapside*, изображалъ переходъ Французовъ чрезъ Березину.

Пробужденный изъ размышленія сильными толчками, я посмотрѣлъ снова на безпорядокъ улицы, гдѣ развертывался разноцвѣтный клубъ мущинъ, женщинъ, дѣтей, лошадей, каретъ, и посреди всего длинная погребальная процессія, воющая и ревущая во все горло. Тогда мнѣ показалось, что весь Лондонъ есть не что̀ иное, какъ родъ Березинскаго моста, гдѣ, каждый, въ бѣшеномъ изступленіи, дабы продлить бѣдственное свое существованіе, ищетъ пробить себѣ дорогу; гдѣ всадникъ растаптываетъ пѣшеходца; гдѣ тотъ, кто упалъ, погибъ навсегда; гдѣ лучшіе товарищи

безчувственно идутъ по трупамъ другъ друга; и гдѣ тысячи раненыхъ и умирающихъ, безполезно усиливаясь прицѣпиться къ бревнамъ моста, поглощаются хладною могилою смерти.

Но за то, какъ спокойнѣе, какъ уютнѣе у насъ, въ безцѣнной Германіи! Тамъ все колышется въ задумчивой тишинѣ, въ патріархальной безмятежности. Покойно смѣняется стража; мундиры и домы покойно отражаютъ на себѣ лучи солнца; ласточки покойно порхаютъ вокругъ своихъ гнѣздъ, привѣшенныхъ къ кровлямъ; толстыя совѣтницы сидятъ у окошекъ, улыбаясь; на звонкихъ улицахъ всегда довольно мѣста; собаки могутъ ласкаться другъ къ другу со всей безопасностью; люди могутъ останавливаться свободно, разсуждать о театрѣ и кланяться низко, очень низко

. . . . . .

Я обѣщалъ себѣ заранѣе не дивиться величію Лондона, о которомъ много уже слышалъ. Но со мною произошло тоже, что съ бѣднымъ школьникомъ, который клянется не чувствовать батожья, ему назначеннаго. Между тѣмъ выходитъ, что, вмѣсто обыкновенныхъ ударовъ, ожидаемыхъ его спиною, наказаніе выполняется маленькою,

тоненькою хворостинкою, по непривычному мѣсту. Я ожидалъ большихъ палатъ, и увидѣлъ небольшіе домики; но именно ихъ-то однообразіе и несмѣтность поразили меня живѣйшимъ образомъ.

Кирпичные домы, благодаря сырости воздуха и копоти землянаго уголья, всѣ одного и того же цвѣта, то есть зелено-оливково-сѣрыя; они всѣ построены также на одинъ манеръ, обыкновенно въ три этажа въ вышину, съ двумя или тремя окнами въ ширину; кровли украшены небольшими красными трубами, похожими на выдернутые зубы, кои еще покрыты кровью; такъ что правильныя и широкія улицы, по видимому, состоятъ изъ двухъ только домовъ безмѣрной длины и могутъ быть сравнены съ двумя казармами. Это происходитъ, можетъ быть, отъ того, что каждое Англійское семейство, хотябъ оно состояло только изъ двухъ лицъ, хочетъ имѣть свой особый домъ, свой замокъ, и отъ того что богатые спекулянты, для удовлетворенія сей общей потребности, выстроиваютъ цѣлыя улицы, кои потомъ распродаютъ врозь, домами. Въ главныхъ улицахъ *City*, сей части Лондона, которая есть средоточіе промышленности и торговли,

старинныя зданія смѣшиваются съ новыми; и передній фасадъ домовъ покрытъ до самой кровли именами и вензелями длиною въ аршинъ, обыкновенно золотыми и выпуклыми. Характеристическая однообразность домовъ не столь разительна, отъ того что взоръ чужестранца безпрестанно развлекается великолѣпными рѣдкостями, кои блестятъ въ окошкахъ лавокъ. Вещи сіи не только сами собою производятъ поразительный эффектъ, ибо все, что ни выходитъ изъ рукъ Англичанъ, носитъ печать совершенства, и каждый предметъ роскоши, лампа, обувь, чайница, платье, отдѣланы съ отличнымъ вкусомъ, какъ не льзя лучше: но удивительно и искусство, съ коимъ онѣ выставляются на показъ: этотъ контрастъ цвѣтовъ и это разнообразіе, кои придаютъ Англійскимъ магазинамъ особую прелесть. Все, служащее для самыхъ обыкновенныхъ потребностей жизни, поражаетъ взоры удивительнымъ, очаровательнымъ блескомъ; простые съѣстные припасы манятъ отливомъ, который на нихъ играетъ; сырая рыба приготовлена такъ искусно, что чешуя ея представляетъ взорамъ радужную призму; мясо какъ будто нарисовано на фарфоровыхъ тарелкахъ,

прелестно расписанныхъ. Все кажется живописью, все напоминаетъ блестящія и вмѣстѣ такъ скромныя картины Франциска Міэриса. Одни только люди не такъ веселы, какъ на этихъ Голландскихъ картинахъ: съ лицами степенными, они продаютъ самыя бездѣльныя игрушки; покрой и цвѣтъ ихъ платья также однообразны, какъ ихъ домы.

Въ противоположной части Лондона, называемой *the West end of the Town*, обитаемой сословіемъ людей, болѣе знатныхъ и слѣдовательно менѣе дѣятельныхъ, это однообразіе еще рѣзче: тамъ длинныя и широкія улицы, въ коихъ всѣ домы похожи на дворцы, но не имѣютъ въ своей наружности ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что у нихъ, какъ и у всѣхъ сколько-нибудь красивыхъ домовъ въ Лондонѣ, желѣзные балконы при главныхъ этажахъ и черная рѣшетка внизу, прикрывающая подземный рядъ комнатъ. Въ этой части города ряды домовъ нерѣдко образуетъ собой четвероугольники, посреди коихъ находится садъ, окруженный рѣшеткою и заключающій въ себѣ нѣсколько статуй. На всѣхъ этѣхъ улицахъ и площадяхъ взоръ не оскорбляется никакимъ негоднымъ или

ветхимъ строеніемъ. Повсюду выставляются богатство и гордость; ибо нищета, занимающая отдаленные кварталы, уединяется тамъ, съ своими вздохами и слезами, въ сырыхъ и мрачныхъ улицахъ, подъ голодомъ и холодомъ.

Чужестранецъ, пробѣгающій одни прекрасные кварталы въ Лондонѣ и не заглядывающій въ тѣ, гдѣ обитаетъ простой народъ, не видитъ ничего, или почти ничего, изъ той ужасной бѣдности, которая господствуетъ въ этомъ городѣ. Развѣ только изрѣдка случается ему, при входѣ въ темный переулокъ, замѣтить стоящую въ безмолвіи женщину, покрытую лохмотьемъ, съ ребенкомъ у изсохшей груди, и испрашивающую милостыню глазами. Если эти глаза еще прекрасны, то и ты остановишь свои взоры на нихъ и ужаснешься этому міру скорбей, который въ нихъ открывается. Обыкновенные нищіе, суть люди старые, по большой части Негры, которые стоятъ на углахъ улицъ, готовые, за малое подаяніе, разместь своей метлою дорогу пѣшеходца, что̀ весьма полезно на грязныхъ Лондонскихъ улицахъ. Нищета, соединенная съ порокомъ и преступленіемъ, выходитъ изъ своихъ вертеповъ только

вечеромъ: она боится дневнаго свѣта тѣмъ болѣе, что нагота ея представляетъ самую отвратительную противуположность съ пышностью богатства, всюду блистающаго. Иногда голодъ выгоняетъ ее и въ полдень изъ мрачныхъ ея закоулковъ; и тогда встрѣчаешь ее неподвижною, съ нѣмыми и однако выразительными глазами, устремленными на богатаго купца, который, обремененный дѣлами, спѣшно проходитъ мимо, звеня своими гинеями, или на празднаго Лорда, который, какъ пресыщенный полубогъ, гордо выступаетъ на конѣ, бросая изрѣдка надменные и безчувственные взгляды на тѣхъ, кои движутся вкругъ него, какъ будтобъ это были презрѣнныя насѣкомыя или по крайней мѣрѣ существа низшаго разряда, коихъ радость и печаль не имѣютъ ничего общаго съ ихъ чувствованіями; ибо благородные Англичане парятъ надъ отребіемъ человѣческаго рода, пригвожденнымъ къ землѣ, какъ высшія существа, считающія Германію своей подножкой, Италію лѣтнимъ садомъ, Парижъ зимнею гостиной, весь свѣтъ своею собственностью. Они проводятъ жизнь безъ всякаго безпокойства и безъ всякаго обузданія; ихъ золото есть талисманъ, осу-

ществляющій, какъ будто волшебною силою, самыя нелѣпыя ихъ прихоти.

Бѣдная бѣдность! Какъ голодъ долженъ томить тебя, когда другіе пресыщаются изобиліемъ, и какъ должны быть горьки слезы, коими омочаешь ты корку хлѣба, бросаемую тебѣ рукою безчувственной! Слезы твои кипятъ ядомъ. О! сколько причинъ имѣешь ты пріобщаться къ пороку и преступленію! Уличенные преступники часто имѣютъ въ себѣ болѣе человѣчества, чѣмъ холодные и неукоризненные продавцы нравственности, въ коихъ черствой душѣ источникъ зла изсякъ также, какъ и источникъ блага. Да и самый порокъ всегда ли бываетъ порокомъ? — Я видѣлъ женщинъ, коихъ щеки были покрыты краской преступленія и коихъ сердце было небесной чистоты; я видѣлъ женщинъ . . . и желалъ бы снова ихъ увидѣть! . .

V.

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(А)

НѢМЕЦКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Послѣдняя Пасхальная Ярмарка въ Лейпцигѣ оправдала отчасти предсказанія зловѣщихъ Кассандръ Нѣмецкой литературы, видѣвшихъ въ чрезмѣрной толстотѣ прежнихъ каталоговъ предвѣстіе неминуемаго истощенія. На сей разъ, за исключеніемъ ландкартъ, нотъ, игрушекъ и иностраннаго книжнаго товара, продававшагося по коммиссіи, собственно Нѣмецкихъ книгъ, явившихся вновь, оказалось только 2,490, слѣдовательно 430 меньше противъ прошлогодней Пасхальной ярмарки, каталогъ коей содержалъ въ себѣ 2,920 новыхъ названій а). Но это численное уменьшеніе ничего не значитъ въ сравненіи съ важными измѣненіями, обнаружившимися въ общей физіономіи Нѣмецкой библіографіи, кои могутъ подать поводъ къ любопытнымъ заключеніямъ о настоящей и будущей судьбѣ Германской литературы.

Изъ великолѣпныхъ звѣздъ и даже цѣлыхъ созвѣздій, блиставшихъ доселѣ на небосклонѣ Нѣ-

---

а) См. *Телеск. 1831. Ч. III. N. 9. с. 123.*

мецкой словесности, большая часть скатывается примѣтно съ библіографическаго горизонта. Различныя философическія и поэтическія школы, составлявшія могущественную іерархическую аристократію въ словесности, частію умерли или умираютъ; и литературная демократія всплываетъ повсюду, въ безпрестанно возрастающей массѣ и силѣ. Жизнь, въ своемъ расширеніи, проникая до самыхъ крайнихъ членовъ, внушаетъ литературѣ особенное участіе къ современнымъ дробностямъ и стѣсняетъ ее болѣе и болѣе въ предѣлы летучей журнальности, такъ что немногіе остатки древней литературной аристократіи, поддерживаемой немногими основательными знатоками, изъявляютъ притязанія на безсмертіе въ продолжительной будущности. Между тѣмъ какъ столпы прежнихъ школъ рушатся, ихъ литературные приходы, подобно кометнымъ хвостамъ, разлетаются болѣе или менѣе яркими брызгами во всеобщемъ просвѣщеніи; ученики стараются только сводить общія идеи своихъ учителей съ журнальнымъ интересомъ современныхъ событій. Такъ Элевзинскія мистеріи старой Геттингенской, Шлегелевской, Шеллингіанской и Гегелевской школъ профанируются и вводятся въ кругъ дневной политики; чисто ученое направленіе стараго Фосса получило политическій характеръ въ его состязаніяхъ съ Штольбергомъ; даже элегическія слезы Маттиссона, со временъ извѣстнаго Праздника Діаны (Dianenfest), превратились въ политическую Акву-Тофану; великаго Гете начали разсматривать съ политической точки

врѣнія и журить за его замашерѣлый торизмъ: съ Фридриха Шлегеля и Герреса сорвали романтическій покровъ и очарованіе поэзіи, дабы видѣть и преслѣдовать въ нихъ одинъ ненавистный анахронизмъ возвращенія къ Папизму; Шеллингъ избѣгъ отъ подобной участи своимъ мудрымъ, долгимъ молчаніемъ, тогда какъ ученики его заподозрили себя болѣе или менѣе политически; самъ Гегель обращалъ на себя вниманіе преимущественно своими политическими видами, за которые одними былъ боготворимъ, а другими проклинаемъ. Коротко сказать, всѣ писатели, мыслители и поэты, противъ воли, увидѣли себя вовлеченными въ потокъ времени и должны были принять политическій цвѣтъ, болѣе или менѣе рѣшительный.

Теперь сіи знаменитые мужи, большею частію, оставили поле битвы, на которое были завлечены, и преселились въ страну мира. Фосса и Штолберга, Якоби и Нибура нѣтъ, и за ними вымерла вся ихъ многочисленная школа; Гете нѣтъ, и съ нимъ исчезла вся блистательная Веймарская аристократія геніевъ, подъ землею, покрывающею Шиллера, Гердера, Виланда; Бонстеттена нѣтъ, въ слѣдъ за Маттиссономъ, Іоанномъ Миллеромъ, Баггезеномъ, и только старецъ Салисъ, достойнѣйшій во всемъ ихъ кругѣ, доживаетъ маститый вѣкъ свой; Фридриха Шлегеля нѣтъ, и богатая вязь романтиковъ и трансценденталныхъ мечтателей осыпалась, потерявъ Новалиса и Клейста, Арнима и Сольгера, Адама Миллера и Вернера; наконецъ и Гегеля нѣтъ, послѣдняго столпа умозрѣнія, за которымъ воз-

стала дикая анархія эклектицизма и диллеттантизма! Коротко сказать, смерть собрала уже богатую жатву; и немногіе старинные исполинскіе кряжи безпрестанно уступаютъ мѣсто свое молодому мѣлкому кустарнику.

Какъ же охарактеризовать теперь новое литературное поколѣніе? Немногія великія имена то вынырнутъ на минуту, то опять немедленно сокроются. Имена новыя не стоятъ какъ звѣзды на небѣ тихомъ, а сверкаютъ подобно молніямъ на бурномъ небѣ: возвышаемыя внезапно, то кстати сказаннымъ словцомъ, то благосклонностью или ненавистью партій, онѣ также внезапно низвергаются неудачей и промахомъ, тѣсня другъ друга въ кипящемъ хаосѣ страстей и мнѣній. Отсюда эфемерная слава любимцевъ партій, далеко превосходящая ихъ истинныя заслуги и достоинства, какъ н. п. Круга въ Лейпцигѣ и многихъ другихъ изъ этой безцвѣтной школы подслушивателей; съ другой стороны, отсюдажь и несправедливое ожесточеніе противъ многихъ отличныхъ умовъ, принявшихъ рѣшительно цвѣтъ той или другой партіи, какъ н. п. безразсудное озлобленіе протестантовъ на Тика и равно безразсудное озлобленіе противной стороны на Берне. Говоря въ частности, конечно апотеозъ большей части корифеевъ протестантской партіи отзывается явнымъ фанатизмомъ, и ожесточеніе противъ истинно достойныхъ мужей, каковы Тикъ и Герресъ, должно признать варварствомъ; но вообще не льзя не счесть это утѣшительною примѣтою; ибо симъ доказывается, что участіе публики перешло отъ личнаго, слѣпаго уваженія

къ талантамъ, въ свободную привязанность къ общимъ началамъ, и что партіи стоятъ теперь за свое дѣло, а не за актеровъ, которые предъ ними играютъ. Во всѣ времена, народы были на высшей степени величія, когда общее мнѣніе управляло, хотябъ то было и тирански, а не управлялось отличными талантами своихъ соотечественниковъ. Это уже большой успѣхъ на пути просвѣщенія, когда публика не ослѣпляется блескомъ и шумомъ личной славы писателей, не увлекается ни силой краснорѣчія, ни волшебствомъ поэзіи, коими нерѣдко облекаются самыя фальшивыя понятія, и не прощаетъ отличнымъ талантамъ отступленія отъ истины.

Не должно бояться, чтобъ это ослабило должное уваженіе къ истинно великимъ геніямъ. Объ нихъ можно сказать тоже, что нынѣшній Французскій Король сказалъ о своемъ сынѣ. Когда гофмейстеръ спрашивалъ у него, какъ дитя должно быть воспитано, онъ отвѣчалъ: „Воспитайте его гражданиномъ; я увѣренъ, что въ немъ всегда много останется царственнаго!“ Точно также и міръ долженъ быть увѣренъ, что отличные таланты всегда сохранятъ въ себѣ аристократическое превосходство, что они будутъ умѣть всегда пріобрѣсть принадлежащую имъ важность и вліяніе, и что нисколько не повредитъ имъ, если это будетъ сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Напротивъ, если каждому, самому мѣлкотравчатому талантику, какъ прежде, въ блаженныя времена Геллертовъ и Глеймовъ, станутъ рукоплескать отъ Геклы до Везувія, то

это будетъ признакомъ самой жалкой слабости; и тогда, еслибъ истинные таланты и существовали въ націи, они должны будутъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, потерять всякое честолюбіе, всякую энергію. Сверхъ того въ Германіи уже такъ много присвоившихъ себѣ незаслуженную славу, что пониженіе курса на похвалы не должно возбуждать никакого сожалѣнія.

Но теперь, чѣмъ неопредѣленнѣе высшіе слои литературной атмосферы, такъ что часто совсѣмъ не возможно различить, верхи ли настоящихъ горъ, или только облака въ нихъ представляются: тѣмъ шире и плотнѣе становится основаніе Нѣмецкой литературы. Участіе ко всякаго рода познаніямъ ощутительно возрастаетъ въ массѣ народа и питается множествомъ учебныхъ книгъ и періодическихъ изданій. Не льзя не ожидать важныхъ перемѣнъ отсюда. Явно, что въ литературѣ Нѣмецкой приготовляется и настаетъ царство здраваго разсудка, который не будетъ уважать капризовъ и мѣлочныхъ прихотей, весьма нерѣдкихъ въ отличныхъ талантахъ; царство гласности, чуждающейся всякой таинственности въ образѣ мыслей и выраженія, всякихъ непостижимыхъ мудрованій, всякой гіероглифической затѣйливости, столь обыкновенной прежнимъ аристократамъ Нѣмецкаго просвѣщенія, и требующей, чтобы достойное общаго вѣденія было доступно общему разумѣнію; царство общаго, простаго смысла, отвергающаго выспренній обскурантизмъ исключительно привиллегированныхъ геніевъ и цѣнящаго гораздо

дороже одну добрую идею во ста головахъ, чѣмъ сто таковыхъ въ одной головѣ. И такимъ образомъ не умедлитъ развиться общій національный разумъ, который конечно будетъ значить больше, чѣмъ полдюжины отличныхъ головъ среди массы грубаго, невѣжественнаго народа.

Теперь если снести и противоположить другъ другу, съ одной стороны всю массу дурачествъ и нелѣпостей, наводняющихъ нынѣшнюю Германскую словесность, а съ другой, прежнее невѣжество и варварство народа, то многія современныя явленія, при всей своей новости, не покажутся странными. Что литературные аристократы своимъ запоздалымъ противудѣйствіемъ или насильственнымъ потворствомъ духу времени представляютъ теперь комическое зрѣлище, это столь же мало должно удивлять, какъ и то, что толпы непризванныхъ литературныхъ крамольниковъ, съ грубою наглостью врываясь въ святилище словесности, оскверняютъ его своими дикими, нестройными воплями. Таковыя явленія необходимо сопутствуютъ эпохѣ переворота; но безпорядокъ сей перестанетъ, какъ скоро разсвѣнетъ вполнѣ истина, подобно какъ грязная гуща отсѣдаетъ на дно или нечистая земля отлагается къ корню, въ то время какъ чистый цвѣтъ распускается.

Можно сравнить чрезмѣрную охоту писать, царствующую въ Нѣмецкой словесности, съ состояніемъ анархіи. Подобно какъ въ анархіи каждый хочетъ господствовать, хотя и не имѣетъ на то призванія, точно такъ

и въ Германіи теперь каждый хочетъ писать. Но поелику анархія случается всегда въ то время, когда старое рушится, а новое еще не приготовлено, то и теперешнее обиліе Нѣмецкихъ писакъ должно приписать не иному чему, какъ потребности производить новое, при дознанной ничтожности стараго. Это особенно ощутительно въ Холерной Литературѣ, наполняющей большую часть послѣдняго каталога. Почему, думаетъ каждый врачь, не предложить и мнѣ своего мнѣнія публикѣ, хотябъ то было и на вѣтеръ? ибо, если не извѣстно, что̀ дѣйствительно помогаетъ въ сей болѣзни, угрожающей погостить въ Европѣ, то по крайней мѣрѣ не безполезно знать, что̀ въ ней не помогаетъ! Такимъ образомъ каталогъ предыдущей Михайловской Ярмарки содержалъ уже въ себѣ 125 сочиненій о холерѣ, да въ прибавленіи къ нему находилось 97; теперешній Пасхальный каталогъ заключаетъ въ себѣ 110 новыхъ названій по тому же предмету; и такъ, въ теченіе одного года, явилось 332 сочиненія о холерѣ, написанныхъ одними Нѣмецкими врачами. Точно также пишется и о другихъ предметахъ; ибо много, между небомъ и землею, столь же недовѣдомаго, какъ причины и способъ лѣченія холеры, и столь же настоятельно возбуждающаго общее вниманіе.

Политическихъ сочиненій въ прибавленіи къ Михайловскому каталогу и въ каталогѣ Пасхальномъ считается до 263. Такая многочисленность изъясняется отчасти многосложностью политическаго состава Германіи: въ ней каждая мысль необходимо дробится на тридцать цвѣтовъ.

Точно тоже происходитъ въ собственно Ученой и въ Изящной Литературѣ Нѣмцевъ. Каждый университетъ имѣетъ свою ученую аммуницію, свои компендіи, свою полемику, свои журналы: каждый, сколько-нибудь значительный, городъ — свою изящную словесность. Отсюда весьма понятно, отъ чего въ Германіи такъ односторонно пишутъ о важнѣйшихъ проблемахъ человѣка, о философіи, религіи, педагогикѣ и т. п. Пусть вообразятъ себѣ, съ одной стороны, спорадически разсѣянныхъ повсюду деревенскихъ проповѣдниковъ и школьныхъ учителей, которые всѣ такіе охотники писать, съ другой, кристаллизующихся въ своихъ отдѣльныхъ гнѣздахъ Университетскихъ Профессоровъ, которые, подобно Циклопамъ, безпрестанно куютъ себѣ безсмертіе: тогда не трудно будетъ понять удивительную толстоту Нѣмецкихъ ярмарочныхъ каталоговъ!

Между произведеніями Политической Литературы особенно замѣчательны: Военная Географія Европы *Мальхуса*, Исторія Государствовѣденія *Вейтцеля*, Историческое Развитіе понятій Права, Общества и Политики *Ф. фон-Раумера* (второе изданіе), Основанія Науки о Финансахъ *Шене*. Въ книжной лавкѣ Гроса въ Карларуѣ обѣщается полный переводъ сочиненій Макіавелли.

Въ области Исторіи Нѣмецкое трудолюбіе отличилось опять многими важными произведеніями. Сюда принадлежатъ: Монгольскія Достопамятности *Борга*, Пособія для Изученія Древняго Египта (Часть II) *Зейффарта*, Изслѣдованія

о Цейланѣ и Пальмирѣ *Герена*, о Римскихъ Плебеяхъ *Штрессера*, о Кабирахъ въ Германіи *Барта*, Древнѣйшая Исторія Баваріи *Обермайра*, Пособія для древне-Нѣмецкаго Языка и Литературы *Бенеке*, Законы Англо-Саксовъ *Шмидта*, Исторія Берна и военнаго состоянія Древней Швейцаріи *Родта*, Стральзундская Хроника *Беркмана*, Исторія Пруссіи (кн. 50) *Фойхта*. Появились новыя изданія твореній *Г. Миллера* и *Вестенридера*, два различныя изданія Всемірной Исторіи *Роттека*, продолженіе огромнаго историческаго труда *Герена* и *Укерта*, содержащее Исторію Германцевъ *Пфистера* и Исторію Нидерландъ *Кампена*, даже продолженіе несчастной Исторіи Нѣмецкой Имперіи Коцебу, предпринятое *Ридеромъ*. Относительно новѣйшей исторіи замѣчательны: Исторія Соединенныхъ Штатовъ *Куфаля*, о Войнахъ Наполеона *Шнейдавинда*, Венгерскій Законодательный Корпусъ на Сеймѣ 1830 г. *Оросца*, Воспоминанія изъ Жизни Германца въ Парижѣ *Деппинга*, 1830 Годъ *Шираха*, Историческія Карманныя Книжки *Гормайра*, *Бухгольца*, *В. Менцеля* и пр.

По части Богословія и Философіи заслуживаютъ вниманіе: нѣкоторыя сочиненія о Сен-Симонистахъ, переводъ Церковныхъ Отцевъ *Кемитнера*, новое изданіе Оригена и Якова Бема, Компендіумъ Талмуда *Пиннера*, заключеніе Листковъ для Любителей Высшей Истины и Содержаніе Христіанскаго Вѣроученія *Мейера*, полное Собраніе Сочиненій *Зайлера*, продолженіе Проповѣдей *Шлейермахера*; далѣе полное Собраніе Сочиненій *Гегеля* и въ особенности его

Система Объективной Логики, Очеркъ Натуральной Философіи *Эшенмайера*, о Противоположности, Точкѣ Обращенія и Предѣлѣ Умозрѣнія *Фихте*, Уголовная Психологія *Гейнрота*.

Относительно Естественныхъ Наукъ, замѣчательны: Животное Царство Кювье, переработанное *Фойхтомъ*, второе изданіе Діагнозиса Физическихъ Болѣзней *Фридрейха*, о Кометахъ 1832 года *Литтрова*, изслѣдованія о взаимныхъ возмущеніяхъ Юпитера и Сатурна *Ганзена*. По части Путешествій и Землеописанія: второе отдѣленіе шестой книги Путешествія въ равноденственныя страны Новаго Свѣта *А. Гумбольдта*, Путешествіе по Индіи (весьма занимательное) *Гебера*, Путешествіе въ Бразилію *Венха*, о Гражданскомъ Состояніи Старожиловъ Бразиліи *Марціуса*, Америка въ 1830 г. *Рединга*, Картины Австріи *Эльриха* и новое изданіе стараго, весьма любопытнаго, путешествія по Востоку *Штраусса*.

Эстетика и Археологія обогатились сочиненіемъ *Винтерфельда* о Палестинѣ и *Рунге* о Платонической Эстетикѣ, новымъ изданіемъ *Лессингова* Лаокоона и полнаго Собранія Эстетическихъ Твореній *Биргера*, наконецъ четырьмя различными переводами извѣстнаго Французскаго изданія: *Cent-et-Un*. Къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ Изящной Словесности принадлежатъ: двѣ послѣднія части Писемъ Умершаго, Прогулки Вѣнскаго Поэта (въ двухъ изданіяхъ), Стихотворенія *Ленау*, Письма *Берне*, Новое изданіе Дорожныхъ Картинъ *Гейне*, Послѣднія Стихотворенія *Шенкендорфа*, новое изданіе *Гер-*

дерова Цида, Полное Собраніе Сочиненій *Маттиссона*, *Пиркера* и другихъ, Тысяча Одинъ День или Собраніе Персидскихъ Сказокъ, новый переводъ Эсхила *Дройзена*, продолженіе Шлегеле-Тиковскаго Шекспира. Сверхъ того обѣщаны Лирическія Стихотворенія *Цедлица*, Мерлинъ *Иммермана* и Косцюшко *Граббе*.

(Ł. B.)

VI.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

— МІРОЗДАНІЕ. *Опытъ Духовнаго Стихотворенія В. Соколовскаго. Москва, въ Типогр. А. Семена*, 1832.

(*сообщено*)

Прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени появленія сей поэмы, и до сихъ поръ ни одинъ изъ журналовъ (кромѣ Московскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ Княземъ Шаликовымъ) не сдѣлалъ ей разбора, ни даже упомянулъ о ней. Обезпеченный симъ невниманіемъ, которое почиталъ заслуженнымъ, я не забошился о новой поэмѣ, и вѣрно позабылъ-бы о ея существованіи, еслибы она случайно не попалась мнѣ въ руки. Правда, выборъ предмета, показывавшій въ авторѣ смѣлость и нѣкоторую независимость отъ вкуса публики, располагалъ меня въ его пользу; но развѣ не случается на Руси, что самыя лучшія намѣренія, самые высокіе помы-

слы искажаются исполненіемъ? Я взялъ ее разсѣянно, и столь же разсѣянно началъ читать ее. Но какъ неожиданно я обманулся! Съ первыхъ страницъ величіе предмета, зрѣлость мысли, сила и прелесть языка, совершенно оковали мое вниманіе. Я былъ изумленъ, восхищенъ, очарованъ. Восторгъ, съ какимъ я прочелъ сіе перло нашей современной литературы, равнялся развѣ только. . . . . негодованію на грѣховное молчаніе журналовъ, признакъ ихъ равнодушія и небрежности. Будь это въ Англіи, во Франціи, ежедневные листы на другой же день по отпечатаніи поэмы извѣстили бы о ней публику, а обозрѣнія давно бы помѣстили подробные и отчетные разборы. У насъ совсѣмъ иначе! У насъ, появись ничтожная книжка ничтожнаго автора, но вписаннаго въ литературный цехъ, пріобрѣтшаго извѣстность, хотябы и безславную — брани враговъ, похвалы пріятелей тотчасъ-же на него посыплются градомъ; напротивъ, выступи скромный безвѣстный писатель, безъ друзей и знакомыхъ, безъ ласкательствъ и происковъ — никто, никто не удостоитъ его вниманіемъ, и его твореніе, хотя-бы носило печать истиннаго, высокаго дарованія, останется подъ спудомъ, пока случаю не угодно будетъ извлечь его изъ пучины забвенія. Гдѣ-же та бдительность, которая есть одно изъ главныхъ качествъ журналиста, сего стража литературы? а)

а) Я не говорю ни на чей счетъ въ особенности. Нѣкоторые изъ нашихъ гг. журналистовъ могли имѣть уважительныя причины не упоминать до сихъ поръ о поэмѣ *Г. Соколовскаго*; но тѣмъ не менѣе ихъ

Я не пишу разбора; чувствую, что для критика нужно болѣе хладнокровія. Я не обращаю вниманія на недостатки: они есть, и ихъ не замедлятъ обозначить; теперь на однѣ красоты хочу я навести душу читателя.

Изъ современныхъ поэтовъ нашихъ, многіе избирали для своей Музы предметы духовные. Но нельзя не согласиться, что въ нихъ замѣтно болѣе или менѣе вліяніе чуждое: или мечтательность не совсѣмъ Русская, или, при роскоши выраженій, недостатокъ въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ и убѣжденіи. Въ поэмѣ *Г. Соколовскаго* я вижу, напротивъ, произведеніе ума совершенно Русскаго, что-то Державинское — восточную картинность, соединенную съ ясностію и отчетливостію мысли. Почти ничто не напоминаетъ въ ней прививныхъ недостатковъ Русской Словесности: онъ не мечтатель, но также и не поэтъ-космополитъ, для котораго всякой предметъ хорошъ, только бъ былъ поэтическій; онъ прежде всего человѣкъ религіозный, который искренно, всею душею вѣритъ въ то, что творитъ его фантазія. И онъ религіозенъ не съ Нѣмецкой мечтательностію, и не по измѣнчивой причудѣ поэта, но какъ слѣдуетъ Русскому православному Христіанину. Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, его неотъемлемое достоинство, которое дѣлаетъ его истинно Русскимъ Поэтомъ. Онъ самобытенъ, и Моисей съ первой главой Бытія есть единственный его руководитель. Въ под-

общее о немъ молчаніе есть явленіе любопытное, и оно должно быть отмѣчено. *Соч.*

твержденіе и въ образецъ, выписываю на удачу нѣсколько мѣстъ изъ новой поэмы.

Въ первой главѣ, подъ названіемъ: *довременность*, поэтъ изображаетъ хаосъ, какъ могилу минувшаго и зародышь будущаго:

Пучина страшная темнѣла;
Но въ ней, подъ ризой вѣчной мглы,
Не море подъ грозой кипѣло,
Вздымая черные валы;
Тамъ не туманы надъ водами
Вились безмѣрными клубами,
И не сгущенный, чадный дымъ
Стоялъ стратилищемъ сѣдымъ;
Не вихри злобно тамъ стонали,
Не духи, падшіе въ грѣхахъ,
Въ богохулительныхъ словахъ
На неизбѣжный судъ роптали;
Не безпредѣльное ничто
Тамъ распростерлося уныло:
Тамъ свѣта и міровъ могила,
Туда минувшее слито!
Тамъ смутно къ непонятной цѣли —
Стихій, атомовъ, силъ, началъ,
Потоки бурные кипѣли;
Незримый пламень тамъ пылалъ,
И въ немъ подъ ризою печали,
Зачатки чудно созрѣвали; —
Не смерть носилась въ безднѣ той,
Въ предвѣчной мглѣ захладѣвая;
Но лишь безжизненность нѣмая
Подъ склепомъ тайны роковой;
Въ ней все грядущее творенье
Изъ прежнихъ остововъ слилось:
Такъ полнъ символа обновленья
Клубился сумрачный хаосъ.

Вотъ отрывокъ изъ описанія *третьяго дня* творенія, въ который Богъ отдѣлилъ воды отъ суши:

Стихіи скрѣпли; шаръ земли
Взвился какъ облако густое,
И съ нимъ подъ небо голубое
Какъ вихри, воды потекли.
Ничтожный прахъ летѣлъ стрѣлою;
Но Богъ взмахнулъ Своей рукою —
И безъ опоръ онъ твердо сталъ,
И кто-то крѣпкими горами,
Его какъ будто пеленами
Перепоясалъ и связалъ! . . . .

Еще не зная тайной цѣли,
Ужасно по корѣ земной
Вставали волны надъ волной,
То разсыпаяся, кипѣли;
Но вдругъ, заслыша гласъ Царя,
Онѣ послушно понеслися,
И влагой чистою слилися
Въ безбрежно-свѣтлыя моря. . . .

Тамъ полны блеска и прохлады,
Со скалъ низверглись водопады;
Тамъ будто битью серебра,
Или алмазною тесьмою,
Съ неизъяснимой красотою
Ключемъ украсилась гора;
Тамъ быстро рѣки молодыя
Въ заклепахъ горныхъ потекли,
Какъ ленты свѣтло-голубыя
По крепу темному земли."

Въ довершеніе выписываю конецъ поэмы, гдѣ поэтъ, изобразивъ грѣхопаденіе, обращается къ Искупителю человѣчества:

Душѣ простой опасна лесть;
Какъ ею многіе убиты!
Страшны врага и гнѣвъ, и месть;
Еще страшнѣй кинжалъ сокрытый;
Ужасенъ съ ядомъ кубокъ тотъ,
Который, съ ласкою участья,
Въ минуты нашего несчастья,
Намъ другъ - измѣнникъ подаётъ;
Но если женскими устами
Заговоритъ коварный адъ,
Тогда нигдѣ подъ небесами
Спасенья звѣзды не горятъ! . . .
Склонившись въ нѣгѣ къ изголовью,
Блистая красотой своей,
Она безчувственность очей
Зажжетъ поддѣльною любовью;
Ты припадешь на грудь ея —
Она вся дышетъ сладострастьемъ;
Тамъ сердце райски полно счастьемъ,
Тамъ пиръ земнаго бытія. . . .
А какъ она, простерши руки,
Тебя ласкаетъ и потомъ
Лилейнымъ обовьетъ вѣнкомъ?
А словъ плѣнительные звуки?
(Какъ усыпительно сладка
Той рѣчи пламенной рѣка!)
А этѣ слезы и рыданья?
И чудной жажды пылъ въ крови?
И продолжительность лобзанья
Въ самозабвеніи любви? . . .
Тогда цѣпями обольщенья
Насъ окуетъ слѣпая страсть,
И на порогѣ наслажденья
Намъ трудно въ бездну не упасть! . .

Такъ очарованъ, безъ возврата
Погибъ нашъ праотецъ святой,
И рядъ потомковъ за собой
Опушалъ онъ сѣтьми разврата.

Еще и нынѣ страшно намъ
Будить въ душѣ воспоминанья,
Какъ въ злополучный мигъ изгнанья
Страдалъ развѣнчанный Адамъ;
Еще намъ тягостно и нынѣ,
Въ полетѣ пламенной мечты,
Сравнить Эдема красоты
И жизнь печальную въ пустынѣ:
Какъ строгой казни не боясь,
Въ безумьи духомъ мы упали,
И заблужденьемъ разорвали
Съ блаженствомъ Неба нашу связь;
Какъ счастье — горемъ замѣнили;
Какъ Богомъ — волю мы почли,
И зорко къ суетамъ земли
Всѣ наши думы устремили:
Но жить, блаженствовать въ раю,
Узрѣть очами Провидѣнье,
И душу свѣтлую свою
Продать за грѣхъ самозабвенья,
Чтобъ послѣ, подъ бичами зла,
Истаевать въ сердечной мукѣ,
И вѣкъ, въ раскаяньи и скукѣ,
Печально взвѣшивать дѣла....
Нѣтъ! — Эта мысль томитъ и давитъ,
Гнететъ, какъ чуждое ярмо,
И какъ прожженное клеймо
Людей позоритъ и безславитъ!...

Ахъ! не ужель навѣки намъ
Дорога скрыта къ небесамъ?

Ужель съ томительной боязнью
Входя въ таинственность гробовъ —
И тамъ застонемъ мы подъ казнью
Грѣхопаденія отцовъ?
Ужели все сгубила Евва,
И за могильнымъ рубежёмъ
Ужасный скрежетъ мы найдёмъ?
— Но вотъ, для насъ святое древо
Неразрушимаго креста
Горитъ звѣздою примиренья,
И вѣчно, каплями спасенья,
Съ него струится кровь *Христа*!...

О братья! Вмѣстѣ на колѣна
Предъ Тѣмъ, Кто мукою Своей
Извлекъ отечески людей
Навѣкъ изъ тягостнаго плѣна!
Запечатлимъ святостью сердца,
Увлажимъ души мы слезами,
И благодарными мольбами
Испросимъ милость у *Отца*;
Пусть *Духъ* безсмертный Провидѣнья
Намъ будетъ кормчій въ морѣ бѣдъ,
И Небу вновь дадимъ обѣтъ:
Любви, и *Вѣры*, и *Смиренья*!..."

Теперь пусть публика разсудитъ между моимъ восторгомъ и равнодушіемъ журналовъ! А я заранѣе поздравляю Русскую Музу съ новымъ жрецомъ ея, поэтомъ, который обѣщаетъ быть украшеніемъ нашей литературы.

* * *

VII.

НЕКРОЛОГИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ

О ГЕТЕ.

Іоаннъ Вольфгангъ фон-Гете родился 28 Августа 1749 года, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ отецъ его былъ Императорскимъ Совѣтникомъ. Фамилія *Гете* ведетъ свое первоначальное происхожденіе изъ Артерна, въ Мерзербургскомъ Округѣ Королевства Прусскаго. Тамъ, въ срединѣ XVII столѣтія, жилъ кузнецъ *Гансъ Христіанъ Гете*, который имѣлъ у себя много дѣтей. Одинъ изъ сыновей его, по имени *Фридрихъ Георгъ*, родившійся 7 Сентября 1657 года, выучился портному мастерству, потомъ отправился странствовать, обошелъ Германію и Францію и, возвратившись во Франкфуртъ, сталъ производить свое ремесло. Здѣсь онъ получилъ право гражданства, съ званіемъ цеховаго портнаго мастера, и женился 18 Апрѣля 1687 года на *Аннѣ Елисаветѣ*, дочери *Себастіана Лютце*, также цеховаго портнаго. Она родила ему многихъ дѣтей и умерла въ 1700 году. *Георгъ Гете* пробылъ пять лѣтъ вдовцемъ, но потомъ, снискавъ благосклонность вдовы *Корнеліи Шельгорнъ*, урожденной *Вальтеръ*, державшей гостинницу въ Вейденбушѣ, вступилъ съ ней во второй бракъ 4 Мая 1705 года. Послѣ того онъ отказался отъ портнаго ремесла и жилъ счастливо въ этой гостинницѣ до самой смерти, воспослѣдовавшей 13 Февраля 1730 года; жена его

умерла въ 1754 году 28 Марта. Изъ числа дѣтей, родившихся у него во второмъ бракѣ, одинъ сынъ, рожденный 31 Іюля 1710 года, назывался *Іоаннъ Касперъ*. Оказавъ въ себѣ отличныя способности, онъ отправленъ былъ, послѣ приготовительнаго обученія, въ Университетъ и возвратился оттуда Докторомъ Правъ. Его познанія и дѣятельность пріобрѣли ему званіе Императорскаго Резидента и Дѣйствительнаго Совѣтника. На тридцать осьмомъ году своей жизни, 20 Августа 1748 года, онъ женился на шестнадцатилѣтней дочери Мера, Императорскаго же Совѣтника и Доктора Правъ *Іоанна Вольфганса Текстора*, по имени *Катеринѣ Елисаветѣ*. И отъ ихъ-то брака родился *Іоаннъ Вольфгангъ Гете*. Отецъ *Гете* умеръ семидесяти двухъ лѣтъ, 27 Мая 1787; мать на семдесять седьмомъ году, 18 Сентября 1808.

Молодой *Гете* отправился, въ 1765 году, въ Лейпцигскій Университетъ и, черезъ три года, воротился больнымъ, безъ особенныхъ успѣховъ въ Правахъ, но съ богатыми пріобрѣтеніями по части Изящныхъ Искусствъ, которыя было переманили его въ Дрезденъ. Кромѣ небольшихъ стихотвореній, изданныхъ безъименно, онъ сочинилъ, во время Университетскаго курса, свое первое драматическое произведеніе: Laune der Verliebten, вышедшее въ 1769 году, и потомъ die Mitschuldigen. Для усовершенствованія въ Юриспруденціи, отецъ послалъ его въ Страсбургъ, гдѣ онъ свелъ весьма важное для себя знакомство съ *Гердеромъ*, *Ленцомъ*, *Юнгомъ* и другими. Тамъ же познакомился онъ съ лучшими произведеніями Французской литературы и изучилъ Шекспира. Въ 1771

году 6 Августа онъ произведенъ былъ Докторомъ Правъ. Потомъ, безъ имени, издавалъ листки о Нѣмецкомъ Духѣ и Искусствѣ, въ коихъ принималъ участіе *Гердеръ*. Къ сему же времени относятся его первые труды надъ *Гецомъ фонБерлихенгенъ* (явившемся 1773) и *Фаустомъ*. Отсюда перешелъ онъ въ Палату Имперскаго Суда въ Вецларѣ. Несчастное произшествіе, случившееся тамъ, подало поводъ къ *Страданіямъ Вертера* (издан. 1774). Кромѣ того, въ Франкфуртѣ писалъ онъ много мѣлкихъ стихотвореній, печатавшихся въ Якобіевой Ирисѣ, Геттингенскомъ Альманахѣ Музъ, Нѣмецкомъ Музеумѣ, и рецензіи, помѣщавшіяся въ Франкфуртскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ. Его *Клавиго* обратилъ на себя вниманіе *Виланда*; и *Гете* написалъ: Götter, Helden und Wieland. Вскорѣ Наслѣдный Принцъ Веймарскій, *Карлъ Августъ*, коего *Виландъ* былъ наставникомъ, въ проѣздъ чрезъ Франкфуртъ, узналъ молодаго поэта. *Фон-Кнебель*, достопочтенный старецъ, живущій доселѣ въ Іенѣ, тогда руководствовавшій Принца Константина, представилъ его Наслѣдному Принцу; и какъ скоро *Карлъ Августъ* принялъ правленіе, то немедленно вызвалъ *Гете* въ Веймаръ, куда онъ и прибылъ 1 Ноября 1775 года. Въ 1776 году 11 Іюня, сдѣланъ онъ Тайнымъ Совѣтникомъ, съ правомъ засѣданія и голоса въ тогдашнемъ Тайномъ Государственномъ Совѣтѣ. Предметомъ особенной его привязанности былъ театръ, составленный изъ любителей, въ Тиффуртѣ; но это не мѣшало ему заниматься со всею строгостью важными дѣлами, преимущественно Естественными Науками. Ему хотѣ-

лось возстановить горное производство въ Ильменау, и старанія его увѣнчались счастливыми успѣхами. Въ 1779 году *Гете* сдѣланъ былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, въ 1782 Президентомъ Палаты, и вмѣстѣ, чрезъ посредство Герцога возведенъ въ дворянское достоинство. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ отправился путешествовать въ Италію, кончилъ тамъ *Ифигенію* и замыслилъ *Тасса*. При всемъ томъ продолжалъ заниматься Естественными Науками, *Превращеніемъ Растеній* (сочиненіе подъ симъ заглавіемъ, издано 1790), цвѣтами (*Письма объ Оптикѣ* 1791), и еще въ 1786 году написалъ сочиненіе *о Челюстяхъ Человѣка и Животныхъ*. 1787 года появилось первое, имъ самимъ составленное, собраніе его стихотвореній (изд. у *Гешена*). На возвратномъ пути изъ Италіи онъ свидѣлся въ первый разъ съ *Шиллеромъ*, въ Рудольштадтѣ. Потомъ ѣздилъ въ другой разъ въ Италію и, возвратившись принялъ въ свое управленіе придворный театръ, 1 Мая 1791 года. Въ 1792 году сопровождалъ Герцога въ походѣ въ Шампанію, былъ при осадѣ Маинца, занимался *Наукою о Цвѣтахъ*, перевелъ Reineke der Fuchs и возъимѣлъ первую мысль *Германа и Доротеи*. Въ тоже время, въ Трирѣ, получилъ онъ письмо отъ матери, спрашивавшей его, хочетъ ли онъ принять званіе Ратсгера, въ которое его выбрали. Онъ отвѣчалъ: *нѣтъ*. Съ 1792 года началъ онъ издавать у *Унгена* свои новыя поэтическія произведенія (Neuen Schriften); и въ слѣдующіе годы быстро другъ за другомъ слѣдовали его разныя сочиненія, именно: 1797 Hermann und Dorothea,

1798 die Propyläen, 1803 Leben des Benvenuto Cellini, 1804 die natürliche Tochter, 1805 Rameau's Neffe, переводъ Дидерота, также Winkelmann und sein Jahrhundert; 1807 Ideen über organische Bildung и die Optik, 1810 die Wahloerwandtschaften и die Farbenlehre, 1811 Dichtung und Wahrheit aus meinem Leben и библіографическіе очерки von Philipp Hackert, 1813 *Рѣчь о Виландѣ;* 1815 началъ онъ новое изданіе всѣхъ своихъ сочиненій у *Котты;* 1816 Kunst und Alterthum, 1817 die Morphologie, 1819 der westöstliche Divan, 1821 Wilhelm Meister's Wanderjahre. Объ его участіи въ *Шиллеровомъ* Альманахѣ Музъ и Горахъ, равно какъ и о всемъ прочемъ, занимавшемъ въ то время его духовную дѣятельность, интересныя подробности находятся въ его *Перепискѣ съ Шиллеромъ.* Веймарскою сценою управлялъ онъ до 1817 года, въ которомъ хотя и отказался отъ непосредственной дирекціи, но все продолжалъ принимать большое участіе въ театрѣ. Отъ брака, заключеннаго имъ въ 1806 году съ сестрою Библіотекаря Вульпіуса, имѣлъ онъ только одного сына, который умеръ на пути въ Италію, 28 Октября 1830 года, въ Римѣ. Сколь ни прискорбна была сія потеря для старца, онъ перенесъ ее мужественно; ибо духъ и тѣло его были еще крѣпки. Въ своихъ поэтическихъ и ученыхъ занятіяхъ онъ не зналъ ни усталости, ни покоя; и въ самой глубокой старости не ограничивался отдѣльными отраслями вѣденія, а *почти во всѣхъ* былъ равно дѣятеленъ. Въ Древней Исторіи онъ продолжалъ безпрестанно упражняться и еще въ послѣднюю зиму читалъ Біографіи Плу-

тарха: въ новой особенно любилъ заниматься послѣдними происшествіями, преимущественно во Франціи. Послѣднее чтеніе его составляли: *Mémoires tirés des papièrs d'un Homme d'Etat; Dumont, Mémoires sur la Révolution Française; Le Livre des Cent-et-Un; Salvandy Seize Mois ou la Révolution et les Revolutionnaires.* Изъ Древней Словесности любилъ онъ особенно заниматься Еврипидомъ (впрочемъ не всѣмъ) и намѣревался снова поставить на сценѣ его *Фаэтона.* Въ изслѣдованіяхъ Природы онъ простирался безпрестанно далѣе и далѣе съ неутомимымъ рвеніемъ; ученіе о цвѣтахъ было имъ снова переслѣдовано. Онъ привелъ въ другой порядокъ прежнія свои мысли и особенно занимался феноменомъ радуги. Относительно Натуральной Исторіи въ собственномъ смыслѣ, ничто не ускользало отъ его вниманія: съ особеннымъ раченіемъ собиралъ онъ и приводилъ въ порядокъ остатки первобытнаго міра: превращеніе растеній изслѣдывалъ снова, какъ доказываетъ послѣднее изданіе его сочиненія о семъ предметѣ: въ Сравнительной Анатоміи посвящалъ особенное вниманіе открытіямъ Парижскихъ натуралистовъ, чему свидѣтельствомъ служатъ оставшіяся послѣ него бумаги и извѣстная критика на *Жоффруа де Сент-Илера,* напечатанная въ Берлинскихъ Jahr-Büchern (Мартъ, 1832, NN 51—55). Вообще можно предполагать съ достовѣрностію, что, еслибъ *Гете* прожилъ долѣе, то его занятія Естественными Науками усиливались бы безпрестанно. Относительно Изящныхъ Искусствъ принималъ онъ живѣйшее участіе во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ, отечественныхъ и чужеземныхъ.

Не только любилъ разсматривать планы и фасады важнѣйшихъ иноземныхъ зданій, но также охотно разговаривалъ о предпринимаемыхъ въ Веймарѣ и въ сосѣдствѣ строеніяхъ, при чемъ въ сужденіяхъ своихъ обнаруживалъ глубокіе взгляды и высокія идеи о гражданской архитектурѣ. Даже принималъ большое участіе и въ такихъ постройкахъ, кои, безъ всякаго притязанія на красоту, имѣли единственнымъ назначеніемъ своимъ пользу, какъ н. п. устроеніе новаго шоссе отъ Берки въ Бланкенгайнъ. Посему не удивительно, что Изящныя Искусства составляли любимый предметъ его занятій; и художники, съ планами и чертежами, находили къ нему всегда свободный доступъ. Такъ, работы, производимыя въ Неаполѣ для открытія поглощенныхъ лавою городовъ, были ему извѣстны ближе и подробнѣе, чѣмъ кому-либо изъ Нѣмцевъ. Архитекторъ *Цанъ* препровождалъ къ нему постоянно планы зданій, очерки замѣчательнѣйшихъ картинъ, находимыхъ подъ землею, и всякія другія достойныя вниманія рѣдкости, какъ н. п. еще въ нынѣшнемъ Мартѣ, не за долго предъ его смертію, очеркъ большой мозаической картины, найденной въ одномъ изъ домовъ Помпеи, который въ честь *Гете* названъ *Casa di Goethe*. Эта замѣчательная картина, коей, къ сожалѣнію, уцѣлѣлъ только обломокъ, представляетъ моментъ изъ битвы при Арбелахъ, когда Александръ поражаетъ брата Даріева, а самъ несчастный Монархъ Персіи обращается въ бѣгство. Вообще любимое занятіе *Гете*, во время послѣобѣденнаго отдыха, состояло въ разсматриваніи картинъ, эстамповъ, литографій, монетъ и т.

и. Замѣчательно еще, что *Гете*, всегда показывавшій большое отвращеніе къ собственно Математическимъ Наукамъ, въ послѣдніе годы своей жизни началъ находить ихъ, по крайней мѣрѣ, интереснѣе, чѣмъ прежде. Можетъ быть, это произошло отъ того, что онъ убѣдился въ ихъ пользѣ для своихъ оптическихъ изслѣдованій, или можетъ быть, хотѣлъ покороче ознакомиться съ ними, для образованія своихъ внуковъ, коему посвящалъ не малую часть своего времени. Весьма не задолго предъ своею смертію онъ заказалъ себѣ сдѣлать, по данному образцу, конусъ, дабы повѣрять очевидностію различные роды коническихъ сѣченій. О поэзіи и говорить нечего: ея жаръ охладѣлъ только съ сердцемъ поэта.

Въ послѣднее время своей жизни, *Гете* не охотно допускалъ къ себѣ своихъ пріятелей и знакомыхъ; но не задолго передъ смертью доступъ къ нему сдѣлался гораздо легче. Въ четвергъ, 15 Марта, онъ имѣлъ много посѣтителей. Великая Герцогиня, ѣздившая къ нему обыкновенно по четвергамъ, навѣстила его; послѣ обѣда, онъ бесѣдовалъ еще съ нѣкоторыми друзьями. Но выходя часто изъ своего кабинета, находящагося въ нижнемъ этажѣ дома, въ пріемную залу, онъ, по видимому, простудился. Посему ночь провелъ безпокойно, жалуясь попеременно на жаръ и ознобъ, тошноту, тяжесть головы и утомленіе; пульсъ его показывалъ лихорадочное состояніе; и, по всѣмъ признакамъ, врачь боялся, чтобъ не открылась нервическая горячка. Однако ему посчастливилось уничтожить сіи припадки такъ, что въ слѣдующій понедѣльникъ больной могъ встать

съ постели, занимался разсматриваніемъ разныхъ эстамповъ и вообще чувствовалъ себя такъ хорошо, что говорилъ о работѣ, которою думалъ заняться на другой день. Но въ ночи, съ 19 на 20 Марта, онъ проснулся около полуночи и почувствовалъ себя совершенно холоднымъ. Охлажденіе началось съ рукъ, которыя были у него не покрыты, и перешло во все тѣло, сопровождаясь сильною болью. Дыханіе его стѣснилось; тоска, безпокойство и всѣ признаки горячки снова обнаружились. Не смотря на чувствуемую боль, онъ не позволилъ служителю позвать врача, ни даже извѣстить семейство объ усилившихся припадкахъ. Около 9 часовъ утра, врачь нашелъ его такъ охладѣвшимъ и въ такихъ ужасныхъ судорогахъ, что отчаялся объ его жизни. Боль, сосредоточившись въ груди, исторгала у него скорбные вопли; опасались кровоизверженія, которому прежде больной подвергался нерѣдко. Состояніе его возбуждало живѣйшее состраданіе: лице было покрыто смертною синетою, тѣло облито холоднымъ потомъ, животъ вспученъ, пульсъ едва бился. Къ 10 часамъ почти всѣ припадки укрощены были искусствомъ врача; только въ лѣвомъ боку, около сердца, боль не утихала, пока не приложили къ ней шпанской мушки. Больной чувствовалъ сильную жажду, но потерялъ совершенно аппетитъ, который уже и не возвращался. Въ слѣдующую ночь, онъ не легъ въ постелю, а остался въ большихъ креслахъ, какъ во все время болѣзни. Онъ забывался изрѣдка; и, къ утру оказались лучшія надежды, особенно послѣ очищенія

желудка, которое весьма его облегчило. Но, послѣ обѣда, все опять измѣнилось: онъ почувствовалъ ужасную слабость, снова покрылся потомъ; пульсъ ослабѣлъ, концы пальцевъ охладѣли. Къ вечеру послышалось у него въ груди легкое храпѣніе, называемое въ простонародіи колокольцемъ, какъ признакъ удушья. Мозгъ его былъ задавленъ приливомъ крови и больной началъ впадать въ безпамятство; впрочемъ онъ страдалъ, повидимому, не очень сильно; ибо спокойно сидѣлъ въ своихъ креслахъ, фантазировалъ иногда о своихъ любимыхъ мечтахъ и отвѣчалъ ласково на вопросы, которые однако врачь не позволялъ часто обращать къ нему. Такъ какъ онъ не чувствовалъ боли, то захотѣлъ читать и потребовалъ себѣ вышепомянутое сочиненіе *Сальванди*. Онъ перевернулъ въ немъ только нѣсколько листковъ, но не велѣлъ уносить книги, говоря, что онъ станетъ читать, какъ скоро духъ его будетъ свободнѣе.

Ночью замѣтилъ онъ, что друзья остались у него въ домѣ, чтобы смотрѣть за нимъ. Почему онъ приказалъ невѣсткѣ своей идти спать и уложить его внуковъ; ему казалось, что онъ былъ незначительно боленъ и внѣ всякой опасности. Не льзя утвердительно рѣшить, имѣлъ ли *Гете* предчувствіе своей смерти, или нѣтъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи слѣдующее. Ночью онъ сказалъ перепищику Іону, который не спалъ при немъ: „послужи мнѣ, другъ мой! это продолжится еще денька два.“ Слова сіи могли быть сказаны въ свѣтлую минуту, когда мозгъ его не былъ задавленъ и душа была

совершенно свободна: а въ такомъ состояніи онъ могъ ясно видѣть опасность, въ коей находилась его жизнь, и даже чувствовать неминуемое приближеніе смерти. Кромѣ того, есть причины думать, что *Гете* считалъ 22 Марта днемъ своей смерти. Сей великій геній не былъ чуждъ вѣры въ счастливые и несчастливые дни, въ предчувствія и предзнаменованія, и съ давняго времени считалъ 22 Марта между *dies nefasti* для Веймара, по причинѣ особенныхъ несчастныхъ произшествій, въ сей день случавшихся. Итакъ если онъ чувствовалъ опасность, въ которой находился, то могъ легко повѣрить, что смерть его приключится въ это роковое 22 число. Слѣдовательно надежда на выздоровленіе, которую онъ обнаруживалъ предъ всѣми, была только пріятный обманъ, которымъ онъ хотѣлъ утѣшить свое семейство и друзей, и вмѣстѣ доказательство власти, которую онъ сохранилъ надъ собой до послѣднихъ минутъ жизни. Впрочемъ, это однѣ догадки. Докторъ, Надворный Совѣтникъ *Фогель*, объявилъ рѣшительно, что нѣтъ никакой надежды спасти больнаго; даже предсказалъ, что, поутру, съ восхожденіемъ солнца, ему сдѣлается гораздо хуже. Такъ и случилось. Рука смерти первоначально отяготѣла надъ его очами, сохранившими въ старости, столь глубокой, весь свой блескъ и силу. Онъ старался рукою оградить ихъ отъ впущеннаго по его приказанію свѣта; но наконецъ должно было надѣть на него зеленый зонтикъ, съ которымъ онъ по вечерамъ обыкновенно работалъ.

Поутру онъ началъ забываться и бредить: впрочемъ мечты, возникавшія въ его душѣ, были самыя пріятныя и дружелюбныя. Онъ разговаривалъ съ своей невѣсткой, которая, съ нѣжнѣйшей любовью, не отходила отъ него; и въ 9 часовъ попросилъ покушать, но едва могъ выпить стаканъ воды съ виномъ. Силы его безпрестанно слабѣли, языкъ тупѣлъ: однако, замѣтивъ, что въ кабинетѣ его былъ отворенъ одинъ только ставень, сказалъ служителю: „откройте другой ставень въ комнатѣ, чтобъ было свѣтлѣе!" Это были послѣднія слова *Гете*.

Больной не могъ уже говорить; но, чувствуя потребность сообщенія, началъ прежде писать на воздухѣ, а потомъ, когда рука не могла уже подниматься, на одѣялѣ, покрывавшемъ его ноги. По видимому, онъ писалъ одно и тоже; это были три строки, начинавшіяся съ буквы W. Буквы ставилъ онъ вѣрно; но за письмомъ его не льзя было слѣдовать. Пальцы у него безпрестанно синѣли; и когда сняли съ него зонтикъ, то глаза его уже совершенно потускли. Должно думать, что онъ тогда уже потерялъ сознаніе; ибо, хотя дыханіе его безпрестанно становилось тяжелѣе, не переходя впрочемъ въ хрипѣнье, умирающій не показывалъ ни малѣйшаго чувства боли. Наконецъ онъ покойно протянулся въ креслахъ: и — великая душа оставила земную оболочку!

Какъ скоро извѣстіе о смерти *Гете* распространилось въ Веймарѣ, то чувства, возбужденныя въ его жителяхъ, обнаружились въ ощутительной соразмѣрности съ степенью

образованія каждаго: такъ произошло и во всей Германіи. Одни приняли сію вѣсть съ глубокимъ болѣзненнымъ чувствомъ; на другихъ она произвела легкое впечатлѣніе. Но вообще вся просвѣщенная Германія, съ болѣе или менѣе искреннимъ благоговѣніемъ, поспѣшила воздать послѣднюю честь праху маститаго патріарха своей словесности, торжественными обрядами, въ коихъ главное участіе принимали Изящныя Искусства.

Первое, произшедшее въ Веймарѣ, было закрытіе театра и прекращеніе придворныхъ праздниковъ. Сначала сомнѣвались, должно ли публично выставлять тѣло умершаго; но общее желаніе побѣдило всѣ недоумѣнія. Тѣло было выставлено въ домѣ покойнаго, съ особенною торжественностію и вкусомъ въ украшеніяхъ. Сѣни раздѣлены были на двѣ галлереи, соединявшіяся большою дверью; обѣ были обиты чернымъ сукномъ и передняя назначена для зрителей, а задняя для параднаго ложа. Первая украшена была кипарисами, къ коимъ привѣшенъ былъ гербъ умершаго. Надъ дверью, ведущею къ послѣдней, выставлено было слѣдующее мѣсто изъ *Германа и Доротеи*:

Des Todes rührendes Bild steht
Nicht als Schrecken dem Weisen und nicht als Ende dem Frommen;
Jenen drängt es ins Leben zurück und lehrt ihn zu handeln;
Diesen stärkt es zu künftigen Heil, im Trübsal die Hoffunng;
Beiden wird zum Leben der Tod!

Въ двери видѣнъ былъ покойный. Онъ лежалъ въ бѣломъ атласномъ нарядѣ, полукосвенно, на парадномъ ложѣ. Черный покровъ, украшенный двумя лавровыми вѣнками, покрывалъ усопшаго по груди. Лѣвая рука была слегка протянута, правая лежала на покровѣ, какъ будтобъ писала. Лице покойнаго не было обезображено, поелику кончина его не сопровождалась страданіями. Голова украшена была лавровымъ вѣнкомъ. Ближе къ зрителямъ, у ногъ катафалка, стояли три тумбы, на которыхъ разложены были ордена покойнаго, и именно: звѣзды Императорско - Россійскаго Ордена С. Анны, Королевско - Баварскаго Гражданскихъ Заслугъ и Велико-Герцогско-Саксонскаго Сокола, Коммандорскій Крестъ Австрійскаго Ордена С. Леопольда и Французскій Орденъ Почетнаго Легіона, полученный имъ отъ Наполеона. По обѣмъ сторонамъ катафалка стояли подсвѣчники, проливавшіе вокругъ яркій свѣтъ. Позади, на высокомъ, окруженномъ кипарисами, жертвенникѣ, стояла обвитая цвѣтами лира, прислоненная къ древней работы футляру для храненія свитковъ (означавшихъ творенія *Гете*), съ тремя золотыми звѣздами на верху. По обѣимъ сторонамъ жертвенника находились два столика пониже, изъ которыхъ на одномъ лежалъ золотой лавровый вѣнокъ, поднесенный *Гете* его отечественнымъ городомъ Франкфуртомъ, на другомъ дипломы усопшаго. Гробъ окружали попеременно двенадцать почетныхъ тѣлохранителей изъ лицъ, принадлежащихъ къ Библіотекѣ, къ Театру, къ Рисовальному Институту, изъ молодыхъ художни-

ковъ и членовъ Веймарскаго Общества Стрѣлковъ, коего *Гете* былъ Почетнымъ Членомъ. Зрителей стеклось такое множество, что съ трудомъ можно было добраться до гроба: не смотря на то, внутри дома господствовала тишина и порядокъ. Впечатлѣніе, производимое симъ торжественнымъ зрѣлищемъ, описано Докторомъ *Германомъ Фишеромъ*, Учителемъ Веймарской Гимназіи, въ Латинской элегіи.

Тѣло выставлено было такимъ образомъ отъ 8 до 12 часовъ утра 26 Марта. Для погребенія, въ тотже день, на обѣихъ городскихъ колокольняхъ, въ 4 часа, ударили въ большой колоколъ; и потомъ съ 5 часовъ, когда погребальное шествіе тронулось, начался звонъ во всѣ колокола, продолжавшійся до тѣхъ поръ, какъ процессія достигла до Велико-Герцогской кладбищенской часовни. Шествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Маршалъ.

2. Нижніе Чины Библіотекъ и Музеумовъ въ Веймарѣ и Іенѣ.

3. Веймарское Общество Стрѣлковъ.

4. Четыре Маршала.

5. Три Велико-Герцогскіе Тайные Референдари, которые несли ордена покойнаго на подушкахъ.

6. Два Маршала (Секретари Земской Коллегіи).

7. Погребальная колесница, заложенная въ четыре придворныя лошади, покрытыя чернымъ сукномъ. Къ четыремъ столбамъ, поддерживавшимъ балдахинъ, придѣланы были щиты съ гербомъ Гете. Близь колесницы шли шестнадцать почетныхъ тѣлохранителей, назначенныхъ нести

гробъ въ часовню, именно: 5 учителей Рисовальнаго Института, 6 художниковъ, 5 депутатовъ отъ Театра. Подлѣ нихъ находились 16 цеховыхъ мастеровъ, кои должны были поднимать и снимать гробъ съ колесницы.

8. Старшій внукъ покойнаго, *Вальтеръ фон-Гете*, съ другими членами фамиліи; Велико-Герцогскіе Дѣйствительные Тайные Совѣтники, Государственные Министры и Лейб-Медикъ.

9. Опекунъ внуковъ *Гете*, Придворный Адвокатъ *Бюттнеръ*, и ближайшіе друзья покойнаго.

10. Депутація Іенскаго Университета, состоявшая изъ Декановъ четырехъ Факультетовъ.

11. Четыре Депутата отъ Велико-Герцогскаго Штаба и три Королевско-Прусскіе Офицера изъ Эрфуртскаго гарнизона.

12. Депутація Веймарской Ратуши.

13. Профессоры, состоящіе при Библіотекахъ и Музеумахъ въ Веймарѣ и Іенѣ.

14. Восемь Депутатовъ отъ Студентовъ Іенскаго Университета.

15. Депутація Веймарской Гимназіи.

16. Члены Велико-Герцогскаго Придворнаго Театра.

17. Начальники и Члены Земской Коллегіи, Старшины Общества Стрѣлковъ, прочія приглашенныя особы и тѣ, кои, безъ приглашенія присоединились къ кортежу.

18. Экипажи покойнаго съ ближайшими родственницами фамиліи; и близь нихъ вся домашняя прислуга въ траурѣ.

19. Два Маршала.

20. Карета Великаго-Герцога съ Обер-Гофмаршаломъ *фон-Шпигель*.

21. Карета Великой Герцогини съ Обер-Шталмейстеромъ *фон-Бильке*.

22. Кареты Министровъ и Генерала *фон-Эглоффштейнъ*.

23. Кареты Повѣренныхъ Императорско-Россійскаго и Королевско-Французскаго Двора.

24. Остальныя кареты.

25. Множество Іенскихъ Студентовъ.

Такимъ образомъ должна была шествовать печальная процессія: но можно ли было подчинить оффиціяльнымъ распоряженіямъ общее чувство? Множество городскихъ и окрестныхъ жителей, благоговѣющихъ къ памяти *Гете*, примкнулись къ процессіи: улицы, двери, окна домовъ, даже деревья аллеи, ведущей къ кладбищу, были наполнены зрителями. Шествіе приближилось къ часовнѣ съ пѣніемъ: Jesus meine Zuversicht! Въ часовнѣ, за алтаремъ, окруженнымъ кипарисами, на высокомъ жертвенникѣ, обвитомъ цвѣтами, представленъ былъ апотеозъ *Гете*: орелъ, уносящій на небо его бюстъ! Гробъ, въ древнемъ вкусѣ, съ желѣзными ушками, изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, залитыхъ свинцомъ, имѣлъ на себѣ простую надпись: Гете, и устроенъ былъ по рисунку, начертанному самимъ *Гете* для гроба, въ коемъ земные остатки *Шиллера* почиваютъ вмѣстѣ съ прахомъ Веймарскихъ Вѣнценосцевъ. Почетные тѣлохранители внесли его въ часовню и поставили на небольшомъ возвышеніи. Когда процессія достигла часовни, воспѣтъ былъ слѣдующій гимнъ,

сочиненный самимъ *Гете* и положенный на музыку *Цельтеромъ*:

Lasst fahren hin das allzu Flüchtige!
Ihr sucht bey ihm vergebens Rath;
Su dem Vergangnen lebt das Tüchtige,
Verewigt sich in schöner That.
Und so gewinnt sich das Lebendige
Durch Folg' auf Folge neue Kraft:
Denn die Gesinnung, die beständige,
Sie macht allein den Menschen dauerhaft.
So lös't sich jene grosse Frage
Nach unserm zweyten Vaterland.
Denn das Beständige der ird'schen Tage
Verbürgt uns ewigen Bestand.

За тѣмъ Генерал-Суперинтендентъ, Докторъ *Роръ*, произнесъ надгробное слово. Онъ началъ слово сіе скорбнымъ воспоминаніемъ о славномъ вѣкѣ, коего усопшій былъ послѣднимъ, великимъ представителемъ. Отсюда естественно перешелъ онъ къ размышленію о суетности и скоропреходящности всего земнаго. „Что̀ можетъ быть постоянно на землѣ, когда высшее совершенство, призываемое Отцемъ Духовъ къ бытію, наровнѣ съ самымъ обыкновеннымъ и низкимъ, въ свое время, должно бываетъ обратиться въ прахъ и, сколь бы ни продолжительно было его земное существованіе, обрѣтаетъ наконецъ непреходимый предѣлъ, ему положенный? Что можетъ имѣть притязанія на вѣчность, когда Вседержавная Десница, по непреложному уставу судебъ Своихъ, разбиваетъ сосудъ, преисполненный отъ Ней самой роскошнѣйшимъ обиліемъ духовныхъ даровъ, кои нашу человѣческую природу превращаютъ въ чистѣйшее зерцало Божества?“ Но за симъ печальнымъ размышленіемъ слѣдуетъ

утѣшеніе, извлекаемое проповѣдникомъ изъ самаго настоящаго событія; и именно, что духовное остается неразрушимо, когда земная оболочка его распадается, и что дѣйствія великихъ людей непреходящи и вѣчны. „Такъ" — восклицаетъ онъ, обращаясь къ усопшему — „ты принадлежишь вѣчно роду живущихъ: и полнота духа, съ коей ты, въ продолженіе болѣе, нежели двухъ человѣческихъ вѣковъ, подвизался, какъ духовный наставникъ твоихъ собратій, какъ глубокомысленный испытатель строгаго вѣденія, какъ зиждительный творецъ идей, просвѣтляющихъ обыкновенную жизнь, сія полнота останется незапечатлѣннымъ кладяземъ, изъ коего позднѣйшее потомство будетъ почерпать питаніе и крѣпость своей духовной жизни! *Дѣла его въ слѣдъ его ходятъ* — сіе священное изреченіе исполняется надъ тобой во всей силѣ!" Это подало поводъ проповѣднику бросить краткій взглядъ на славную жизнь усопшаго. „Что было въ тебѣ земнаго" — продолжалъ онъ — „то мы отдаемъ теперь землѣ; и съ вещественною оболочкою, въ коей ты дѣйствовалъ между насъ, погребаемъ человѣческія слабости и заблужденія, коими ты заплатилъ свою дань природѣ." Здѣсь весьма прилично привелъ онъ мѣсто изъ собственной рѣчи *Гете*, произнесенной имъ въ 1821 году на смерть *Ягеманна*: „*Кто, кромѣ Бога, можетъ требовать отъ насъ отчета? Не должно порицать усопшихъ. Остающіеся должны заниматься не тѣмъ, въ чемъ они проступились и страдали, а тѣмъ, что сдѣлано и совершено ими. Въ недостаткахъ обнаруживается человѣкъ,*

въ достоинствахъ видно лице. Пороки общи намъ всѣмъ; добродѣтели принадлежатъ каждому особенно." Въ заключеніе, проповѣдникъ препоручилъ душу усопшаго благости и милосердію Того, отъ Котораго всѣ чаютъ помилованія.

По окончаніи церковнаго обряда, когда всѣ проникнуты были силою назидательнаго слова, воспѣтъ гимнъ, сочиненный *Римеромъ* и положенный на музыку *Гуммелемъ*:

Ruhe sanft in heil'gem Frieden,
Freund an Fürsten treu gesellt!
Solchem Daseyn war's beschieden
Fortzubilden Volk und Welt!
Ewig lebst Du uns hienieden,
Nam' und Wirkung dauert fort.
Ruhe nun am stillen Ort,
Hier verehrt und selig dort.

За симъ Тайный Совѣтникъ *фон-Миллеръ*, какъ душеприкащикъ, отъ имени фамиліи Гете, передалъ гробъ Обер-Гофмаршалу *фон-Шпигелю*, краткою рѣчью. Обер-Гофмаршалъ принялъ ключь гроба и обѣщалъ вѣрно хранить ввѣряемые ему остатки великаго мужа.

Потомъ, по удаленіи присутствующихъ, при Обер-Гофмаршалѣ, Обер-Директорѣ Зданій *Кудре* и Придворномъ Секретарѣ *Цвирлейнѣ*, гробъ былъ отнесенъ въ Герцогскій подземный склепъ и поставленъ подлѣ гроба *Шиллера*.

Гете оставилъ по себѣ трехъ малолѣтныхъ внучатъ: двухъ мальчиковъ, *Вальтера* и *Вольфганга*, и дѣвочку, *Альму*. Опекунами надъ ними постановлены еще сыномъ его, когда онъ отправлялся въ Италію, Тайный Референдарь *фон-Вальдунгенъ* и Придворный Адвокатъ

Бюттнеръ, коихъ утвердилъ и *Гете*. Душеприкащикомъ объявленъ Тайный Совѣтникъ, Канцлеръ *фон-Миллеръ*. Съ давняго уже времени *Гете* поручилъ управленіе своихъ дѣлъ Секретарю *Вульпіусу*, своему шурину: онъ и теперь будетъ ими завѣдывать. Секретарь Библіотеки *Крейтеръ*, котораго знанія и вкусъ уважалъ *Гете* и который съ обширною ученостью соединяетъ самый любезный характеръ, давно уже составилъ каталогъ многочисленнымъ и многоразличнымъ коллекціямъ всякаго рода рѣдкостей, ему принадлежащихъ. Онѣ состоятъ преимущественно изъ произведеній искусствъ, антиковъ и новѣйшихъ, оригиналовъ и слѣпковъ: статуй, барельефовъ, монетъ, медалей, вазъ, картинъ, эстамповъ, рисунковъ, моделей зданій и пр. Есть также прекрасные физическіе и особенно оптическіе инструменты; множество анатомическихъ рисунковъ и препаратовъ; ботаническія богатыя пособія, обширная коллекція камней и минераловъ, между коими замѣчателенъ богатый ящикъ съ Русскими ископаемыми рѣдкостями, присланный отъ покойнаго *Лодера*. Сверхъ того особеннаго вниманія заслуживаетъ многочисленная коллекція автографовъ. Все это не должно поступать въ продажу до совершеннолѣтія внуковъ; но можетъ встрѣтиться случай, что опекуны должны будутъ на это рѣшиться. *Гете* самъ изъявлялъ желаніе, что бы собранія его остались всѣ въ Веймарѣ. Вѣроятно къ сему побуждало его главнымъ образомъ то, что любопытные чужестранцы, пріѣзжая въ Веймаръ, не находятъ теперь, ничего *Шиллеровскаго*, кромѣ дома, и то принадле-

жащаго другому, совсѣмъ чужому семейству. Исполненіе сего желанія было бы прекраснымъ памятникомъ признательности къ великому мужу.

Изданіе послѣднихъ произведеній *Гете* предоставлено частію Надворному Совѣтнику *Римеру*, давнишнему его другу и сотруднику, частію Доктору *Эккерману*. Уповательно прежде всего выдетъ *Переписка Гете съ Цельтеромъ*, геніальнымъ музыкантомъ въ Берлинѣ, который уже послѣдовалъ за своимъ другомъ въ обитель вѣчнаго мира. Она не уступитъ въ занимательности *Перепискѣ съ Шиллеромъ*. Остальныя неизданныя сочиненія по желанію покойнаго препоручены Доктору *Эккерману*. Важнѣйшее между ними неоспоримо составляетъ полная Вторая Часть *Фауста*, въ пяти дѣйствіяхъ. Третье дѣйствіе ея извѣстно уже подъ именемъ классическо - романтической интермедіи: *Елена*, четвертое написано послѣднимъ лѣтомъ, а пятое зимою съ 1830 на 1832 годъ. Трагедія доведена въ нихъ до смерти Фауста. Душа его возносится на небо; и піэса оканчивается, также какъ началась — въ небесахъ. Что заключеніе сіе предвидѣно было поэтомъ съ самаго начала, это явно изъ слѣдующихъ стиховъ пролога:

Und steh beschämt, wenn du bekennen musst:
Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.

Между неизданными сочиненіями находится также, отчасти сходный съ *Фаустомъ*, отрывокъ изъ новой піэсы: *Вѣчный Жидъ* (der ewige Jude). Значительная часть ея обработана, и все цѣлое набросано. Сверхъ того осталось много новыхъ

стихотвореній, которыя должны составить цѣлую книжку. *Геца фон-Берлихингена* есть не только самое первое начертаніе, но и особенная передѣлка, составленная *Гете* для Веймарскаго театра. Четвертая часть извѣстнаго Dichtung und Wahrheit aus meinem Leben осталась совершенно оконченною. Она отличается тойже подробностью, какъ и предыдущія части, но превосходитъ ихъ занимательностью; поелику заключаетъ въ себѣ важнѣйшую эпоху жизни *Гете*, съ 1774 по 1776 годъ, то есть, его послѣднее пребываніе въ Франкфуртѣ до переѣзда въ Веймаръ. Докторъ *Эккерманъ* предполагаетъ, что всѣ неизданныя сочиненія *Гете* составятъ около 15 томовъ.

(Л. Е. З.)

VIII.

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

(В. МЕНЦЕЛЯ).

Театральныя событія были прежде единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ въ Вѣнѣ, пока, въ послѣднія времена, холера и другія не менѣе важныя происшествія не отвратили вниманія отъ сцены, гдѣ представляются призраки дѣйствительности, къ самой дѣйствительности.

Я имѣлъ несчастіе въ *Городскомъ Театрѣ* (Burgtheater) видѣть только одно представленіе, отъ того что онъ закрывался на цѣлый мѣсяцъ; и піэса, которую я видѣлъ: Verbrechen aus

Ehrsucht (*Преступленіе отъ Честолюбія*), не заслуживала труда быть видѣнной. Это весьма низкое произведеніе, гдѣ сынъ обкрадываетъ кассу отца и между тѣмъ остается благороднымъ молодымъ человѣкомъ, не возбудило однако ни малѣйшаго неудовольствія въ публикѣ; напротивъ я замѣтилъ, что множество платковъ было смочено слезами чувствительныхъ зрительницъ, и даже стыдился внутренно, что не могъ раздѣлять горести одной прекрасной сосѣдки, которая плакала подлѣ меня весьма очаровательно. Впрочемъ я имѣлъ случай видѣть лучшаго актера *Костенобля*, которой дѣйствительно знаетъ и выполняетъ свое дѣло очень хорошо, и ветхую *Гжу Вейссентурнъ*, которая показалась мнѣ уже слишкомъ инвалидною, хотя публика, памятливая къ прежнимъ ея заслугамъ, оказывала ей всякое уваженіе.

Въ *Театрѣ у Каринтскихъ Воротъ* (Theater am Kärnthnerthor) я слышалъ нѣсколько хорошихъ оперъ, коихъ главную прелесть составляетъ прекрасный голосъ тенориста *Вальда*. Также видѣлъ превосходные балеты, въ коихъ блистали обѣ *Дѣвицы Эльслеръ*, особенно *Фанни Эльслеръ*. Танцы, пантомимы, костюмы, декорація и машины, доведены здѣсь до возможнаго совершенства. Если *Дѣвица Тальони* остается единственною и недостижимою относительно прелести танцевъ, то *Фанни Эльслеръ* оставляетъ ее далеко позади себя относительно истины пантомимы. Въ балетѣ Blaubart (*Синяя Борода*), особенно показала она то, что называется граціею ужаснаго, въ такой степени, до какой не легко можетъ достигнуть отличная актриса. Дирекція имѣетъ

особенную заботливость наполнять хоры прекрасными дѣвушками, что составляетъ важнѣйшее и существенное; ибо, чѣмъ менѣе нужно искусства для хористокъ, тѣмъ болѣе должны онѣ отличаться красотою, преимущественно необходимою для балетовъ, въ коихъ главное дѣло сценическая живопись. Танцовщицы второй величины, маленькой, рѣзвой, одушевленной сельфиды, *Дѣвицы Ме Сент-Ромень*, которую, въ сравненіи съ *Дѣвицею Эльслеръ*, можно назвать розою подлѣ лиліи, я не имѣлъ удовольствія видѣть.

Такъ называемый *Вѣнскій Театръ* (Theater an der Wien) есть самый обширнѣйшій по пространству. На немъ обыкновенно даются большіе спектакли; но я не замѣтилъ большой разборчивости ни въ выборѣ піэсъ, ни въ выборѣ актеровъ. Извѣстный *Кунстъ* имѣетъ отличную фигуру и отличный органъ, но здѣсь нѣтъ для него хорошей школы. Нѣкоторые актеры такъ жалки, какъ только можетъ быть въ какой-нибудь странствующей труппѣ.

Леопольдштадтскій Театръ (Leopoldstädter Theater) потерялъ много своего блеска. *Реймундъ* и многіе другіе лучшіе актеры его оставили. Я только нашелъ на немъ копченаго *Шустера*, коего преизящная фигура и курьозныя манеры потрясали дѣйствительно мою внутренность.

Въ піэсахъ, которыя пишутся для сцены, плоская мѣщанская шутливость безпрестанно болѣе и болѣе преобладаетъ надъ прежнимъ романтическимъ сказочнымъ элементомъ. Хотя и теперь міръ фей играетъ еще большую роль, но весьма рѣдко встрѣчается въ немъ трагиче-

ская возвышенность и благородство, какъ въ Donauweibchen и въ Alpenkönig. Вообще міръ сей представляется въ каррикатурѣ, пародируетъ самъ себя и не возводитъ къ себѣ дѣйствительной жизни, а самъ низвергается на степень самой пошлой обыкновенности. Весьма жалко, если такимъ образомъ драматизированіе народныхъ сказокъ должно будетъ наконецъ погибнуть. Канва ихъ такъ способна къ драматической обработкѣ и онѣ заключаютъ въ себѣ столько національности, можетъ быть, единственной на Нѣмецкой сценѣ! Всѣ славные драматическіе писатели Германіи учились у Англичанъ, Французовъ, Италіянцевъ, Испанцевъ и Древнихъ; только сказочная шутливость есть ихъ собственность.

Впрочемъ четыре Вѣнскіе Театра соотвѣтствуютъ четыремъ театральнымъ потребностямъ. Небольшія піэски, основанныя на интригѣ и характерахъ, принадлежатъ къ одному, большіе спектакли къ другому, фарсы и каррикатуры къ третьему, наконецъ оперы и балеты къ четвертому. Такимъ образомъ каждый родъ драматическаго представленія строго отдѣленъ отъ другихъ. Разумѣется, что во всѣхъ сихъ родахъ Нѣмцы гораздобъ больше могли успѣть, еслибъ имѣли одну центральную столицу, какъ Парижъ и Лондонъ, и еслибъ театры были національными театрами. Относительно самыхъ піэсъ очевидно, что Нѣмецкій вкусъ имѣетъ пристрастіе къ пышнымъ историческимъ зрѣлищамъ и мѣлкимъ Аристофановскимъ сатирамъ. Но для подобныхъ піэсъ необходима большая публика, котораябъ могла

цѣнить и поддерживать ихъ. Да и самое образованіе театральныхъ труппъ, по причинѣ раздробленія Нѣмецкихъ театровъ и ихъ оффиціальной интендантуры, находится въ весьма жалкомъ положеніи. Еслибъ актеры не были принуждены разсѣяваться по разнымъ угламъ Германіи, а сосредоточивались бы въ одномъ большомъ городѣ, то они моглибъ учиться другъ у друга и соревнованіемъ подстрекать другъ друга къ совершенствованію; а еслибъ зависѣли собственно отъ благосклонности публики, то посредственность не могла бы, чрезъ происки, поддерживаемые иногда странностію вкуса, господствующаго при дворѣ какого-нибудь Нѣмецкаго Князька, иногда капризами сильныхъ любовницъ и вельможъ, затмѣвать и тѣснить лучшіе таланты, на гибель искусству.

Часто толкуютъ о перемѣнахъ, предстоящихъ сценѣ, о возрожденіи театра, и т. п. Я этому не вѣрю. Театру должно остаться такъ, какъ онъ есть: ему должно только упроститься, какъ можно болѣе, и освободиться отъ оковъ, надъ нимъ тяготѣющихъ. Но вообще онъ долженъ удержать свой настоящій характеръ, какъ онъ выражается теперь, преимущественно предъ всѣми Европейскими городами, въ столицѣ Франціи. Никогда не должна погибнуть совсѣмъ старая классическая трагедія и комедія; ибо онѣ живутъ постоянно и теперь, даже подъ самою романтическою одеждою, по силѣ аристократическаго начала, лежащаго въ основаніи творческаго духа; для высокихъ геніальныхъ произведеній, для твореній перваго разряда, никогда

не будетъ недостатка въ публикѣ. Съ другой стороны, и демократическое начало театра должно сохранить свои права; и *pièces de genre*, подобныя извѣстнымъ въ живописи *tableaux de genre*, должны будутъ, сообразно обстоятельствамъ, развиваться въ двухъ главныхъ направленіяхъ. Такъ называемые большіе спектакли будутъ болѣе и болѣе становиться *Историческими Картинами*, какъ теперь въ Парижѣ; ибо, въ самомъ дѣлѣ, вѣрное изображеніе минувшихъ временъ несравненно занимательнѣе и очаровательнѣе, чѣмъ театральный наборъ рыцарскихъ приключеній и волшебныхъ призраковъ, вызываемыхъ на сцену, своевольно замечтавшейся фантазіей; и народамъ, на извѣстной степени возраста, пріятнѣе видѣть предъ собой дѣйствительность, чѣмъ любоваться голыми вымыслами. Хотя Берлинъ и славится, что въ немъ впервые обращено вниманіе на строгую истину костюмовъ; но только Французы, въ послѣднія времена, умѣли воспользоваться вполнѣ симъ важнымъ обстоятельствомъ и дать ему всеобъемлющее приложеніе; такъ что ихъ историческимъ драмамъ неоспоримо должно приписать рѣшительное превосходство, какъ въ отношеніи къ внутренней вѣрности картинъ, такъ и въ разсужденіи наружной сценической поставки. Съ другой стороны такъ называемыя мѣщанскія трагедіи и комедіи должны будутъ болѣе и болѣе превращаться въ драматическія *Картины Нравовъ à la Porte St. Martin*, которыя, при всѣхъ теперешнихъ излишествахъ и недостаткахъ, гораздо сообразнѣе съ духомъ времени и степенью образованія народовъ, чѣмъ старинная театраль-

ная рухлядь, гдѣ еще доселѣ торжествуютъ золотые галуны и буйная молодежь обижаетъ достопочтенную старость. Я увѣренъ, что меня не почтутъ защитникомъ бездушія и модныхъ капризовъ; моя мысль та, что нынѣшнія Французскія картины нравовъ и характеровъ изъ дѣйствительнаго міра имѣютъ въ себѣ болѣе поэтическаго достоинства и гораздо глубже связываются съ современными потребностями, чѣмъ устарѣлыя Нѣмецкія комедіи.

Во многихъ отношеніяхъ, Германское искусство, особенно драматическое, можно уподобить Дону Ранудо де Колибрадосъ. Гордо запирается оно, съ своимъ великолѣпнымъ лохмотьемъ, въ холодномъ, пустомъ домѣ, и отвергаетъ благодѣтельную руку, которая предлагаетъ ей богатую жизнь, потому только, что сія жизнь кажется ему слишкомъ низкою и простою. Но напрасно оно такъ спѣсивится. Старики педанты вымираютъ и молоденькія дочки весело бросаются въ объятія жизни. Посему не должно, подобно Французскимъ классикамъ и знаменитымъ историческимъ живописцамъ, пренебрегать такъ называемый *genre* въ искусствахъ, а стараться его облагороживать. Это же можетъ произойти только тогда, когда жизни дозволено будетъ свободно отражаться въ искусствѣ, со всѣми ея оттѣнками. Время филистровъ любило и на сценѣ видѣть филистровъ. Но когда куклы будутъ опять людьми, тогда и сцена, какъ жизнь, должна будетъ сдѣлаться открытою, искреннею, непринужденною, богатою и многообразною.

1832 14

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

НѢЧТО

ДЛЯ ФИЛОСОФІИ МУЗЫКИ.

(ФЕТИСА).

Двадцать лѣтъ тому назадъ, ученые, литераторы и особенно политики нашлибъ заглавіе сей статьи весьма комическимъ а). Философія и музыка! Что можетъ быть нелѣпѣе подобнаго соединенія? Не менѣе удивились бы тому и диллетанты, особенно дамы; ибо всякой видѣлъ

а) Авторъ сей статьи, считающійся отличнѣйшимъ музыкальнымъ теоретикомъ во Франціи, говоритъ здѣсь исключительно о своемъ отечествѣ. Въ Германіи, которую можно по всей справедливости назвать классическою землею философіи, и музыка, въ коей она далеко выше Франціи, давно подружена съ философіей. Впрочемъ статья сія обратила на себя вниманіе самыхъ Нѣмцевъ; и мы заимствуемъ ее теперь изъ Нѣмецкаго журнала Morgen-Blatt. *Изд.*

въ музыкѣ только пріятное времяпрепровожденіе, не болѣе. Теперь мы сдѣлались гораздо основательнѣе, чѣмъ прежде, и очень знаемъ, отъ чего: въ насъ пробудилась потребность проникать въ глубину вещей; и мы не пренебрегаемъ уже философіи, чѣмъ бы она ни занималась. Можетъ быть, отъ того мы не сдѣлались лучшими философами, но по крайней мѣрѣ находимся на дорогѣ къ тому. И такъ поговоримъ теперь нѣсколько о философіи музыки, ибо время весьма благопріятно, и попытаемся дать выразумѣть, что искусство сіе имѣетъ другую, болѣе важную сторону, чѣмъ одна наружная пріятность звуковъ.

Многіе выдаютъ себя за страстныхъ любителей музыки и признаются сами, что любятъ сіе искусство по одному естественному влеченію, не смысля ничего о музыкальной гаммѣ. Да и сами музыканты также мало объ ней знаютъ. Это не значитъ того, чтобы музыкальная гамма не состояла изъ извѣстной всѣмъ лѣствицы тоновъ: ut re mi fa sol la si (c d e f g a h) и основаннаго на ней механизма звуковъ: но весь этотъ механизмъ есть только наружная сторона высшей таинственной сущности, въ которую однажды навсегда должно проникнуть, дабы возвести музыкальное искусство къ началамъ систематической теоріи.

Если спросить самыхъ ученѣйшихъ музыкантовъ, откуда происходитъ гамма, они будутъ отвѣчать, что, въ XI столѣтіи, Италіянскій монахъ, по имени Гвидо д'Ареццо, вздумалъ означить самую низшую ноту, въ лѣствицѣ звуковъ, Греческою буквою Г, которая называется въ алфавитѣ *гаммой*. По сему поводу всѣ извѣстныя комбинаціи сей лѣствицы стали называться гаммами. Имена самыхъ нотъ тотъ же монахъ составилъ изъ начальныхъ слоговъ одного Латинскаго церковнаго гимна, приписываемаго Павлу Аквилейскому:

Ut queant laxis
*Re*sonare fibris
*Mi*ra gestorum, etc.

Но здѣсь совсѣмъ не о томъ дѣло. Въ вопросѣ: откуда происходитъ гамма? заключаются слѣдующіе вопросы: почему въ послѣдовательномъ порядкѣ нотъ: ut re mi fa sol la si ut, промежутки не между всѣми тонами равны? Почему ut занимаетъ первое мѣсто между всѣми нотами? Наконецъ, почему сія лѣствица тоновъ не у всѣхъ народовъ одна и таже? Это вопросы, на которые большая часть музыкантовъ остаются повинны удовлетворительнымъ отвѣтомъ: ибо должно замѣтить, что не всѣ народы, которые поютъ, говорятъ, какъ мы: ut re mi fa sol la si ut. Есть такіе, коимъ угодно говорить: fa sol la si

ut re mi fa; а это важное различіе! Есть далѣе такіе, коихъ ухо совершенно иначе должно быть устроено, чѣмъ наше; поелику они принимаютъ столько наклоненій голоса, что въ одной октавѣ, вмѣсто различаемыхъ нами двенадцати, различаютъ осьмнадцать тоновъ; а Индійскія племена имѣютъ даже восемь различныхъ гаммъ. И такъ какая же истинная, подлинная гамма? Можно легко себѣ представить, что каждый народъ приписываетъ сіе преимущество той, которую самъ употребляетъ.

Іезуитъ Аміотъ, въ своемъ сочиненіи о музыкѣ Китайцевъ, расказываетъ, какого труда стоило ему пріучиться къ ихъ мелодіямъ. Дабы увѣрить Китайскихъ знатоковъ, какъ высоко превосходитъ ихъ музыку Европейская музыка, онъ пѣлъ предъ ними *Циклоповъ*, *Дикихъ* и другія извѣстныя мелодіи Рамо, которыя выводили изъ себя придворныхъ Герцогинь Людовика XV: его слушатели затыкали свои уши и объявляли единогласно, что это не музыка, а нестройная дребедень фальшивыхъ тоновъ. Тоже случилось въ Египтѣ съ однимъ путешественникомъ, который захотѣлъ ознакомиться съ Арабской музыкой и потому началъ брать уроки у одного Арабскаго музыканта. Учитель спѣлъ ему одну мелодію и путешественникъ положилъ ее на Европейскія ноты; только онъ поправилъ въ ней кое-что, воображая, что Арабъ пѣлъ фальши-

во. Но когда потомъ запѣлъ онъ самъ по этимъ исправленнымъ нотамъ, то учитель пожалъ плечами и замѣтилъ ему, что онъ бралъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ высоко. Европеецъ поставилъ пару крестиковъ; и Арабъ нашелъ, что онъ пѣлъ слишкомъ низко. Наконецъ, послѣ многихъ споровъ и толковъ, путешественникъ вздумалъ посмотрѣть восточную *кудъ* или лютню и увидѣлъ, что гамма на ея грифѣ раздѣляется не, какъ у насъ, на полутоны, а на трети тоновъ. Ухо Арабовъ, пріученное съ малолѣтства къ сему тройственному раздѣленію, не могло привыкнуть къ нашему; точно также и Европеецъ не могъ постигнуть раздѣленій восточной гаммы. И такъ еще разъ: откуда происходятъ сіи различія? какая гамма настоящая, естественная? Или лучше: есть ли такая гамма, которуюбъ можно было предпочесть всѣмъ прочимъ безусловно?

Легко видѣть, что это весьма запутанный вопросъ и что разрѣшеніе его совсѣмъ не такъ просто и удобно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что отъ рѣшенія сего вопроса зависитъ вся теорія музыкальной мелодіи и гармоніи: почему, не льзя не счесть важною философическою задачею изслѣдованіе началъ, на коихъ основываются различныя средства тоновъ, произво-

дящія тѣ или другіе результаты, и розысканіе необходимыхъ, хотя и таинственныхъ аналогій, по силѣ коихъ музыкальное искусство произникаетъ изъ творческаго духа художниковъ, такъ или иначе, въ различныхъ странахъ и народахъ.

Физики и математики не мало трудились, посредствомъ опытовъ, противъ коихъ, можетъ быть, найдется много возраженій, и посредствомъ выкладокъ, кои не всякой считаетъ вѣрными, доказать, что гамма, употребляемая нами, есть самая естественная, основанная на существѣ дѣла: въ самомъ отношеніи чиселъ они находили доказательство правильности отношеній, принимаемыхъ нами между ut re mi fa sol la si ut. Предположимъ, что сіи выкладки совершенно оправдываются опытомъ: отсюда все еще не будетъ слѣдовать, что гамма сія необходимо должна начинаться съ ut, а не съ fa, какъ у Китайцевъ; да и сверхъ того все еще останется въ вопросѣ, почему многіе народы отдаютъ преимущество гаммамъ, которыя, по симъ выкладкамъ, должны быть признаны неестественными. И такъ образованіе каждой гаммы должно имѣть другое основаніе, зависѣть отъ особыхъ условій, коихъ объясненіе можно отыскать только путемъ здравой философіи. Слѣдующія замѣчанія, кажется, будутъ здѣсь не безполезны.

Разсматривая гамму Грековъ и вообще всѣхъ народовъ древности, находимъ, что она была устроена по тремъ формуламъ, извѣстнымъ подъ именами *діатоническаго*, *хроматическаго* и *энгармоническаго* рода тоновъ, кои всѣ были таковы, что изъ нихъ не льзя было произвесть никакихъ собственно гармоническихъ результатовъ. Отсюда естественно должно было слѣдовать, что музыка сихъ народовъ не могла имѣть никакой *гармоніи*, что и доказывается свидѣтельствомъ исторіи и изученіемъ древностей. Но это отнюдь не значитъ того, чтобы Греки, сей одаренный въ высшей степени тонкимъ и нѣжнымъ чувствомъ изящнаго народъ, имѣли музыку несовершенную: напротивъ, ихъ музыка была совершенно другое искусство, которое въ ихъ высочайше мелодическомъ языкѣ, какой только существовалъ когда-либо на землѣ, главнымъ образомъ соображалось съ различными сочетаніями риѳма и ударенія.

Если народы восточные, и именно Арабы, Персіяне и Турки, употребляютъ гамму съ особенными интервалами тоновъ, кои для нашего уха невнятны, а для ихъ очень обыкновенны, то это очевидно должно происходить отъ особеннаго расположенія сихъ народовъ къ слишкомъ нѣжной разборчивости, отъ ихъ протяжнаго, почти хроматическаго нарѣчія, и нако-

нецъ отъ ихъ природнаго отвращенія отъ всего того, что сколько нибудь походитъ на гармонію; ибо съ подобною гаммою, именно, никакая гармонія не возможна.

Если гамма церковной, хоральной музыки (plein-chant) имѣетъ постоянную форму, не принимающую никакихъ варіацій новѣйшей музыкальной гаммы, то это происходитъ отъ того, что сія форма совершенно сообразна гармоніи, которая родилась почти въ одно время съ нею; и что сія гармонія, какъ естественное выраженіе внутреннихъ отношеній сей гаммы, должна необходимо остаться непреложною. А что въ новѣйшей гаммѣ находятся нѣкоторыя гармоническія комбинаціи, коихъ нѣтъ въ гаммѣ хоральной, это происходитъ отъ того, что сіи комбинаціи суть непосредственный результатъ ноты, которая имѣетъ мѣсто только въ сей новѣйшей гаммѣ.

Такимъ образомъ, каждая гамма имѣетъ свои естественные, необходимые результаты; и поколику различные народы имѣютъ расположеніе и вкусъ къ тѣмъ или другимъ музыкальнымъ комбинаціямъ, ихъ гаммы принимаютъ форму наиболѣе пригодную для сихъ комбинацій. Что касается до отвращенія ихъ отъ гаммъ, иначе, нежели у нихъ, образованныхъ, это очевидно не что иное, какъ плодъ воспитанія и привычки. Ухо Араба образовано совершенно

одинаково съ ухомъ Европейца; но впечатлѣнія, получаемыя ими отъ однихъ и тѣхъ же тоновъ, совсѣмъ не одинаковы. Откудажь это должно происходить, какъ не отъ привычки, отъ искусственнаго образованія и воспитанія слуховаго органа? И такъ остается заключить, что никакая гамма не можетъ считаться естественною, преимущественно предъ прочими, что ни одну изъ нихъ нельзя назвать хорошею или дурною въ самой себѣ, что онѣ могутъ быть таковыми только относительно предмета, къ коему прилагаются; и слѣдовательно должно признать, что музыка способна къ принятію множества формъ, кои требуютъ совершенно различныхъ элементовъ.

Теперь, если обратить вниманіе на другую, существенную, составную часть музыки, на тактъ и риѳмъ, то окажутся совершенно тѣже самыя различія, какъ и въ комбинаціи тоновъ. Темпъ или тактъ есть продолженіе тоновъ и паузъ между тонами. Сочетаніе различныхъ темповъ составляетъ риѳмъ. Этотъ риѳмъ, который въ членораздѣленіи новѣйшихъ языковъ почти вовсе не существуетъ, въ языкахъ древнихъ, и особенно въ Греческомъ, отличался высшей степенью силы и гармоніи. Онъ распадался на извѣстное число поэтическихъ стопъ, которыя, силою искусства, многоразличнѣйшимъ образомъ поглощались другъ

въ другѣ и тѣмъ образовали версификацію, отличавшуюся богатствомъ эффектовъ и колорита. Посему ихъ метрика была въ высшей степени сложная; и если прибавить сюда словоудареніе различныхъ діалектовъ, то языкъ Греческій, независимо отъ дѣйствительной музыки, представлялъ изъ себя въ собственномъ смыслѣ мелодію. Но именно потому, что риѳмъ въ Греческой поэзіи имѣлъ столь великое и важное значеніе, пѣніе, коимъ сопровождались ихъ стихотворенія, не могло имѣть своего собственнаго риѳма. И здѣсь находится опять важное различіе между древнею Греческою и новѣйшею Европейскою музыкою! Такъ какъ сія послѣдняя имѣетъ дѣло съ языками, коимъ не достаетъ такта и поэтическаго риѳма, то она должна сама имѣть собственный свой риѳмъ, который господствуетъ надъ поэзіей. А съ симъ вмѣстѣ должно произойти безконечное множество музыкальныхъ риѳмовъ, различающихся не только по комбинаціямъ такта, но и по комбинаціямъ фразъ и періодовъ.

Очевидно, что изъ столь многоразличныхъ элементовъ должны необходимо происходить многоразличные виды искусства, отличающіеся другъ отъ друга цѣлью и средствами. Вывесть естественные результаты сихъ элементовъ и изслѣдовать, по какимъ началамъ они могутъ сочетаваться между собою, есть главная задача

философіи музыки. Это наука великой обширности, высокаго значенія: и будетъ время, когда каждый образованный, съ здравымъ смысломъ, человѣкъ пожелаетъ внести ее въ кругъ своихъ занятій.

II.

ПОМѢЩИКИ.

Помѣщикъ трехъ сотъ душъ, я баринъ
И признаюсь, что иногда
Судьбѣ я очень благодаренъ,
Что мы родились — господа,
Что такъ легко намъ съ нашей лѣнью
Хозяйствомъ деньги добывать:
Лишь съ почты взять по объявленью,
Или добавочныхъ занять!
Хотя, признаться, съ сей методой
Поля пустѣютъ; мужичокъ,
Такой же пользуясь свободой,
Не платитъ во время оброкъ;
А мы, въ столицахъ обитая,
Не слышимъ ихъ издалека;
Приѣдемъ къ нимъ, не понимая
Ни нужды ихъ, ни языка!
Живя не такъ, какъ предки жили,
Мы иностранцы для крестьянъ;
А тѣ и ихъ отцами были
И набивали свой карманъ!

Мы снисходительнѣе стали;
Но съ филантропіей къ *чужимъ*
Любовь *своихъ* мы потеряли
И безполезны стали имъ!
Мужикъ не ропщетъ, если видитъ,
Что баринъ съ толкомъ, хоть и строгъ;
Да и помѣщикъ не обидитъ,
Не соберетъ впередъ оброкъ,
Когда однѣ ихъ пользы, нужды,
Какъ по неволѣ за одно
Они землѣ своей не чужды,
Другъ къ другу—близкое звено!
Теперь ихъ рабство — полурабство:
Вольнѣй имъ пить и не пахать!
А мы, чтобъ наше полубарство
Кой какъ въ столицѣ поддержать,
Для нихъ остались — господами,
Презрѣвъ отеческую связь,
А сами сдѣлались — рабами,
Нуждаясь, кланяясь, тѣснясь!

Такъ! мы рабы — не столько власти,
Какъ душъ разслабленныхъ своихъ,
Какъ честолюбья мелкой страсти
И выгодъ общества пустыхъ!
Мы говоримъ съ однимъ, другаго
Слѣдимъ глазами; у того
Жмемъ руку; съ этимъ два-три слова
И тѣ — не значатъ ничего!
Мы лишь связями знамениты,
А связи—Богъ знаетъ на что!

Весь свѣтъ намъ дѣлаетъ визиты,
Объ насъ не думаетъ никто!
Мы у порога ждемъ, чтобъ съ нами
Промолвилъ фаворитъ судьбы;
Мы покупаемся чинами,
Мы рвемся въ бари: мы рабы!

Но прежній баринъ—онъ въ деревнѣ
И въ усъ не дуетъ никого!
Своей фамиліею древней
Онъ гордъ подъ часъ лишь для того,
Чтобы сосѣдъ мелкопомѣстный,
Или заѣзжій господинъ,
Сказалъ, хвалясь трапезой честной;
Что угощенъ, какъ дворянинъ!
Бывало, утренней зарею
Со сворой гончихъ и борзыхъ,
Дворянъ съ окружною толпою,
Онъ тѣшилъ самъ себя — и ихъ!
Домашній медъ его и вины
Пилъ неразборчивый сосѣдъ,
И былибъ чарки и брашины,
Онъ не понюхивалъ букетъ!
Онъ не судилъ о кухнѣ строго,
За блюдомъ поваръ былъ забытъ;
А ѣлъ и пилъ во славу Бога
И въ заключеніе — былъ сытъ!
Хозяинъ отворялъ вороты
Для всѣхъ — и только запиралъ,
Чтобъ гость, уставшій отъ охоты,
Иль отъ пировъ, не уѣзжалъ!

Но онъ же съ раннею зарею,
И на работы былъ готовъ!
Въ весельи — веселъ самъ собою;
Въ заботахъ — крѣпокъ и здоровъ!

А мы — гостепріимство наше
Другимъ усталость, намъ лишь трудъ!
Мы не по сердцу просимъ къ чашѣ;
Насъ — по связямъ однѣмъ зовутъ!
Мы входимъ — издали поклономъ
Хозяйку, молча, отличимъ;
Потомъ въ толпу, иль за бостономъ
Уединенно просидимъ!
Хозяинъ тутъ ли, и не знаемъ!
Онъ столькожъ думаетъ объ насъ!
Лакеи угощаютъ чаемъ
И прохладительными васъ!
Украдкой шляпу взявъ, тихонько,
Хоть не удержаны никѣмъ,
Мы пробираемся легонько,
Не распростясь; а между тѣмъ
Все идетъ стройно, какъ машина,
Какъ у него, такъ и у всѣхъ;
Все такъ прекрасно, какъ картина;
Но нѣтъ души въ фигурахъ тѣхъ!
Всѣ ихъ движенья — одинаки,
Всѣ ихъ слова — однѣ слова,
Всѣ ихъ разсказы — слышалъ всякій,
Все наизусть, какъ дважды два!
Мы въ полночь пляшемъ по паркету;
За ужинъ сядемъ, утомясь;

Жуемъ безъ вкуса; дома къ свѣту;
Встаемъ къ полднямъ, не освѣжась!
Мы всѣ въ волненьи безпрестанномъ
То отъ людей, то отъ судьбы,
И въ состояньи этомъ странномъ
Мы все зависимъ, все рабы!

Конечно, нравы измѣнились
Уже теперь и въ деревняхъ:
Тѣ угощенья — прекратились
И нѣтъ охотничьихъ ватагъ;
Но все — тамъ ближе мы къ натурѣ!
Условій меньше и хлопотъ!
Невинный вкусъ къ литературѣ
Тамъ не торговый оборотъ!
Тамъ ждутъ журналовъ съ нетерпѣньемъ:
Ихъ новость — тамъ лишь и нова!
Стихи читаютъ съ наслажденьемъ
И помнятъ чувства, не слова!
Тамъ хоть и въ прозѣ перескажутъ
Вамъ смыслъ *знакомыхъ* эпиграммъ;
Но злобно пальцемъ не укажутъ
И не вмѣнятъ въ вину ихъ вамъ!
Не растолкуетъ криво злоба
Патріотическій вашъ стихъ;
Нѣтъ членовъ Англійскаго клоба!
Порывъ усердья — очень тихъ!
Еще романы возбуждаютъ
Тамъ все участье свѣжихъ чувствъ;
О Вальтеръ-Скотѣ разсуждаютъ
Тамъ не по правиламъ искусствъ,

И огласится ли пустыня
На лирѣ отзывомъ души —
Со вздохомъ сельская богиня
Прочтетъ элегію въ тиши
И, покраснѣвши, въ думѣ страстной,
Помыслитъ молча въ тишинѣ:
»Ахъ еслибъ онъ, *поэтъ несчастной*,
Такъ написалъ ее ко мнѣ!..

За чѣмъ деревню я оставилъ!
Я такъ скокойно бы въ ней жилъ!
Я здѣсь чужихъ не принялъ правилъ,
Но отъ своихъ ужъ отступилъ!
Мнѣ деревенскаго сосѣда
Конечно чуждъ бы былъ языкъ;
Скучна объ озимяхъ бесѣда:
Отъ ней я нѣсколько отвыкъ!
Мнѣ скучнобъ съ бабушекъ до внучекъ
Всѣхъ именины затвердить:
Тоска — для цѣлованья ручекъ
Ихъ фрунтъ, пріѣхавъ, обходить;
Довольно грустно — съ ополченнымъ
О Бонапартѣ толковать
И грустно съ видомъ восхищеннымъ
Полушампанскимъ поздравлять!
Но мысль, что дома — я ужъ дома,
Что я за крышу — не плачу,
Что власть людей — мнѣ не знакома
И что законъ мой: я хочу!
Но мысль, что мнѣ не помѣшаетъ
Въ бесѣдѣ съ книгой ужъ никто,

Что ни судьба не достигаетъ,
Ни свѣтской вздоръ туда, ничто;
Но борзый конь, но шумъ дубравы,
Прогулка вольная съ семьей
И громкій отзывъ Русской славы,
Вдали столь чистой и простой...
О! Муза вѣрнобъ посѣтила
Меня въ безвѣстной той глуши,
И, можетъ быть бы, говорила
Со мною чаще отъ души!

М. Н. А.

III.

ТЕЛЕГРАФЪ РЕНСІЙСКІЙ.

(Ж. ЖАНЕНЯ).

Послѣ того какъ мы измѣнили способъ изученія нравовъ, увѣрясь, что старинная метода Ѳеофраста, довольно искусно подновленная Лабрюйэромъ, черезъ чуръ занималась неважными матеріяльными дѣйствіями внѣшней человѣческой жизни и никогда не могла достигнуть до совершеннаго познанія нравственнаго человѣка, я часто замѣчалъ, что на этомъ новомъ пути наблюденій, который мы протоптали до возможнаго приближенія къ Мольеровской комедіи, едва ли не главнымъ условіемъ успѣха было

обладаніе однимъ изъ тѣхъ близорукихъ и невѣрныхъ взглядовъ, которые не куда не годятся, когда нужно смотрѣть на предметы отдаленные, показывая ихъ какъ будто въ туманѣ, и напротивъ превосходны, когда столько приближены къ предмету наблюденія, что могутъ подвергнуть его неумолимому анализу. Я обладаю сею вожделѣнною близорукостью едвали не больше всѣхъ во Франціи и могу говорить объ ней, какъ совершенный мастеръ. Благодаря этой близорукости, я царь поэтическаго міра, юнаго и прекраснаго, который расцвѣчаю по своей волѣ, когда онъ разсыпается передо мной мужчинами и женщинами, юношами и стариками, на примѣръ въ Булонскомъ лѣсу, въ извѣстныхъ таинственныхъ аллеяхъ, особенно когда мнѣ ничего лучше не остается, какъ окружать себя улыбающимися картинами. Сверхъ того, благодаря этому же самому дарованію, если мнѣ, по несчастію, нужна бываетъ дѣйствительность положительная, то я подхожу какъ можно ближе, подобно мраморной статуѣ становлюсь передъ моею жертвою, и, не страшась ея взоровъ, до меня не достигающихъ, погружаюсь во все ея существо и съ перваго взгляда открываю все что ни есть въ ней отвратительнаго. По сему я видѣлъ ужасныя вещи вблизи и очаровательныя издали, и все отъ того, что плохо видѣлъ. Но онесчастливьше меня

однимъ изъ тѣхъ проницательныхъ взоровъ, которые вечеромъ могутъ прочесть, какой часъ и минута на освѣщенныхъ часахъ городской ратуши, которые, въ оперѣ, могутъ различить танцовщицу и отдать ей прозаическую ея индивидуальность и имя простой мѣщанки въ бѣленькомъ платьицѣ и соломенной шляпкѣ: тогда прощай мои наблюденія! И міръ, и этотъ сомнительный цвѣтъ, коимъ онъ украшается въ глазахъ моихъ, тогда превратится въ однообразную совокупность предметовъ, запечатлѣнныхъ симметріальностью Голландской хозяйки, которая третъ и чиститъ свою оловянную посуду съ намѣреніемъ, чтобъ другіе приняли ее за серебряную! Тогда Прощай все очарованіе моихъ мечтаній! прощай мое право близко подходить къ женщинѣ и вдыхать въ себя запахъ цвѣтка, приколотаго на груди ея не дѣлаясь нескромнымъ и неучтивымъ! а болѣе всего, прощай повѣсть, которую я намѣренъ разсказать вамъ! Впрочемъ я довольно скроменъ и увѣренъ, что отъ этого самъ потеряю болѣе, чѣмъ вы!

Тому скоро годъ, какъ я наслаждался утреннимъ воздухомъ въ Ліоксембургѣ, прекрасномъ саду, такъ пустынномъ и вмѣстѣ такъ исполненномъ мѣщанской свободы и радушія: вдругъ на ветхой скамьѣ, примкнутой къ Діанѣ-Звѣроловицѣ, коей правая рука, протянутая, кажется,

тщетно ищетъ роговъ своего оленя, унесеннаго, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ вещей, вихремъ революціи, я увидѣлъ мужчину зрѣлыхъ лѣтъ, съ заботливымъ и скучнымъ видомъ, по которому мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что это былъ одинъ старый Профессоръ Коллегіи, не видѣнный мною съ давняго времени. Не знаю, почему мнѣ ужасно захотѣлось поговорить съ этимъ человѣкомъ, коего утомительныя и глупыя наставленія оставили во мнѣ глубокое воспоминаніе; я подошелъ къ нему почти противъ воли. Но какое жъ облегченіе почувствовалъ я, когда послѣ первыхъ словъ мнимый Профессоръ остановилъ меня, сказавъ: »вы ошибаетесь, государь мой, я не тотъ, за кого вы меня почитаете; однакожъ если вы ищете человѣка, который болѣе всѣхъ наскучилъ и утомился жизнію; то ваша ошибка не велика.« — И въ тоже время, онъ тяжко вздохнулъ, полу-улыбнувшись. Во всю жизнь я не видывалъ такой улыбки. . .

— Я очень сожалѣю объ васъ, отвѣчалъ я: скука есть одна изъ неисцѣлимыхъ болѣзней нашего вѣка и, можетъ быть, единственное открытіе, сдѣланное новѣйшею поэзіею: это такой недугъ, который губитъ и пожираетъ, когда нельзя открыть причинъ его и употребить противъ него сильныхъ лекарствъ.

»Увы!« прервалъ незнакомецъ: »причина моей скуки во мнѣ самомъ; я ее знаю, отъ ней нѣтъ избавленія. Но прошу васъ замѣтить, что мой сплинъ не Англійскій; я не столько богатъ, чтобы могъ отупѣть для наслажденій; и не съ моимъ титломъ эмигранта знать пресыщеніе. Равнымъ образомъ не могу пожаловаться, чтобы источникъ моей болѣзни находился въ воображеніи, убивающемъ Нѣмецкихъ иллюминатовъ. О! я бы желалъ подобной смерти! Напротивъ, если я жалокъ, то потому, что именно воображенія мнѣ не доставало... У меня его было очень мало: вотъ въ чемъ все мое несчастіе! «..

»Я ничего не понималъ въ фантастическомъ мірѣ, который составляетъ вашу современную исторію; я былъ глухъ ко всѣмъ призываніямъ, ко всей драмѣ новѣйшей поэзіи; холоденъ, нѣмъ, безчувственъ, не удивляясь ничему, не наслаждаясь ничѣмъ, не разумѣя ничего; вѣкъ шелъ, а я не трогался съ мѣста; и между тѣмъ сквозь эти руки, которыя вы видите еще сильными и жилистыми, пронеслись всѣ произшествія свѣта; онѣ черпили для исторіи самыя сокровенныя и самыя сложныя дѣйствія новѣйшей политики; но отъ всего того, по несчастію, ничего въ нихъ не осталось — ничего болѣе, кромѣ того, что остается на пергаментѣ, съ котораго рука мона-

ха сгладила стихи Виргилія или Гомера, дабы замѣстить ихъ счетами и записями своей обители.«

Такая сильная растроганность раздражила до высочайшей степени мое любопытство: я сталъ бояться, что бы таинственный старикъ не вздумалъ отказать мнѣ въ объясненіи своей необычайной болѣзни или чтобъ изступленіе не лишило его власти надъ своею памятью... Но къ счастію онъ скоро пришелъ въ себя и началъ разсказывать мнѣ про свою жизнь съ такимъ простосердечіемъ, какого я никогда не буду въ состояніи *воспроизвесть*—выраженіе затѣйливое и модное, которое противъ воли попадается мнѣ на языкъ.

И такъ онъ началъ слѣдующими словами:

»Я родился въ лѣсахъ Ренсійскихъ; они были прежде гуще и прохладнѣе, чѣмъ нынѣ; и въ молодости моей, ускользая отъ уроковъ стараго Іезуита, я любилъ среди ихъ читать прекрасные стихи отца Ваньера, Виргилія тогдашняго общества. Я даже очень помню, какъ предпочиталъ я его Praedium Rusticum Георгикамъ настоящаго Виргилія, находя здѣсь болѣе практики, болѣе полезнаго и пріятнаго, отзывающагося настоящимъ запахомъ аренды и пашни, болѣе сельской простоты и истины. Часто и нынѣ перечитываю я это Praedium Rusticum; и оно мнѣ кажется также хорошо, какъ казалось въ девяти-

надцать лѣтъ. Только въ девятнадцать лѣтъ я развлекался гораздо больше: когда бывалъ я въ лѣсу, сторожа ходили взадъ и впередъ, рога трубили, гончія метались туда и сюда, олень испускалъ жалобныя стенанія. Но въ полдни особенно часто глаза мои отдалялись отъ книги. Сначала это было просто летучее видѣніе, мечта, тѣнь, шелестъ волнующейся одежды и новенькаго башмачка. Потомъ—и рога, и олени, и собаки, и птицы на вѣтвяхъ, и кролики въ норахъ, и молодая лань, вечеромъ рѣзвившаяся при лунномъ блескѣ, и стаи вепрей, безпощадно опустошавшихъ жатву селянина, и отецъ Ваньеръ—все исчезло... Я видѣлъ только ее — ее одну, когда она съ корзиною въ рукѣ шла за обѣдомъ своему отцу.«..

»И когда это видѣніе приблизилось ко мнѣ болѣе и болѣе, когда наконецъ сдѣлалось ощутительнымъ, и я могъ различить въ немъ улыбающееся личико молодой дѣвушки, кротко оцвѣтлявшееся дыханіемъ семнадцатой весны — то я принадлежалъ уже ей, то есть, полу-боясь и полу-надѣясь. Подобное положеніе для юноши, которому нечего дѣлать, болѣе какъ любить и читать сельскія стихотворенія—было восхитительно! Моя молодость протекала среди тяжкихъ родовъ новаго общества; я получилъ жизнь при погромѣ сокрушающейся монархіи; такимъ образомъ двѣ пропасти отдѣляли меня отъ жиз-

ни дѣятельной: да впрочемъ, что значитъ дѣятельная жизнь, когда столько любви въ сердцѣ, когда увѣренъ, что вечеромъ найдешь себѣ и ужинъ и пріютъ?«

»Я видалъ Марію всякой день. Она была вмѣстѣ и важна и рѣзва и степенна и весела. Ахъ! еслибъ вы послушали ее—(а молодому человѣку какъ опасно это слушать!)—еслибъ вы послушали ее, какъ она созидала тысячу несбыточныхъ плановъ для моего благополучія или нѣжно проповѣдывала мнѣ о своей работѣ и будущности! Она была пріучена къ работѣ; только я не могъ вообразить себѣ, къ какой. Много разъ она пыталась объяснить мнѣ это; но я никогда не могъ понять ее... Только и могъ я выразумѣть, что дѣло шло о какомъ-то незримомъ, таинственномъ языкѣ, устроенномъ въ воздушномъ пространствѣ, на всѣхъ возвышенностяхъ республики; но по дальнѣйшемъ размышленіи я впадалъ снова въ недовѣрчивость и оканчивалъ улыбкою, представляя себѣ мою Марію владычицею всѣхъ тайнъ кабинетныхъ.«..

»Сіе странное занятіе было для насъ неисчерпаемымъ предметомъ разговоровъ.—»И такъ ты думаешь, малютка!«—говорилъ я ей часто—«что твой отецъ обладаетъ этою важною тайною?« — И она двадцать разъ начинала однѣ и

тѣже описанія: »маякъ на темѣ горы... двѣ длинныя двигающіяся руки, поднятыя вверхъ ... старикъ, съ напряженнымъ взоромъ и неразвлеченною внимательностью, дающій заграничному извѣстію быстроту, равную бѣгу солнечнаго луча... часто и сама она трудится схватывая длинныя крылья машины и двигая ихъ своею бѣленькою ручкою съ такою же быстротою.« .. А я ... я сжималъ эту ручку, такъ прекрасную, такъ нѣжную; обнималъ Марію, съ восторгомъ юноши... и она, внезапно, подобно сильфидѣ, терялась въ лѣсу, отыскивая своего отца.« ..

»Иногда прибѣгала она ко мнѣ, истощенная усталостью, говоря печально: »У насъ бунты; я, можетъ быть, много головъ велѣла скосить сегодня; начальники правительства бѣснуются; едва солнце взойдетъ, то и дѣло приходитъ повелѣніе или отвѣтъ, такъ что я едва, едва могу о тебѣ вспомнить.« .. И говоря это, она опиралась своею головкою на мое плечо; утомленныя руки опадали на ея очаровательный станъ: можно бъ было почесть ее спящею, если бъ она не была такъ покойна.«

»Однажды — (я это очень помню: холодъ былъ ужасный и у моего пріемнаго отца нищета заставляла роптать на кусокъ хлѣба, которымъ дѣлились со мною хозяева дома; къ тому жь и терроризмъ, болѣе и болѣе уве-

личивавшійся, осудилъ меня, за имя моего отца, или на изгнаніе или на смерть) — Марія пришла ко мнѣ, блѣдная, дрожащая, иззябшая, въ своемъ лѣтнемъ платьицѣ, бѣломъ, какъ снѣгъ, покрывавшій землю. »Я погибла, другъ мой, говорила она, я погибла! батюшка умеръ отъ холода, другой заступитъ его мѣсто; нѣтъ больше для меня убѣжища; ахъ, когда бы хоть у тебя какое нибудь было!« — Потомъ, вскинула взоръ на воздухъ и, посреди сѣраго, неподвижнаго тумана, указала башенку, въ которой жила, подъ небесами, какъ ангелъ... Тогда-то, въ первый разъ я почувствовалъ мою бѣдность.«..

» Я сжалъ Марію въ своихъ объятіяхъ, какъ могъ, закуталъ ее въ худой черной плащь, брошенный мнѣ однимъ бѣглецомъ, и между тѣмъ какъ ея миленькое личико, на минуту отогрѣтое моимъ дыханіемъ, снова принимало легкій румянецъ, сказалъ ей: »Марія, я и самъ также безъ пріюта; и у меня нѣтъ семейства; и, если завтра я не рѣшусь умереть, то мнѣ должно сегодня отправиться; но ободрись, веди меня къ себѣ, Марія, я твой: твое жилище будетъ моимъ, твоя работа будетъ моею. Ты мнѣ часто сказывала, что твой старый отецъ не крѣпокъ силами — я замѣню его; мы одни знаемъ лишь о его смерти; сыщики не придутъ отыскивать меня на его мѣстѣ: ты видишь,

я силенъ, а глаза мои могутъ проникать тьму ночную... Добрая Марія, пойдемъ со мной; мы станемъ жить въ облакахъ; будемъ счастливы тамъ — на высотѣ — будемъ богаты, невинны, благополучны, спокойны... Ужина отца твоего станетъ для твоего супруга!«..

»Марія слушала меня и сердце ея сильно билось: она была въ совершенномъ изнеможеніи и между тѣмъ счастлива: мое предложеніе поразило ее. »Я согласна, отвѣчала она; пойдемъ, пойдемъ со мною, бѣдный изгнанникъ! пойдемъ, ты будешь моимъ мужемъ, я твоею женою и замѣню для тебя все — и свѣтъ и родину.«.. Она схватила меня за руку, бѣгомъ повлекла за собою; но мнѣ казалось, что она не такъ еще скоро бѣжала.«

»Когда мы пришли на самое возвышенное мѣсто парка, высокая башня, съ маленькою, низкою, черною дверцою, заградила намъ дорогу. Мы еще ни слова не сказали другъ другу. Марія заговорила: »Видишь ли ты эту башню, милый Оскаръ? Еще есть время отказаться отъ твоего намѣренія; быть можетъ, ты безопасно достигнешь границы; подумай объ этомъ! Разъ войдя, ты уже не выйдешь отсюда; лишенный сообщенія съ людьми, ты умрешь здѣсь, какъ мой отецъ, который долженъ ожить въ тебѣ; никого не будетъ съ тобой, кромѣ одной меня — слышишь, Оскаръ? кромѣ меня одной! — Занятіемъ цѣ-

лой жизни нашей будетъ языкъ, не понятный для насъ, таинственные знаки, которые будутъ потрясать міръ, тогда какъ мы съ тобой не почувствуемъ ни малѣйшаго колебанія! Ты молодъ, уменъ, силенъ—я боюсь, чтобы тоска не убила тебя вмѣстѣ съ первою твоей любовью!« И говоря сіи слова, Марія потопляла во мнѣ свои, завѣшенные рѣсницами, голубые глаза, еще сверкавшіе слезами, которые только что отерла.«

»Я ничего не отвѣчалъ; даже не понималъ, что она говорила. Дверца растворилась и затворилась за нами; надобно было долго всходить... Великій Боже! когда мы вошли на площадку, какое чудесное зрѣлище намъ открылось! Подъ нами, подобно снѣжному ковру, разстилался лѣсъ. Вотъ весь Парижъ съ своими башнями и куполами, съ своей рѣкою, блиставшею, какъ зеркало! Посреди эта большая висѣлица, которая снизу казалась мнѣ такъ малою, неподвижная, грозная; на противоположной оконечности —бѣдная хижина.«..

»Остановись здѣсь«—заговорила снова Марія— »остановись: не видно ли чего вдали?« — »Нѣтъ, Марія, ничего: только летучее облачко несется, гонимое вѣтромъ.«—»Не видишь ли чего, колеблющагося на воздухѣ?..« Вдругъ стремительно закричала она: »Оскаръ, возьми эту веревку, будь послушенъ, или мы погибли! Видишь ли, вотъ

сигналъ, поверни на лѣво... теперь на право... Хорошо... пониже... повыше... не такъ; посмотри — тебѣ велятъ передѣлать.«.. И бѣдняжка казалась убитою, мертвою...«

»Что до меня касается, я весь обратился въ зрѣніе и слухъ... пожиралъ сигналы, и, наконецъ, выучился подражать имъ, разумѣется, не скоро; но старикъ, котораго я замѣнилъ, по своей дряхлости не былъ слишкомъ поворотливъ, хотя былъ самый искуснѣйшій въ своемъ ремеслѣ. Марія какъ будто переродилась. »Мы спасены!« прошептала она, вся трепеща отъ испуга... Таковъ былъ мой первый урокъ! Богъ и Марія сжалились надо мною; и съ тѣхъ поръ я былъ увѣренъ въ успѣшныхъ дѣйствіяхъ машины.«

»Въ тотъ же вечеръ Марія и я погребли отца ея. Добрый старикъ самъ заранѣе приготовилъ себѣ могилу, чтобы обезпечить свою дочь и послѣ смерти. Онъ былъ похороненъ у основанія машины, которой посвятилъ жизнь свою; мы поставили небольшой крестъ при его надгробномъ камнѣ. Увы! и мы также были въ могилѣ, на которой тяготѣлъ погребальный крестъ: разница состояла только въ томъ, что намъ должно было нести этотъ крестъ.«

»На другой день я привелъ въ порядокъ наше обиталище; оно увеличилось особенною комнаткою Маріи: ея дѣвическія утвари, полураз-

битое зеркальцо, съ воткнутою посверхъ вѣткою прошлогодней Пасхи, коралловыя четки, служившія по праздникамъ вмѣсто ожерелья, ветхой еловой столъ и нѣсколько разрозненныхъ частей Дон-Кихота: вотъ что составляло нашу мебель. Отцовская кровать сдѣлалась нашею брачною постелью: она была вся желѣзная; утренній воздухъ съѣлъ почти совершенно сѣроватый лакъ, ее покрывавшій. Эта кровать, противу обыкновенія, стояла въ передней части хижины, чтобы никакъ нельзя было потерять изъ виду телеграфъ; и я, просыпаясь, съ перваго взгляда, видѣлъ его безобразныя крылья, даже прежде чѣмъ могъ полюбоваться утреннимъ сномъ моей милой супруги, улыбающимся, подобно ей, кроткимъ, подобно ея сердцу.«

»Вы не можете повѣрить, какъ для меня тягостно было это орудіе, къ коему я приковалъ себя. Это былъ родъ призрака противъ воли утвержденнаго передъ моимъ жилищемъ, который, всякой часъ дня, преслѣдуя меня своимъ присутствіемъ и даже тѣнью, коей колоссальныя формы возвышались до кровли моей хижины, казался мнѣ злобнымъ ругательствомъ незримаго демона. Напрасно старался я бѣжать или думать о другомъ: этотъ призракъ былъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, всегда передо мною ... и если, случайно, я наслаждался минутнымъ

забвеніемъ въ объятіяхъ Маріи, то ея взоры безпрерывно были прикованы къ телеграфу. Она безпокоилась, трепетала; при малѣйшемъ шорохѣ въ воздухѣ, прогоняла меня на площадку; и тогда, въ глубочайшемъ безмолвіи, мы всматривались въ отдаленіе, стараясь открыть какой либо сигналъ для повторенія.«

»Каждый день я оставался одинъ на нѣсколько времени: въ полдни Марія обыкновенно хаживала за пищею на цѣлыя сутки, и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ привычки, я сталъ пользоваться сими минутами, чтобъ изучать міръ, окружавшій меня. Весь этотъ міръ находился подо мною, такъ низко, что ни одинъ звукъ не достигалъ до ушей моихъ: ибо тогда запрещены были колокола. Однакожъ мое зрѣніе восполняло недостатокъ слуха, а размышленіе довершало все прочее. Весьма молодымъ и совершенно неопытнымъ въ дѣлахъ политическихъ вступилъ я на башню; мнѣ извѣстно было только имя Короля и нѣсколькихъ Принцевъ, соединенное въ моемъ воспоминаніи съ другими обагренными кровію и запечатлѣнными проклятіемъ именами; но я совершенно былъ не свѣдущъ въ современной исторіи; я не могъ думать, чтобы революція могла кончиться. Между тѣмъ много переворотовъ происходило даже посреди парка мною обитаемаго, и я объявлялъ объ нихъ цѣлой Франціи, самъ лишь

ничего не подозрѣвая. Окружавшая меня тишина была такъ глубока, что общественная жизнь протекала предо мной какъ фантастическое сновидѣніе. Но такова потребность истины и любопытство, намъ врожденное, что я по своему представлялъ себѣ исторію, придавая смыслъ всѣмъ знакамъ, которые повторялъ въ небесахъ, и всѣмъ движеніямъ, скользившимъ по землѣ, подобно толпѣ тѣней въ шестой книгѣ Энеиды.«

»Я не могу вамъ сказать ничего объ этихъ знакахъ, исчезавшихъ въ воздухѣ, подобно пустому звуку; представьте сами себѣ цифирное письмо, понимаемое только двумя лицами. Но волненія, происходившія на землѣ, какъ однообразны онѣ ни были, оставили во мнѣ глубокое и могущественное воспоминаніе. Какъ любопытно было для меня видѣть людей, проскользавшихъ подъ моими ногами! Часто былъ я принужденъ, дабы ихъ видѣть, проницать взглядомъ бурю, надъ которою самъ возвышался! А потомъ, насмотрѣвшись на все до сыта, когда ночь облегала телеграфъ, я до слѣдующаго утра давалъ покой его исполинскимъ крыльямъ, засвѣчалъ лампаду, коей чистые лучи свидѣтельствовали наше удаленіе отъ земли; садился подлѣ Маріи и, въ то время какъ она занималась швейнымъ рукодѣльемъ, сидя насупротивъ картинки изъ Дон-Кихота, говорилъ съ нею

протяжно, долго... разсказывалъ, что видѣлъ, что узналъ въ теченіи дня. «..

« Однажды толпа въ смятеніи вторгнулась въ звѣринецъ; все опустошая, все ниспровергая, она схватила владѣтеля сихъ обширныхъ земель, и, продолжая розыски въ этомъ убѣжищѣ величія и богатства, къ крайнему моему изумленію, открыла подземные чертоги, обнажила ихъ, сорвала съ нихъ дерновую зеленую покрышку. О! никогда столько богатствъ не представлялось моему взору! Повсюду древнія вазы, драгоцѣнныя мебели, картины и статуи, вина тысячи родовъ, столы, совершенно готовые для пиршествъ, благовонныя бани, театръ, наполненный актрисами въ великолѣпныхъ одеждахъ, сборище людей, преданныхъ всѣмъ удовольствіямъ, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, плачущихъ и стыдящихся дневнаго свѣта, дѣвы храма Божія, отторгаемыя отъ алтарей, весьма примѣтныя по ихъ одеждѣ: вся эта совокупность роскоши и сладострастія, разврата и могущества, принужденной добродѣтели и безстыднаго не краснѣющаго порока, все это печально озарялось тысячью факеловъ, которые при дневномъ свѣтѣ издали можно было счесть погребальными свѣточами на могилѣ падшаго героя. »

«И Марія выспрашивала у меня объясненія.»

— »Народъ раздраженный бѣснуется« — отвѣ-

чалъ я: »онъ разорилъ вертепъ преступленія, возвратилъ отеческому крову несчастныхъ, отторгнутыхъ, и влечетъ феодальнаго владѣльца сихъ мѣстъ, предъ верховнаго владыку и государя. Марія! это правосудіе!« И дѣйствительно, поутру эти чертоги были грудою развалинъ: все было разрушено, все... даже не пощажено озеро, своими лживыми водами покровительствовавшее этотъ пріютъ необузданнаго разврата!«

»Владѣлецъ сихъ чертоговъ уже не являлся болѣе къ своимъ вассаламъ; сіи послѣдніе разсѣялись; ужасъ и безмолвіе царствовали въ лѣсахъ. А я, всегда вѣрный моей обязанности и слишкомъ счастливый тѣмъ, что принадлежалъ Маріи и жилъ на воздухѣ, подобно орлу, я вседневно дѣйствовалъ моимъ телеграфомъ, всегда столько жъ находя въ томъ удовольствія, сколько вы нашли бы, нечаянно встрѣтивъ на дорогѣ заблудившагося глухо-нѣмаго, который испрашиваетъ у васъ чего-то, которому вы желали бы помочь отъ всего сердца, но котораго оставляете, не понявъ его просьбы, его желаній.«

»Между тѣмъ дни, мѣсяцы, годы протекали въ этомъ блаженствѣ, столь однообразномъ и вмѣстѣ столь сладостномъ. Страницы исторіи, сочиняемой мною для себя, увеличивались также мало, какъ любовный романъ молодаго

вѣтренника, растроганнаго воспоминаніями о *вчера* и надеждами на *завтра*. Тоже было съ моею лѣтописью: вторая глава слѣдовала гораздо послѣ первой! При сіяніи прекраснаго Майскаго солнца, ворота молчаливаго нашего обиталища съ шумомъ разпахнулись; толпа слугъ бросилась по аллеямъ; блестящія, новыя палаты воздвиглись какъ будто волшебствомъ; вы бы сочли ихъ дворцемъ: прелестныя женщины, золотые эполеты, и, для предсѣдательствованія на пиру, господинъ замка, въ черномъ платьѣ, съ усмѣшкою самодовольствія, но безъ надменности, безъ гордости. Это зрѣлище заняло меня. Скучно имѣть предъ глазами такія прекрасныя мѣста и знать, что онѣ необитаемы, не смѣть ничего вообразить подъ тѣнью деревъ, быть увѣреннымъ, что эти розы увянутъ на своихъ стебелькахъ, а эти сочные плоды безъ пользы опадутъ къ корню дерева, ихъ носившаго!«

»Вечеромъ, облокотившись на перила и сокрывъ до половины голову въ объятіяхъ Маріи, я прислушивался къ небесной гармоніи, раздававшейся въ окрестностяхъ, присутствовалъ на великолѣпныхъ празднествахъ, освѣщенныхъ тысячью огней, коихъ яркость увеличивалась отраженіемъ въ алмазахъ и въ кристаллѣ.—»Марія, знаешь ли ты новость?« сказалъ я ей послѣ минутнаго безмолвнаго удивленія: »знаешь ли, что

владѣтели замка возвратились? Я никогда не видывалъ у нихъ столько великолѣпія и блеска; прежде, чтобъ повеселиться, они прятались подъ землю; теперь не боятся дневнаго свѣта; посмотри: они навсегда исправились! . . «

» При сихъ словахъ Марія засмѣялась; и ея смѣхъ былъ вмѣстѣ такъ нѣженъ и такъ шутливъ, что нельзя было ему сопротивляться. »Надъ чѣмъ же ты смѣешься, шалунья? мнѣ кажется, я говорю разсудительно.«

—» О, знаменитый историкъ!»—отвѣчала она— « бойся вѣтряныхъ мѣльницъ. Этотъ великой принцъ, котораго ты видишь внизу, окруженнаго льстецами и прислужниками, сопровождаемаго такою шумною музыкою и такимъ множествомъ прелестныхъ женщинъ—правда—владѣлецъ замка, но не владѣтель; это просто денежный человѣкъ, откупщикъ, какъ бы ты назвалъ его въ другое время; если онъ забавляется теперь при дневномъ свѣтѣ, то потому, что онъ не такой еще знатный господинъ, чтобъ имѣть подземелья. Правду сказать« — прибавила Марія—»весьма непріятно всякой день доставлять Франціи столько извѣстій и самимъ знать такъ мало! Мой другъ! твои руки, можетъ быть, только однѣ не пользуются тѣмъ, до чего касаются. « . . И сія колкая выходка, столь живая сначала, окончилась печальнымъ вздохомъ:

ибо въ нашемъ положеніи самое счастіе имѣло въ себѣ что-то суровое, сжатое. О! счастіе, которому никто не завидуетъ, есть тяжелое бремя!«

»Нѣсколько дней спустя, раннимъ утромъ, мы увидѣли посланныхъ отъ правительства, кои схватили новаго владѣльца замка, среди глубокаго сна; онъ вышелъ: его деревянныя палаты обрушились; друзья, едва пришедшіе въ себя отъ послѣдняго пира, разсѣялись; молчаніе возвратилось; все кончено: онъ не явился болѣе!«

»И каждый день я двигалъ крыльями моего телеграфа и пытался отгадать, какія слова изображались имъ; но всегда ложился спать, сѣтуя на неуспѣхъ, бранимый, цѣлуемый Маріею.«

»Однимъ утромъ я сказалъ ей: »Видишь ли, Марія, тамъ внизу на холмѣ, этого великана въ два съ небольшимъ аршина, въ длинныхъ сапогахъ и маленькой шляпѣ, прохаживающагося съ важнымъ, озабоченнымъ видомъ? Посмотри, это еще какой нибудь счастливецъ, коего судьба дѣлаетъ владѣтелемъ звѣринца!« Но онъ показался здѣсь только одинъ разъ, съ тѣмъ чтобъ никогда не являться. Этотъ человѣкъ, какъ мы узнали послѣ, назывался Бонапартомъ!«

»Иногда я говаривалъ Маріи: »Марія, должны ли мы всю жизнь нашу оставаться на этой горѣ?

Какъ прекрасны эти цвѣтущія поля и дернистые луга, этотъ шумъ высокихъ тополей, колеблющихъ свои красивыя вершины, журчаніе свѣжаго родника и душистый паръ молочной коровы, когда она возвращается въ загонъ, звеня своимъ колокольчикомъ, блѣяніе стадъ, и пляски крестьянъ по воскресеньямъ, нищій, протягивающій руку на большой дорогѣ, и общее моленіе въ храмѣ Божіемъ!.. Марія, намъ здѣсь душно: весна пожираетъ насъ, зима убиваетъ; вѣтерокъ до насъ не доходитъ; мы слишкомъ возвышены для его легковѣйныхъ крыльевъ; здѣсь однѣ бури и непогоды, да эта тяжелая машина, которую должны мы вѣчно двигать! Уйдемъ, Марія, убѣжимъ, воротимся на землю: земля такъ прекрасна! Самая безплоднѣйшая пустыня предпочтительнѣе этихъ широкихъ каменныхъ плитъ, сквозь щели кои едва пробирается тощая былинка, тотчасъ изсушаемая буйнымъ вѣтромъ.«

—»Уйдемъ пожалуй!«—говаривала Марія—»но милый Оскаръ, куда бѣжать намъ? Развѣ ты не помнишь, что смерть тяготѣетъ надъ твоею головою? Земля велика, очень велика: но у насъ нѣтъ ни частички, намъ принадлежащей, нѣтъ даже уголка, гдѣ бъ ты могъ меня погребсти, когда я умру! Послушай, Оскаръ, я родилась здѣсь; отецъ мой умеръ здѣсь же; я

привязана къ этой башнѣ, какъ къ родинѣ. Здѣсь мы цари, надъ нами нѣтъ никого, кромѣ неба... здѣсь у насъ есть и хижинка и хлѣбъ; въ мирѣ и свободѣ можемъ мы любить другъ друга; мы богаты и счастливы: останемсяжъ здѣсь, мои возлюбленный Оскаръ! Хотя бъ мы даже и могли жить на землѣ, такъ теперь уже поздно—время наше прошло: мы не будемъ въ состояніи говорить, какъ другіе люди!—Увы! знаемъ ли мы, какимъ перемѣнамъ они, послѣ насъ, подвергались?»—И говоря такимъ образомъ, она вдругъ останавливалась и вскрикивала: »Смотри, смотри—скорѣе на площадку, дали сигналъ!« И я снова принимался за повтореніе этихъ проклятыхъ сигналовъ, отъ коихъ отрекался.«

»Однакожъ разъ, послѣ столькихъ лѣтъ изгнанія, желаніе вновь увидать землю сильно овладѣло моимъ сердцемъ. Это было въ осенній вечеръ, коего холодный, сухой вѣтеръ уже напоминалъ о зимѣ; я поставилъ Марію на свое мѣсто, а самъ сошелъ въ лѣсъ. Поблеклые листья усыпали землю: нѣсколько желтыхъ, кое-гдѣ виднѣвшихся листочковъ колебалось на верхушкахъ деревьевъ. Я не узналъ лѣса, гдѣ протекла моя молодость, и чуть чуть не воротился назадъ отъ ужаса; но любопытство превозмогло; я пошелъ впередъ. Все кругомъ меня было печально: ни лая собаки, ни пѣсни крестьянина; люди проходили въ молчаніи, грустные, несчастные. Нѣког-

да, говорилъ я самъ себѣ, всѣ эти люди были молоды и многочисленны; теперь—такъ стары и рѣдки! Размышляя такимъ образомъ, я очутился на большой дорогѣ, на перекресткѣ четырехъ дорогъ, сходившихся при старинномъ трактирѣ подъ вывѣскою Мушкетера, бывало веселомъ сборищѣ стрѣлковъ и окружныхъ пируховъ. Ахъ! и трактиръ этотъ измѣнился, какъ все прочее. На вывѣскѣ солдатъ, котораго я прежде видѣлъ въ коротконольной шляпѣ, бѣломъ верхнемъ и черномъ шелковомъ нижнемъ платьѣ, превратился въ дюжаго воина, съ распущенной шляпой, въ синемъ кафтанѣ, бѣлыхъ рейтузахъ, съ длинными рыжеватыми усами и красною лентою, на груди; танцовальная зала, въ которой еще возвышались музыкальные хоры, безмолвные, обветшалые, сдѣлалась караульнею; общая комната завоевана была солдатами, которые пили вино, произнося черкювскія клятвы и ругательства; я слушалъ ихъ разговоры и ничего не понималъ. Только мнѣ сдавалось, что дѣло шло о какомъ-то казармномъ хвастовствѣ; ибо, по словамъ ихъ, они все видѣли: и Египетъ, и Россію, и кроткій климатъ Неаполя и двусмысленное небо Германіи. Впрочемъ это были безстрашные служаки, твердые, какъ желѣзо, осыпанные ранами, толковавшіе о сраженіяхъ, какъ будто наизусть изъ Квинта Курція. »

»Все кругомъ меня говорило о войнѣ. Часто мы видали большія толпы тощихъ оборванныхъ плѣнниковъ, скованныхъ по двое, которыхъ влекли въ тюрьмы Королевства; за ними ѣхали огромныя телеги, наполненныя ранеными Французами; они были навалены другъ на друга безъ всякой предосторожности, безъ порядка: ихъ везли, не обращая вниманія на ихъ стенанія и убійственныя муки; а противоположною стороною дороги, въ моихъ глазахъ проѣзжали, въ сопровожденіи жандармовъ, молоденькіе ребятишки, съ бѣлымъ безбородымъ личикомъ, слабые, изнѣженные воины въ семнадцать лѣтъ, которые шли за славою, только что вырванные изъ горячихъ матернихъ объятій. И всюду тоже горестное зрѣлище: отъ одной сохи похищали и земледѣльца и лошадь. Потомъ за этой ужасной суматохой задушаемыхъ криковъ, громкихъ жалобъ, побѣдныхъ пѣсней, звона оружій и скрыпѣнія пушекъ, везомыхъ по дорогѣ, наступала мертвая тишина; домы были заперты, на кровляхъ не видно ни одного голубка для украшенія черепицы; скотные дворы оставались безъ сторожей; длинныя трубы безъ малѣйшей струйки дыма, для возвѣщенія вечерней трапезы.«

»Какъ скоро этотъ міръ разочаровалъ меня! И какъ тогда мое уединеніе показалось мнѣ пріятнымъ! Какимъ счастливцемъ почиталъ я се-

бя, будучи удаленъ отъ шума войны, живя такъ высоко на воздухѣ, что звукъ оружія не возмущалъ меня! Тихій и спокойный воротился я домой, въ это царство, коего былъ самодержцемъ, къ моей длинной жерди, доставлявшей мнѣ пропитаніе, и, что важнѣе всего, къ моей доброй Маріи, моей вѣрной женѣ, всему моему благу, всей моей жизни. Когда я возвратился, она стояла, склонясь съ вершины башни, и ея голова представлялась какъ будто погруженною въ облакахъ. Какъ были нѣжны наши объятія! сколько было у насъ вещей пересказать другъ другу! Словно прошелъ вѣкъ, какъ я не видалъ Маріи. Столъ былъ накрытъ, ужинъ готовъ; искрящійся, благовонный огонекъ изъ виноградныхъ лозъ сверкалъ на очагѣ. Я сидѣлъ подлѣ ней, говорилъ съ нею, смотрѣлъ на нее, подавалъ ей; и когда заснулъ въ ея объятіяхъ, пламя, постепенно угасая, расширило до безконечности нашу комнату, между тѣмъ какъ извнѣ скрытѣнія телеграфа возвѣщали наступающую бурю.«

»Вотъ происшествія моей жизни, наиболѣе отличающіяся отъ прочихъ. Мнѣ остается разсказать вамъ о смерти Маріи. Я видѣлъ, какъ она медленно погибала безъ всякой видимой причины. Уже съ долгаго времени предчувствуя конецъ свой, она недѣли за двѣ до пагубной

минуты хлопотала объ умноженіи нашихъ припасовъ, о приведеніи въ порядокъ нашего хозяйства, то есть, хотѣла заготовить себѣ дня два свободныхъ, чтобы умереть спокойно. Когда я замѣтилъ, что цвѣтъ лица ея пропалъ и потухающіе глаза блистали тусклою блѣдностью, я понялъ, но понялъ смутно угрожающее мнѣ бѣдствіе. Каждый разъ, когда телеграфъ позволялъ мнѣ, я былъ подлѣ постели Маріи, считалъ біенія ея сердца, всматривался въ ея тихую, безчувственную улыбку; но мысль о смерти ея не приходила мнѣ въ голову.«

»Очень помню я, что въ одинъ день было мнѣ очень много работы; извѣщенія безпрерывно слѣдовали одно за другимъ; и только при наступленіи ночи я могъ совершенно принадлежать женѣ моей. Ночь была тиха и спокойна; Марія долго со мною бесѣдовала и никогда не говорила мнѣ столько нѣжностей, столько изъявленій любви и счастія. Только, когда первая заря показалась, моя больная приняла видъ болѣе торжественный; ея бѣлая рука, съ напряженными жилами, удержала меня. »Обними меня«—сказала она—»и поцѣлуй въ послѣдній разъ: мой другъ, я чувствую, что умираю!«

«Рыдая, поцѣловалъ я ее; черезъ нѣсколько минутъ она показала пальцемъ, что разсвѣло, и

безъ сомнѣнія, дабы не потерять меня изъ виду, отдернула занавѣску своего окошка. Я могъ ее видѣть, предаваясь моей работѣ.«

»Увы! я ее вижу еще. Въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ мои глаза безпрестанно перебѣгали отъ неба къ ея смертному одру; послѣ каждаго сигнала я бросалъ взглядъ на Марію; она, виднѣясь сквозь окно, казалась мнѣ спокойною; иногда даже, по движеніямъ ея губъ, я замѣчалъ, что она говорила мнѣ... но телеграфъ безпрерывно дѣйствовалъ. И цѣлый день онъ не переставалъ дѣйствовать. Разъ, при самомъ многочисленномъ стеченіи сигналовъ, я увидѣлъ, что жена моя тягостно приподнялась: я хотѣлъ броситься къ ней, но она кивнула мнѣ, приказывая остаться на своемъ мѣстѣ—и я послушался: я никогда не былъ ослушникомъ передъ Маріею.«

»Когда вечеромъ вошелъ я въ комнату, Маріи уже не было! Еще оставались ея прекрасныя черты, милая головка, длинные волосы, прелестная улыбка; но ни души, ни сердца, ничего не было.«

»Я похоронилъ ее подлѣ отца, подъ тѣмъ же камнемъ; тамъ оставалось только одно мѣсто, назначенное для Маріи, и я пожертвовалъ собою. Въ тотъ же день я бросилъ ремесло, не позволявшее мнѣ принять послѣдняго вздоха супруги;

возвратился на землю, долго бродилъ и--увидѣлъ людей.»

»Это было въ Парижѣ, у городскихъ воротъ. Происходило большее торжество; тянулся безчисленный поѣздъ; и человѣкъ, подлѣ стоявшій, увѣдомилъ меня, что Король Французскій въѣзжалъ въ свое Королевство... Я не зналъ, что онъ и выѣзжалъ изъ него!«

»Я увидѣлъ большихъ бронзовыхъ орловъ, держащихъ въ когтяхъ громовыя стрѣлы; мнѣ объяснили, что это были гербы Императора, двукратно падшаго!«

«Мнѣ попались деньги съ именемъ Республики. Такъ у насъ была Республика?«

»О! государь мой! какую горесть прибавило къ прежнимъ моимъ горестямъ совершенное мое невѣденіе! Какъ болѣзненнѣе сдѣлалось мнѣ воспоминаніе о единственномъ существѣ, которое было такъ же несвѣдуще, какъ я! Если бы Марія была жива, я бы имѣлъ еще душу, съ которою могъ говорить, я бы видѣлъ одно человѣческое существо, которое было совершенно равно со мною. Теперь мое одиночество давитъ меня; нѣтъ дитяти, который бы не почелъ меня самымъ несвѣдущимъ изъ всѣхъ людей. Напрасно хотѣлъ я приняться за вашу исторію: я нашелъ, что тридцать лѣтъ вашей исторіи содержали въ себѣ больше происшествій, чѣмъ всѣ исторіи міра; и уныніе

овладѣло мною! Да и къ чему мнѣ знать о вашей Республикѣ или Имперіи по слуху? Что значитъ исторія писанная въ сравненіи съ исторіею современною? Что значитъ безтѣлесное, безцвѣтное дѣяніе въ сравненіи съ человѣкомъ живымъ? Что могъ я узнать о вашихъ герояхъ — я, поспѣвшій на ихъ погребеніе? Повторю: моя жизнь — жизнь потерянная! Это конечно не большое несчастіе для свѣта; но для меня — это несчастіе безъ отрады, безъ утѣшенія, безъ надежды!«

» Часто, миновавъ памятники, для меня одного непонятные, убѣжавъ отъ знаменитыхъ именъ, не находящихъ привѣтнаго отзыва въ душѣ моей, убѣжавъ изъ вашей столицы, ознаменованной слѣдами трехъ противоположныхъ эпохъ, изъ этой двусмысленной гробницы, неискусно составленной изъ трехъ орденовъ совершенно различной архитектуры, наконецъ я вижу себя на полѣ... начинаю дышать свободнѣе; мнѣ представляется, что я отыщу по крайней мѣрѣ здѣсь незнаніе, столь же глубокое, какъ мое, или, что найду подобнаго себѣ, съ коимъ могу говорить не краснѣясь!.. И чтожъ?—ничего не бывало!—Я нахожу земледѣльцевъ, сражавшихся при Пирамидахъ, встрѣчаю дровосѣковъ, пожалованныхъ капитанами на берегахъ Москвы; малѣйшая фер-

ма скрываетъ въ себѣ ученаго или поэта; вижу великихъ людей по осмнадцатому году, и — въ этомъ мірѣ, столь далеко ушедшемъ впередъ — ни одного старика, который бы остался другомъ моей старинной учености, ни одного старика, который бы могъ изъяснять со мною Ѳукидида или Ваньера! Можно подумать, что они такъ оглушены потрясеніями, мною не дослышанными, что потеряли всѣ воспоминанія; и я остаюсь теперь человѣкомъ самымъ ничтожнѣйшимъ во вселенной. « . .

Такъ говорилъ старикъ. Крупныя слезы катились по щекамъ его; и, какъ онъ не жаловался ни на людей, ни на обстоятельства, не оказывалъ ни къ кому ни малѣйшаго отвращенія, то я понялъ, что предъ глазами моими находился самый высшій идеалъ отчаянія!

съ Франц. А. Т.

IV.

ВѢЧНЫЙ ОГОНЬ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ БАКУ.

На Абшеронскомъ полуостровѣ, въ разстояніи почти 12 верстъ отъ города Баку, лежащаго при Каспійскомъ морѣ въ 174 верстахъ отъ ключей бѣлой нефти, къ сѣверу, между деревнями Сарахани и Эмир-Хадсханъ, пылаетъ такъ называемый Вѣчный Огонь. При немъ живетъ колонія Индійскихъ огнепоклонниковъ. Мы поѣхали туда на вечеръ; въ эту пору на довольно далекомъ разстояніи открывается рѣдкое зрѣлище. Сначала видны четыре главные пламени; но по мѣрѣ приближенія путешественниковъ усматривается болѣе и болѣе малыхъ огней, изходящихъ изъ земли. Четыре главные огня возносятся весьма высоко и освѣщаютъ всю окрестность, въ совершенномъ запустѣніи находящуюся. Наконецъ видишь высокую, бѣлую каменную стѣну и четыре возвышающіяся надъ нею трубы, изъ коихъ стремятся сіи огни. Подумаешь, что находишься возлѣ какого нибудь волшебнаго замка. Мы вступили въ обширной ярко освѣщенный дворъ, посреди коего находился четвероугольный портикъ съ четырмя трубами, изъ

коихъ стремятся большіе огни, которые образуютъ освѣщеніе, изумляющее и ослѣпляющее пришельца. Кругомъ по внутренней сторонѣ стѣны находятся кельи Индійцевъ, изъ коихъ одинъ принялъ насъ при входѣ. Онъ былъ почти нагой: передникъ и бѣлая чалма составляли всю его одежду. Медленно выступилъ онъ изъ своей кельи, остановился, сложилъ руки, благоговѣйно преклонился предъ огненнымъ божествомъ своимъ, повторяя безпрестанно, на Индійскомъ языкѣ, слѣдующія слова: »*Рама, храни Повелителя Россіи!*« Рама на языкѣ ихъ значитъ Богъ. Между тѣмъ вышли изъ келей своихъ и еще нѣкоторые Индійцы, также почти безъ одежды. Темной цвѣтъ кожи ихъ, растрепанные волосы, которые у многихъ, не имѣвшихъ чалмы, висѣли въ безпорядкѣ, чрезмѣрная сухощавость ихъ тѣла, состоявшаго почти изъ однихъ костей—все сіе возбудило во мнѣ непріятныя чувствованія. Первый Индіецъ пригласилъ насъ въ свою келью, въ которой не нашли мы ничего, кромѣ весьма дурнаго ковра и двухъ кувшиновъ; но предъ кельей его разцвѣталъ во всемъ великолѣпіи большой розовой кустъ. Отъ него пошли мы къ другимъ Индійцамъ, коихъ здѣсь находится около двѣнадцати (сколько же живутъ въ Баку!). Кельи большею частію очень малы и, какъ первая, не содержатъ ника-

кой домашней утвари. Во многихъ кельяхъ горѣли огни, нѣкоторые на полу, нѣкоторые на верхней оконечности известковой трубки, воткнутой въ полъ и служившей вмѣсто свѣчи.

Одинъ изъ верховныхъ жрецовъ ихъ былъ одѣтъ въ узкой пестрой шелковой, темнокраснаго цвѣта, кафтанъ; на головѣ имѣлъ онъ красную остроконечную шапку; у него увидѣли мы идоловъ. То были маленькія металлическія изображенія звѣрей, стоявшія въ углу на небольшомъ столѣ за шелковымъ занавѣсомъ. По стѣнамъ видѣли мы получеловѣческія, почти съ дьяволомъ сходныя фигурки, написанныя яркой красной краской. Хотя божества сіи были изображены съ коронками на головѣ, но такъ же съ длинными хвостами; въ рукахъ ихъ были большіе рога, въ которые они трубили. Предъ ними такъ же горѣли многіе огоньки. При вступленіи нашемъ въ кельи, Индійцы трубили въ раковины и звонили въ колокола, чѣмъ возвѣщаютъ они, что наступило время молиться. Нѣкоторые, въ числѣ коихъ и Первый Жрецъ, выносили съ собой поллиста бумаги, на коемъ написана была Индійская молитва, читая которую, они безпрерывно качали головою. Только у Верховнаго Жреца собралось нѣсколько другихъ Индійцевъ, дабы вмѣстѣ поклониться богамъ; впрочемъ каждой изъ нихъ молится въ своей кельѣ и не ходитъ въ чужую. Говорятъ, что они

живутъ между собою всегда въ раздорѣ. Нѣкоторые изъ нихъ стали играть въ карты, что другіе почитали грѣхомъ. Но какъ сіи послѣдніе не были въ состояніи воспрепятствовать первымъ; то исправляющій должность комменданта взялъ многихъ въ городъ, дабы прекратить такимъ образомъ ссору. Правда ли это и чѣмъ кончилось — не знаю. Мнѣ показались всѣ они людьми смирными, набожными, съ коими надлежало бы поступать болѣе снисходительно, нежели строго. Большая часть изъ нихъ сидѣли близъ огня въ глубокомъ молчаніи, другіе клали руки на голову и, качая ею безпрестанно, читали молитвы, коихъ ни для кого не прерываютъ, почему и могли мы безъ помѣшательства осматривать ихъ кельи.

Индійцы почитаютъ огонь за нѣчто священное или за самое божество. На вопросъ мой: »есть ли какое различіе между огнемъ и богомъ?» отвѣчали они, что оба одно и тоже. Иногда называютъ они огонь по Арабски: *нуръ*, иногда по Персидски: *аганъ* а). И то и другое озна-

---

а) *Аганъ* имѣетъ разительное сходство съ Русскимъ словомъ *огонь:* можетъ быть, оба сіи слова произходятъ отъ Санскритскаго, древнѣйшаго изъ языковъ, изъ коего во всѣхъ другихъ языкахъ остались отдѣльныя слова.

чаетъ, по словамъ ихъ, Раму (божество). Не имѣя хорошаго переводчика, не могъ я точно узнать, почитаютъ ли они самый огонь божественнымъ, или нѣтъ? Мнѣ показалось, что одинъ изъ нихъ почиталъ священнымъ только мѣсто, гдѣ огонь горитъ, называемое ими *Атеш-Га* (Мѣсто Огня). Въ священныхъ книгахъ ихъ это *Атеш-Га* назначено именно при Баку, какъ такое мѣсто, куда должно путешествовать для поклоненія Богу; однакожъ они не думаютъ, что Богъ предпочтительно здѣсь обитаетъ: ибо Онъ, по мнѣнію ихъ, находится вездѣ. Также не знаютъ они, какой видъ имѣетъ Богъ. Думаютъ однакожъ, что онъ не имѣетъ никакого вида, но всякіе виды принимать можетъ. Отъ того происходитъ множество образовъ, подъ коими они представляютъ себѣ божество. Я опишу только нѣкоторые изъ видѣнныхъ мною у здѣшнихъ Индійцевъ. У вышесказаннаго Перваго Жреца, который по видимому находится въ большомъ уваженіи, коего келья лучше всѣхъ убрана, нашелъ я досчатое, наподобіе террасы сдѣланное возвышеніе, покрытое красной бумажной матеріею. Въ верху на срединѣ сего возвышенія находилась маленькая человѣческая голова, изъ желтой мѣди сдѣланная, украшенная весьма острой шапкой, коей верхъ разходился въ видѣ солнца, а въ срединѣ сего послѣдня-

го расширенія находилась большая бирюза. На стѣнѣ, покрытой бѣлою шафтою, которая имѣла видъ вѣера, находились четыре четвероугольныя мѣдныя дощечки съ изображеніями, подобными человѣку, но коихъ головы были сходны съ собачьими, а руки имѣли многія раздѣленія. Изъ животныхъ обожаютъ они предпочтительно корову и собаку; кошекъ же, мышей, лягушекъ, ящерицъ и змѣй, ненавидятъ, какъ дѣтей злаго духа. Предъ упомянутой мѣдной головой на краю лежали четыре кругло-вышлифованные кремня различнаго цвѣта. Всѣ предметы сіи, даже камни, называютъ они Рамой, слѣдовательно Богомъ. Возлѣ постели первосвященника находилась доска съ мѣдными сосудами разной величины, въ коихъ они приготовляютъ свою святую воду, которую въ заключеніе богослуженія выпиваютъ. Утромъ и вечеромъ предъ начатіемъ богослуженія Индійцы обливаютъ себя съ ногъ до головы водою, зажигаютъ посредствомъ бумажной горящей тряпицы газъ, которой выходитъ изъ многихъ дыръ, въ углу кельи ихъ находящихся; послѣ чего всякой начинаетъ читать вслухъ свои молитвы.

Сначала на Верховномъ Жрецѣ была шаль, повязанная вокругъ головы, какъ у Татарскихъ Муллъ. Въ послѣдствіи онъ снялъ сію шаль и открылъ черные, въ кружокъ обстриженные

волосы, которые собраны были на темѣ въ узелъ. Сверхъ платья былъ на немъ надѣтъ широкій кафтанъ или Татарскій халатъ. Прочіе Индійцы были почти наги на головахъ имѣли они красную или желтую шаль, обернутую въ видѣ чалмы, носимой Муллами; иные не имѣли ничего на головѣ; ихъ бѣлокурые, въ нечистотѣ содержимые, блѣдноцвѣтные волосы, будучи безпорядочно собраны во многія хвостообразныя косы, висѣли у нихъ по бокамъ. Лобъ ихъ иногда былъ окрашенъ въ желтый цвѣтъ шафраномъ, иногда въ красной; въ ушахъ носятъ они такъ называемые *амулеты*, коимъ они также даютъ имя Рамы. На примѣръ у одной изъ нихъ видѣли мы въ ушахъ кольца безобразной величины и ширины; у другихъ висѣла на шеѣ маленькая въ три четверти дюйма длиною деревянная дудка, прикрѣпленная къ снурку. Одинъ изъ Индійцевъ свисталъ въ подобную дудочку и громко смѣялся, сердечно увеселяясь тонкимъ голоскомъ своего Бога. Нѣкоторые вмѣсто кумира носятъ на шеѣ овально-круглые, висящіе на снуркѣ, куски жесткаго, чернаго дерева, весьма блестящіе и въ срединѣ просверленные.

Кельи Индійцовъ разной величины; всякой изъ нихъ самъ строитъ свою. Такимъ образомъ зданіе воздвиглось мало по малу, почти безъ всякой правильности. Стѣна, окружающая

кельи, весьма высока и содержится въ хорошемъ состояніи, ибо вообще очень нова. Гмелинъ еще не видалъ ее; и, вѣроятно, изъ зданій отдѣльныхъ, существовавшихъ тогда, въ послѣдствіи образовалось сіе большое, окруженное стѣною, зданіе. По срединѣ внутри сего монастыря находится яма величиною въ квадратный сажень, глубиною въ полсажени; надъ сей ямой лежатъ сводообразно большіе камни; яма сія содержится въ большой чистотѣ. Когда Индіецъ умретъ, то кладутъ тѣло его на камни, обливаютъ растопленнымъ коровьимъ масломъ и зажигаютъ газъ, въ ямѣ находящійся. Когда трупъ совершенно сгоритъ, то сбираютъ весь пепелъ, упавшій въ яму сквозь отверстія между камнями, и разсѣваютъ оный по воздуху. Симъ и оканчивается обрядъ погребенія.

Многіе Индійцы приходятъ сюда для богомолья на пять или на восемь лѣтъ; и совершивъ за себя или за другихъ поклоненіе *Мѣсту Огня*, возвращаются въ отечество. Нѣкоторые находятся здѣсь отъ 15 до 30 лѣтъ и вѣроятно кончатъ здѣсь жизнь свою. Они живутъ въ бѣдности, не ѣдятъ никогда мяса, питаются одной зеленью и огородными овощами, которыя по большой части сами выращаютъ.

Двое вмѣстѣ никогда они не ѣдятъ;

въ слѣдствіе чего каждый имѣетъ въ своей кельѣ маленькую мѣдную посудинку, которую содержитъ въ большой чистотѣ. Кушанье свое готовятъ они въ томъ же углу кельи, въ которомъ совершаютъ молитву, и на томъ же огнѣ. Имъ оказываетъ пособіе богатый Индіецъ, по имени *Отумдшенъ*, который нынѣ снялъ на откупъ Саліанскіе рыбные промыслы, живетъ же обыкновенно въ Астрахани. Онъ посылаетъ имъ муки, крупъ, сарачинскаго пшена и денегъ, на которыя большею частію поновлено и отстроено зданіе. Индійцы молятся за него богамъ. Онъ самъ пріѣзжаетъ ежегодно раза два къ Мѣсту Огня, для поклоненія. Говорятъ, что въ Астрахани имѣютъ они капиталъ, хранимый ихъ земляками; сей капиталъ составленъ изъ денегъ, присылаемыхъ умирающими Индійцами для бѣдныхъ огнепоклонниковъ, съ тѣмъ чтобъ они молились за упокой душъ усопшихъ. Часто также купцы, повершающіе морское путешествіе, опредѣляютъ имъ въ видѣ обѣта деньги, которыя и выдаютъ по возвращеніи въ Астрахань. Сказываютъ, что одинъ изъ таковыхъ далъ недавно 1,000 рублей вкладу. Посему Индійцы и содержатъ ночью въ своемъ *Атеш-Га* большой огонь, возходящій изъ главныхъ трубъ и служащій для мореходцевъ маякомъ.

Всѣ живущіе здѣсь Индійцы суть—(какъ и сами себя называютъ)—монахи или дервиши, которые слѣдственно никогда не могутъ быть женаты; однакожъ не за долго предъ симъ одинъ изъ нихъ женился на Индіянкѣ, не взирая на сильныя жалобы престарѣлаго Верховнаго Жреца.

Въ то время, когда мы посѣщали монастырь, означенный женатый Индіецъ находился въ путешествіи; по видимому, онъ былъ купецъ, а не монахъ, и на этомъ основывалъ законность женитьбы своей; не менѣе того ему не слѣдовало бы жить съ женою въ монастырѣ. Я желалъ ее видѣть, но она такъ закуталась въ шаль свою, что едва можно было разсмотрѣть малой ростъ ея. Говорятъ, что она носитъ въ носу большое кольцо (также идолъ).

Вѣчный Огонь, горящій въ кельяхъ, на дворѣ монастыря и даже внѣ онаго, происходитъ отъ горючаго газа и онымъ поддерживается.

Слѣдственно предположеніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, прежде здѣсь бывшихъ, неосновательно. Здѣсь горитъ не нефть, но водородный, смѣшанный, можетъ быть, съ углетворомъ газъ, который, отдѣлясь въ глубинѣ, восходитъ чрезъ трещины известковатой почвы, загорается при приближеніи пламени и продолжаетъ безпрерывно горѣть.

Никогда не загорается онъ самъ собою, или

отъ приближенія разкаленнаго угля, даже и тогда, когда сильно оный раздуваютъ; чтобъ зажечь его, необходимо нужно пламя. Индійцы, незнающіе, кромѣ своего, никакого огня, обыкновенно берегутъ кусокъ стараго холста; зажигаютъ оный и держутъ надъ трещиной въ землѣ, отъ чего газъ немедленно загарается.

Сей газъ, если изходитъ изъ скалы, не имѣетъ никакого запаха, не производитъ ощутительной теплоты, не возбуждаетъ ни малѣйшаго отвращенія при вдыханіи его; онъ легче атмосферическаго воздуха, ибо собирается подъ крышею комнаты; не смѣшивается, какъ сѣроводородной газъ, съ водою, но можетъ восходить изъ подъ воды. Будучи собранъ въ свиномъ пузырѣ, не держится въ ономъ болѣе двухъ дней, но вылетаетъ чрезъ пары сего пузыря. Также нельзя его долго сохранять въ стеклянномъ сосудѣ; ибо къ оному легко примѣшивается атмосферическій воздухъ. Жаръ, производимый симъ газомъ во время его горѣнія, весьма силенъ; почему и употребляютъ его жители для жженія извести; но, при выступленіи его изъ земныхъ трещинъ, температура его не превышаетъ температуры атмосферическаго воздуха, окружающаго газъ. Пламя сего газа имѣетъ бѣложелтый цвѣтъ и при погашеніи его не замѣтно дыма.

Газъ сей, будучи смѣшанъ съ атмосферическимъ воздухомъ, издаетъ при возгорѣніи звукъ, подобный выстрѣлу. Индійцы показываютъ пришельцамъ слѣдующую достопримѣчательность. По близости монастыря ихъ есть колодезь, коего воду они употребляютъ. Вода сія хотя чиста, но какъ всякая, въ семъ мѣстѣ находящаяся, отзывается нефтью, не взирая на то, что вытекаетъ изъ известковой каменной почвы. Если закрыть сей колодезь, то по прошествіи получаса безпрерывно восходящій газъ собирается въ верхней части колодезя. Тогда вдругъ, открывъ оный, бросаютъ въ него пукъ зажженной соломы, посредствомъ чего смѣшанный съ атмосферическимъ воздухомъ газъ воспламеняется и происходитъ ужасный выстрѣлъ. Сей сильный опытъ не удается въ другомъ колодцѣ, можетъ быть потому, что газъ собирается въ меньшемъ количествѣ или слишкомъ разрѣжается. Прежде нежели сіе свойство газа сдѣлалось имъ извѣстно, часть монастыря ихъ была имъ разрушена. Одинъ изъ нихъ слишкомъ приближилъ огонь къ крышѣ своей кельи. Собравшійся тамъ газъ воспламенился, комната разрушилась и нѣсколько Индійцевъ были ушибены.

Съ сихъ поръ обращаются они въ кельяхъ своихъ съ огнемъ весьма осторожно. Какъ я поднялъ однажды нѣсколько высоко горящую

свѣчу, то они вообразили, что хочу зажечь келью; бросились съ ужаснымъ крикомъ; забрали не многочисленные пожитки свои и побѣжали вонъ. Изъ всего сего ясно слѣдуетъ, какъ я думаю, что газъ сей есть водородный. Не могу однакожъ рѣшить, почему не имѣетъ онъ свойственнаго водородному газу запаха и не причиняетъ никакого отягощенія при вдыханіи онаго; думаю, что газъ сей несовершенно чистъ, что онъ, пробираясь изъ земли, смѣшивается съ кислороднымъ и теряетъ обыкновенный свой запахъ.

Нѣкоторые могутъ подумать, что газъ сей состоитъ изъ тончайшихъ, легко разрѣшающихся составныхъ частей самой нефти; а какъ вода во всей окружности имѣетъ вкусъ нефти, то можно предполагать, что тончайшія частицы сей послѣдней, смѣшиваясь съ водою, могутъ подобно газу восходить вверхъ и загораться отъ прикосновенія къ огню. Поелику же нефть находится здѣсь повсюду, то надлежитъ думать, что она при образованіи сего газа играетъ важную роль. Но чтобы газъ сей состоялъ изъ ней самой, невѣроятно. Что вода составляетъ необходимое условіе при составленіи сего горючаго газа, явствуетъ отчасти изъ самаго естества водороднаго газа, отчасти изъ того, что газъ сей находится не

далеко отъ моря, при коемъ можетъ легко произходить разрѣшеніе воды, по причинамъ, имѣющимъ дѣйствіе свое подъ землею. Хотя мы находимъ часто нефтяные источники въ самомъ Кавказѣ, слѣдственно въ землѣ, окруженной отвсюду горами, также какъ и въ другихъ странахъ; но подобнаго горючаго газа, ни гдѣ, кромѣ Абшеронскаго полуострова, наблюдено не было. Сами поклоняющіеся огню Индійцы почитаютъ Баку первымъ мѣстомъ для своего богослуженія; они знаютъ только одно подобное мѣсто въ Индіи, называемое Кангра; но тамъ, по словамъ ихъ, горючій газъ содержится въ малой трубкѣ. Сказываютъ однакожъ, что въ Италіи, при Моденѣ, на горѣ Чибіо, есть такой же газъ, не подалеку отъ источниковъ бѣлой и черной нефти. Въ Этруріи по близости города Піетра-Мала, на горѣ Фуоко-ди-Леньо, горитъ, проникающій изъ земли, газъ, также какъ и на Абшеронскомъ полуостровѣ.

Достойно вниманія замѣчаніе Индійцевъ, что сѣверный вѣтръ задуваетъ огонь, а южный напротивъ благопріятствуетъ его горѣнію. Сіе произходитъ, можетъ быть, отъ слѣдующихъ причинъ. Сѣверный вѣтеръ дуетъ съ земли и отгоняетъ воду Бакуанскаго залива, отъ чего она не можетъ проникать въ нѣкоторые подземные каналы, въ коихъ образуется водород-

ный газъ; а потому огонь необходимо дѣлается слабѣе, и если вѣтеръ постоянно дуетъ отъ сѣвера, погасаетъ совершенно. Южный же вѣтеръ гонитъ напротивъ воду во внутренность залива; вода сія вливается въ подземныя отверстія и содѣйствуетъ тамъ составленію водороднаго газа. Тоже самое замѣчено въ отношеніи къ нефти, которая находится здѣсь въ необыкновенномъ изобиліи. При сѣверномъ вѣтрѣ течетъ она въ меньшемъ количествѣ; при южномъ же, особенно въ жаркое лѣто, ее натекаетъ весьма много. Слѣдственно теплота благопріятствуетъ составленію нефти и водороднаго газа. Но можетъ быть, сіе явленіе, при сѣверномъ и южномъ вѣтрѣ, означаетъ только механическое взогнаніе нефти и газа уже готовыхъ, не имѣя вліянія на ихъ образованіе.

Сколь трудно объяснить неизсякаемый источникъ Вѣчнаго Огня, столь же не легко опредѣлить время, въ которое въ первый разъ люди стали наблюдать огонь сей. Древнѣйшіе Греческіе писатели, и самый Геродотъ, которому извѣстна была нефть при Вавилонѣ и въ Египтѣ, ничего не знали о чудесномъ Огненномъ Мѣстѣ при Баку, столь извѣстномъ жителямъ востока въ нынѣшнее время, и о которомъ сіи послѣдніе вѣроятно давно уже знали, ибо прежде здѣсь въ

землѣ Маговъ огнепоклонничество было гораздо болѣе разпространено, нежели нынѣ, а потому многое, о самыхъ отдаленныхъ берегахъ Каспійскаго моря могло бы дойти до свѣденія нашего. Не льзя также примѣнить къ сему мѣсту того, что Плиній говоритъ о нефти; онъ не упоминаетъ ни слова о Вѣчномъ Огнѣ и главнымъ мѣстомъ, гдѣ находится нефть, называетъ Вавилонъ и Астацену а). Также и Птоломей б), которому очень хорошо извѣстна земля Маговъ при устьѣ Кура, не говоритъ ни слова о Вѣчномъ Огнѣ, хотя впрочемъ Агае Sabaeae, кажется, сюда могутъ относиться; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы быть гораздо южнѣе. Наконецъ Амміанъ Марцеллинъ, бывшій въ этой странѣ и знавшій, что слово нефть есть Мидійское, равномѣрно ничего не знаетъ объ источникѣ Вѣчнаго Огня при Баку; но объ нефти говоритъ очень ясно. »Къ достопримѣчательностямъ сей страны, (Мидіи)« —пишетъ онъ в)—»принадлежитъ нефть, имѣющая видъ дегтя и относящаяся къ роду смолъ. Если къ источнику ея сядетъ птица, то, какъ

а) Plinii, Histor. Natural. lib. II. cap. 105—7.

б) Ptolomaeus, de Mediae situ. VI. c. 2. Гетара не нынѣшняя ли Баку?

в) Амм. Марцел. Нѣмецк. перев. Вагнера, II. p. 188.

бы мала ни была, чувствуетъ онѣмѣніе въ крыльяхъ и падаетъ безъ памяти. Если же нефть сія загорится, никакое искусство человѣческое недостаточно для погашенія огня. Въ сей странѣ есть также яма, изъ коей выходитъ убійственнный паръ, удушающій всякое приближающееся къ нему живое существо. По счастію, ядовитый паръ сей находится въ глубокомъ колодезѣ, что препятствуетъ ему занять много мѣста въ ширину; въ противномъ случаѣ, прежде нежели бы онъ вознесся въ верхнія части воздуха, вся окрестность осталась бы надолго необитаема. Подобная яма находилась прежде близъ Іерополя во Фригіи.«

Изъ Арабскихъ писателей находимъ мы у Массуди, жившаго за 943 или 967 лѣтъ по Р. Х., слѣды указанія на сей огонь. Ибн-Гаукалъ напротивъ ничего о томъ не упоминаетъ. Правда, сочиненія его имѣемъ мы только въ сокращеніи. Массуди говоритъ: »Въ Бакѣ« — (не извѣстно однакожъ, разумѣетъ ли онъ здѣсь самый городъ Баку, или весь полуостровъ Абшеронской) — »есть рудникъ бѣлой нефти, единственный какой только извѣстенъ; впрочемъ о томъ знаетъ одинъ Аллахъ! Изъ сего рудника поднимается огненный столбъ, весьма высоко возносящійся и видимый со всѣхъ сторонъ на сто фарсанговъ.« (Разстояніе сіе, опредѣляемое весьма различно, можетъ составлять

отъ 30 до 60 географическихъ миль.) »При громозвучномъ, далеко слышимомъ звукѣ, волканъ сей выбрасываетъ массы огня такъ высоко, что онѣ теряются изъ виду. Изъ сего мѣста Массуди можно съ достовѣрностію заключить, что, почти за 900 лѣтъ предъ симъ, Вѣчный Огонь горѣлъ уже и находился можетъ быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится *Атеш-Га* Индійцевъ; можетъ быть однакожъ, онъ существовалъ и на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Куромъ при его впаденіи въ море не подалеку отъ Баку; ибо всѣ сіи острова очевидно волканическаго произхожденія.

Что касается до волкана, извергающаго съ великимъ шумомъ огонь, то вѣроятно онъ нынѣ не существуетъ; ибо нигдѣ таковыхъ не замѣчено, и хотя бываютъ явленія подобнаго рода, только въ меньшемъ видѣ. Между прочимъ не подалеку отъ западнаго берега, предъ заливомъ, въ который изливается Пирсагатъ, есть островъ, отъ коего ежегодно возходитъ дымъ, извергаемый трещинами, изобилующими въ грунтѣ сего острова. На семъ островѣ, который Русскіе называютъ *Свинымъ*, находятся необыкновенные волканы, извергающіе изъ себя грязь.

Въ одно со мною время въ Баку находился Статскій Совѣтникъ Ваценко, исправлявшій должность Рускаго Консула въ Персіи.

Во всемъ городѣ только его домъ можно было посѣщать съ удовольствіемъ. Во время плаванія своего въ 1826 году въ Астрахань, былъ онъ прибитъ бурею къ Свиному Острову; и отъ него получилъ я слѣдующія объ немъ замѣчанія, самъ же по особеннымъ, лично до меня касающимся причинамъ, не могъ посѣтить его.

Островъ сей весь покрытъ грязными волканами: это суть не большіе глиняные конусы; они одинъ за другимъ выходятъ изъ земли до трехъ футовъ въ вышину, послѣ чего обрушиваются или лопнувъ разпадаются на всѣ стороны; извнутри имѣютъ они видъ жженыхъ, сухихъ кирпичей, а снаружи сыры. Во время образованія сихъ холмиковъ происходитъ небольшой свойственный сего рода явленіямъ шумъ, причиняемый можетъ быть водою, приходящею въ парообразное состояніе. На мѣстѣ, гдѣ одинъ подобный бугорокъ образовался, никогда ни составляется другаго, а всегда по близости; такъ что весь островъ какъ будто изрытъ свиньями, отъ чего и получилъ онъ свое имя. Прежде нежели подобный холмикъ лопнетъ, нигдѣ не видно отверстія: оное образуется уже послѣ. Нефть промыла себѣ вездѣ каналы или протоки, чрезъ кои вытекаетъ; какъ скоро означенный холмикъ лопнетъ и упадетъ нефть тотчасъ начнетъ

печь; такъ что она вѣроятно играетъ при семъ главную роль, и сіи грязные волканы скорѣе можно назвать нефтяными. Впрочемъ таковое истеченіе нефти скоро оканчивается. Почва острова мягка на подобіе губки и сильно втягиваетъ въ себя воду, отъ чего, особенно послѣ дождя, ходить по немъ очень вязко. Г. Колодкинъ видѣлъ подобные нефтяные волканы и на островѣ Буллѣ, по близости Свинаго. По его описанію, они и тамъ состоятъ изъ глиняныхъ или грязныхъ холмиковъ футовъ въ 5 вышиною; въ конической верхушкѣ ихъ находится круглое отверстіе, изъ коего вылетаютъ одинъ за другимъ пузыри, которые лопаются не производя ни какого запаха, кромѣ слабаго запаха нефтью. И здѣсь находятся также трещины въ грунтѣ, но изъ нихъ, пословамъ его, никакого не выходитъ дыму: Очевидно изъ всего сказаннаго, что это тѣ же нефтяные волканы, какъ и на Свиномъ Островѣ; и что справедливо острова сіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими меньшими называются грядою Свиныхъ Острововъ.

(до слѣдующей книжки.)

IV.

БЛАЖ. АВГУСТИНЪ.

(изъ вильменя).

Наконецъ приступаемъ къ жизнеописанію мужа, изумляющаго насъ болѣе всѣхъ другихъ отцовъ Латинской церкви, писателя, который преимущественнѣе предъ прочими соединялъ воображеніе съ богословіемъ, который внесъ въ схоластику краснорѣчіе, даже чувство. Имя сего мужа Блаженный Августинъ. Перенесите его въ другой вѣкъ, вѣкъ превосходнѣйшей гражданственности, и вы увѣритесь, что, никогда, никто не былъ одаренъ геніемъ столь обширнымъ и разнообразнымъ. Метафизику, Исторію, Древности, Нравоученіе, Изящныя Искусства—Блаж. Августинъ обнималъ всѣ сіи предметы. Онъ писалъ о музыкѣ и о свободной волѣ человѣка, изъяснялъ духовный феноменъ памяти и причины разрушенія Римской Имперіи. Изощренный и глубокій умъ его часто истощалъ въ мистическихъ проблеммахъ такую силу мышленія, которой бы достаточно было для развитія самыхъ высокихъ идей.

Витійство Августина, не чуждое изысканности и нѣкотораго варварства, часто было витійствомъ изящнымъ по простотѣ своей и новости. Строгое его нравоученіе оскорбля-

ло порочныхъ казуистовъ, обезславленныхъ Паскалемъ; его творенія—обширное хранилище, изъ коего почерпаема была богословская наука, столь долго волновавшая Европу—живо изображаютъ Христіанское общество въ концѣ IV столѣтія.

И чтоже? Ужели въ Карѳагенѣ, превратившемся въ Римскую колонію, въ Иппоніи, Тагастѣ, Мадавріи, городахъ неизвѣстныхъ, неоставившихъ даже послѣ себя развалинъ, ужели на семъ берегу Африки, нынѣ столь варварскомъ, обиталъ сей великій мужъ, сей краснорѣчивый витія, сей смѣлый метафизикъ, уподоблявшійся не рѣдко Платону и одушевлявшій Боссюэта?

Дабы уразумѣть сіе явленіе, необходимо обратить взоры на гражданственность Африки, со временъ завоеванія оной Римлянами и, особенно, со временъ водворенія въ ней Христіанства. Мы обыкновенно представляемъ себѣ одинъ Карѳагенъ Аннибаловъ. Не должно забывать, что древнія владѣнія сей республики составляли страну обширную, въ коей сохранилась часть туземнаго народа, вмѣстѣ съ нѣкоторыми остатками Пуническихъ нравовъ и языка; но правленіе, судилища, зрѣлища и роскошь, были перенесены туда изъ Рима. Карѳагенъ, не разъ перестроиваемый Римлянами, по великолѣпію своему и богатству, былъ однимъ изъ первыхъ городовъ Имперіи и сопер-

ничествовалъ съ Антіохіей и Александріей. Находясь подъ управленіемъ Римскаго Проконсула, онъ пользовался преимуществами вольныхъ городовъ, имѣлъ свой собственный Сенатъ или Народный Совѣтъ, бывшій въ великомъ уваженіи во всей Африканской области. Купеческій духъ древняго Карѳагена господствовалъ и въ Римской колоніи, основанной на его развалинахъ. Вмѣстѣ съ Египтомъ, Карѳагенъ раздѣлялъ преимущество снабжать хлѣбомъ торжища Италіи. Карѳагенская гавань, набережныя и зданія, приводили чужеземцевъ въ изумленіе. Одна изъ улицъ, называвшаяся Небесною, наполнена была великолѣпными храмами. Другая улица Банкировъ (торговая) блистала златомъ и мраморомъ. Новый Карѳагенъ не пренебрегалъ словесностію; въ немъ были многія знаменитыя школы, въ коихъ преподавались уроки краснорѣчія и философіи. Длинныя бѣлыя покрывала, вывѣшенныя на дверяхъ училищъ, изображали, что вымыслами поэтовъ прикрашиваются полезныя истины. Въ Карѳагенѣ были также и театры, заимствованные у Римлянъ. Тамъ представлялись изящнѣйшія драматическія творенія древняго Рима и лучшія подражанія Греческихъ трагедій. Комедіи, коими нѣкогда восхищалъ Римлянъ Африканецъ Теренцій, бывшій родомъ въ Италіи, заслуживали, въ описываемое нами время, рукоплесканія въ его

отечествѣ, содѣлавшемся по языку и нравамъ страною Римскою.

Вѣроятно даже, что обитатели Африки не уступали Грекамъ въ пламенной страсти и столь же пылкомъ, хотя и менѣе просвѣщенномъ, энтузіазмѣ къ изящнымъ искусствамъ. Во II вѣкѣ, Карѳагенъ названъ былъ музою Африки. Народъ толпами стекался на общественныя площади внимать софистамъ и знаменитымъ риторамъ. Такъ остроумный Апулей разсуждалъ предъ Карѳагенскимъ народомъ о басняхъ и словесности Грековъ и славился рукоплесканіями, приобрѣтенными имъ въ столь любознательномъ и ученомъ городѣ a).

Вскорѣ Христіанская вѣра возбудила въ Карѳагенѣ новыхъ витій, вѣщавшихъ, съ большею силою и важностію, о предметахъ несравненно возвышеннѣйшихъ. Въ пещеры и гробницы приходили внимать имъ. Христіанское Богопочитаніе содѣлалось всеобщимъ, было преслѣдуемо и съ каждымъ днемъ возрастало.

—»Что предпримете вы«—говоритъ Тертулліанъ—»противъ многихъ тысячь мужей и женъ, всякаго возраста и званія, простирающихъ руки къ предлагаемымъ вами оковамъ? Сколько

---

a) Quae autem major laus aut certior quàm Carthagini benè dicere, ubi tota civitas eruditissimi estis? (Lucii Apulei Florida lib. IV).

пламенниковъ и мечей вамъ будетъ потребно? Предадите ли Карѳагенъ разрушенію?« а).

И столь велики были успѣхи сей пламенной вѣры, что въ Карѳагенѣ, какъ и всюду, жестокосердіе правителей было побѣждаемо многочисленностію жертвъ. Вся Африканская область наполнилась церквами и епископами. Во дни терпимости, возрастало число и богатство Христіанъ; во дни гоненія, возрастала ревность ихъ и благочестіе. Такимъ образомъ измѣненія сіи сугубо благопріятствовали распространенію новой вѣры.

Уже со временъ Св. Кипріана, въ половинѣ III вѣка, Африканская церковь имѣла болѣе 200 епископовъ, управлявшихъ духовною паствою во всѣхъ городахъ ежедневно умножавшагося Христіанскаго общества.

Сія гражданственность, совершенно церковная, несомнѣнно должна была сильно дѣйствовать на умы народовъ. Каждая весь, доколѣ полудикая, каждый отдаленный городокъ, окруженный степями, съ благовѣстіемъ Христіанства принималъ тотъ же самый символъ вѣры, тѣ же самыя книги и частію тѣ же самыя знанія, на коихъ утвердилось христіанство въ Римѣ и Греціи.

а) Tertulliani Opera p. 88.

Правда, за симъ новымъ, разливающимся свѣтомъ, слѣдовали раздоры. Въ Тагастѣ и Мадавріи возникали также расколы, схизмы и ереси. Но богословіе, подававшее предметы къ спорамъ, еще сильнѣе пробуждало природную живость обитателей сего климата. Можетъ быть, вліяніемъ онаго болѣе изощрялись умы, нежели улучшались нравы. Въ Карѳагенѣ, испорченность нравовъ была ужасная. Даже и между Христіанами, жестокіе обычаи помрачали чистоту вѣры. Въ церквахъ и на гробахъ мучениковъ праздновались буйныя пиршества, на коихъ отъ неумѣреннаго употребленія вина происходили великіе безпорядки. Другіе варварскіе навыки сохранилась еще въ иныхъ городахъ и вообще съ Христіанствомъ обитателей сихъ странъ соединялся нѣкоторый родъ буйнаго неистовства.

Дѣйствительно, нигдѣ пренія о догматахъ вѣры или даже о другихъ менѣе важныхъ постановленіяхъ церкви, не были столь кровопролитны, какъ въ Африкѣ. Главная въ ней секта была ересь Донатистовъ, родъ ригористовъ и кровожадныхъ мистиковъ, кои правилами своими и даже самою необузданною своею яростію много походили на Анабаптистовъ и Независимыхъ (Independants).

Другія, непринадлежавшія Христіанству и чисто восточныя, секты, волновали еще мя-

тежное воображеніе жителей Африки. Секта Манихеянъ, возникшая отъ предѣловъ Персіи и всюду почти слѣдившая за ходомъ Христіанства, нигдѣ не имѣла болѣе послѣдователей и проповѣдниковъ. Частію принимала она догматы Христіанской религіи и составила по образцу оной собственную свою Іерархію. Не рѣдко, въ маломъ городкѣ Африки, находились и Епископъ Каѳолическій и Епископъ Донатистовъ и Епископъ Манихеянъ. Каждый изъ нихъ воспламенялъ своихъ послѣдователей, состязался о вѣрѣ и раздавалъ книги и символы.

Среди сего-то волненія умовъ, въ семъ Вавилонѣ человѣческихъ мнѣній, въ семъ хаосѣ религіозныхъ раздоровъ, родился Бл. Августинъ съ воображеніемъ пламеннымъ, ненасытнымъ къ познаніямъ, удовольствіямъ и наслажденіямъ любви. Родительница Августина была ревностная каѳоличка, отецъ—язычникъ или равнодушный къ вѣрѣ; одинъ изъ его родственниковъ былъ Донатистъ. Городъ Тагастъ, мѣсто его рожденія, незадолго предъ тѣмъ перешелъ отъ ереси Донатистовъ къ Римскому исповѣданію.

Сначала Бл. Августинъ обучался въ Мадавріи, потомъ въ Карѳагенѣ. Наука краснорѣчія не удовлетворяла души его. Онъ ощущалъ въ себѣ необходимость вѣры и искалъ истины. Августинъ мнилъ обрѣсти ее въ ученіи Манихеянъ, метафизикою коихъ, утонченною и исполненною

чудесъ, плѣнялся его умъ. Мать Августина, имѣя отвращеніе отъ секты, умоляла Христіанскихъ епископовъ посѣщать ея сына и обратить его къ истинной вѣрѣ. Одинъ изъ сихъ епископовъ сказалъ ей сіи прекрасныя слова: »иди съ миромъ и не переставай только молиться; ибо невозможно, чтобъ столь много оплакиваемое чадо обречено было погибели.«

Бл. Августинъ возвратился къ матери въ Тагастъ, гдѣ сталъ обучать Риторикѣ. Скорбь о кончинѣ одного изъ друзей побудила Августина удалиться изъ сего города. Онъ опять пришелъ въ Карѳагенъ, пребывая учителемъ краснорѣчія, Манихеяниномъ, несовершенно еще обращеннымъ, и философомъ, увлекаемымъ удовольствіями міра. Сомнѣнія его въ вѣрѣ увеличились, послѣ многихъ бесѣдованій съ однимъ учителемъ Манихейской секты.

Извѣстно, что Бл. Августинъ, утомленный всѣмъ, прибылъ въ Римъ и потомъ въ Миланъ, куда Симмахъ отправилъ его учить краснорѣчію. Извѣстно, что онъ, глубоко пораженный словами Св. Амвросія, удалился въ уединеніе и въ вѣрѣ Іисусовой утвердилъ наконецъ столь долго мятущійся умъ свой и сердце. И что въ мірѣ языческомъ могло удержать подобный геній! Въ порядкѣ гражданскомъ все было порабощено и унижено; одна религія была свободна и

побѣдоносна. Августинъ, находясь риторомъ въ Миланѣ, имѣлъ случай произнесть похвальное слово правящему Консулу. Какое ничтожное поприще для его витійства? Христіанство, напротивъ того, питало душу Августина высокими созерцаніями, наполняло ее идеальною любовію, которой искалъ Августинъ даже среди чувственныхъ удовольствій, и обѣщало ему величайшее наслажденіе повелѣвать душами.

Должно искать, въ собственныхъ сочиненіяхъ Бл. Августина и въ самомъ оригинальномъ изъ нихъ, въ его *Исповѣди* (*Confessiones*), первую половину его жизни, которая заключаетъ исторію его страстей и мыслей. Представляя оныя здѣсь, мы обезобразили бы сіи сильныя и откровенныя черты души честолюбивой и нѣжной, упояемой, но неудовлетворяемой удовольствіями, утомляемой славою, волнуемой самымъ ученіемъ и всюду преслѣдуемой мечтательною надеждою блаженства и истины. Подобное состояніе души есть недугъ людей, одаренныхъ геніемъ. Во времена разрушенія общества, когда нѣтъ ни свободы, ни отечества, ни страсти къ изящнымъ искусствамъ, когда обыкновенныя души угасаютъ въ несчастіи или погружаются въ матеріяльность грубаго благосостоянія, умы, отдѣляющіеся отъ сего пресмыкающаго племени, стремятся въ другой міръ. Спиритуализмъ раждается отъ отчаянія

или отвращенія отъ міра; и поелику общественная жизнь не представляетъ въ себѣ ничего великаго, то пламень генія, удѣлъ немногихъ людей, возноситъ ихъ за предѣлы земнаго и заставляютъ блуждать въ мистическихъ созерцаніяхъ. Мужи сіи становятся энтузіастами небеснаго; ибо земля не представляетъ ничего достойнаго ихъ дѣятельности. Душа ихъ, не рожденная къ бездѣйствію, невольно избираетъ для себя поприщемъ безконечное.

Съ неизъяснимою живостію, самъ Августинъ описалъ намъ сіе состояніе души. Съ нѣкотораго времени, онъ былъ болѣе прежняго обуреваемъ мыслями: посѣщалъ Христіанскіе храмы и читалъ посланія Апостоловъ. Воображенію его часто представлялся примѣръ Викторина, подобно ему знаменитаго риитора, который въ царствованіе Юліана скорѣе согласился оставить свою школу, нежели измѣнить вѣрѣ. Послѣдній, рѣшительный ударъ нанесло душѣ Августина повѣствованіе одного изъ его соотечественниковъ о посѣщенныхъ имъ въ Египтѣ отшельникахъ. Но послушаемъ самаго Бл. Августина.

—»Въ семъ состояніи ужаснаго боренія внутренняго человѣка, боренія, мужественно мною предпринятаго съ моимъ сердцемъ, я, въ смущеніи, схватилъ за руку Алипія и воскликнулъ: »Гдѣ мы? Что происходитъ съ нами? Что слы-

шалъ ты въ часъ сей? Невѣжды спѣшатъ и предвосхищаютъ небо, а мы съ нашими познаніями, но безъ души, погрязнемъ въ плоти и крови. И не ужели постыдно слѣдовать за ними, отъ того только, что они предупредили насъ? Не постыднѣе ли не имѣть даже силы итти по слѣдамъ ихъ?« Я еще высказалъ нѣсколько подобныхъ, но мною уже забытыхъ мыслей, и быстро удалился отъ Алипія, въ то время, какъ онъ молча и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня; мое лице, глаза и самый голосъ сильнѣе словъ выражали состояніе моей души.«

» При домѣ, въ коемъ мы жили, былъ небольшой садикъ, который находился въ нашемъ распоряженіи; ибо хозяинъ его здѣсь не жилъ. Душевное волненіе увлекло меня въ сіе мѣсто, гдѣ никто не могъ прервать начавшейся во мнѣ борьбы съ самимъ собою, борьбы, коей ты, о Боже мой, вѣдалъ конецъ, мнѣ не извѣстный.«

» И такъ я пришелъ въ этотъ садъ. Алипій слѣдовалъ за каждымъ моимъ шагомъ. Я не могъ почитать себя однимъ съ самимъ собою, покуда онъ былъ со мной; но могъ ли онъ оставить меня въ такомъ смятеніи? Мы сѣли въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ отъ дома. Я вострепеталъ душею и сильно негодовалъ на себя за то, что еще медлилъ устремиться въ новую жизнь, въ которую призывалъ меня Господь, въ которую нудилъ меня войти весь составъ мой. «

Бл. Августинъ изобразилъ сію внутреннюю трагедію души съ глубокимъ чувствомъ и простодушною откровенностію, весьма рѣдкою въ древности. Нигдѣ яснѣе не представляется намъ характеръ размышленія и грусти, развиваемый въ человѣкѣ Христіанскою религіей. Кажется, никто еще такъ разсказать не умѣлъ анекдотической исторіи сердца, уловить самыя неопредѣленныя его желанія, самыя измѣнчивыя ощущенія.

— »Алипіи, сидя возлѣ меня, ожидалъ въ безмолвіи конца сему чрезвычайному волненію. Но когда внимательное размышленіе извлекло изъ глубины души моей всю ея бѣдость и живо представило оную очамъ моимъ, тогда почувствовалъ я въ себѣ возстаніе внутренней бури, обремененной дождемъ слезъ. Я удалился отъ Алипа, дабы не воспрепятствовать бурѣ сей разразиться; уединеніе казалось мнѣ благопріятнѣе для изліянія слезъ. Я отошелъ довольно далеко, чтобы присутствіе его не помѣшало мнѣ. Въ такомъ состояніи былъ я тогда и Алипіи понялъ это. Я сказалъ ему нѣсколько словъ; но уже голосъ мой изнемогалъ отъ тяжести слезъ. Алипъ всталъ и остановился недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли прежде. Онъ былъ неподвиженъ отъ изумленія. Невольно повергся я на землю подъ смоковницею и далъ волю слезамъ. Онѣ стремились, какъ источники,

какъ жертва, благопріятная Тебѣ, о Боже мой Не словами, но мысленно возсылалъ я къ тебѣ сіи моленія: »о Господи, доколѣ будетъ гнѣвъ Твой на меня! не помяни древнихъ моихъ беззаконій!« Ибо я чувствовалъ, что онѣ еще меня удерживаютъ. Наконецъ невольно произнесъ я сіи слова, достойныя состраданія: »Когда же? Въ какой день? Завтра, послѣ завтра! Для чего не теперь! Почему часъ сей не будетъ послѣднимъ часомъ моего поношенія!«

»Такъ говорилъ я самъ себѣ и плакалъ въ сокрушеніи сердца. Вдругъ слышу дѣтскій голосъ, какъ бы поющій сіи слова: »возми и читай, возми и читай.« Измѣнясь въ лицѣ, я старался припомнить, нѣтъ ли въ дѣтскикъ играхъ такого припѣва и увѣрившись, что прежде никогда не слыхалъ его, пересталъ плакать; всталъ съ моего мѣста, уразумѣвъ, что то было Божіе велѣніе взять книгу и прочитать первую главу, которая мнѣ откроется.«

»Я прежде слышалъ, что Св. Антоній призванъ былъ гласомъ Евангелія, во время чтенія котораго онъ нечаянно услышалъ и обратилъ къ себѣ слѣдующія, тогда читанныя, слова: »Поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и получишь сокровище на небеси.« Матѳ. XIX. 21. Твое велѣніе, о Боже мой, немедленно обратило его къ Тебѣ!«

» Тогда скорыми шагами возвратился я къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Алипій. Тамъ прежде оставилъ я книгу Апостольскихъ Посланій. Взявъ оную и раскрывъ въ молчаніи, прочелъ я слѣдующія строки открывшейся мнѣ главы: *не предавайтесь пированіямъ и пьянству, сладострастію и распутству, распрямъ и зависти; но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченія о плоти не простирайте до похотей*, (Римлян. XIII). Я не хотѣлъ читать далѣе, мнѣ болѣе было не нужно. Въ самомъ дѣлѣ, едва окончилъ я сей періодъ, въ сердцѣ моемъ разлился свѣтъ увѣренности и мраки сомнѣній исчезли. «

Тогда, замѣтивъ рукою сіе мѣсто въ Посланіяхъ, я закрылъ книгу и показалъ ее Алипію. «

Столь пылкое и вмѣстѣ краснорѣчивое чувство набожности даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ, какой энтузіазмъ вносилъ Бл. Августинъ въ самую религію. При всемъ томъ онъ оказалъ большое хладнокровіе, исполняя намѣреніе свое удалиться отъ міра. Не смотря на ощущаемую имъ болѣзненную слабость въ груди, онъ дождался вакантнаго времени Миланской школы; и тогда, предупредивъ первѣйшихъ гражданъ, чтобы они озаботились найти ему преемника, удалился въ загородный домъ съ своею матерью и прижитымъ внѣ брака сы-

номъ Адеодатомъ, съ двумя друзьями, Алипіемъ и Небридомъ, и двумя юношами, коихъ желалъ воспитать. Сіе небольшое общество проводило время въ размышленіяхъ, прогулкахъ и бесѣдахъ о религіозной философіи.

Бл. Августинъ много писалъ въ семъ уединеніи, занимаясь вмѣстѣ и образованіемъ своихъ питомцевъ. Первое сочиненіе его было трактатъ, написанный для опроверженія Академической Секты, совершенно несогласной съ состояніемъ его души. Послѣ писалъ онъ о счастливой жизни, почитая себя наконецъ достигшимъ оной, и о порядкѣ т. е. о Провидѣніи.

Сочиненія сіи имѣютъ форму разговоровъ. Участвующими въ нихъ представляетъ Бл. Августинъ двухъ своихъ друзей или юныхъ своихъ питомцевъ. Подробности сихъ бесѣдъ исполнены особенной прелести. Онѣ начинались иногда въ комнатѣ омовенія, иногда во время прекраснаго солнечнаго сіянія зимою на ближнемъ отъ дома лугу. Часто бесѣды сіи прерывались чтеніемъ полкниги Виргилія a). Бл. Августинъ еще позволялъ себѣ въ то время сіе привлекательное занятіе. Пламенная живость юношей, пылкость ихъ возраста, столь противоположная съ важностію ихъ ученія, не-

---

a) *Dimidium volumen Virgilii audire.* Sancti Augustini Opera, T. I. pag. 325.

большіе споры и порывы самолюбія, все выражено тамъ съ очаровательнымъ искусствомъ.

Бл. Августинъ призываетъ къ симъ бесѣдамъ свою родительницу, въ коей замѣчалъ онъ рѣдкую проницательность въ философіи. Самъ говоритъ возвышенно и отвлеченно о Богѣ, душѣ, истинѣ, но подчиняя все Христіанской вѣрѣ и нравственности.

—» Богъ«—говоритъ Бл. Августинъ—»не услышитъ насъ, если мы не будемъ добродѣтельны; и такъ станемъ молить его не о богатствѣ, не о почестяхъ, не о вещахъ тлѣнныхъ, исчезающихъ при малѣйшемъ препятствіи, но о благахъ духовныхъ, которыя могутъ содѣлать насъ добрыми и блаженными; а дабы моленія наши возсылаемы были со всею горячностію, то я прошу о семъ тебя, мать моя! къ молитвамъ которой имѣю совершенную довѣренность, и уповаю, что Богъ, внявъ тебѣ, такъ расположитъ душу мою, что для меня всего драгоцѣннѣе будетъ познаніе истины и что она будетъ первымъ предметомъ моихъ мыслей и желаній.«

Въ другомъ твореніи того же времени, имѣющемъ необыкновенную форму и называемомъ *Единособесѣдованіе*, Августинъ бесѣдуетъ съ разумомъ. Нигдѣ не льзя видѣть столько утонченной діалектики и мечтательной чувствительности. Отвлеченность Африканскаго воображе-

нія смѣшивается здѣсь съ нѣкоторымъ простодушнымъ любопытствомъ. »Я желаю«—говоритъ онъ—»познать Бога и душу:« и слышитъ голосъ разума, отвѣчающій ему: »ужели ты не хочешь ни чего знать болѣе?« Впрочемъ геній Африканскаго философа озаряетъ нѣкоторыми лучами свѣта сіи великіе вопросы. Есть нѣчто возвышенное въ способѣ его доказывать безсмертіе чрезъ безсмертную натуру истины, святилище и судія коей есть наша душа.

Таковы были размышленія Бл. Августина, готовящагося принять Христіанскую вѣру. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ семъ уединеніи, онъ съ сыномъ своимъ и Алипіемъ прибылъ опять въ Миланъ и былъ крещенъ Св. Амвросіемъ. Тогда рѣшился онъ возвратиться съ семействомъ и друзьями своими въ Африку и пришелъ въ Остію, дабы отплыть оттуда моремъ; но мать Августина заболѣла въ семъ городѣ и чрезъ нѣсколько дней скончалась. Скорбь Августина была чрезмѣрная. Сначала онъ отложилъ свое путешествіе и остановился на нѣкоторое время въ Римѣ, гдѣ сочинилъ трактатъ *о Обычаяхъ Римской Церкви* и писалъ противъ Манихеянъ, вѣрованія которыхъ были долго имъ изучаемы.

Когда побѣда Ѳеодосія надъ Максиминомъ возстановила миръ въ Имперіи, Августинъ переплылъ моремъ въ Африку и по краткомъ пре-

быванiи въ Карѳагенѣ удалился въ отчизну свою, Тагастъ, въ принадлежащее ему помѣстье. Тамъ съ друзьями своими совершенно предался онъ благочестивымъ размышленiямъ и молитвѣ. Живя сею созерцательною жизнiю, Бл. Августинъ не искалъ священства; но въ то время, когда онъ пришелъ въ Иппонiю, тамошнiй Епископъ, родомъ Грекъ, затруднявшiйся проповѣдыванiемъ на Латинскомъ языкѣ, рѣшился рукоположить его въ пресвитеры, дабы имѣть себѣ въ немъ краснорѣчиваго помощника.

Весьма понятно, что писанiя Бл. Августина, уже славныя въ Западной Церкви, долженствовали приобрѣсть ему великое уваженiе отъ новообращенныхъ Христiанъ небольшаго Африканскаго городка. Обитатели Иппонiи, не внемля отреченiямъ Бл. Августина, требовали, чтобы онъ данъ былъ имъ Пресвитеромъ. Епископъ Валерiй поручилъ ему проповѣдывать вмѣсто себя въ каѳедральной своей церкви, подобно какъ Флавiанъ возложилъ сiю обязанность на Св. Златоуста. Бл. Августинъ говорилъ съ необыкновеннымъ чувствомъ и, проповѣдуя, часто самъ проливалъ слезы умиленiя. Одушевленныя живыми изображенiями бесѣды его сильно дѣйствовали на умы Африканцевъ. Такъ, однажды, убѣжденiями своими удержавъ народъ во храмѣ, въ тотъ день, когда обыкновенно отправлялось буйное пиршество на гробахъ

мучениковъ, онъ совершенно уничтожилъ сей нечестивый обычай. Въ тоже время онъ занимался обученіемъ дѣтей, облегчалъ участь рабовъ и, чрезъ переписку, былъ въ сношеніи съ различными Христіанскими обществами въ Африкѣ.

Валерій, приблизясь къ глубокой старости, назначилъ Августина своимъ коадъюторомъ съ званіемъ Епископа. Августинъ не преставалъ управлять Иппонійскою паствою. Подавая образомъ житія свидѣтельство своей вѣры, онъ построилъ страннопріимный домъ, ввелъ въ обычай ежедневно раздавать одѣяніе бѣднымъ и продалъ однажды священные сосуды для искупленія плѣнныхъ.

Августинъ рѣдко оставлялъ Иппонію; и то для того, чтобы ходить въ Карѳагенъ или Мадаврію, въ коихъ часть жителей была еще предана язычеству. Но пребывая въ семъ тѣсномъ кругѣ, онъ обращалъ взоры на весь Христіанской міръ и для него подвизался. Трудно вполнѣ обнять пламенную дѣятельность его служенія. Августинъ занимался множествомъ предметовъ: нравственною проповѣдію, философическими состязаніями съ языческими мудрецами, еретиками и православными учителями своей паствы.

Св. Іеронимъ, коего сочиненія Августинъ подвергалъ осужденію, писалъ къ нему съ Восто-

ка: »Не вызывай на брань отдыхающаго отъ трудовъ старца, который давно уже престалъ подвизаться. Ты, еще юный лѣтами, возсѣдая на святительскомъ престолѣ, паси народъ и обогащай Римъ Африканскою жатвою. Мнѣ же остается въ убогой монастырской келліи повторять слова за чтецомъ или послушникомъ.«

Бл. Августинъ подавалъ собою примѣръ строгой иноческой жизни, столь обычной на Востокѣ. Быстро размножились монастыри въ Африкѣ. Въ нѣкоторыхъ монашествующая братія жила трудами рукъ своихъ, слѣдуя словамъ Апостола Павла: *если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не пьетъ* (Солун. III. 11.). Но большая часть иноковъ пребывала въ праздности, оправдывая оную словами Евангелія: *взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ; посмотрите на полевыя лиліи: онѣ не трудятся и не прядутъ* (Матѳ. VI. 26-28.). Бл. Августинъ порицаетъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сію набожную праздность иноковъ, противоставляя оной труды и подвиги святительскаго сана. Въ одномъ мѣстѣ сильно выражаетъ онъ презрѣніе свое къ тунеядству нищенствующихъ монаховъ. »Въ клобукѣ и рясѣ«—говоритъ онъ—»ходятъ сіи монахи, изъ области въ область, непрестанно перемѣняя мѣсто своего жительства. Нѣкоторые но-

єятъ съ собой истинныя мощи святыхъ, или даже подложныя, и мнятъ только одеждою и иноческимъ своимъ чиномъ снискать себѣ уваженіе отъ народа; иные, не стыдясь обмана, разсказываютъ, что идутъ издалека посѣтить своихъ родственниковъ. Всѣ просятъ, всѣ требуютъ подаянія, или для того, чтобы удовлетворить нуждамъ убожества, дѣлающаго ихъ столь богатыми, или, чтобы получить награду за добродѣтели, которыя не иное что, какъ лицемѣрство. «

(окончаніе слѣдуетъ).

V.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

— КЛЯТВА ПРИ ГРОБѢ ГОСПОДНЕМЪ. *Русская Быль XV вѣка. Соч. Н. Полеваго. Часть I, II, III, *. Москва, въ Унив. Типографіи*, 1832.

— ШЕМЯКИНЪ СУДЪ *или* ПОСЛѢДНЕЕ МЕЖДОУСОБІЕ УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ РУССКИХЪ. *Историческій Романъ XV столѣтія, въ четырехъ частяхъ. Сочин. П. Свиньина. Москва, въ Типогр. Н. Степанова*, 1832.

— СТРѢЛЬЦЫ. *Историческій Романъ. Соч. К. Массальскаго. Изданіе Второе. 4 части. С. П. Б. въ типогр. Деп. Народ. Просвѣщ.* 1832.

— ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ *или* ЗАВОЕВАНІЕ ЛИФЛЯНДІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. *Историческій Романъ, Соч. И. Лаженникова. Часть III. Москва, въ типогр. А. Семена*, 1832.

Вотъ цѣлая фаланга новыхъ литературныхъ произведеній, принадлежащихъ къ роду, коего возможность въ Русской Словесности, за пять, за шесть лѣтъ, была для многихъ сомнительною проблемою! Конечно, на богатой, неистощенной почвѣ Русской, никакой урожай не можетъ возбуждать удивленія; особенно, когда западный вѣтръ засыпаетъ безпрестанно новыми сѣменами ея пріимчивое лоно. Но расположеніе Историческаго Романа въ нашей словесности заслуживаетъ вниманіе мыслящихъ наблюдателей отечественной литературы, преимущественно предъ прочими не менѣе внезапными и обильными всходами разнаго иноземнаго прозябенія, обыкновенно недоцвѣтающими, либо выцвѣтающими очень скоро подъ нашимъ суровымъ небомъ.

Историческій Романъ, съ легкой руки Вальтера-Скотта уродившійся во всѣхъ концахъ Европы, считается единственною формою поэтическаго дѣйствованія, вполнѣ удовлетворяющею духу и потребностямъ современнаго возраста человѣческой жизни. И такъ почему не подумать, что наша словесность, доселѣ безплодно истощавшаяся въ недозрѣлыхъ покушеніяхъ, наконецъ, сосредоточивъ свои свѣжіе соки въ этой новой современной формѣ, не начнетъ для себя періода новой, самобытной жизни! Такъ дѣйствительно и думали мы, присматриваясь къ первымъ явленіямъ Историческаго Романа въ нашей литературѣ. Теперь, кажется, накопилось уже довольно данныхъ, чтобъ упрочить сіи надежды твердымъ, основательнымъ убѣжденіемъ, или заблаговременно отъ нихъ отказаться.

Число Историческихъ Романовъ въ нашей словесности само по себѣ не очень велико; но сравнительно со скудостію прочихъ отраслей Русской литературы, весьма значительно. Не говоря о черной работѣ литературныхъ поденьщиковъ, выставляющихъ на подрядъ Русскіе романы для коммерціи ходебщиковъ и толкучаго рынка, четыре поименованныя нами произведенія — (каждое, по крайней мѣрѣ по объявленію, въ четырехъ частяхъ) — составляютъ важную статью въ библіографическомъ бюджетѣ текущаго года, гдѣ, по всѣмъ прочимъ отраслямъ словесности, едвали можно насчитать столькожъ однородныхъ явленій. Сіи четыре произведенія уже не новость: онѣ вышли, или по крайней мѣрѣ, стали выходить давно и должны быть давно прочтены, если читались. Но мы удерживались говорить объ нихъ,

дожидаясь ихъ окончанія. Особенно задержала насъ *Клятва при Гробѣ Господнемъ*, коей двѣ послѣднія части обѣщаны были непремѣнно къ прошедшему Іюлю, а въ Октябрѣ показалась только третья!.. Между тѣмъ *Послѣдній Новикъ*, говорятъ, окончился: *Стрѣльцы* давно вышли вторымъ изданіемъ!.. И такъ дожидаться больше нечего! Пора, пора обратить должное вниманіе на эти любопытныя явленія нашей словесности, дабы извлечь изъ нихъ поучительныя соображенія для будущей судьбы ея!..

Романъ, какъ понимаетъ его теперь Европа, долженъ представлять *полную картину жизни, въ ея дѣятельномъ развитіи, строго подчиняясь всѣмъ вещественнымъ условіямъ истины, но между тѣмъ предоставляя себѣ свободный выборъ и устроеніе занимательныхъ точекъ зрѣнія.* Посему онъ есть *таже исторія, только отраженная не въ прямомъ, а искусственно устроенномъ зеркалѣ, гдѣ явленія сохраняютъ свою физіономію и цвѣтъ, но перемѣняютъ относительное положеніе свое другъ къ другу, для образованія цѣльной картины, сообразно съ предположенною идеею.* Такъ изложили мы современное понятіе романа, при разборѣ *Рославлева Загоскина* а); и теперь отъ него не отступаемся.

Но исторія живетъ въ воспоминаніяхъ: ея предметъ есть минувшее. По неизмѣннымъ законамъ устроенія нашей человѣческой природы, настоящее можетъ быть доступно только для слитнаго, нераздѣльнаго чувства, коимъ оно пріемлется. Дабы

а) *Телеск.* 1831. *Ч. IV. с.* 93.

это слитное, нераздѣльное чувство разрѣшилось въ понятія, требуется непремѣнно время, хотябъ то было одно мгновеніе; слѣдовательно настоящія событія переходятъ въ завѣдываніе нашего ума и обращаются въ нашу мысленную собственность не иначе, какъ прошедшими. Посему и романъ, какъ поэзія исторіи, долженъ быть картиною жизни минувшей, изображеніемъ прошедшаго. *Современный* романъ, точно какъ и *современная* исторія, суть выраженія не точныя. Здѣсь *современность* означаетъ собственно близость къ настоящему. Но даже и въ этомъ смыслѣ, современность тогда только можетъ быть доступна для историческаго воспроизведенія и романической обработки, когда, въ слѣдствіе внезапныхъ, насильственныхъ переломовъ жизни, нити, соединяющія настоящее съ ближайшими предыдущими моментами, разрываются. Такъ въ нынѣшней Франціи, гдѣ безпрестанное колебаніе отторгаетъ *вчера* отъ *нынѣ*, гдѣ событія не раждаютъ, а выкидываютъ другъ друга, современное слишкомъ скоро сбрасывается со сцены настоящаго и отходитъ въ область прошедшаго, въ завѣдываніе исторіи и романа. Въ минувшія тридцать лѣтъ, Франція прожила болѣе періодовъ, нежели иной народъ въ теченіе тридцати столѣтій. Одно пятнадцатилѣтнее владычество Наполеоново представляетъ столько различныхъ эпохъ, изъ которыхъ каждая отличается своею особенною физіономіею, отпечатлѣвавшеюся на всѣхъ движеніяхъ Французской народной жизни. . . Консульство было совсѣмъ не то, что Имперія; и въ сей послѣдней, какое разстояніе между кровавымъ трагическимъ про-

логомъ, совершившимся въ Венсенѣ, и жалкимъ комическимъ эпилогомъ, разыгранным во Сто Дней! Но періодъ Наполеона, со всѣми своими измѣненіями, для нынѣшней Франціи, есть уже давнопрошедшее: онъ отдѣляется отъ настоящаго другимъ цѣлымъ періодомъ Возстановленія, который также совершился и поступилъ въ архивъ воспоминанія. При такой быстротѣ перемѣнъ, событія, которыя намъ кажутся современными, во Франціи имѣютъ полное право поступать въ вѣдомство исторіи и романа. Министерство Виллеля наровнѣ съ Министерствомъ Ришелье записывается въ скрижали исторіи и представляется въ романической косморамѣ: баррикады Іюльскія идутъ объ руку съ баррикадами Лиги. Собственножъ *современныя* событія, nouvelles de jour, и во Франціи составляютъ содержаніе или Историческихъ Записокъ или такъ называемыхъ Картинъ Нравовъ (tableaux de moeurs), а не исторіи и не романа.

Теперь естественно представляется вопросъ, до котораго мы доходили и прежде: есть ли у насъ матерія для романа, имѣемъ ли мы *прошедшее*? Съ перваго взгляда такой вопросъ можетъ заставить многихъ улыбнуться; но мы просимъ терпѣливо насъ выслушать. Конечно, по лѣтописцамъ и хронографамъ, народу Русскому считается около десяти вѣковъ непрерывнаго быта. Восемь столѣтій уже исповѣдуемъ мы Христіанскую вѣру; и почти за шесть вѣковъ можемъ представить письменные документы нашего существованія. Но что это было за существованіе? Жилъ ли подлинно народъ Русской въ это длинное тысячелѣтіе? Оставляя времена

великановъ сумрака, Рюрика и Олега, коихъ самое бытіе оказывается историческою проблемою, взглянемъ на такъ называемый періодъ Удѣльной Системы, коимъ поглощается первая половина тысячелѣтняго цикла нашихъ воспоминаній. Что представляютъ намъ въ эти пять вѣковъ отечественныя преданія? Дремучій лѣсъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса. Напрасно живописное краснорѣчіе Карамзина усиливалось оцвѣтить сію мрачную пустоту риторическою прелестію расказа: его исторія удѣльной Руси не могла возвыситься до степени живой исторической картины и, при всемъ наружномъ великолѣпіи своего убранства, осталась сухою, мертвою хроникою. Нельзя поставить это въ вину искусству Исторіографа: ему не съ чего было списывать! Нельзя жаловаться и на скудость лѣтописей: имъ нечего было записывать! Нашъ удѣльный періодъ былъ періодомъ хаотическаго броженія разнородныхъ частицъ, изъ которыхъ должна была выработаться жизнь народа Русскаго: но онъ самъ въ себѣ столь же мало заключаетъ историческаго содержанія, столь же мало значитъ въ жизнеописаніи Русскаго народа, сколько девятимѣсячное существованіе зародыша въ біографіи каждаго человѣка. Тѣ ошибаются, кои считаютъ междуусобія, наполняющія сей періодъ, признаками напряженія жизни и потому сравниваютъ состояніе Руси удѣльной съ драматическимъ волненіемъ древнихъ Греческихъ или среднихъ Италіянскихъ республикъ, такъ поэтически изображенныхъ кистью Ѳукидида и Сисмонди. Нашего удѣльнаго періода нельзя даже

сравнивать съ Меровейскимъ періодомъ Французской исторіи, заклейменнымъ въ исторіи чертой *тунеядства*. Сей послѣдній не былъ и не могъ быть чуждъ жизни: ибо, во время его не приготовлялось новое твореніе народа, прежде не существовавшаго, а совершалось пересозданіе Римской обветшавшей гражданственности, чрезъ водвореніе на развалинахъ ея новыхъ пришельцевъ. Сіи пришельцы принесли съ собой неистощенную полноту свѣжихъ, только что проснувшихся, дикихъ, но могучихъ силъ, кои въ гніющихъ остаткахъ древняго міра обрѣли себѣ роскошное питаніе. Это было стадо буйныхъ орловъ, слетѣвшихся попировать на трупѣ! Отсюда, первый періодъ Французской исторіи, не смотря на тунеядство потомковъ Хлодвига, отличается бурнымъ кипѣніемъ пересозидающейся жизни. Конечно, въ немъ нѣтъ и не могло быть высокаго драматическаго интереса полной исторіи, нѣтъ и не могло быть ни одной сцены, вѣрно выдержанной и стройно развитой, ни одного характера, отлитаго въ самобытную форму и выработаннаго во всѣхъ чертахъ своихъ; но за то были страсти сильныя, буйныя, раскаленныя, коихъ неистовство имѣло въ себѣ нѣчто величественное, замѣчательное, характеристическое, и которыя, изъ мрака, покрывающаго сей хаотическій періодъ, прорѣзываются яркими, изумительными чертами. Отсюда, Меровейскія страницы Французскихъ лѣтописей не совсѣмъ безмолвны для исторіи и могутъ доставить пищу роману. Возмите Григорія Турскаго, современнаго дѣеписателя сей эпохи! Въ его хроникѣ, Лотаріи и Дагоберты, Шилперики и Шил-

дерики, Фредегонды и Брюнегольты, не звучатъ только пустыми, безличными именами, но рисуются колоссальными, характеристическими фигурами, сверкаютъ грозными, вѣщими метеорами; если имъ не достаетъ истинно драматической жизни, то по крайней мѣрѣ не льзя отказать имъ въ мелодраматическомъ блескѣ и громѣ. Посему возможность романической переработки древней Французской исторіи для насъ очень понятна; и мы не удивляемся покушенію знаменитаго Сисмонди представить самыя отдаленнѣйшія времена Франціи, когда она только что зачиналась на развалинахъ древней Галліи, въ поэтической формѣ романа. Но у насъ, какая рѣшительная противоположность, какое безконечное различіе! Наша національная жизнь, наша исторія развивается совсѣмъ иначе, при другихъ условіяхъ, по другимъ законамъ! Русской народъ отличается отъ всѣхъ новыхъ Европейскихъ народовъ тѣмъ, что сотворилъ самъ себя, изъ себя самаго, не чрезъ возсозданіе обветшавшихъ элементовъ пріобщеніемъ новыхъ, а самобытно и самозиждительно. Въ многосложной массѣ настоящаго Европейскаго населенія, это слой чисто первородный! Въ продолженіе первыхъ шести вѣковъ, составляющихъ нашу исторію до Іоанна III, слой сей только что кристаллизовался, если можно такъ сказать, физически, наполняя собой обширное пространство Европейскаго востока, отведеннаго ему въ удѣлъ міродержавнымъ Промысломъ. Это былъ, можно сказать, періодъ геологическаго образованія Руси! Первая половина сего періода, до нашествія Татарскаго, наполняется вся дѣйствіями физическаго

разширенія народа Русскаго. Новгородъ и Кіевъ были двумя отдѣльными фокусами, изъ коихъ Русь распекалась по всѣмъ направленіямъ, съ одной стороны до безплодныхъ тундръ Ледовитаго Моря, съ другой, до цвѣтущихъ береговъ Воспора. Въ сей чисто инстинктуальной, механической потребности разширенія, составляющей, по общимъ законамъ бытія, первое условіе всякаго органическаго образованія, заключается причина разъединенія древней Руси. Происхожденіе удѣловъ, въ нашей исторіи, имѣло совсѣмъ другія основанія и другой смыслъ, чѣмъ происхожденіе феодальной системы въ Западной Европѣ. Оспаливая тѣхъ, кои раздѣленіе удѣловъ ставятъ въ вину родительской слабости Владиміра, мы не соглашаемся и съ тѣми, кои вздумалибъ почесть нашу удѣльную систему политической мѣрой, необходимой для обезпеченія юнаго, слабаго общества, какова была безъ сомнѣнія феодальная система Франковъ. Нѣтъ! необходимость удѣловъ у насъ была необходимость чисто физическая, результатъ инстинктуальной потребности разширенія! Отсюда безуспѣшность всѣхъ усилій, коими, то честолюбіе, то благоразуміе Князей, покушалось иногда обуздать ее. Тщетно Мономахи и Долгорукіе пытались постановить одно общее средоточіе для всей земли Русской; ихъ безплодныя попытки увеличивали только смятеніе и безпорядокъ. Насильственно соединяемыя части неудержимо стремились къ новому разъединенію: и вотъ разгадка междоусобій, наполняющихъ первую половину удѣльнаго періода нашей исторіи! Само собою разумѣется, что сіе непреодолимое стремленіе къ

разширенію должнобъ было кончиться совершеннымъ разрушеніемъ народной цѣлости, распаденіемъ основнаго вещества націи на отдѣльныя, отрывочныя орды, не имѣющія между собой никакой связи, какъ дѣйствительно случилось съ Арабами, послѣ первыхъ, бурныхъ порывовъ энтузіазма, пробужденнаго Исламизмомъ, или съ Монголами, послѣ Темуджина. Тоже самое угрожало и землѣ Русской, въ началѣ XIII вѣка. Но, по мудрымъ уставамъ Промысла, народу Русскому не суждено было погибнуть! Въ то время, какъ Русь была готова совершенно распасться и потерять навсегда самобытную свою цѣлость, иго Татарское отяготѣло надъ нею. Сіе иго, подавивъ собою землю Русскую, сократило ея необузданную разширимость. И когда, послѣ первыхъ минутъ оцѣпенѣнія, въ порабощенномъ, но не сокрушенномъ народѣ, пробудилось снова самочувствіе, то его дѣятельность, по естественной реакціи, приняла обратное направленіе, устремилась внутрь себи, начала тяготѣть къ средоточію. Развитіе сего новаго, центростремительнаго направленія занимаетъ собою послѣднюю половину удѣльнаго періода нашей исторіи. Въ продолженіи ея, Велико-Княжескій титулъ, какъ видимый символъ средоточнаго національнаго единства, долго носился по всѣмъ концамъ земли Русской, не находя твердой точки, гдѣ бы могъ незыблемо укорениться. Переходя изъ Владиміра, то въ Тверь, то въ Нижній-Новгородъ, заходя даже въ Рязань и Смоленскъ, онъ удержался наконецъ въ Москвѣ, гдѣ превратился въ краеугольный камень единодержавія, коимъ началась истинная органическая

жизнь народа Русскаго. Вотъ, по нашему мнѣнію, подлинное значеніе такъ называемаго удѣльнаго періода нашей исторіи! Это былъ—повторимъ снова—періодъ физическаго образованія массы, изъ которой долженъ былъ выработаться народъ Русскій! Жизни въ собственномъ смыслѣ тогда не было и не могло быть: ибо жизнь требуетъ могущественнаго начала духа, коимъ бы проникалась и двигалась тяжелая вещественная масса. Но въ то время что могло быть симъ животворнымъ началомъ? Единство политическаго состава? Оно не существовало! Единство общихъ идей? Ихъ не было! Русскіе, во время удѣловъ, не имѣли ни общихъ идей объ отечествѣ; ибо каждый считалъ свою родину своей отчизной; Кіевлянинъ ненавидѣлъ Сѣверянина, Рязанецъ Владимірца: ни общихъ идей о правѣ; ибо всякой Князь судилъ и рядилъ по своему; и такъ называемая *Русская Правда*, по спрожайшимъ изслѣдованіямъ, оказывается не сокровищницею древняго народнаго Русскаго права, а мѣстнымъ обрядникомъ, переняпымъ у чужеземцевъ; ни даже наконецъ общаго слова; ибо языкъ, раздробленный на многочисленныя нарѣчія по всей обширности древней Русской земли, нигдѣ не достигъ литературнаго образованія, которое одно возводитъ его на степень всеобщей національной рѣчи. Отсюда—рѣшительное отсутствіе не только драматическаго движенія, но даже пластической изобразительности въ воспоминаніяхъ нашей древней исторіи. При совершенномъ бездѣйствіи пружинъ, коими возбуждается народная дѣятельность, у насъ не могло выработаться тогда ни одного глубокаго характера, ни од-

ной рѣзкой физіономіи. Любители историческихъ портретовъ, анекдотическихъ сценъ, обыкновенно называемыхъ *цвѣтами* и *красотами* исторіи, не находятъ никакой для себя пищи въ преданіяхъ нашего удѣльнаго періода. Только безличныя имена Мстиславовъ, Изяславовъ, Вячеславовъ, мелькаютъ въ мрачной пустотѣ его, нѣмыя, безгласныя для воображенія. Единственные слѣды личной, индивидуальной жизни, въ представителяхъ сей безмолвной эпохи, выражаются подвигами Христіанскаго благочестія, которое одно оживляло хаотическую массу безформнаго народа. Все различіе физіономій, сохраненныхъ намъ лѣтописцами, заключается въ болѣе или менѣе рѣзкихъ оттѣнкахъ набожности. Дошедшія до насъ изображенія Князей и Іерарховъ, всѣ окружены сіяніемъ святости. Коротко сказать: нашъ древній удѣльный періодъ получаетъ нѣкоторую жизнь только въ сказаніяхъ Патерика и Четій-Миней. Для исторіи онъ мертвъ: тѣмъ болѣе для романа! И еслибы кто вздумалъ освѣтить лучами фантазіи таинственную мглу его, то онъ могъ бы создать развѣ поэтическую легенду, изъ Христіанскихъ благочестивыхъ преданій! . .

Такимъ образомъ, изъ тысячелѣтняго цикла нашей исторіи, шесть вѣковъ не принадлежатъ собственно біографіи народа Русскаго и слѣдовательно не существуютъ для Русскаго романа. Съ Іоанна III должно считать собственно жизнь Русскаго народа. Но и здѣсь цѣлые два вѣка протекли еще въ младенческихъ нестройныхъ движеніяхъ организующагося государства. Сіи два вѣка составляютъ посему только

введеніе въ настоящую исторію нашего отечества. Въ продолженіе ихъ, Россія, съ неимовѣрною скоростью, протекла всѣ періоды органическаго государственнаго развитія, для совершенія коихъ Европейскому Западу потребно было цѣлое тысячелѣтіе. Отсюда, сіи два столѣтія представляютъ удивительную фантазмагорію быстрыхъ, внезапныхъ переворотовъ, кои тѣснятъ и обгоняютъ другъ друга. Царствованіе Іоанна IV, распадающееся на двѣ, столь противоположныя другъ другу, половины представляетъ въ себѣ любопытное совмѣщеніе, съ одной стороны, блестящей рыцарской эпохи, когда Казань і Астрахань, Ливонія и Сибирь, оглушались славными подвигами героевъ Русскихъ, съ другой, мрачнаго періода тиранніи, гдѣ могущественная пята Царя Московскаго задавила на самомъ цвѣту поздній всходъ Русскаго феодализма. Наши народныя войны съ Поляками, во времена Самозванцевъ, имѣли весь энтузіазмъ, всю святость Крестовыхъ походовъ. Установленіе Патріаршества усилило іерархическій элементъ въ новой организаціи Государства Русскаго, который, въ лицѣ Никона, возвысился до отчаянной Гильдебрандской борьбы съ самодержавіемъ и, вмѣстѣ съ Никономъ, пожралъ самъ себя. Наконецъ нашъ Петръ воплотилъ въ себѣ реформацію!.. Всѣ сіи великіе перевороты, столпившіеся въ тѣсномъ промежуткѣ двухъ столѣтій, натурально не оставляли времени юному исполину Русскому, подержаться на одной постоянной точкѣ, выработать себѣ опредѣленную физіономію и проявиться въ цѣломъ мірѣ оригинальныхъ характеровъ и дѣй-

ствій. Въ сіи два столѣтія, лице его, подобно лицу младенца, мѣнялось безпрестанно: ни одна черта не могла нарѣзаться на немъ глубоко, ни одной характеристической примѣты не могло удержаться долго. Всѣ движенія его были мгновенныя, летучія: вся жизнь — порывъ, изступленіе! По сему и эти два вѣка представляютъ не роскошную жатву для Русскаго историческаго романа. Въ нихъ много эпическаго величія и лирическаго одушевленія, но мало драматической полноты жизни! Это ничѣмъ столько не подтверждается, какъ примѣромъ *Юрія Милославскаго*, коего истинное достоинство состоитъ въ лирическомъ оживленіи самаго торжественнѣйшаго момента сей блистательной эпопеи! Да и не здѣсь ли должно искать изъясненія драматической неполноты *Бориса Годунова!*...

И такъ гдѣ же начинается полная Русская исторія?.. Не дальше Петра Великаго!.. Слѣдовательно все наше прошедшее ограничивается однимъ вѣкомъ! Мы живемъ пока въ первой главѣ нашей исторіи! И эта первая глава такъ свѣжа, такъ нова!... Исторія еще не давала себѣ права до ней касаться. Посчастливилось ли это роману — увидимъ!....

(*до слѣдующей книжки*).

VI.

ИСПАНСКІЕ РАЗБОЙНИКИ.

(МЕРИМЕ)

Мадритъ, 1830, Ноябрь.

Наконецъ я воротился въ Мадритъ, обскакавъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, во всѣхъ направленіяхъ, Андалузію, эту классическую землю разбойниковъ, и не повстрѣчавши ни одного изъ нихъ. Это мнѣ почти стыдно. Я уже приготовился было къ ихъ нападенію, не съ тѣмъ чтобъ защищаться, а для того чтобъ побесѣдовать съ ними и вѣжливо распросить ихъ о родѣ и образѣ ихъ жизни. Посматривая на мое изношенное платье, съ изорванными локтями, и на скудный багажъ, который при мнѣ находился, я сердечно жалѣю, что не имѣлъ свиданія съ этими господами. За такое удовольствіе можнобъ было поплатиться моимъ не слишкомъ туго набитымъ чемоданомъ.

Но если я не видалъ разбойниковъ, то за то наслушался про нихъ въ волю. Постильоны, трактирщики, расказываютъ вамъ плачевныя исторіи объ умерщвленіи путешественниковъ, о похищеніи женщинъ, на каждой станціи, гдѣ вы перемѣняете муловъ. Расказываемое произшествіе всегда случилось, не далѣе какъ вчера, на той именно дорогѣ, по которой вамъ должно ѣхать. Въ путешественникѣ, который еще не знаетъ Испаніи и не имѣлъ времени пріобрѣсть блаженной Кастиланской безпечности (la flema castellana), какъ бы онъ ни былъ не-

довѣрчивъ, сіи расказы не могутъ не оставить нѣкотораго впечатлѣнія. День гаснетъ, и гораздо быстрѣе, чѣмъ въ нашихъ сѣверныхъ климатахъ; сумерки продолжаются одну только минуту; и тогда, особенно въ сосѣдствѣ горъ, подымается вѣтеръ, который въ Парижѣ показался бы теплымъ, но здѣсь, въ сравненіи съ дневнымъ зноемъ, кажется очень холоденъ и непріятенъ. Между тѣмъ какъ вы закутываетесь въ плащь и надвигаете на глаза вашъ дорожный колпакъ, вы замѣчаете, что ваши проводники (escopeteros) разряжаютъ свои ружья. Удивленные такимъ страннымъ дѣйствіемъ, вы спрашиваете о причинѣ; и ваши храбрые охранители, съ верху кареты, гдѣ они обыкновенно гнѣздятся, отвѣчаютъ вамъ, что они имѣютъ все возможное мужество, но одни не въ состояніи противиться цѣлой шайкѣ разбойниковъ. »Если нападутъ на насъ, то намъ не иначе можно ожидать помилованія, какъ доказавъ, что мы не имѣли никакого намѣренія обороняться.«

Въ такомъ случаѣ, разумѣется, за чѣмъ бы и обременять себя подобными храбрецами и ихъ безполезными ружьями! — О! они удивительно какъ мужественны противъ такъ называемыхъ rateros или разбойниковъ-диллетантовъ, которые, при удобныхъ обстоятельствахъ, обираютъ путешественниковъ. Эти любители обыкновенно встрѣчаются только вдвоемъ или много втроемъ.

Тогда путешественникъ начинаетъ раскаяваться, что имѣетъ при себѣ деньги. Онъ справляется о времени съ своими Брегетовскими часами, предполагая, что совѣтуется съ ними въ послѣдній уже разъ. Ему

жалко, что часы эти не висятъ теперь спокойно у его камина въ Парижѣ. Онъ спрашиваетъ у главнаго проводника (mayoral), берутъ ли разбойники платье путешественниковъ?

— »Иногда случается, сударь. Въ прошломъ мѣсяцѣ, дилижансъ Севильской остановленъ былъ за милю отъ Карлоты и всѣ пассажиры прибыли въ Эсиху, какъ ангелышки!«

— Ангелышки! Что это значитъ?

— »Я хочу сказать, что разбойники отняли у нихъ все платье и не оставили на нихъ ни одной нитки.«

— Чортъ возьми! вскрикиваетъ путешественникъ, застегая свой сюртукъ. Но онъ нѣсколько успокоивается и даже улыбается, замѣчая прекрасную Андалузянку, свою спутницу, которая набожно цѣлуетъ свой большой палецъ, приговаривая со вздохомъ: »Iesus! Iesus!« (Извѣстно, что цѣловать такимъ образомъ большой палецъ, сотворивъ крестное знаменіе, считается самымъ полезнымъ средствомъ къ предотвращенію всѣхъ бѣдствій).

Настала ночь; но, по счастію, луна ярко блистаетъ на безоблачномъ небѣ. Вдали начинаетъ открываться зѣвъ ужаснаго ущелья, имѣющаго по крайней мѣрѣ полмили въ длину. »Проводникъ! не это ли мѣсто, гдѣ остановили дилижансъ?«

— Да, сударь, и убили путешественника. Постильонъ, продолжаетъ проводникъ, перестань хлопать бичемъ, чтобъ насъ не услышали!

— »Кто?« спрашиваетъ путешественникъ.

— Разбойники, отвѣчаетъ проводникъ.

— »Чортъ возьми!« восклицаетъ путешественникъ.

— Посмотрите, сударь, тамъ... на повороте дороги... вѣдь это люди!.. Они скрываются въ тѣни этой огромной скалы.

— »Да, сударыня! одинъ, два, три... шесть человѣкъ верхами!«

— Ахъ! Jesus, Jesus! (Опять крестное знаменіе и цѣлованье большаго пальца).

— »Проводникъ, видишь ли?«

— Вижу!

— »Вотъ одинъ съ огромнымъ шестомъ, можетъ быть, съ ружьемъ?«

— Именно, съ ружьемъ!

— »Не ужли это добрые люди (buena gente)?« спрашиваетъ тоскливо молодая Андалузянка.

— А кто ихъ знаетъ! отвѣчаетъ проводникъ, пожимая плечами.

— »Господи помилуй насъ!« И бѣдняжка прячетъ лице свое въ жилетѣ путешественника, котораго пронимаетъ двойная дрожь.

Карета мчится вихремъ; восемь дюжихъ муловъ скачутъ во всю прыть. Всадники останавливаются; они становятся въ рядъ ... вѣрно, чтобъ загородить дорогу! Нѣтъ! Они даютъ свободный проѣздъ. Трое отсторонились на лѣво, другіе трое на право... Стало быть, хотятъ окружить дорогу со всѣхъ сторонъ!

— »Постильонъ! останови муловъ, если эти господа прикажутъ. Не подвергай насъ ружейному огню!«

— Будьте спокойны, сударь! я знаю это лучше васъ! «

Наконецъ карета подъѣзжаетъ такъ близко, что можно видѣть большія шляпы, Турецкія сѣдла и бѣлые кожаные штиблеты шестерыхъ всадниковъ. Что еслибъ можно было разглядѣть ихъ черты! Какіе глаза, какія бороды, какіе рубцы увидѣлибъ на ихъ страшныхъ лицахъ! Нѣтъ сомнѣнія: это разбойники; они всѣ съ ружьями!

Первый изъ бандитовъ притрогивается къ своей огромной шляпѣ и произноситъ важнымъ и тихимъ голосомъ: » Vayan Vds con Dios! Богъ да сохранитъ вашъ путь! « Это обыкновенное привѣтствіе путешественниковъ, встрѣчающихся другъ съ другомъ. »Vayan Vds con Dios!« произносятъ въ свою очередь другіе всадники, сторонясь вѣжливо, чтобъ дать дорогу каретѣ. Это были честные арендаторы, запоздавшіе на торгу въ Эсихѣ и возвращавшіеся домой, кучкой и со всѣми оборонительными предосторожностями, въ слѣдствіе всеобщей боязни разбойниковъ.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчь подобнаго рода, разумѣется, можно дойти до того, что вовсе разувѣришься въ существованіи разбойниковъ. Скоро такъ привыкнешь къ нѣсколько дикой физіономіи Испанскихъ поселянъ, что настоящіе разбойники покажутся вамъ честными земледѣльцами, которые долго не брили своихъ бородъ. Я познакомился въ Гренадѣ съ однимъ молодымъ Англичаниномъ, который, скитаясь весьма долго по самымъ дурнымъ и опаснымъ дорогамъ Испаніи, безъ всякаго приключенія, дошелъ наконецъ до того, что

началъ упорно отрицать существованіе разбойниковъ. Однажды его остановили два человѣка, подозрительной физіономіи, съ ружьями. Онъ вообразилъ тотчасъ, что это были подгулявшіе крестьяне, которые хотятъ позабавиться его испугомъ. На ихъ требованія отдать имъ кошелекъ, отвѣчалъ онъ однимъ смѣхомъ, говоря, что имъ не удастся его поддѣть. Дабы вывести его изъ заблужденія, одинъ изъ разбойниковъ долженъ былъ наконецъ отвѣсить ему порядочный ударъ прикладомъ по головѣ, отъ котораго рубецъ показывалъ онъ спустя три мѣсяца послѣ.

Исключая нѣкоторыхъ случаевъ, весьма рѣдкихъ, Испанскіе разбойники почти никогда не обижаютъ путешественниковъ; часто они довольствуются тѣми деньгами, которыя сіи послѣдніе имѣютъ при себѣ, не разбивая чемодановъ, а иногда и не обыскивая ихъ самихъ. Но на это полагаться не должно. Одинъ молодой Мадритской щеголь ѣхалъ въ Кадиксъ съ двумя дюжинами прекрасныхъ сорочекъ, выписанныхъ изъ Лондона. Разбойники остановили его подлѣ Каролины. Отобравъ отъ него всѣ деньги, которыя онъ имѣлъ въ кошелькѣ, не исключая колецъ, цѣпочекъ и разныхъ любовныхъ сувенировъ, въ коихъ подобнаго разбора люди не имѣютъ недостатка, начальникъ шайки замѣтилъ весьма вѣжливо, что бѣлье товарищей его, принужденныхъ держать себя въ отдаленіи отъ обитаемыхъ мѣстъ, имѣетъ крайнюю нужду въ перемывкѣ; прекрасныя сорочки были вынуты, развернуты, разобраны; и капитанъ, говоря, какъ Гали въ Сицилійцѣ, что *подобная свобода обращенія до-*

зволительна между рыцарями, положилъ нѣсколько изъ нихъ къ себѣ въ суму, потомъ снялъ съ себя черное тряпье, которое таскалъ по крайней мѣрѣ недѣль шесть, и съ удовольствіемъ нарядился въ самый лучшій батистъ несчастнаго плѣнника. Каждый разбойникъ сдѣлалъ тоже, такъ что бѣдный путешественникъ увидѣлъ въ одну минуту весь свой гардеробъ разобраннымъ и въ замѣну долженъ былъ принять кучу лохмотья, до котораго никогдабъ не захотѣлъ дотронуться концемъ своей тросточки. Этого не довольно: онъ долженъ былъ еще подвергнуться шуткамъ разбойниковъ. Капитанъ, съ ироническою серьозностью, которая такъ свойственна Андалузцамъ, сказалъ, прощаясь съ нимъ, что онъ никогда не забудетъ полученной отъ него услуги; что постарается какъ можно скорѣе возвратить ему бѣлье, которымъ онъ имѣлъ благосклонность снабдить его, и возьметъ обратно свое, которое удостоилъ онъ взять отъ него на сохраненіе. »Особенно«—прибавилъ онъ—»не забудьте отдать прачкѣ бѣлье этихъ господъ. Мы его возьмемъ назадъ при возвращеніи вашемъ въ Мадритъ.« Хозяинъ сорочекъ, который самъ расказывалъ мнѣ это приключеніе, признавался, что онъ охотнѣе простилъ бы мошенникамъ расхищеніе своего бѣлья, чѣмъ эти наглыя и ядовитыя насмѣшки.

Въ разныя времена, Испанское правительство занималось серьозно очищеніемъ большихъ дорогъ отъ разбойниковъ, которые съ незапамятныхъ временъ на нихъ хозяйничаютъ. Но его усилія никогда не могли имѣть рѣшительныхъ послѣдствій. По истребленіи

одной шайки, немедленно составлялась другая. Иногда Генерал-Капитанъ своими стараніями добивался до того, что ввѣренная ему провинція совершенно избавлялась отъ нихъ; тогда другія сосѣднія наводнялись ими.

Самая мѣстность Испаніи, покрытой горами и не имѣющей хорошихъ дорогъ, препятствуетъ совершенному истребленію разбойниковъ. Въ Испаніи, какъ въ Вандеѣ, находится множество отдѣльныхъ, уединенныхъ хуторовъ (aldeas), отстоящихъ на нѣсколько миль отъ всякаго обитаемаго мѣста. Снабдивъ достаточными гарнизонами всѣ эти хутора и всѣ маленькія деревушки, можнобъ было принудить разбойниковъ предать себя въ руки правосудія или умереть съ голоду. Но гдѣ взять достаточное количество денегъ и достаточное число солдатъ?

Хозяева одинокихъ хуторовъ, разумѣется, находятъ свои выгоды въ томъ, чтобы сохранять добрыя отношенія съ разбойниками, коихъ мщеніе ужасно. Съ другой стороны, разбойники, получающіе отъ нихъ свое пропитаніе, щадятъ ихъ, платятъ очень хорошо за всѣ нужныя для нихъ вещи и даже иногда дѣлятся съ ними добычею. Должно еще прибавить, что ремесло разбойника въ Испаніи вообще отнюдь не считается безчестнымъ. Разбойничать по большимъ дорогамъ, въ глазахъ многихъ людей, значитъ держать оппозицію... Человѣкъ, который, не имѣя у себя ничего, кромѣ ружья, чувствуетъ въ себѣ столько смѣлости, что выходитъ на бой съ существующимъ порядкомъ вещей, есть герой, котораго мущины уважаютъ, а женщины тай-

но любятъ. Въ Испаніи считается славнымъ имѣть право воскликнуть о себѣ, словами стариннаго романса:

A todos les desafio
Pues à nadie tengo miedo!

Разбойникъ Испанскій вообще начинаетъ съ ремесла контрабандиста. Его торговлѣ мѣшаютъ таможенные чиновники... И для девяти десятыхъ частей Испанскаго народонаселенія кажется вопіющею несправедливостью, что безпокоятъ услужливаго молодца, который такъ дешево продаетъ прекрасныя цигарки, приноситъ женщинамъ шелковыя матеріи, Англійскіе товары и въ добавокъ еще всѣ сплетни и кумовства изъ околодка на десять миль въ окружности. Если таможенный объѣздъ убьетъ или отниметъ лошадь у контрабандиста, все его состояніе разрушено; надобно мстить; и онъ становится разбойникомъ. Въ околодкѣ спрашиваютъ, куда дѣвался прекрасный молодецъ, котораго видали за нѣсколько мѣсяцовъ и который былъ краснымъ солнышкомъ своей деревни. »Ахъ!« отвѣчаетъ молодая женщина: »его заставили бѣжать въ горы. Это не его вина! Бѣдняжка! А какой былъ смиренница! Дай ему Богъ всякаго добра!«

Идеалъ Испанскаго разбойника, истинный прототипъ героя большихъ дорогъ, Робинъ-Гудъ, Рокъ-Гвинаръ настоящаго времени, есть славный Хозе Маріа, по прозванію el Tempranito (заутренникъ). Это человѣкъ, о которомъ наиболѣе услышите рѣчей отъ Мадрита до Севиллы и отъ Севиллы до Мала-

ги. Хозе Маріа храбръ, прекрасенъ, вѣжливъ, по крайней мѣрѣ столько, сколько можетъ быть разбойникъ. Когда онъ останавливаетъ дилижансъ, то подаетъ руку дамамъ, чтобъ помочь выдти, и заботится усадить ихъ покойно подъ тѣнью, ибо совершаетъ днемъ большую часть своихъ подвиговъ. Никогда никакого ругательства, никакого грубаго слова; напротивъ онъ показываетъ всегда самую почтительную вѣжливость. Снимаетъ ли кольцо съ руки дамы? »Ахъ! сударыня!« говоритъ онъ: »такая прекрасная рука не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ!« И притомъ, спуская кольцо полегоньку съ пальца, цѣлуетъ ручку съ такимъ видомъ, который, по выраженію одной Испанской дамы, заставляетъ думать, что поцѣлуй для него гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ кольцо. Кольцо онъ беретъ какъ будто въ разсѣяніи, а поцѣлуй напротивъ длитъ очень долго. Меня увѣряли, что онъ всегда оставляетъ путешественникамъ достаточное количество денегъ, чтобъ доѣхать до ближняго города, и никому не отказываетъ въ просьбѣ сохранить драгоцѣнность, освященную воспоминаніями нѣжной страсти.

Мнѣ описывали Хозе Марію молодымъ статнымъ человѣкомъ, двадцати лѣтъ, высокаго роста, съ открытою и веселою физіономіею, съ зубами бѣлыми, какъ жемчугъ, и съ глазами особенно выразительными. Онъ обыкновенно носитъ костюмъ majo, отличающійся богатствомъ. Его бѣлье ослѣпительной бѣлизны; а руки сдѣлали бы честь самому блистательному щеголю Парижа или Лондона.

Лѣтъ пять или шесть уже, какъ онъ рыскаетъ по большимъ дорогамъ. Родители назначали его къ духовному званію; и онъ учился богословію въ Университетѣ Гренадскомъ. Но вѣрно внутренняго призванія къ тому не доставало у него въ потребномъ количествѣ: ибо онъ забрался однажды ночью къ дѣвушкѣ хорошей фамиліи. Любовь, говорятъ, извиняетъ много... но проговариваютъ о убійствѣ, о пораненомъ служителѣ... никогда не могъ я подробно навѣдаться объ этой исторіи. Отецъ завелъ большой шумъ и затѣялъ уголовной процессъ. Хозе Маріа былъ принужденъ бѣжать и скрыться въ Гибралтаръ. Тамъ, по недостатку денегъ, онъ договорился съ однимъ Англійскимъ купцомъ провозить тихонько большую часть запрещенныхъ товаровъ. Одинъ человѣкъ, которому онъ довѣрилъ свою тайну, предалъ его. Таможенные чиновники узнали дорогу, по которой онъ долженъ былъ ѣхать, и подстерегли его. Всѣ лошаки, которыхъ онъ велъ, были взяты; но онъ оставилъ ихъ, послѣ кровопролитной битвы, въ которой убилъ и поранилъ многихъ приставовъ. Съ того времени, ему не осталось другаго средства, какъ собирать дань съ путешественниковъ.

До сихъ поръ счастіе постоянно ему благопріятствовало. Голова его оцѣнена; примѣты вывѣшены у воротъ каждаго города, съ обѣщаніемъ 2,000 реаловъ тому, кто представитъ его живаго или мертваго, хотябъ то былъ даже одинъ изъ его сообщниковъ а). Между тѣмъ Хозе Маріа продолжаетъ без-

---

а) Когда я былъ въ Севиллѣ, то, однажды поутру, у во-

наказанію свое опасное ремесло; и его разъѣзды простираются отъ границъ Португаліи до Королевства Мурсіи. Шайка его немногочисленна; но она составлена изъ людей, коихъ вѣрность и рѣшительность съ давнихъ временъ испытаны. Однажды, предводительствуя дюжиною выбранныхъ имъ удальцовъ, онъ напалъ въ расплохъ на семдесять солдатъ, посланныхъ для его преслѣдованія, и всѣхъ ихъ обезоружилъ. Потомъ медленными шагами отправился въ горы, гоня предъ собой двухъ лошаковъ, навьюченныхъ семидесятью стуцерами, кои взялъ съ собой, какъ трофеи своей побѣды.

Расказываютъ чудеса объ его искусствѣ стрѣлять. Верхомъ на лошади, скачущей во весь опоръ, онъ попадаетъ въ пень масличнаго дерева на разстояніи полутораста шаговъ. Слѣдующая черта показываетъ вмѣстѣ его искусство и разбойническое великодушіе. Капитанъ Кастро, офицеръ отличнаго мужества и дѣятельности, преслѣдовавшій, какъ говорятъ, разбойниковъ, сколько по обязанности службы, столько и для удовлетворенія личной мести, узналъ отъ одного шпіона, что Хозе Маріа въ извѣстный день будетъ находиться въ одномъ отдаленномъ хуторкѣ, гдѣ имѣлъ любовницу. Кастро, въ означенный день, садится на лошадь и, чтобъ не возбудить подозрѣнія слишкомъ большимъ числомъ людей, беретъ съ собою только четырехъ копей-

---

ротъ Тріаны, внизу афиши съ примѣтами Хозе Маріи, нашли слѣдующія слова, написанныя карандашемъ: »*подписъ вышеозначеннаго*: ХОЗЕ МАРІА!«

щиковъ. Но какъ ни велики были взятыя имъ предосторожности, чтобъ скрыть свой походъ, Хозе Маріа былъ предувѣдомленъ. Въ ту минуту, какъ Кастро, прошедши черезъ одно глубокое ущелье, входилъ въ долину, гдѣ находился хуторъ любовницы врага его, двенадцать вооруженныхъ всадниковъ появились вдругъ на его флангѣ и гораздо ближе, чѣмъ онъ, къ ущелью, которое было единственнымъ средствомъ къ его спасенію. Копейщики считали себя погибшими. Одинъ человѣкъ, верхомъ на гнѣдой лошади, отдѣляется въ галопъ отъ толпы разбойниковъ и останавливаетъ свою лошадь во ста шагахъ отъ Кастро. »Хозе Марію не застанешь въ расплохъ,« вскричалъ онъ. »Капитанъ Кастро! что я тебѣ сдѣлалъ? за что ты хочешь предать меня въ руки полиціи? Я могъ бы тебя убить; но храбрые люди теперь очень рѣдки, и я дарую тебѣ жизнь. Вотъ памятникъ, который научитъ тебя избѣгать со мною встрѣчи. Привѣтствую вашъ салютъ!« При сихъ словахъ, онъ прицѣливается; и пуля пролетѣла сквозь самую верхушку Капитанскаго салтана. Тотчасъ онъ повернулся назадъ и исчезъ со всѣми своими людьми.

Вотъ другой примѣръ его вѣжливости. Въ одномъ хуторѣ, въ окрестностяхъ Андухара, праздновали свадьбу. Новобрачные уже приняли поздравленія отъ своихъ друзей и всѣ готовились садиться за столъ, подъ большимъ фиговымъ деревомъ, передъ дверьми дома: каждый былъ расположенъ покушать; и благоуханіе цвѣтущихъ жасминовъ и лимонныхъ деревьевъ пріятно смѣшивалось съ болѣе существеннымъ благовоніемъ, изливавшемся отъ множе-

ства блюдъ, подъ тяжестью коихъ гнулся столъ. Вдругъ появился человѣкъ верхомъ, изъ маленькой рощицы, отстоящей отъ дома не болѣе, какъ на пистолетный выстрѣлъ. Неизвѣстный спорхнулъ съ сѣдла, сдѣлалъ собесѣдникамъ ручку и повелъ лошадь свою въ конюшню. Никого не ожидали на свадьбу; но въ Испаніи всякому приходящему на праздникъ рады; сверхъ того, чужестранецъ, по своей одеждѣ, казался значительнымъ человѣкомъ. Молодой супругъ немедленно отправился просить его къ обѣду.

Пока спрашивали другъ у друга тихо, кто этотъ незнакомецъ, Андухарскій нотаріусъ, находившійся въ числѣ приглашенныхъ гостей, поблѣднѣлъ какъ смерть. Онъ пытался встать со стула, который занималъ подлѣ новобрачной; но колѣна его подгибались и ноги отказывались служить. Одинъ изъ гостей, подозрѣваемый давно въ контрабандѣ, подошелъ къ новобрачной и сказалъ: »Это Хозе Маріа. Я увѣренъ, что онъ пріѣхалъ сюда не по добру (para hacer una mucrta); онъ добирается до нотаріуса. Но что дѣлать?«—Выпроводить его поскорѣе!—»Невозможно! Хозе Маріа въ тужь пору его настигнетъ!«—Такъ схватить разбойника?—»Боже оборони! Шайка его безсомнѣнія здѣсь вблизи. Притомъ же у него за поясомъ пистолеты и кинжалъ безотлучно!« — Но, господинъ нотаріусъ, что съ вами? —»Ахъ! ничего, совершенно ничего!« Кто-то пробормоталъ нотихоньку, что, два мѣсяца тому назадъ, нотаріусъ говорилъ своему арендатору, что еслибъ Хозе Маріа пришелъ къ нему когда нибудь попросить

пить, то онъ долженъ завалить ему порядочной пріемъ мышьяку въ стаканъ.

Еще разсуждали промежъ себя, не принимаясь ни за что, какъ незнакомецъ появился въ сопровожденіи новобрачнаго. Нѣтъ болѣе сомнѣнія: это Хозе Маріа! Онъ бросилъ мимоходомъ взглядъ тигра на нотаріуса, котораго прошибла лихорадочная дрожь; потомъ съ пріятною ловкостью привѣтствовалъ новобрачную и попросилъ у ней позволенія потанцовать на ея свадьбѣ. Мудрено было отказать или сдѣлать непріятную мину. Хозе Маріа взялъ тотчасъ табуретъ, пододвинулъ къ столу и безъ всякихъ церемоній сѣлъ подлѣ новобрачной, промежду ней и нотаріуса, который кажую минуту готовъ былъ упасть въ обморокъ.

Начали ѣсть. Хозе Маріа съ нѣжною внимательностію услуживалъ своей сосѣдкѣ. Когда подали вино, новобрачная, взявъ стаканъ Монтильскаго, (которое, по моему мнѣнію, гораздо выше Херезскаго), прикоснулась къ нему своими губами и потомъ подала его разбойнику. Это вѣжливость, которую оказываютъ при столѣ уважаемымъ особамъ. Обрядъ сей называется у Испанцевъ una fineza; по несчастію, онъ теряется въ высшемъ обществѣ, которое и здѣсь, какъ вездѣ, спѣшитъ отвыкать отъ всѣхъ національныхъ обычаевъ.

Хозе Маріа взялъ стаканъ, поблагодарилъ отъ души и объявилъ новобрачной, что онъ проситъ ее считать его своимъ слугою и съ радостію исполнитъ все, что она ему ни прикажетъ.

Тогда сія послѣдняя, дрожа всѣми членами, робко наклонилась къ уху своего ужаснаго сосѣда и шепнула: »Сдѣлайте мнѣ одну милость!«

— »Тысячу!« вскричалъ Хозе Маріа.

— »Забудьте, умоляю васъ, дурныя намѣренія, которыя можетъ быть привели васъ сюда. Обѣщайте что, изъ любви ко мнѣ, вы простите вашимъ врагамъ и не причините соблазна на моемъ свадебномъ пиру.«

— »Нотаріусъ!« сказалъ Хозе Маріа, оборачиваясь къ трепещущему законнику: »благодари госпожу! Безъ ней, я отправилъ бы тебя на тотъ свѣтъ, прежде чѣмъ успѣлъ бы ты переварить обѣдъ свой. Теперь не бойся, я не сдѣлаю тебѣ зла.« И наливъ ему стаканъ вина, прибавилъ съ улыбкой отчасти злобной: »ну же, нотаріусъ! за мое здоровье! это вино хорошее и не отравлено мышьякомъ!« Несчастный нотаріусъ думалъ, что глотаетъ сотню булавокъ. »Ну дѣти!« вскричалъ потомъ разбойникъ: »веселиться! Vaya de broma! да здравствуетъ новобрачная!« И вскочивъ съ живостью, побѣжалъ за гитарой и началъ импровизировать куплетъ въ честь молодыхъ супруговъ.

Коротко сказать, во весь остатокъ обѣда и на балѣ, за нимъ послѣдовавшемъ, Хозе Маріа показалъ себя такимъ любезнымъ, что у женщинъ слезы навертывались на глазахъ при мысли о висѣлицѣ, на которой этотъ прелестной молодой человѣкъ вѣроятно долженъ будетъ кончить дни свои. Онъ танцовалъ, пѣлъ, былъ всѣмъ для всѣхъ. Около полуно-

чи, маленькая дѣвочка, лѣтъ двенадцати, полу-прикрытая лохмотьемъ, подошла къ нему и сказала нѣсколько словъ на цыганскомъ условномъ нарѣчіи. Хозе Маріа вздрогнулъ, кинулся въ конюшню и воротился немедленно съ своею лошадью. Потомъ, подошедши къ новобрачной, съ поводьями, обвитыми вокругъ руки, сказалъ: »Прощай, дитя души моей (hija de mi alma)! никогда не забуду я минутъ, которыя провелъ съ тобою. Это самыя счастливѣйшія, какихъ не имѣлъ я съ давнихъ лѣтъ! Будь благосклонна и не откажись принять этой бездѣлки отъ бѣдняка, который осмѣливается тебѣ ее предложить.« Онъ надѣлъ на ея палецъ дорогое кольцо.

»Хозе Маріа!« вскричала новобрачная: »пока будетъ хлѣбъ въ этомъ домѣ, половина его принадлежитъ тебѣ!«

Разбойникъ пожалъ руку всѣмъ гостямъ, даже нотаріусу, перецѣловалъ всѣхъ женщинъ, потомъ, вскочивши въ сѣдло, пустился въ горы. Тогда только нотаріусъ вздохнулъ свободно. Черезъ полчаса прибылъ отрядъ микелетовъ; но изъ гостей никто не видалъ человѣка, котораго они искали.

Народъ Испанскій, который знаетъ наизусть романы про двенадцать Перовъ и воспѣваетъ подвиги Ренода Монтобанскаго, долженъ естественно принимать особенное участіе въ единственномъ человѣкѣ, который, въ такія просвѣщенныя времена, какъ наши, воскрешаетъ рыцарскія доблести древнихъ паладиновъ. Другая причина способствуетъ еще къ увеличенію народности Хозе Маріа: онъ чрезвычайно щедръ. Такъ какъ деньги стоятъ ему не слишкомъ

дорого, то онъ сыплетъ ихъ полными руками несчастнымъ. Никогда, говоряшъ, бѣдный, не отходитъ отъ него безъ богатой милостыни.

Одинъ погонщикъ лошаковъ расказывалъ мнѣ, что потерявъ единственнаго лошака, который составлялъ все его богатство, онъ хотѣлъ броситься внизъ головой въ Гвадалквивиръ, какъ одинъ незнакомецъ отдалъ женѣ его ящичекъ съ шестью унціями золота. Онъ не сомнѣвается, чтобъ это не былъ подарокъ Хозе Маріи, которому указалъ бродъ черезъ рѣку однажды, какъ микелеты преслѣдовали его очень близко.

Я окончу это письмо еще одною чертою моего героя. Одинъ бѣдный извощикъ, изъ окрестностей Кампальо де Аренасъ, везъ въ городъ уксусъ. Этотъ уксусъ находился въ мѣхахъ, по тамошнему обыкновенію, навьюченныхъ на худомъ, прехудомъ ослѣ, который былъ весь ободранъ и умиралъ съ голоду. На одной узкой тропинкѣ, незнакомецъ, котораго по платью можно было счесть за охотника, встрѣтился съ нимъ и, какъ скоро увидѣлъ осла, покатился со смѣху, »Что за кляча у тебя, пріятель?« вскричалъ онъ. »Что у насъ, карнавалъ что ли, что ты ее такъ проваживаешь!« И хохотъ продолжался неумолчно.

»Баринъ!« отвѣчалъ печально извощикъ, задѣтый за живое: »эта бѣдная скотина, какъ она ни безобразна, даетъ мнѣ насущный хлѣбъ. Я бѣденъ; у меня не на что купить другой.«

— »Какъ!« вскричалъ хохотунъ: »эта кляча тебя кормитъ. Да она сама околѣетъ черезъ недѣлю. На!«

продолжалъ онъ, подавая ему довольно тяжелой мѣшокъ, »у стараго Герреры продается прекрасный лошакъ. Онъ проситъ за него 1,500 реаловъ: здѣсь именно столько. Купи этаго лошака сего-дня же, не позже, и не торгуйся. Если завтра встрѣчу я тебя опять съ этою негодною скотиною, то, будь я не Хозе Маріа, если не сброшу васъ обоихъ въ пропасть! «

Извощикъ, оставшись одинъ, съ мѣшкомъ въ рукахъ думалъ, не во снѣ ли онъ. Полторы тысячи реаловъ были вѣрно сочтены. Онъ зналъ, что значитъ клятва Хозе Маріи, и немедленно отправился къ Геррерѣ, у котораго поспѣшилъ промѣнять эти реалы на прекраснаго лошака.

Въ слѣдующую ночь, Геррера былъ разбуженъ внезапно. Два человѣка стояли передъ нимъ съ потаеннымъ фонаремъ, приставя кинжалъ къ горлу. »Ну, скорѣе! деньги!«—»Ахъ! добрые господа! да у меня нѣтъ за душой ни куарто!«—»Лжешь! ты продалъ вчера лошака за 1,500 реаловъ, которыя тебѣ заплатилъ извощикъ изъ Кампильо!« Доказательства были такъ непреодолимы, что 1,500 реаловъ были выданы или, если угодно, возвращены безъ замедлѣнія.

(Revue de Paris).

VIII.

НЕКРОЛОГІЯ

ВАЛЬТЕРА-СКОТТА.

Вальтер-Скоттъ умеръ (21 Сентября н. с.): и мы спѣшимъ сообщить нѣкоторыя подробности о его жизни. По особенному, весьма рѣдкому исключенію въ исторіи великихъ людей, жизнь сія протекла весьма тихо и мирно. Счастливѣе Гомера и Сервантеса, коимъ онъ подражалъ и весьма часто уподоблялся, *Вальтер-Скоттъ* не испыталъ на себѣ ни одного изъ тѣхъ великихъ бѣдствій, изъ тѣхъ ужасныхъ приключеній, коими судьба какъ будто отмщаетъ генію за его превосходство.

Вальтер-Скоттъ родился въ Эдинбургѣ 15 Августа 1771 года; его фамилія издавна отличалась въ судейской мантіи; мать его, умершая въ 1789 году, славилась остроуміемъ и образованностью; она занималась поэзіей съ любовью и успѣхомъ. Собраніе ея стихотвореній издано въ свѣтъ спустя нѣсколько времени послѣ ея смерти. *Вальтер-Скоттъ* воспитывался въ Эдинбургской Коллегіи the High School. Подобно Шеридану, въ юности онъ не обѣщалъ того, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться въ послѣдствіи: медленность его способностей, непонятная тупость къ ученью и отсутствіе памяти, приводили въ отчаяніе его учителей и предавали его посмѣянію товарищей. Таковожь почти было дѣтство великаго Нютона и знаменитаго ученаго Баро (Barow).

Повинуясь волѣ своего отца, *Вальтер - Скоттъ*, не смотря на свое отвращеніе къ приказному званію, сдѣлался адвокатомъ въ 1792 году. На этомъ поприщѣ онъ ничѣмъ не отличилъ себя. Въ 1798 году онъ женился на Миссъ Карненпперъ, побочной дочери Герцога Девонширскаго; это доставило ему средства предаться совершенно своей любви къ словесности.

Первые опыты его литературныхъ занятій состояли въ нѣсколькихъ балладахъ и переводѣ Геца фон-Берлихингена, явившемся въ 1799 году; но его репутація начала устанавливаться не прежде 1805 года, когда онъ издалъ *Пѣснь Послѣдняго Менестреля*. При семъ случаѣ упомянемъ замѣчательную черту знаменитаго Питта. *Вальтер - Скоттъ* искалъ мѣста *Главнаго Письмоводителя* при засѣданіяхъ Эдинбургскихъ. Просьба его попалась въ руки Питта, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ у него взята была Государственная Печать. Не будучи уже Министромъ, Питтъ подписалъ его утвержденіе; и когда нѣкоторые замѣтили ему, что такой поступокъ опасенъ, отвѣчалъ: »никакой поступокъ въ пользу генія не можетъ быть опасенъ!«

Съ 1805 по 1814 годъ, *Вальтер-Скоттъ* издалъ: *Марміону*, *Волшебницу Озера*, *Видѣніе Дона Родерика*, *Матильду Рокбей*, *Лорда Островов*ъ, *Помолвку Трирмена* и *Гарольда Безстрашнаго*. Сіи сочиненія дали ему отличное мѣсто между отечественными поэтами.

Между тѣмъ онѣ не составляли истинной славы *Вальтера-Скотта*; ибо поэтъ вѣроятно остался бы

неизвѣстнымъ безъ романиста. Эпоха его настоящей славы началась съ его перваго романа: *Вавэрлей или Шотландія за шестьдесятъ лѣтъ. Вавэрлей* явился въ 1814 году. Въ немъ *Вальтеръ - Скоттъ* открылъ новый путь уму человѣческому: онъ изобрѣлъ доселѣ безвѣстный способъ писать исторію людей, ихъ нравовъ, обычаевъ, предразсудковъ, даже самаго языка. Извѣстно, какъ онъ развилъ и усовершилъ сей способъ въ *Ивангое*, *Роб-Роѣ*, *Пуританахъ*, *Кентенъ Дюрвардѣ* и столькихъ другихъ образцовыхъ произведеніяхъ, коимъ доселѣ съ наслажденіемъ дивится Европа.

Впрочемъ, никогда можетъ быть то, что называется вещественнымъ успѣхомъ, не вознаграждало болѣе трудовъ сочинителя. Произведенія его возбудили всеобщую симпатію. Представимъ здѣсь одинъ примѣръ, тѣмъ болѣе славный для памяти *Вальтера-Скотта*, что онъ заимствованъ не изъ отечественной его земли. По исчисленію, за коего достовѣрность можно поручиться, оказалось, что болѣе милліона четырехъ сотъ тысячь экземпляровъ переводовъ *Вальтера-Скотта* разошлось у книгопродавца *Госселеня* и его товарищей.

Въ жизни *Вальтера-Скотта* замѣчательно странное упорство, съ коимъ онъ такъ долго сохранялъ анонимъ въ своихъ сочиненіяхъ. Это заставляло многихъ утверждать, что не онъ былъ ихъ сочинителемъ; ихъ приписывали его зятю, брату и какому-то доктору. *Вальтер-Скоттъ* открылъ себя не прежде, какъ при банкротствѣ книгопродавцевъ Аршибальда Констабля и Валентина, въ коемъ погибло

его состояніе, собранное толикими трудами. Вмѣстѣ съ симъ онъ обнаружилъ все благородство, всю честность своего характера. Не только хотѣлъ онъ заплатить свою личную часть долговъ по этому банкротству, но и самые долги компаніи. Достигши возраста, въ коемъ спокойствіе становится потребностію жизни, онъ предался труду съ новымъ жаромъ. *Исторія Наполеона*, за которую заплатили ему 300,000 франковъ, и множество новыхъ романовъ, кои покупали у него по 25,000 франковъ волюмъ, посвящены были уплатѣ долговъ Констабля. Онъ сдѣлалъ еще болѣе, продалъ свои манускрипты: Англійская щедрость оцѣнила ихъ весьма дорого; одинъ былъ проданъ за 40,000 франковъ.

Жизнь *Вальтера-Скотта* была вся чисто литературная; онъ не принималъ никакого участія въ политическихъ страстяхъ своего времени. Не смотря на то, по любви ли своей къ феодальному міру, коего сдѣлался какъ будто современникомъ, или по признательности къ вельможамъ, покровительствовавшимъ его молодость, онъ принадлежалъ къ сторонѣ Торисовъ. Когда Георгъ IV возвелъ его въ званіе Баронета, Виги огласили сію благосклонность наградою за политическій образъ мыслей; но гораздо простѣе видѣть здѣсь награду таланту автора *Ваверлея*.

Письма Павла и *Исторія Наполеона* возбудили во Франціи нѣкоторую непріязнь къ *Вальтеру-Скотту*. Всѣ удивлялись, что онъ говорилъ о Французской Революціи и о битвѣ при Ватерлоо съ понятіями, или даже, если угодно, съ предразсудками Англичанина. И между тѣмъ, что могло быть есте-

ствѣтѣе? Несравненно страшнѣе желать, чтобы весь свѣтъ думалъ объ людяхъ такъ, какъ они сами о себѣ думаютъ.

Всѣ, знавшіе лично *Вальтера-Скотта*, отдаютъ справедливость удивительной добротѣ его души, веселой открытости нрава и благородной честности. Его прекрасное Абботсфордское убѣжище было отворено для всѣхъ; иностранцы находили въ немъ самое радушное гостепріимство; и несчастіе никогда не выходило оттуда безъ утѣшенія. Наконецъ его добродѣтели равнялись только съ его геніемъ. Должно также признаться, что онъ въ своемъ вѣкѣ и отечествѣ нашелъ полную награду жизни, столь прекрасно проведенной. *Вальтер-Скоттъ* былъ царемъ Эдинбурга или лучше всей Шотландіи. Извѣстно, что, въ 1819 году, однажды, какъ онъ явился въ спектаклѣ, вся зала поднялась, чтобъ привѣтствовать его. Римскій народъ сдѣлалъ тоже для Виргилія.

Вальтер-Скоттъ оставилъ записки о своей литературной жизни, которыя, говорятъ, очень длинно. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ возбудятъ въ высокой степени участіе Европы. Въ ожиданіи ихъ появленія, мы помѣщаемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ нихъ, приложенные при не давнемъ изданіи его *Стихотвореній*

...»Произхожденіе мое«—говоритъ онъ—»не будучи слишкомъ высокимъ, благородно; я находился въ фамильныхъ связяхъ съ людьми, отличными по своимъ мѣстамъ и талантамъ. Воспитаніе мое было

довольно рачительно; но я не могъ получить отъ него большой пользы, по причинѣ расстройства моего здоровья, въ то время какъ я долженъ былъ наиболѣе имъ пользоваться. Молодые люди, съ которыми я воспитывался и которые составляли мое ближайшее общество, по своему происхожденію, состоянію и талантамъ, должны были обогнать меня на поприщѣ, для котораго мы предназначались; и я имѣю удовольствіе состоять доселѣ въ особенныхъ связяхъ со многими изъ нихъ, кои, по всѣмъ правамъ, достигли до высшихъ почестей ихъ званія.«

....»Докторъ Вилличь, который былъ нашимъ Нѣмецкимъ учителемъ, хотѣлъ, и не безъ основанія, начать занятія наши съ Геснера, коего творенія отличаются особенною простотою слога, и далъ намъ въ руки его *Идилліи* и *Смерть Авеля*. Религіозное направленіе сей поэмы не могло быть по вкусу молодымъ людямъ нашего характера и возраста; и мы также мало принимали сердечнаго участія въ многоглаголивой сентиментальности Адама, какъ и въ грусти Фавна, разбившаго свою кружку, который, воспѣвая сію важную катастрофу, безпрестанно восклицаетъ: »она разбилась, прекраснѣйшая кружка! она разбилась, она разбилась!« Мы приводили въ совершенное отчаяніе бѣднаго доктора, объявляя ему, что Авель кажется намъ бѣднымъ простачкомъ и что, говоря по совѣсти, Каинъ и даже Люциферъ гораздо болѣе намъ нравятся. Когда эти шутки, возбуждаемыя монотонною разнѣженностью и напыщенными восторгами поэта, истоща-

лись, то мы находили для себя новую забаву въ невѣроятныхъ звукахъ, произносимыхъ однимъ Французомъ, нашимъ соученикомъ, который, съ экономическою цѣлію узнать вдругъ два языка, пробовалъ выучиться Нѣмецкому, котораго онъ не зналъ, чрезъ посредство Англійскаго, котораго также не смыслилъ. Богу извѣстно, какія ноты выводилъ онъ, когда усиливался, своимъ непривычнымъ и мятежнымъ голосомъ, передавать гортанные звуки этихъ непокорныхъ языковъ. Это подавало намъ поводъ къ безпрестанному смѣху, которому можно предаваться только въ первыя лѣта юности и котораго источникъ изсякаетъ съ возрастомъ. Наконецъ, больше смѣяся, чѣмъ учася, мы достигли почти всѣ до болѣе или менѣе обширнаго знанія Нѣмецкаго языка, коимъ одни воспользовались для изученія Канной философіи, а другіе для драматическихъ поэтовъ Германіи, кои больше сообразны были съ нашимъ вкусомъ, чѣмъ *Смерть Авеля.*«

....» Не трудно понять, что литературные успѣхи не были благопріятны моему судебному поприщу. Ѳемида въ Эдинбургѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, очень ревнива. Она любитъ единодержавствовать исключительно и не терпитъ никакого совмѣстничества. Для молодаго человѣка, посвящающаго себя законоискуству, если не необходимо, то по крайней мѣрѣ весьма полезно казаться совершенно погруженнымъ въ свое званіе. Какъ бы мало ни было у него занятій, онъ долженъ всегда показывать видъ, что заваленъ дѣломъ. Если приходятъ его навѣстить, то должно, чтобъ заставали его погрязшимъ въ своихъ

креслахъ, какъ въ безднѣ. Не многіе конечно способны къ подобному напряженію ума или къ столь продолжительному притворству. Отсюда такое множество дезертеровъ изъ царства Ѳемиды. Какъ скоро замѣтятъ, что молодой новиціятъ обращаетъ сколько-нибудь вниманія на другія занятія, его немедленно объявляютъ бѣглецомъ и кліенты тотчасъ отъ него ретируются. Въ ту пору, Шотландская Ѳемида казалась гораздо завистливѣе, чѣмъ обыкновенно; безсомнѣнія потому, что сознавала превосходство своихъ соперницъ въ прелестяхъ. «

....» Я долженъ также сказать, что съ четырнадцати лѣтъ моей жизни, здоровье мое, которое до тѣхъ поръ было очень слабо, весьма укрѣпилось. Я былъ хромъ; но, по улучшеніи моего здоровья, не смотря на сіе обстоятельство, сдѣлался большимъ ходокомъ и ѣздокомъ; нѣсколько разъ случалось мнѣ проходить пѣшкомъ до тридцати Англійскихъ миль и проѣзжать верхомъ около ста миль безъ отдыха. Такимъ образомъ я дѣлалъ часто весьма пріятныя путешествія, по мѣстамъ не очень доступнымъ, кои, признаюсь, услаждали и научали меня гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, кои послѣ дѣлалъ я съ бо́льшимъ удобствомъ и спокойствіемъ. Я любилъ также заниматься охотою, съ большимъ жаромъ и нѣкоторыми успѣхами. Надобно было отказаться отъ этихъ удовольствій или по крайней мѣрѣ наслаждаться ими съ умѣренностью, еслибъ я остался юристомъ. Даже сомнительно, чтобъ я могъ, уважая всѣ приличія моего званія, сохранить

занимаемое мною мѣсто въ корпусѣ вольныхъ кавалеристовъ. «

»Опасеніе Французскаго нападенія занимало тогда всѣ умы. Великобританія со всѣхъ сторонъ созывала дѣтей своихъ на защиту; и многіе, которые, подобно мнѣ, совѣтовались больше съ своею ревностью, чѣмъ съ силами, отвѣчали на сей призывъ и взяли оружіе. Впрочемъ и я не былъ совершенно безполезенъ для сохраненія дисциплины въ моемъ корпусѣ, которая составляла для него самый щекотливый пунктъ, наиболѣе подвергавшійся критикѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ заслуживалъ похвалу; ибо состоялъ изъ прекрасныхъ молодцевъ, снарядившихся весьма опрятно на свой счетъ. Заботы, коихъ требовала отъ меня эта служба, занимали весьма пріятно часть моего времени; и эта неутомимая дѣятельность еще болѣе увеличила мое отвращеніе къ изнурительному ремеслу законника. Съ другой стороны, отецъ мой, которому непріятнобъ было видѣть побѣгъ мой съ предназначеннаго мнѣ поприща, умеръ два или три года назадъ тому; такъ что я не имѣлъ болѣе никакой власти, котораябъ воспрепятствовала мнѣ слѣдовать моей склонности. Я уже говорилъ, что доходовъ моихъ было достаточно для доставленія мнѣ всѣхъ удобствъ жизни общественной и даже съ небольшимъ излишкомъ; мнѣ не было нужды осуждать себя на тяжкую работу: и слѣдовательно ничто не мѣшало мнѣ выбрать родъ занятій, наиболѣе сообразный съ моимъ вкусомъ. Это стало для меня еще легче, когда въ 1800 году получилъ я мѣсто Шерифа въ Графствѣ Селькиркъ, ко-

торое приносило мнѣ ежегодно до 300 ф. с. (7,500 фр.) и которое тѣмъ пріятнѣе было для меня, что я имѣлъ въ этомъ Графствѣ много родныхъ и друзей. «

Изъ слѣдующихъ мѣстъ видно, какія выгоды получалъ *Вальтер-Скоттъ* отъ своихъ сочиненій.

»*Волшебница Озера*, которую прежде намѣревался я издать изъ полу, была куплена у меня за 500 ф. с. (12,500 фр.) Гг. Лонсманомъ и Комп., къ коимъ послѣ они прибавили еще 100 ф. с. (2,400 фр.), когда увидѣли большой успѣхъ поэмы. Сія послѣдняя сумма предложена была мнѣ для покупки лошади, въ замѣну потерянной мною въ прогулкѣ съ однимъ изъ этихъ господъ. Издатели *Пѣсни Послѣдняго Менестряля*, ободренные успѣхомъ сей поэмы, вызвались сами купить у меня *Марміону* за 1,000 ф. с. (25,000 фр.). «

»Эта покупка, которая не заключала въ себѣ никакого секрета, подала поводъ Лорду Байрону, находившемуся тогда въ войнѣ со всѣми бумагомарателями, упомянуть меня въ своей извѣстной сапирѣ: *Англійскіе Барды* и *Шотландскіе Критики*. Никогда не могъ я понять, какимъ образомъ сдѣлка между сочинителемъ и издателями, равно удовлетворяющая выгодамъ обѣихъ сторонъ, могло подвергнуться осужденію третьяго. Я не употреблялъ никакого шарлатанства, чтобъ выхвалять свой товаръ, и съ перваго слова принялъ предложеніе моихъ издателей, которое нашелъ для себя весьма сходнымъ. Что касается до сихъ послѣднихъ, то они не только не раскаявались въ своей покупкѣ, но даже, въ знакъ

своей благодарности и совершеннаго удовольствія, сдѣлали мнѣ подарокъ, который долженъ былъ весьма понравиться молодому хозяину, заводившемуся домкомъ, и именно боченокъ прекраснаго кларета.«

...» Это еще не все. Когда появилась *Матильда Рокбей*, мнѣ надобно было собрать всѣ свои силы; ибо страшный и неожиданный соперникъ явился на сцену; соперникъ могущественный, не только въ силѣ поэтическаго генія, но и въ той народности, которую пріобрѣлъ я предпочтительно предъ многими, стоившими конечно болѣе меня во всѣхъ отношеніяхъ. Читатель безъ сомнѣнія пойметъ, что дѣло идетъ о Лордѣ Байронѣ, который, издавъ нѣсколько весьма малонадежныхъ бездѣлокъ, вдругъ явился съ первой пѣснью *Чайльд-Гарольда*. Я былъ изумленъ талантомъ, обнаруженнымъ въ семъ произведеніи, котораго, признаюсь, никакъ нельзя было ожидать по первымъ опытамъ. Оно отличалось силою мысли и богатствомъ выраженія, изобличавшими въ авторѣ глубокое сознаніе неистощимыхъ средствъ, имъ обладаемыхъ. Я замѣтилъ также въ семъ произведеніи слѣды отдѣлки, показывавшей человѣка со вкусомъ. Лордъ Байронъ былъ путешественникъ; онъ объѣхалъ мѣста, освященныя древней поэзіей; его воображеніе воспламенено было зрѣлищемъ отдаленныхъ сценъ, къ коимъ пріобщился онъ въ своихъ отважныхъ странствованіяхъ. Природа, конечно для его несчастія, но весьма благопріятно для развитія его генія, снабдила душу его бурными и сильными страстями, какія когда-либо волновали сердце человѣческое и которыя естественно должны были сократить жизнь его

преждевременно. Конечно не очень благоразумно было вступать въ борьбу съ такимъ ужаснымъ соперникомъ; и, съ другой стороны, для меня не слишкомъ важно было согласиться играть секунду въ концертѣ, гдѣ я уже держалъ приму. Сверхъ того я начиналъ старѣться и становился менѣе чувствительнымъ къ страстямъ, кои такъ волнуютъ молодость. Меня окружало самое пріятное и вмѣстѣ самое незлобивое общество, состоявшее изъ семейственнаго моего круга и небольшаго числа преданныхъ друзей. Съ другой стороны, скромныя обязанности моего званія много меня занимали и оставляли мнѣ мало досуга предаваться поэзіи. Однако, хотя я и чувствовалъ, что, во мнѣніи строгихъ судей, мнѣ не слѣдовало занимать того возвышеннаго мѣста, которое мода давала мнѣ въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, я не могъ рѣшиться на совершенное отреченіе отъ литературы. Не хотѣлось также мнѣ сойти на роль издателя и комментатора, хотя ремесло это я могъ бы отправлять съ большимъ успѣхомъ и удовольствіемъ. И такъ я рѣшился попробовать найти другое средство къ удовлетворенію моей страсти къ литературѣ, подъ покровомъ анонима и гласно.«

Впрочемъ *Вальтер-Скоттъ* былъ и издателемъ многихъ твореній, какъ-то: *Полныхъ Сочиненій Драйдена, Полныхъ Сочиненій Свифта, Стихотвореній Миссъ Севардъ, Государственныхъ Бумагъ Сира Ральфа Садлера, Трактатовъ Лорда Сомера.* Сверхъ того долго былъ онъ главнымъ редакторомъ Эдинбургскаго журнала: Annual Register d'Edimbourg.

Неизданною остается изъ его сочиненій *Новая Исторія Шотландіи*, которая впрочемъ уже выходитъ. Она составляетъ часть *Общей Исторіи Британскихъ Острововъ*, которую онъ издавалъ съ Сиромъ Джемсомъ Маккинтошемъ и Томасомъ Муромъ. Говорили, что въ его портфейляхъ остались два романа: *Пизарро* и *Мальтійскій Крестъ*; но этотъ слухъ не имѣетъ основанія.

Увѣряютъ, что *Вальтер-Скоттъ* получилъ за свои стихотворенія и другія сочиненія, съ 1804 по 1814 годъ два милліона франковъ; съ 1814 по 1824, еще два милліона, за романы; наконецъ въ остальныя восемь лѣтъ, опять столькоже за свои послѣдніе досуги.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Октября 19 дня, 1832 года.

Цензоръ *Н. Лазаревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1832 N 15

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СѢВЕРНЫЯ РУНЫ.

Рунами называются письмена, которыя были въ употребленіи у древняго Готто-Германскаго племени. Что значитъ слово *руны*? Нѣкоторые писатели, производя оное отъ Финикійскаго или, лучше сказать, отъ Арабскаго слова *runeh*, что значитъ *магію*; предполагаютъ, что Финикіяне принеся на Сѣверъ свою азбуку, какъ и въ Грецію, открыли ее за тайну однимъ Скандинавскимъ жрецамъ. Олай Вормій производитъ руны отъ древняго Шведскаго слова *raupa* (Исландскаго *rin*, Англо-Саксонскаго *renn*), означающаго *борозду*; ибо первоначально руническія письмена изображались на деревѣ или на камнѣ, прямыми линіями, и чертились, какъ борозды; откуда Исландское слово *rita* и Англо-Саксонское *writan* имѣютъ два значенія: *рыть* и *писать*.

Докторъ Легисъ утверждаетъ, что руны, первоначально употреблявшіяся сѣверными жрецами, были небольшіе куски дерева, которые они складывали по извѣстнымъ правиламъ: что̀ и составляло ихъ буквы. Оттуда произошла угловатая форма рунъ и оттуда же Нѣмецкое выраженіе *auslegen*, что̀ значитъ объяснять или излагать. *Kunestafir* на Исландскомъ и *Buchstabe* (кусокъ буковаго дерева) на Нѣмецкомъ языкѣ, значатъ буквы. Все сіе словопроизводство, указываетъ на употребленіе кусковъ дерева, въ переставленіи коихъ заключались формы литеръ; но можетъ быть, оно относится болѣе къ обыкновенію вырѣзывать на деревѣ руны. Такимъ образомъ, одна и таже палка могла приносить двойную пользу, какъ трость и какъ письмо. Саксо говоритъ, что Гамлетъ, путешествуя по Англіи, нашелъ кусокъ дерева, на коемъ вырѣзано было письмо къ Королю сего острова, въ коемъ предлагали его умертвить. Онъ стеръ руны и начертилъ вмѣсто ихъ другія, дабы заставить Короля умертвить двухъ его товарищей, въ слѣдствіе чего юный Принцъ получилъ въ замужство дочь сего Короля. Палочки календарныя изъ ивоваго дерева,

круглыя, четвероросторонния или шестисторонния, съ руническими изображеніями, были въ употребленіи на Сѣверѣ съ самаго давняго времяни до XVII столѣтія.

Древніе Скандинавы, употребляли руны во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ употребляются Римскія буквы. Рунами вырѣзывались надписи на камняхъ и на другихъ твердыхъ веществахъ, какъ то: на бокалахъ, на всякихъ комнатныхъ уборахъ, на щитахъ, на ножнахъ разнаго оружія, на прялкахъ. Даже поэмы нѣкоторой величины были писаны рунами на деревянныхъ дощечкахъ: что доказывается слѣдующимъ эпизодомъ изъ жизни Скальда-Эгиля, сына Скалагримова, который жилъ въ X вѣкѣ.

„Нѣсколько дней спустя послѣ своего „возвращенія, Эгиль потерялъ одного изъ „своихъ сыновей, Гуннара; а спустя нѣ„сколько времени, старшій изъ нихъ Бод„варъ, претерпѣлъ кораблекрушеніе въ бух„тѣ Баргѣ. Отецъ его, отыскавши трупъ „на берегу моря, довезъ съ собою на „лошади до могилы Скалагрима, прика„залъ ее отрыть и тамъ его похоро„нилъ. Эгиль носилъ узкое исподнее платье, „а верхнее было на немъ краснаго цвѣта, „стянутое вверху, съ широкими полами.

„Кровь его обращалась съ такою быстротою, „что верхнее и нижнее платье его лопнуло. „Возвратясь домой, онъ вошелъ въ комна„ту, гдѣ имѣлъ привычку отдыхать, за„перъ дверь и легъ. Никто не смѣлъ „войдти къ нему. Такимъ образомъ онъ „пробылъ три дни не ѣвши и не пив„ши. На третій день утромъ, жена „его, Азгерда, послала верхомъ одного „изъ своихъ служителей въ Гіардаргольтъ, „за любимою дочерью Эгиля, Торгудой, „которая была тамъ въ замужствѣ за „Олофомъ Пау. Она пріѣхала вечеромъ. Когда „Азгерда у ней спросила, ужинала ли она, „то она, возвыся голосъ, отвѣчала: „Сего„дишній вечеръ я не брала въ ротъ хлѣба, „и не буду ѣсть до тѣхъ поръ, пока не „буду въ жилищѣ Фреи" (а). Потомъ пош„ла въ комнату своего отца и кликнула его, „чтобъ онъ ей отперъ. „Мое желаніе, сказа„ла она, заключается въ томъ, чтобъ намъ „обоимъ отправиться вмѣстѣ въ дальнее „путешествіе." Эгиль отворилъ дверь, и „Торгюда распростерлась на другой крова„ти. „Хвалю тебя, дочь моя, сказалъ Эгиль,

(а) Т. е. до тѣхъ поръ, пока умру; ибо души женщинъ, по древнему вѣрованію Скандинавовъ, должны являться въ жилище Фреи, богини любви.

„за намѣреніе слѣдовать за отцемъ тво-„имъ. Ты оказываешь мнѣ нѣжную привя-„занность.“ — „Могу ли я пережить это „нещастіе“, возразила она. Они оста-„вались въ молчаніи нѣкоторое время; по-„томъ Эгиль, сказалъ: „Ѣшь ли ты что-„нибудь, дочь моя? — Я жую морскую „траву, отвѣчала Торгуда, надѣясь со-„кратить чрезъ то жизнь, ибо опа-„саюсь, что она долго продолжится.“ — „А развѣ это смертельный ядъ?“ — „Да „самый смертельный. Не хочешь ли ты „его?“ — „Почемужъ не такъ“, возразилъ „онъ.“ Немного времени спустя Торгу-„да попросила пить и проглотила нѣ-„сколько воды. Эгиль сказалъ ей: „Отъ „этой морской травы лишь прибавляет-„ся жажда.“ — „Не хочешь ли и ты так-„же пить, батюшка,“ сказала Торгуда.“ „Эгиль взялъ рогъ, и выпилъ что̀ въ „немъ было. „Ахъ! насъ обманули,“ вскри-„чала Торгуда: „здѣсь было молоко.“ Тог-„да Эгиль откусилъ большой кусокъ отъ „рога и бросилъ его на полъ. „Что̀ жъ „намъ теперь дѣлать?“ сказала Торгуда: „на этотъ разъ намѣреніе наше предупре-„дили. Я думаю, батюшка, что мы еще „проживемъ столько, что вы успѣете со-

„чинить пѣснь на смерть Бодвара, а я „изображу ее на посохѣ.“ — „Я не чувствую „никакой способности къ сочиненію поэмы, „сказалъ Эгиль; впрочемъ попробую.“ — Онъ „попробовалъ. Пѣснь его и теперь еще „извѣстна подъ именемъ *Потери Сына* „(Sonar Torrek). По мѣрѣ приведенія къ „концу сей пѣсни, спокойствіе души его „возвращалось. Онъ всталъ, какъ скоро кон„чилъ, принесъ ее къ семейству, сѣлъ на „возвышенное свое сѣдалище, составилъ, „по обычаю, погребальное питіе, кото„рое пьютъ въ воспоминаніе покойниковъ. „Когда Торгуда возвращалась въ домъ свой, „Эгиль щедро наградилъ ее богатыми по„дарками.“

Сія поэма, свидѣтельствующая о вліяніи музъ на самую жестокую горесть, содержитъ въ себѣ двадцать четыре станса, каждый въ восемь стиховъ, и слѣдовательно должна была покрывать собой нѣсколько палокъ (a). Вѣроятно, что поэмы Эдды были сначала сохраняемы такимъ же образомъ, а не ввѣрялись одному изустному преданію.

---

a) Staff, палка, трость, значитъ по-Англійски также куплетъ, стансъ; по крайней мѣрѣ встрѣчается у многихъ авторовъ: a staff of verses, стансъ.

Руны служили для надписей на утесахъ и камняхъ. Таковыхъ надписей существуетъ теперь до тысячи пяти сотъ, изъ коихъ тысяча триста находятся въ Швеціи, а изъ сего числа, болѣе половины въ одной Упландіи. Въ Исландіи осталось не болѣе четырнадцати. Находятъ также руническіе камни въ Германіи, Англіи и на островѣ Манѣ. Въ 1824 году найденъ маленькій руническій камень, пяти футовъ въ длину и одного въ толщину, на одномъ островкѣ Гренландскомъ, называемомъ Кингикторсоакъ, съ надписью 1135 года, чѣмъ доказывается, что въ XII столѣтіи западный берегъ Гренландіи былъ также далеко извѣстенъ на сѣверъ, какъ и нынѣ. Сіи руническіе камни, называемые Исландцами *banstasteinn*, обыкновенно посвящались памяти умершихъ. Начертанныя на нихъ надписи означаютъ имя покойника и краткимъ образомъ излагаютъ главнѣйшія дѣйствія его жизни, устроенные имъ мосты и дороги, его путешествія по дальнимъ землямъ, по Россіи, Ливоніи, Финляндіи, Англіи, Ломбардіи, Греціи и Азіи. Ихъ не всегда воздвигали тамъ, гдѣ погребено тѣло покойнаго; но, подобно Греческимъ кенотафамъ, они служили ча-

сто монументами въ честь тѣхъ, кои погибали въ земляхъ отдаленныхъ. Такъ, на одномъ руническомъ камнѣ въ Готландіи сказано, что тотъ, коего памяти онъ воздвигнутъ, измѣннически убитъ синими людьми т. е. Маврами. Руническій камень, находящійся нынѣ въ паркѣ Дагенасъ (въ Швеціи), перенесенъ туда съ колокольни церкви Салебской, въ стѣнѣ коей онъ былъ заложенъ. Тамъ читается слѣдующая надпись: *Atark kriusten hardi kubl thaussi efter, Thura kunu sin*, и проч.; т. е: „Христіанинъ, Атаркъ, поставилъ сей памятникъ Турѣ, своей женѣ, умершей въ Акрѣ, гдѣ мы разбили Турковъ, и возлюбленная супруга также.“ А это было въ 1191 году, когда Акра была взята Крестоносцами.

Руническіе камни начинаются въ X столѣтіи и кончаются въ XIII. Самое малое число ихъ принадлежитъ ко временамъ язычества. Многихъ не возможно разобрать отъ разрушительныхъ дѣйствій времени; хотя должно замѣтить, что изъ двухъ родовъ гранита, находящихся на сѣверѣ, краснаго и бѣлаго, сей послѣдній, какъ болѣе твердый и болѣе прочный, постоянно былъ избираемъ для надписей. Затрудненіе разбирать сіи надписи часто уве-

личивается прихотливыми формами начертанія. Правда, что руны всегда заключаются между двухъ паралельныхъ линій; но сіи линіи изгибаются, ломаются и перекрещиваются между собой такимъ образомъ, что поставляютъ читателя въ совершенное недоумѣніе. Иногда онѣ нисходятъ сверху въ низъ, иногда же совсѣмъ на оборотъ; иногда тянутся въ длину, или концентрическими полукружіями, либо въ видѣ квадратовъ, потомъ тріугольниками, наконецъ принимаютъ крестообразное направленіе, или переходятъ попеременно съ правой стороны на лѣвую; даже литеры выходятъ иногда изъ обыкновенныхъ мѣстъ; и затрудненіе еще удвояется, когда художникъ употреблялъ какое-нибудь простонародное нарѣчіе (patois), котораго теперь никакъ невозможно понять.

Замѣчательно также и то, что изъ сихъ надписей весьма рѣдко попадаются такія, которыя бы имѣли отношеніе къ лицамъ, извѣстнымъ въ исторіи; и потому никакъ нельзя надѣятся получить отъ нихъ той пользы, какой ожидаютъ со временемъ отъ Египетскихъ монументовъ, благодаря ключу, открытому Шампольономъ. Онѣ могутъ служить только для того,

чтобъ пояснить нѣкоторыя подробности въ обычаяхъ древнихъ обитателей Сѣвера.

Побѣды и другія важныя историческія происшествія начертывались прежде рунами на одной изъ сторонъ гранитныхъ утесовъ. Это явствуетъ изъ сказанія Саксо въ XII столѣтіи, что въ Бликингѣ (въ Швеціи) видѣлъ онъ необыкновенныя писмена на одной скалѣ, чрезъ которую проходитъ тропинка въ южномъ направленіи отъ моря къ пустынѣ Варенъ. Тропинка эта какъ будто заключена между двухъ линій, которыя высѣчены въ скалѣ, въ маломъ разстояніи одна отъ другой, не на большое пространство, и между сими линіями можно видѣть изображеніе литеръ, кои очень легко разобрать, не смотря на неровную поверхность камня. Саксо прибавляетъ, что Вальдемаръ I, Датскій Король, желая узнать содержаніе сей надписи, послалъ туда нарочныхъ, дабы снять съ ней копію; но они не могли сего исполнить, ибо литеры частію набились землей, а частію стерлись. Говорятъ однакожъ, что они высѣчены въ семъ проходѣ Королемъ Гарольдомъ Гильдетантомъ, въ воспоминаніе подвиговъ его отца. Г. Геюзеръ, который разсказы-

ваетъ сіе обстоятельство въ свой Шведской Исторіи, говоритъ, что можно еще видѣть и теперь въ Бликингѣ утесъ, называемый Рунемо, гдѣ литеры очень явственны, на разстояніи тридцати пяти саженъ, и которыя по мнѣнію нѣкоторыхъ суть руны, а по мнѣнію другихъ, просто игра природы. Саксо говоритъ также, что Регніеръ Лодброкъ, послѣ побѣды въ Біармаландѣ, приказалъ высѣчь сказаніе своихъ подвиговъ въ горѣ. Таковыя надписи и теперь еще встрѣчаются на сѣверныхъ скалахъ. Мы безъ сомнѣнія имѣли бы множество подобныхъ литографическихъ монументовъ, которыя многобъ помогли нашимъ изслѣдованіямъ по части исторіи и древностей Сѣвера, еслибы первые, обращенные къ Христіанству, возбужденные миссіонерами, не объявили разрушительной войны богослуженію своихъ отцевъ и всему, что до него принадлежало. Руническіе камни были употреблены на постройку церквей; и языческія надписи, которыя на нихъ были изображены, тщательно стерты или обезображены. Сколько разъ потомство находитъ себя принужденнымъ жаловаться на безразсудную нетерпимость предшествовавшихъ поколѣній! Какія сокровища доставили бы

теперь ученымъ классикамъ, творенія Алкея, Дифила, Менандра и многихъ другихъ, безъ варварства невѣждъ, которые ихъ сожгли или сдѣлали изъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ свои палимпсесты. Разрушительное бѣшенство, коимъ сопровождалось завоеваніе Мексики, лишило насъ вѣрныхъ свѣденій объ исторіи и образѣ мыслей жителей Анагуака; а развалины множества религіозныхъ зданій въ Шотландіи свидѣтельствуютъ, что тотъ же фанатизмъ свирѣпствовалъ во время Реформаціи въ отечествѣ Кнокса.

Кажется, въ старину было повѣрье, что нѣкоторыя руны имѣютъ качества сверхъестественныя. Такъ Брунгильда даетъ обѣщаніе Сигурду, открыть ему различіе рунъ, каковы на прим. руны побѣды, которыя будучи вырѣзаны на рукояти его меча или на поясѣ, сдѣлаютъ его непобѣдимымъ; морскія руны, кои, начертанныя на рулѣ, веслахъ и проч. предохранятъ его отъ кораблекрушенія; руны слова, которыя сдѣлаютъ его краснорѣчивымъ; руны разсудка, которыя внушатъ ему благоразумныя намѣренія: это были простыя буквы, коимъ придавали

магическую силу. Такимъ образомъ руномъ, предохраняющимъ отъ измѣны женщинъ, считалась буква N, называемая *nath* (необходимость), начертанная на бокалахъ, на верхней сторонѣ руки или на ногтѣ какого-нибудь пальца. Руно TH, (*thurs* т. е. великанъ), внушало, какъ говорятъ, страхъ и безпокойство всякой женщинѣ, которая на него смотрѣла. Сіи магическія качества рунъ, очевидно составляютъ одну изъ отраслей суевѣрія, которое, во всѣ времена и во всѣхъ частяхъ свѣта, придавало таинственное вліяніе нѣкотормъ словамъ и буквамъ. Что̀ касается до литеръ, то происхожденіе сего мнѣнія должно относиться къ невѣжеству народовъ, коимъ они были открыты въ первый разъ, или знаменательному смыслу названій каждой буквы. Первоначальное количество рунъ, равно какъ и Греческихъ буквъ, было шестнадцать; но онъ не соотвѣтствовали, ни въ порядкѣ расположенія ни въ произношеніи, литерамъ Кадмовой азбуки. Одно руно выражало и R и P, другое D и T, третье U, O, Y, AE, AY, V; порядокъ ихъ былъ таковъ: F, U, TH, O, R, K, H, N, и пр.; и каждая имѣла особенное значеніе, какъ-то F, fé (серебро),

O, ur (искра), TH, thur (великанъ), O, os (дверь), R, reid (верховая ѣзда), и проч.

Остается теперь показать время происхожденія рунъ. Тацитъ говоритъ, что Германцы не знали письма; утвержденіе, которое, можетъ быть, значитъ только то, что письмо не было тогда во всеобщемъ народномъ употребленіи, но которое не мѣшаетъ однакожъ предположить, что жрецы и начальники его разумѣли. Во всякомъ случаѣ, Тацитъ не могъ всего знать; и притомъ Скандинавы гораздо опередили Германцевъ умственнымъ образованіемъ. Мы видимъ въ IV вѣкѣ, что когда Ульфила составилъ Готскую азбуку по образцу Греческой, то ввелъ въ употребленіе нѣкоторыя литеры, которыя не принадлежали къ Греческому языку и которыя безъ сомнѣнія долженъ былъ заимствовать изъ какой-нибудь старинной Тевтонической азбуки. Впрочемъ самое древнѣйшее извѣстіе о рунахъ мы находимъ въ слѣдующихъ стихахъ Венанція Фортуната, который былъ Епископомъ въ Пуатье при концѣ VI столѣтія:

Barbara fraxineis pingatur *runa* tabellis,
Quodque papyrus agit virgula plana valet.

Всеобщее, даже можно сказать, всемірное мнѣніе существуетъ, что всѣ Европейскія азбуки произошли отъ Финикійской. Сей предпріимчивый и торговый народъ, можетъ быть, и дѣйствительно доходилъ до Балтійскаго моря и сообщилъ свои писмена прибрежнымъ его жителямъ; впрочемъ это одно только предположеніе безъ доказательствъ, которое допустить ничто не мѣшаетъ. Но не въ томъ дѣло; ибо, ежели сравнить руны съ азбукой Финикійцевъ и другихъ народовъ, то должно согласиться, что литеры сѣверныхъ языковъ оригинальны; и, выключая двѣ или три изъ нихъ, мы имѣемъ всѣ причины предположить, что руны суть первоначальныя письмена Готѳскаго племени, изобрѣтенныя имъ, прежде нежели оно знало о существованіи другой чужестранной азбуки. Да и неужели изобрѣтеніе азбуки заключаетъ въ себѣ слишкомъ большую трудность? Человѣкъ конечно не могъ самъ изобрѣсть способности изъясняться, точно такъ какъ не онъ самъ изобрѣлъ языкъ и ротъ; но искусство писать иное дѣло. Дикой Черокеецъ Сей-Квахъ-Яхъ, увидя письмо, посланное къ его племени отъ Американскаго Правительства, что у дикарей называется обыкновенно говорящею бумагой (papier parlant), началъ раз-

бирать свой національный языкъ и успѣлъ наконецъ составить изъ него азбуку. Литеры его были произвольные знаки; и онъ едва могъ сократить количество ихъ до восьмидесяти, составивши сначала болѣе двухъ сотъ. Единственная разница между первыми изобрѣтателями азбукъ и Сей-Квахъ-Яхомъ состоитъ въ томъ, что сей послѣдній зналъ уже о существованіи алфавита, точно также, какъ Галилей изобрѣлъ Телескопъ, когда зналъ уже объ открытіи Мидлебургскаго очечника. Изобрѣтателей рунъ можно также сравнить съ человѣкомъ, которой самъ изобрѣлъ стѣнные часы и потомъ открылъ, что другіе сдѣлали прежде это изобрѣтеніе. Наконецъ Китайцы не имѣли ни въ комъ нужды для изобрѣтенія своихъ странныхъ литеръ, точно также какъ Индусы и Американцы для изобрѣтенія своихъ. Почти всѣ искусства, всѣ науки зараждались у разныхъ народовъ тогда, какъ не возможно открыть между ними никакихъ сообщеній.

Итакъ руны были ни болѣе, ни менѣе, какъ простыя буквы, представляющія звуки Готто-Германскихъ нарѣчій, изобрѣтенныя сѣверными народами. Вещество, на которомъ ихъ обыкновенно писа-

ли, было дерево, (откуда *Buch* по-Нѣмецки, *book* по-Англійски), какъ пальмовые листы и теперь еще въ Индіи и сосѣдственныхъ мѣстахъ служатъ средствомъ для изображенія письменныхъ знаковъ. Что̀жъ касается до магическихъ качествъ, приписываемыхъ рунамъ, мы находимъ нѣчто сходное съ симъ мнѣніемъ въ среднихъ вѣкахъ Европы между Магометанами (особенно въ Африкѣ) и другими народами нашего времени. Письмо по необходимости было рѣдко тамъ, гдѣ не было ни бумаги, ни пергамента: а что̀ рѣдко, и вмѣстѣ любопытно, то всегда кажется одареннымъ таинственною силою.

(Revue de Paris)

II.

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНІЕ.

О не кладите меня
Въ землю сырую:
Скройте, заройте меня
Въ траву густую! . .

Пускай дыханье вѣтерка
Шевелитъ травою —
Свирѣль поетъ издалека,
Свѣтло и тихо облака,
Плывутъ надо мною. . . .

Ѳ. Тютчевъ.

III

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

АТАРЪ - ГЮЛЬ.

(Евгенія Сю)

КНИГА V.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Тамъ страданія, всегда новыя, безпрестанно умножаясь, доводятъ до ожесточенія человѣка, который видитъ смерть въ столь различныхъ образахъ. Здѣсь одинъ стонетъ; тамъ, другой поверженъ въ пыли, третій вращаетъ померкшіе взоры.

Байронъ. Донъ Жуанъ, гл. VIII ст. 13.

Въ этомъ блаженномъ мірѣ, гдѣ все прочно и постоянно, въ этомъ океанѣ счастія, невозмущаемаго никакою горестію — дитя! безъ ласкъ и слезъ материнскихъ — ты въ небѣ — сирота!

Викторъ Гюго. Ода XVI.

ОТРАВИТЕЛИ а).

Наступила ночь; все было безмолвно, кромѣ легкаго шума пальмовыхъ вѣтвей,

1) Еще въ 1822 году существовала на всѣхъ Антильскихъ островахъ, принадлежащихъ Французамъ и

колеблемыхъ ночнымъ зефиромъ, пронзительнаго писка ящерицъ и жалобнаго пѣнія птицъ.

Атаръ-Гюль съ трудомъ карабкался по крутымъ скаламъ, составляющихъ основаніе Сѣрной Горы, лежащей къ Сѣверо-Западу Ямайки.

Онъ то хватался за ліану 2), вившуюся по гранитнымъ скаламъ, то съ помощію заостренной, желѣзной палки, которою владѣлъ съ особенною ловкостію, перепрыгивалъ съ одного уступа скалы на другой, и вы поблѣднѣли бы, увидѣвъ, какъ онъ вдругъ повисъ надъ бездонною пропастью.

Истощенный усталостію, онъ спускался по крутой тропинкѣ оврага, ища

Англичанамъ, секта отравителей; этотъ родъ тайнаго судилища, состоявшаго изъ бѣглыхъ Негровъ, сходился въ назначенное время въ неприступныя убѣжища, извѣстныя только тамошнимъ невольникамъ. Туда каждый Черный приносилъ свои жалобы, объяснялъ причины своего мщенія и, произнесши требуемую клятву, получалъ ядъ, въ которомъ имѣлъ нужду, для отравленія скота или бѣлыхъ людей. Послѣдніе отравители казнены въ Гваделупѣ въ 1823 году. Ужасныя подробности, изложенныя ниже, частію извлечены изъ судебныхъ бумагъ, розысканій и обвинительныхъ актовъ, хранящихся въ архивахъ Острова Св. Петра (Мартиники).

2) Американское растеніе. Прим. Перев.

подпоры; вдругъ видитъ прелестный, колеблющійся кактусъ, испещренный красными и синими цвѣточками; запыхавшись, хватается за него... но вдругъ съ ужасомъ оставляетъ холодное и клейкое тѣло.... то былъ длинный змѣй, рѣзвившійся при лунномъ сіяніи!

Тогда Атаръ-Гюль поспѣшно катится внизъ и падаетъ на скалу, но въ паденіи своемъ встрѣчаетъ густой кустарникъ, который его останавливаетъ; тутъ въ десяти шагахъ подъ собою примѣчаетъ тропинку, уступаетъ силѣ, влекущей его, падаетъ опять — и узнаетъ дорогу, ведущую прямо къ вершинѣ горы. Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, измученный, окровавленный, достигаетъ оной.

Въ семъ мѣстѣ гора была покрыта пальмовыми, алоевыми и банановыми деревьями, къ которымъ не прикасалось еще желѣзо и которыя разрослись такъ густо и плотно, что Негръ никогда не проникнулъ бы сквозь чащу деревьевъ, сросшихся и переплетшихся въ разныхъ направленіяхъ, еслибы не имѣлъ при себѣ ножа, которымъ чистилъ себѣ проходъ среди этаго лѣса.

Когда онъ вдали примѣтилъ красноватый свѣтъ, то улыбнулся страннымъ образомъ, остановился, заткнулъ ножъ за поясъ и приложилъ ухо. . . .

— Но ни что не прерывало безмолвія, кромѣ писка ящерицъ и жалобнаго пѣнія птицъ. . . .

— Атаръ-Гюль шелъ по протоптанной дорожкѣ, шелъ долго, прислушиваясь со вниманіемъ.

Скоро потомъ услышалъ онъ странное и торжественное пѣніе, но еще слабое и отдаленное. . . . Онъ удвоилъ шаги.

Пѣніе становилось явственнѣе. . . . Атаръ-Гюль приближался быстрѣе.

Вдругъ пѣніе прекратилось и на минуту все затихло. . . . Потомъ послышался крикъ ребенка, сначала пронзительный, наконецъ судорожный и замирающій.

И странное, торжественное пѣніе болѣе и болѣе возвышалось — и Атаръ-Гюлль все стремился на багряный свѣтъ, обливавшій пурпуромъ своимъ часть колоссальныхъ деревьевъ, между тѣмъ какъ другія, мрачными фигурами, рисовались по пламенному зареву.

Наконецъ Негръ приближился, далъ о себѣ знать таинственнымъ знакомъ, состоявшимъ въ приложеніи обоихъ указательныхъ пальцевъ ко рту, а мизинцевъ къ глазамъ.

Потомъ сѣлъ на свое мѣсто, дожидаясь очереди и смотрѣлъ въ безмолвіи.

Посреди большой лощины собралось множество Негровъ; всѣ они сидѣли, поджавъ ноги, сложивъ руки на-крестъ и пристально смотрѣли на троихъ Черныхъ, хлопотавшихъ около мѣднаго котла, поставленнаго на пылающемъ огнѣ.

Недалеко оттуда, въ концѣ длиннаго тростника, лежала голова, еще свѣжая и окровавленная.

Она принадлежала сыну Хама, того самаго Негра, вмѣсто коего любимцемъ колониста сдѣлался Атаръ-Гюль, съ того времени какъ потеря сына довела Хама до нерадѣнія о своей должности.

Остатки маленькаго Негра варились въ котлѣ.

Ибо, кромѣ двухъ бѣлыхъ куръ, пяти головъ змѣиныхъ самцовъ, трехъ пальмовыхъ червей, чернаго голубя и большаго количества ядовитыхъ растеній, для составленія лютѣйшаго яда, надобно было

достать тѣло дитяти пяти лѣтъ, ни больше ни меньше, пяти лѣтъ ровно. . . .

И вотъ однажды отравители, при солнечномъ сіяніи, захватили бѣднаго малютку, который заблудился, гоняясь за прелестными голубыми попугайчиками, по пустыннымъ берегамъ Соленаго Озера.

Трое Черныхъ, кончивъ свое дѣло, сняли котелъ съ огня и помѣстились на обломкахъ скалы.

Атаръ-Гюлль приближился. . . .

— „Чего ты хочешь, сынъ мой?“ сказалъ одинъ изъ троихъ Негровъ, коего лице почти совершенно скрывалось подъ сѣдыми и курчавыми волосами.

„Смерти и разрушенія поселеніямъ Нельсонова Залива, смерти скотамъ, гибели жатвамъ и жилищамъ.“

— „Но говорятъ, что колонистъ Виль любитъ своихъ Черныхъ. . . . Подумай, мой сынъ! отравители справедливы въ своемъ мщеніи.“ . . .

„По этому-то, отецъ мой“ — сказалъ Атаръ-Гюль, предвидѣвшій правоту дикихъ — „по этому-то я и не требую смерти жителямъ. Господинъ точно добръ; наши жилища спокойны и опрят-

ны, мы пользуемся плодами садовъ нашихъ, и дѣтей не отторгаютъ отъ матерей, пока они не достигнутъ двѣнадцатилѣтняго возраста. Сухая треска и маніокъ раздаются въ изобиліи; всякое воскресенье онъ съ удовольствіемъ смотритъ, какъ мы рѣзвимся и пляшемъ на морскомъ берегу, или погружаемся въ воду, чтобъ получить награду, назначаемую господиномъ искуснѣйшему пловцу. Что касается до бича управителя" — продолжалъ Атаръ-Гюль, улыбаясь по своему — „то дѣти наши пасутъ имъ черепахъ на берегу, и двадцать человѣкъ изъ насъ отказались отъ свободы, желая остаться у такого добраго господина."

— „Чего же ты требуешь?" сказалъ старый Негръ съ нетерпѣніемъ.

„Вотъ чего, почтенный отецъ: владѣтель Виль богатъ; теперь, говорятъ, онъ хочетъ возвратиться въ Европу; тогда какой-нибудь жестокой Бѣлый купитъ поселеніе и вплететъ новые ремни въ бичь палача; итакъ Черные Нельсонова Залива послали меня къ тебѣ испросить гибель на его жатву и скотовъ, разорить его, чтобъ онъ не оставлялъ острова... этотъ добрый господинъ."

Въ рѣчахъ дикаго заключалась логическая правильная послѣдовательность; Атаръ-Гюль искусно выдержалъ свою роль, ибо между самыми ожесточенными непріятелями Бѣлыхъ, могъ вкрасться шпіонъ, измѣнникъ. Найдя такимъ образомъ ужасное и вѣрное мщеніе у отравителей своему господину, Атаръ-Гюль имѣлъ въ виду еще средство, въ случаѣ измѣны оправдаться передъ нимъ; онъ могъ найдти отговорку въ своей дикой, необузданной привязанности, сопряженной съ самолюбіемъ; но не смотря на то, онъ питалъ свою ненависть самыми странными средствами; ибо умолчалъ объ умерщвленіи своего отца; тутъ выполнялось мщеніе частное.

Старый Негръ испустилъ странный крикъ, который повторили вмѣстѣ оба его товарища, онъ вскричалъ:

— „Добрыхъ Бѣлыхъ, добрыхъ господъ очень мало; а наши братья, по отъѣздѣ колониста Виля, лишатся въ немъ добраго человѣка, котораго мѣсто заступитъ человѣкъ жестокій; итакъ мы согласны послать разрушеніе и смерть на жилища и скотъ его, дабы онъ не оставлялъ колоній; добрыхъ не много, ими надобно дорожить!“

Потомъ велѣлъ Атаръ-Гюлю стать на колѣни и сказалъ:

„Поклянись луною, насъ освѣщающею, поклянись грудью твоей матери и очами твоего отца, хранить молчаніе о томъ, что̀ ты видѣлъ?“

— „Клянусь.“. . .

„Знаешь ли, что при малѣйшей нескромности, ты падешь подъ ножемъ дѣтей Волчьей Горы?

— „Знаю.“

„Даешь ли клятву быть участникомъ въ ненависти твоихъ братьевъ, даже противъ жены и дѣтей, еслибы нужно было отмстить вѣрнѣе злому и безчеловѣчному колонисту?“

— „Даю.“

„Итакъ иди и сверши предпріятое.“

Тогда одинъ изъ двоихъ Негровъ, находившихся подлѣ старика, принесъ нѣсколько свертковъ ядовитыхъ растеній, имѣющихъ дѣйствіе быстрое и вѣрное.

Негръ опустилъ ихъ въ котелъ, тотчасъ вынулъ опять и отдалъ Атаръ-Гюлю, объясня ихъ свойство. . . .

Потомъ, обмакнувъ въ котелъ тростинку, прикоснулся ею къ его глазамъ, ко лбу и груди, сказавъ:

— „Въ силу этого волшебства, дѣйствіе твоего яда будетъ вѣрно. . . Прощай, сынъ! . . . справедливость и твердость! . . . мы поможемъ тебѣ разорить добраго господина.“

— „Справедливость и твердость!“ сказали въ одинъ голосъ Негры.

Въ это время огонь испускалъ уже слабый и блѣдный свѣтъ; Негры разстались, назначивъ свиданіе черезъ семнадцать дней, а Атаръ-Гюль пошелъ къ жилищу добраго Виля.

— „Наконецъ мщеніе близко“ — сказалъ Черный, рыкая, подобно шакалу — „прежде я ввергну тебя въ бѣдность; ты останешься здѣсь — здѣсь; я увижу какъ по каплѣ польются твои слезы, я увижу твою нищету; — у тебя не будетъ Черныхъ, не будетъ скота, — твои жилища разрушатся пожарами; ты дойдешь до того, что у тебя не останется никого, кромѣ меня, меня одного, вѣрнаго и преданнаго слуги... и тогда.“ . . .

Здѣсь Атаръ-Гюль испустилъ ужасный крикъ адской радости. . .

И ослѣпительный блескъ возвѣщалъ уже восходъ солнечный, когда Негръ подходилъ къ дому колониста.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Изрѣдка только поднималъ онъ красную занавѣску, дабы посмотрѣть, не украли ли его труповъ.
Жюль Жанень. Мертвый Оселъ.

ДЕНЬ НАКАНУНѢ СВАДЬБЫ.

Когда Атаръ-Гюль достигъ послѣдняго ската горы, солнце уже взошло и скалы Сѣрной Горы далеко отбрасывали длинныя тѣни.

Едва онъ подошелъ къ небольшому водоему, образовавшемуся изъ огромныхъ обломковъ гранита, которые окружали маленькой зеленой лугъ, пересѣкаемый ручьемъ, теряющимся въ высокой травѣ, какъ услышалъ сильное шипѣніе змѣя и остановился.

Глухой и стремительный шумъ заставилъ его поднять голову, онъ увидѣлъ секрешариса а), который описывая ши-

а) Родъ морскаго орла.

рокіе круги надъ пресмыкающимся, спускался къ нему мало по малу. . .

Змѣй, чувствуя неравенство силъ, пользовался всею свойственною ему хитростію и гибкостію, чтобы достичь своей норы.

Но птица, угадывая его намѣреніе, вдругъ спустилась, однимъ прыжкомъ очутилась подлѣ его убѣжища и тотчасъ остановила, загородивъ ему дорогу огромнымъ своимъ крыломъ, имѣющимъ на концѣ костяную выпуклость, которая служила для ней вмѣстѣ и наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ.

Тогда раздраженный змѣй выпрямился, яркая пестрота его кожи заблистала отъ солнца радужными цвѣтами. . . . . голова раздулась отъ злости и налилась ядомъ, глаза наполнились кровью, онъ открылъ грозную пасть, испуская ужасный свистъ. . .

Секретарисъ распустилъ крыло и приближился съ боку непріятеля, который слѣдилъ его глазами и поводилъ своимъ тѣломъ направо и налѣво, слѣдуя за всѣми движеніями птицы.

При одномъ таковомъ движеніи. . . змѣй вдругъ изогнулся . . . хотѣлъ уязвить своего врага и обвиться около него. . .

Но секретарисъ, подставивъ твердую часть своего крыла острымъ зубамъ пресмыкающагося, схватилъ его въ когти и сильнымъ ударомъ клюва разсѣкъ ему черепъ...

Змѣй быстро завертѣлъ хвостомъ... началъ бить имъ землю.... свивался.... развивался.... оцѣпенѣлъ.... и издохъ.

Птица завладѣвъ добычею, съ бѣшенствомъ начала терзать ей голову, какъ вдругъ выстрѣлъ поразилъ саму ее.... Атаръ-Гюль вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ надъ собой на скалѣ Теодорика, съ ружьемъ въ рукахъ....

— „Ну что, Атаръ-Гюль!" сказалъ молодой человѣкъ слѣзая со скалы: „не правдали, что мѣтко!

— „Мѣтко, сударь, мѣтко, да напрасно. Секретарисы избавляютъ насъ отъ этихъ гнусныхъ змѣй... вотъ посмотрите-ка на этаго..."

Черный показалъ мертваго змѣя, котораго держалъ за хвостъ; онъ имѣлъ семь или восемь футовъ въ длину и четыре дюйма въ діаметрѣ...

— „Чортъ возьми!.. досадно... у насъ ихъ такая пропасть, и я бы дорого далъ... чтобы не было ни одного во всемъ островѣ."..

— „Это правда, сударь.... много скота умираетъ отъ нихъ...

— „Да, Атаръ-Гюль, конечно! но кромѣ того, моя Дженни ужасно боится этихъ гадинъ, хотя правда менѣе, чѣмъ прежде, ибо тогда одно имя заставляло ее блѣднѣть, какъ мертвую; бѣдное дитя!.. ея отецъ, мать и я, пробовали истребить въ ней этотъ страхъ... разъ сто клали мертвыхъ змѣй, набитыхъ соломою, тамъ, гдѣ ей надобно было проходить.... и теперь она боится менѣе.“..

— „Это единственное средство, сударь“ — сказалъ Атаръ-Гюль: „въ нашихъ краалях мы точно также приучаемъ дѣтей и женъ ничего не бояться; я думаю... Да вотъ еще случай.... еслибъ вы воспользовались имъ“ — сказалъ Атаръ-Гюль, въ глазахъ коего блеснуло странное выраженіе, исчезнувшее быстро, подобно мысли — „но надобно ему отрѣзать голову, хотя онъ и околѣлъ... Предосторожность никогда не бываетъ излишнею.“..

— „Добрый человѣкъ!“ сказалъ Теодорикъ...

И онъ началъ помогать Черному отдѣлять голову отъ туловища, чтобы не-

винная шутка была безвредна; наконецъ голова отпала.

— „Хорошо“ — бормоталъ про себя Ашаръ-Гюль — „*это самка.*“..

— „Пойдемъ же“ — сказалъ Теодорикъ — „пойдемъ скорѣе, чтобы насъ не замѣтили.... неси змѣя, Ашаръ-Гюль, и ступай за мною...“

— Жилище было очень близко. Теодорикъ шелъ впередъ, а Черный, держа змѣя за хвостъ, тащилъ его, опустивъ на земь, по лугу, отъ чего образовался легкій кровавый слѣдъ, подъ тяжестію мертваго гада.

Они пришли...

Домъ Виля, какъ и всѣ жилища колонистовъ, имѣлъ два этажа: верхній и нижній.

Въ нижнемъ находились комнаты Господина и Госпожи Виль и Дженни.

Двойныя сторы и жалюзи защищали ихъ отъ палящаго жара тропическаго солнца.

Теодорикъ подошелъ на цыпочкахъ и приподнялъ уголъ жалюзи, ибо сторы были вполовину открыты...

Дженни не было въ своей комнатѣ, — она вѣроятно молилась съ матерью...

Тогда онъ, поднявъ занавѣски, шагнулъ на окно и взялъ пресмыкающагося изъ рукъ Атаръ-Гюля, который для большей предосторожности хотѣлъ отшибить ему шею объ доску, поддерживающую раму окна.

Потомъ спрятавъ змѣя, котораго яркіе цвѣты отъ смерти уже померкли, подъ столикъ, опустилъ жалюзи и сторы на свое мѣсто и удалился.

Когда онъ оборотился къ Атаръ-Гюлю, слѣдовавшему за всѣми его движеніями съ особеннымъ вниманіемъ... вдругъ кто-то сильно схватилъ его за руку...

— „А! я поймалъ васъ, господинъ обольститель" — произнесъ сильный голосъ съ громкимъ хохотомъ... то былъ самъ колонистъ...

„Тише, Г. Виль, тише!" сказалъ Теодорикъ: „Дженни услышитъ."..

— „Что... господинъ влюбленный?"

„Я теперь дѣлаю то, что вы дѣлали нѣсколько разъ, чтобы исцѣлить ее отъ этаго несчастнаго страха."..

— „Въ самомъ дѣлѣ... змѣй!.. о, славная шутка! посмѣемся жь мы... но вѣдь нѣтъ никакой опасности...

„Голова отрѣзана... и раздроблена въ двухъ мѣстахъ... Г. Виль...

— „Я совершенно спокоенъ, мой другъ... пойдемъ, спрячемся за дверь ея комнаты, подержимъ покрѣпче, и пусть она кричитъ.“ .. сказалъ старикъ, стараясь идти, какъ можно шире, чтобы добраться до галлереи, въ которую вела одна дверь изъ комнаты Дженни. . . .

А другая вела къ ея матери.

И едва дыша, придерживая ручку замка, они весело перемигивались и дожидались. . . .

Атаръ-Гюль уходя, улыбался болѣе обыкновеннаго.

У Дженни была прекрасная комнатка!

Въ ней во всемъ замѣтна была материнская нѣжность; любовь до обожанія, внушаемая сею прекрасною и кроткою дѣвицею отцу и матери, являлась всюду, даже въ малѣйшихъ бездѣлицахъ; — это жилище походило, можно сказать, на жилище *избалованнаго дитяти.*

По обыкновенію, стѣны были безъ обоевъ, но штукатурка, покрывавшая ихъ, была такъ чиста, гладка и блестяща, что легко было можно почесть ее за Паросскій мраморъ. . . .

Въ углубленіи стояла небольшая кровать изъ лимоннаго дерева, чистая, дѣв-

ственная, закрытая прозрачнымъ занавѣсомъ, поддерживаемымъ четырьмя столбиками, изъ шлифованной мѣди.

Далѣе, кругомъ всей комнаты, разставлены были ящики краснаго дерева, довольно глубокіе, на бронзовымъ ножкахъ, наполненные множествомъ тѣхъ прелестныхъ камелій безъ запаху, которыя безъ вреда можно держать около себя ночью. . . .

Наконецъ хорошенькіе стульчики, сплетенные изъ драгоцѣнной древесной коры, стояли на цыновкѣ изъ тончайшаго тростника, самыхъ яркихъ и блестящихъ красокъ, испестрившихъ ее, подобно цвѣтнику.

Свѣтъ дневной едва проникалъ сквозь жалюзи, занавѣски и шелковыя сторы. . . Но окно было полуотворено, по причинѣ жара.

Повсюду разливался какой-то сладостный, благовонный запахъ, дышущій дѣвственностію; повсюду выражалась невинность, восхищающая душу.

Эта небольшая постель, бѣлая, чистая, этѣ гладкія стѣны и пестрѣющіеся цвѣты, эта сладостная мрачность, эта безмолвная арфа, праздничныя платья, всюду разбросанныя, маленькое зеркальце,

распятіе, ленты и освященныя Пасхальныя вѣтви, однимъ словомъ, всѣ этѣ бездѣлки, столь драгоцѣнныя для молодой дѣвушки — все показывало жизнь счастливую, невинную, исполненную любви. . . .

Дверь отворилась и вошла Дженни.

Мать шла съ нею, обвивши нѣжно руку около гибкой и прелестной таліи своей дочери, которая склонила голову на грудь матери. . .

— „Поди лягъ опять" — сказала Госпожа Виль — „мы помолились, теперь еще рано, у тебя глаза такіе сонные. . . я увѣрена, что ты дурно спала. . ."

Она посадила дочь на постель и сѣла возлѣ ней. . .

„Это правда, маминька, я мало спала . . . знаешь ли . . . счастіе не даетъ уснуть . . . я его такъ люблю . . . онъ такъ ласковъ съ тобою, съ батюшкой . . . мой Теодорикъ" — сказала молодая дѣвушка чистымъ, среброзвучнымъ голосомъ, цѣлуя сѣдые волосы своей матери, и улыбаясь, спутывала ихъ съ большими локонами своихъ бѣлокурыхъ волосъ.

— „Перестань, Дженни, ты мнѣ совсѣмъ растрепала голову." . .

„Послушай, маминька, отдай мнѣ свои волосы, а себѣ возьми мои.“ . .

— „О, шалунья . . . вотъ я тебя. . .“ сказала добрая мать, трепля, тихонько по прелестнымъ, бѣлымъ плечамъ Дженни.

„Да, маминька, тогда бы ты была молода . . . а я стара . . . и я умерла бы прежде тебя. . .“

И обѣими руками обняла она мать свою, которая отвернулась, чтобы скрыть слезы нѣжности, катившіяся изъ глазъ ея. . .

„Ахъ, маминька . . . ты плачешь. . . . Боже мой, Боже мой, не огорчила ли я тебя!“ . . . .

И Дженни съ умоляющими глазами, протянувъ руки, смотрѣла съ тоскою на мать.

— „Милое, милое дитя.“ . . . бормотала госпожа Виль, осыпая дочь тѣми материнскими поцѣлуями, на которые смотрятъ съ такою завистію лишенные матерей!“ . . .

Успокоившись отъ волненія, Госпожа Виль удалилась, приказавъ своей дочери уснуть еще немного. . .

— „Я сплю, маминька“ — отвѣчала она, прилегши на постель, и тотчасъ зажмурила свои прекрасные глазки; но коварная

улыбка, показавшаяся на губахъ, обнаруживала обманъ.

Дверь за матерью затворилась...

Тогда Дженни открыла одинъ любопытный глазъ, потомъ другой, подняла свою миленькую головку... приподнялась сама..., послушала... устремивъ большіе глаза, какъ молодая лань въ засадѣ... и, ничего не слыша... однимъ прыжкомъ очутилась подлѣ небольшаго туалета.

Оттуда она достала ленты, цвѣты, газъ... и напѣвая въ полголоса любимую пѣсенку Теодорика, начала причесываться по его вкусу.

— „Посмотримъ" — сказала она — „мнѣ надобно нынче принарядиться; а завтра... о, завтра!... какой восхитительный день... какое счастіе... однако сердце у меня сильно бьется, когда я объ этомъ думаю, конечно не отъ страха... нѣтъ... я не думаю... о мой Теодорикъ! пристало ли это ко мнѣ, скажи?..."

И она подошла такъ близко, такъ близко къ маленькому зеркалу, чтобы посмотрѣть, пристали ли ей цвѣты и понравится ли газъ ея возлюбленному, что

ея чистое дыханіе помрачило легкимъ паромъ блестящую поверхность стекла. . .

Тогда, поведши бѣлымъ, нѣжнымъ пальчикомъ по этой влагѣ, она въ мечтаніи, съ улыбкою, начертала имя своего Теодорика. . .

Легкій шорохъ, послышавшійся у окна, заставилъ ее вздрогнуть... она быстро обернулась... въ смущеніи боясь, чтобъ не застали ее въ тайныхъ ея занятіяхъ. . . .

— Но вдругъ губы ея поблѣднѣли... она быстро протянула руки впередъ . . . хотѣла встать... и не могла. . .

Снова упала она на стулъ въ мучительномъ трепетѣ. . . .

Несчастная увидѣла отвратительную голову ужаснаго змѣя, который пробирался сквозь жалюзи и занавѣски, отворотилъ сторы и вползъ. . . .

Съ минуту онъ скрывался въ ящикѣ съ цвѣтами, поставленными на окнѣ.

Мгновенная засада ужаснаго пресмыкающагося, казалось, возвратила силы Дженни; она бросилась къ двери, ведущей въ галлерею, прижалась, стараясь отворить ее и крича: „Помогите! маминька!.. „помогите!.. змѣй. . . .“

— Невозможно. . . .

Отецъ, мать и ея возлюбленный держали дверь снаружи, и Дженни услышала веселый голосъ добраго Виля . . . онъ говорилъ ей:

„Да, кричи больше, кричи! это научитъ тебя бояться... глупенькая . . . онъ тебя не съѣстъ... будь разсудительна... Боже мой! ты точно какъ ребенокъ!

— „Замѣть Дженни“ — сказала мать... „исцѣлившись отъ страха одинъ разъ, — не будешь бояться никогда... ну же, будь умна. . .“

— И даже Теодорикъ прибавилъ: „Это я, моя Дженни, это я все надѣлалъ; ты должна подарить меня за труды добрымъ поцѣлуемъ! Это для твоего же блага, ангелъ моей жизни. . . .“

— Они думали, что Дженни кричитъ о мертвомъ змѣѣ, котораго положили къ ней, дабы *приучить* бѣдное дитя, какъ они говорили. . .

— Дженни испустила отчаянный вопль и упала къ порогу двери. . .

— Змѣй выползъ изъ ящика; хвостъ его былъ еще въ цвѣтахъ, но полуоткрытая пасть, испуская пѣну, зіяла уже на Дженни. . .

Онъ приближился... и нашедъ свою самку мертвою ... истерзанною ... подъ маленькимъ столикомъ ... испустилъ продолжительное, глухое шипѣніе.

Потомъ, съ невѣроятною быстротою обвился около ногъ, тѣла и плечь Дженни, упавшей въ обморокъ...

Клейкая и холодная шея пресмыкающагося облегла грудь юной дѣвицы.

И тамъ, перегнувшись еще разъ, онъ уязвилъ ее прямо въ горло...

Несчастная, пришедши въ себя отъ жестокой раны, открыла глаза — и ей представилась пестрая, окровавленная голова змѣя ... и глаза, сверкающіе злобою....

— „Маминька....о маминька!“... кричала она слабымъ, умирающимъ голосомъ....

На сей смертельный, судорожный, хриплый, прерывающійся крикъ, отвѣчалъ легкій хохотъ....

Тутъ показалась ужасная голова Атаръ-Гюля, который приподнялъ уголъ сторы, точно также какъ змѣй.

Черный смѣялся!!

— Дженни не кричала болѣе ... она умерла. . . . . .

. . . . . .

— „Отворимъ . . . отворимъ теперь. . . . слишкомъ продолжительный страхъ можетъ быть вреденъ.“ . . сказалъ добрый Виль, уступая просьбамъ Теодорика и жены. . . .

Онъ хотѣлъ отворить. . . .

Но не могъ . . . . тѣло его дочери препятствовало . . . онъ сильно толкнулъ дверь — и сердце его облилось кровью . . . . онъ бросился въ комнату съ женою и Теодорикомъ — всѣ въ мучительномъ волненіи. . .

Они нашли дочь свою . . . мертвою. . .

При входѣ ихъ, змѣй скрылся въ окно. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IV.

БЛ. АВГУСТИНЪ.

(*окончаніе*)

Всего болѣе, Августинъ подвизался противъ Манихеянъ и Донатистовъ. Въ сію эпоху необычайнаго пристрастія къ Богословію, городокъ Иппонія, обитаемый убогими береговыми жителями и нѣсколькими

Римскими семействами, сдѣлался схоластическою сценою, на которую выходили Манихейскіе учители, дабы имѣть состязаніе съ знаменитымъ Святителемъ. На семъ необыкновенномъ зрѣлищѣ весь народъ присутствовалъ съ любопытнымъ участіемъ. Публичные писцы записывали вопросы и возраженія. Манихеяне были не что иное, какъ мистики и иллюминаты. Соблюдая Пиѳагорейское воздержаніе въ пищѣ, они не вкушали ничего изъ царства животнаго. Заблужденія ихъ, большею частію, были невинныя. И хотя, въ правленіе Ѳеодосія и сыновей его, изданы были противъ Манихеянъ строгія повелѣнія; не видно однако, чтобы сами они отмщевали за сіи гоненія. Но Донатисты, большіе числомъ и не столь кроткіе, часто были виною кровопролитія въ Африкѣ, гдѣ возникла сія секта. Въ сей сектѣ, какъ почти и въ каждой изъ сектъ, были двѣ партіи: умѣренные и неистовствующіе. Первые, состоявшіе изъ священниковъ и богатыхъ гражданъ, участвовали въ богословскихъ спорахъ, писали книги и старались измѣнить дѣйствіе Императорскихъ указовъ, въ слѣдствіе коихъ не допущаемы они были въ свя-

дѣтели и подвергались пенямъ и даже изгнанію.

Другіе, прозванные Цирконцелліонами, были почти всѣ поселяне и пастухи Мавританіи и Нумидіи. Необузданный фанатизмъ ихъ былъ воспламеняемъ словами нѣкоторыхъ учителей, еще болѣе яростныхъ, нежели самые сіи сектаторы. Въ извѣстное время, они толпами оставляли свои жилища, скитались по полямъ, опустошали домы Христіанъ и иногда убивали каѳолическихъ священниковъ, кои впадали къ нимъ въ руки. Тогда почитали они себя посѣщаемыми Святымъ Духомъ и убійства сіи называли жертвою пріятною Богу.

Строгость законовъ и самая жестокость воиновъ не могли удерживать сихъ фанатиковъ. Ихъ умерщвляли, но не совращали съ пути преступленій. Цирконцелліоны хвалились великимъ числомъ своихъ святыхъ. Многіе изъ нихъ, какъ мущины, такъ и женщины, добровольно предавали себя различнымъ смертямъ, какъ бы желая ранѣе восхитить вѣнецъ мученическій.

Бл. Августинъ провелъ большую часть своей жизни въ борьбѣ съ ученіемъ Донатистовъ и иногда вооружалъ противъ нихъ гражданскую власть. Но онъ всегда желалъ,

чтобы ихъ не подвергали смертной казни; даже и тогда, когда Донатисты проливали кровь Христіанъ, желаніе сіе выражено имъ въ письмѣ къ областному Трибуну. Оно достойно имѣть мѣсто во Французскомъ новѣйшемъ законодательствѣ, столь щедромъ на смертную казнь.

„Августинъ Трибуну Марцелину, знаменитому господину и возлюбленному „сыну, привѣтствіе о Христѣ Іисусѣ.“

„Извѣстился я, что Цирконцелліоны и причетники ереси Донатистовъ, „преданные гражданскою властію Иппоніи твоему судилищу, были допрашиваемы тобою, и что большая часть оныхъ „созналась въ убіеніи каѳолическаго пресвитера Реститута и въ нанесеніи ранъ „Иннокентію, также пресвитеру, коему „выкололи они глазъ и отрубили палецъ. Въ „великое смятеніе привела меня мысль, „чтобы ты не восхотѣлъ поразить преступниковъ всею строгостію законовъ, „предавъ ихъ казнямъ, равнымъ съ страданіями, претерпѣнными отъ нихъ помянутыми священнослужителями.“

„Почему, писаніемъ симъ, взываю къ „вѣрѣ твоей во Іисуса, и божественнымъ

„милосердіемъ Его умоляю тебя не дѣлать „сего и не допускать къ тому другихъ. „Хотя мы, поистинѣ, и не можемъ ка„заться причастными смерти людей, пре„данныхъ твоему судилищу, не по нашему „обвиненію, но попечительностію тѣхъ, „коимъ ввѣрено сохраненіе общественнаго „спокойствія; мы не желаемъ однако, что„бы страданія служителей Господнихъ по„лучили возмездіе по Ветхому Закону, от„мщены были казнями, равными престу„пленію. Не желаемъ сего не потому, „чтобы хотѣли воспрепятствовать отня„тію у виновныхъ средствъ дѣлать зло; „напротивъ того мы требуемъ, чтобы „преступники сіи, сохранивъ невредимо „жизнь свою и всѣ члены тѣла, благодѣ„яніемъ закона приведены были отъ яросто„наго неистовства къ тишинѣ разума и об„ращены отъ злонамѣренной дѣятельности „къ какому либо труду полезному. И сіе „будетъ уже для нихъ осужденіемъ. Но „таковое наказаніе не можетъ быть поч„тено иначе, какъ благодѣяніемъ. Не допу„ская ихъ болѣе до дерзновенныхъ покуше„ній, оно преподаетъ имъ еще врачество „покаянія. Судія - Христіанинъ! исполни „долгъ чадолюбиваго отца, и въ справед-

„ливомъ гнѣвѣ своемъ противъ преступле-„нія, не забудь быть благодѣтельнымъ че-„ловѣчеству; наказуя беззаконія грѣшниковъ, „не увлекайся самъ страстію мщенія."

Августинъ заключилъ сіе трогательное посланіе доказательствомъ, что умѣренность въ наказаніяхъ будетъ полезна для самаго Христіанства. „Я утверждаю" — говоритъ онъ — „что одно только милосер-„діе будетъ, въ семъ случаѣ, полезно и „спасительно для каѳолической церкви, „или лучше, дабы не выходить за предѣлы „моей власти, будетъ полезно для церкви „Иппонійской. — Если ты не хочешь скло-„ниться на моленія твоего друга, то „внемли увѣщанію святителя."

Между тѣмъ тотъ же самый мужъ, который написалъ сіи прекрасныя строки, въ защиту Цирконцелліоновъ-преступниковъ, одобрялъ строгія мѣры правительства и налагаемыя имъ пени на мирныхъ Донатистовъ для обращенія ихъ къ православію. Въ письмахъ и состязаніяхъ своихъ, Августинъ повторялъ, что полезно *нудить* людей *силою оставлять* заблужденія. Онъ оправдывалъ повелѣнія о семъ Императоровъ и славился самъ обращеніями, исторгнутыми насиліемъ. Мы не воспомянули бы о семъ ученіи

Августина, достойномъ всякаго сожалѣнія, еслибы нетерпимость XVII столѣтія не приняла его за основаніе и авторитетъ.

Кромѣ сихъ Христіанскихъ вѣроисповѣданій, угнетающихъ и угнетаемыхъ, находилось, въ Африкѣ, великое число язычниковъ.

Не смотря на воспретительные законы Императоровъ, еще существовали тамъ храмы и жрецы, еще приносились жертвы. Нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ были еще ознаменованы печатію Пуническаго варварства, и, смѣшиваясь въ народныхъ понятіяхъ съ воспоминаніями о временахъ, предшествовавшихъ завоеванію Римлянъ, сохранялись во многихъ городахъ, какъ остатки независимости и патріотизма.

Африканскіе язычники даже туземцамъ Христіанскимъ давали имя Римлянъ. Уже одно сіе обстоятельство объясняетъ намъ сопротивленіе ихъ вѣрѣ, которая казалась имъ вѣрою ихъ побѣдителей.

Язычество, невѣжественное и грубое въ народѣ, было очищеннымъ вѣрованіемъ въ людяхъ, болѣе образованныхъ. Творенія Бл. Августина представляютъ любопытныя тому доказательства. Обращая

менѣе вниманія на язычниковъ, чѣмъ на Донатистовъ, Бл. Августинъ имѣлъ однако частыя собесѣдованія съ первыми и даже иногда раздѣлялъ съ ними свою трапезу. Любовь къ наукамъ сближала его съ нѣкоторыми мужами, ревностными послѣдователями Греческой философіи и баснословной учености.

Письма сихъ мужей, сохранившіяся вмѣстѣ съ письмами Бл. Августина, представляютъ намъ любопытное свидѣтельство сихъ сношеній. Одинъ ученый грамматикъ, жившій въ Мадавріи, по имени Максимъ, въ письмѣ къ Бл. Августину, изъяснялъ языческую свою вѣру, скорбя о томъ, что *мучениковъ* предпочитаютъ древнимъ богамъ міра. „Нѣтъ" — говоритъ онъ — „ни одного человѣка столь ослѣпленнаго и безразсуднаго, который бы не признавалъ, что существуетъ Богъ Вседержитель, безъ начала и рода, что Богъ сей есть Всемогущій Отецъ природы. „Но что же? Силы сего Божества, различающіяся въ его твореніи, призываемъ мы „подъ различными именами, ибо не вѣдаемъ собственнаго его имени. Дѣйствительно, слово Богъ есть общее всѣмъ „вѣрованіямъ; слѣдовательно, возсылая раз-

„личныя моленія, различнымъ частямъ се-
„го Верховнаго существа, мы покланяемся
„ему въ цѣломъ. “

Послѣ многихъ другихъ размышленій, Мадаврійскій философъ оканчиваетъ свое посланіе словами, не менѣе замѣчательными: „Я уже старъ и не въ силахъ „вступить въ состязаніе, но охотно ссы-„лаюсь на мысль Мантуанскаго поэта:

Trahit sua quemque voluptas.

„Впрочемъ, не сомнѣваюсь я, мужъ зна-„менитый, отступникъ моей вѣры! что „если посланіе сіе впадетъ въ посторон-„нія руки, то будетъ предано пламе-„ни, или другимъ образомъ уничтожено; „но когда бы сіе и случилось, то истребятъ „хартію, а не мое ученіе, которое будетъ „существовать во всѣхъ душахъ благоче-„стивыхъ. Да сохранятъ тебя боги, чрезъ „коихъ всѣ мы, смертные, населяющіе „землю, чтимъ и славимъ, многообразно „и въ разногласномъ согласіи, Общаго От-„ца боговъ и смертныхъ!“

Вмѣстѣ съ религіозною философіею язычества можно видѣть и нѣкоторый мистицизмъ сего богоученія въ откровенномъ изъясненіи одного современника, котораго Епископъ Иппонійскій вопрошалъ о

подробностяхъ его вѣры, бывъ убѣжденъ, какъ говорилъ ему самъ Августинъ, что когда человѣкъ добродѣтеленъ, то все остальное ученіе легко можетъ быть имъ пріобрѣтено.

Сей язычникъ, бывшій вѣроятно жрецомъ боговъ, отвѣчалъ Августину съ робкимъ уваженіемъ и излагалъ ученіе своей вѣры, вознося оную ко временамъ Орфея и Трисмегиста. Все ученіе его заключалось въ ближайшемъ соединеніи съ Богомъ, восторженности и чистотѣ духа. „Сознавая себя —" говоритъ язычникъ — „еще мало достойнымъ къ достиженію обители верховнаго блаженства, „куда призываетъ меня мое жречество, я „по крайней мѣрѣ приготовляю запасъ для „сего пути." Потомъ объясняетъ онъ, что благочестіемъ, чистотою, справедливостію, мы, при покровительствѣ второстепенныхъ боговъ, возносимся до Всемірнаго Бога, коего различныя совершенства суть то же самое, что Христіане называютъ Ангелами.

— „Симъ то путемъ" говоритъ далѣе язычникъ — „бывъ очищены по древнему „обычаю жертвами умилостивленія и сверг„нувъ съ себя бремя порока, благочести-

„вымъ воздержаніемъ, мы возвышаемся „тѣломъ и душею къ Богу. Что же относится до Христа, Бога твоей вѣры, „вещественнаго и духовнаго, чрезъ коего „уповаешь ты достигнуть Отца Небеснаго, то не дерзаю, ниже могу выразить „о немъ своей мысли. То, чего не вѣдаю, „опредѣлить почитаю невозможнымъ."

Но народъ языческій не постигалъ въ своей религіи ничего духовнаго и умственнаго. Въ городѣ Суффектѣ, въ Нумидіи, шестьдесять человѣкъ Христіанъ преданы были смерти, въ отмщеніе за то, что ими низпровержена была статуя Геркулеса. Въ самой Иппоніи, язычники, въ праздничный день, напали на Христіанскую церковь. Бл. Августинъ, въ продолженіе своего служенія, нѣсколько укротилъ свирѣпые нравы жителей. Въ то же время онъ противился проистекающей отъ корыстолюбія ревности многихъ Христіанъ, пламенно желавшихъ разрушать храмы, сокрушать идоловъ, истреблять священныя дубравы, для того, чтобы воспользоваться ихъ добычею. Словомъ и примѣромъ своимъ святитель проповѣдывалъ миръ. Посреди сей жестокой борьбы сектаторовъ, Августинъ уважаемъ былъ во всей Африкѣ.

Но въ то время, когда отъ одного конца Имперіи до другаго, умы увлекались сею чрезвычайною страстію къ религіямъ, когда ученики Златоуста претерпѣвали гоненія въ Греціи, когда остатки Аріанства волновали Галлію и Италію, когда буйства угнѣтаемыхъ Донатистовъ орошали кровію Африку и когда повсюду юные Греки и Римляне пребывали праздно погруженными въ созерцаніе и молитву — изъ нѣдръ Сѣвера, на коняхъ и военныхъ колесницахъ, стремились люди дикіе, неумолимые, жаждущіе разрушенія. Предъ собою гнали они народъ робкій. Обращенные, но еще не очеловѣчившіеся, сіи пришельцы, въ грубомъ своемъ Христіанствѣ, порождавшемъ духъ нетерпимости, предавали огню города и храмы. Съ вождемъ своимъ Аларикомъ они были у вратъ Рима.

Двукратно военачальникъ сей бралъ выкупъ съ Рима и дарилъ ему свободу. Онъ далъ ему и царя, въ то время, какъ слабый Гонорій скрывался въ Равеннѣ, въ Императорской своей багряницѣ. Наконецъ Аларикъ, наскучивъ играть Римомъ, сокрушилъ его. Странное дѣло! Предъ симъ послѣднимъ ударомъ, весь почти Римъ снова сталъ языческимъ. Страхъ влекъ жителей

къ древнимъ идоламъ. Воспрещенные Ѳеодосіемъ и Граціаномъ обряды всенародно появились. Префектъ Римскій призвалъ Тосканскихъ аруспиціевъ, а послѣдній изъ Консуловъ, жалкій призракъ древней Республики, возобновилъ по суетному подражанію, авгуральные обряды въ день своего вступленія. Въ тоже самое лѣто (410), Римъ былъ взятъ приступомъ и преданъ мечу и хищенію. Оставалось одно надежное убѣжище — церкви Христіанъ.

Замѣтить должно, какъ достопамятную черту сей эпохи, то впечатлѣніе, которое произведено было симъ бѣдствіемъ на всѣ Христіанскіе народы. Многія знаменитыя семейства бѣжали въ Африку и Азію и принесли съ собою живую вѣсть о семъ великомъ злополучіи; но міръ, міръ Римскій, составленный изъ побѣжденныхъ, услышалъ сію вѣсть съ нѣкоторымъ чувствомъ радости. Духъ Христіанства, покровительствуя древней враждѣ народовъ, восторжествовалъ при сокрушеніи града, напоеннаго кровію мучениковъ.

Чувство сіе примѣтно и въ самой краснорѣчивой скорби, выраженной Иппонійскимъ Епископомъ во многихъ словахъ, произнесенныхъ имъ въ сію эпоху бѣдствій. Но

всѣ не-Христіане отражали на Христіанъ вину послѣдняго бѣдствія Имперіи и воспоминали имъ древнее благополучіе Рима подъ сѣнію боговъ его. Блаженный Августинъ, съ любовію и великодушіемъ принимавшій въ Африкѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ губительнаго покоренія столицы, восхотѣлъ, какъ самъ извѣщаетъ, отвѣчать на сіи упреки огромнымъ историческимъ и философическимъ сочиненіемъ. Сіе любопытное произведеніе генія и глубокой учености названо имъ: *Градъ Божій*; и есть живая параллель двухъ гражданственностей, предшествовавшихъ среднимъ вѣкамъ и умершихъ въ борьбѣ между собою.

Въ семъ сочиненіи съ чувствомъ Христіанскаго самоотверженія осуждаетъ онъ всѣ подвиги ненасытнаго самолюбія, завоеванія, славу. Твореніе сіе есть, такъ сказать, надгробное слово Римской Имперіи, произнесенное въ мирной обители иноковъ. Когда путешественникъ временъ новѣйшихъ является въ Римъ, воображенію его стремительно представляются величайшія противоположности человѣчества. Онъ видитъ крестные ходы иноковъ — на Форумѣ; слышитъ пѣніе псалмовъ — близь мѣстъ, на коихъ вѣщали Цицеронъ и Цезарь. Онъ

открываетъ подъ новымъ Римомъ, населеннымъ тунеядцами и иноземцами, могущественный и дѣятельный Римъ древній, отъ коего остались однѣ развалины и надгробія; но, въ столь чудесномъ переворотѣ, усматриваетъ онъ также и величіе духовнаго владычества, принадлежавшее Риму Христіанскихъ Первосвященниковъ и нынѣ подобно первому сокрушеннаго. Таково почти зрѣлище, представляющееся намъ и въ твореніи Бл. Августина. Безъ сомнѣнія, печать времени проявляется на немъ во множествѣ отвлеченныхъ доказательствъ и мистическихъ гиперболъ; но всего ощутительнѣе сей первый животворный сокъ Христіанства, о коемъ упоминаетъ Боссюэтъ. Пламеннымъ убѣжденіемъ сочинителя одушевлено все твореніе; и убѣжденіе сіе есть смертный приговоръ древней гражданственности. Немного существуетъ книгъ, въ коихъ можно бъ было найти столько драгоцѣнныхъ подробностей о нравахъ и философіи древнихъ. Но насъ поражаетъ другой предметъ, несравненно важнѣйшій. Мы смотримъ на сей Градъ Божій, сооружаемый вѣрою народовъ въ замѣну всѣхъ выгодъ славы и отечества; и тогда становится для насъ ясною необходимость

разрушенія Имперіи: поелику вся нравственная сила образованнаго міра обращена была на набожныя созерцанія и уступала вселенную варварамъ.

Въ самое то время, какъ Бл. Августинъ предпринялъ сей обширный трудъ, онъ былъ также главнымъ дѣйствователемъ на большомъ соборѣ, созванномъ въ Карѳагенѣ. Засѣдавшіе на ономъ 600 Епископовъ раздѣлились на двѣ равночисленныя партіи Каѳоликовъ и Донатистовъ. Бл. Августинъ, глава первыхъ, предлагалъ оставить престолъ святительскій, если будетъ побѣжденъ своими соперниками на состязаніяхъ; имъ же обѣщалъ сохраненіе ихъ достоинства и почестей, независимо отъ успѣха. Едва прекратились сіи пренія, какъ Бл. Августинъ ревностно противусталъ ереси Пелагія. Ересь сія, любопытный памятникъ отвлеченностей человѣческаго ума, мистическій лабиринтъ фанатизма и свободы, внезапно возникла въ промежуткѣ нашествій Готѳовъ и Вандаловъ. Бл. Августинъ со всѣмъ жаромъ своего генія и вѣры, сражался, во всѣхъ формахъ состязанія, съ ученіемъ Пелагія, которое принялъ было Римскій Первосвященникъ.

Африканскій соборъ, согласно съ мнѣніемъ Бл. Августина, осудилъ новое ученіе, которое Англійскій Монахъ Пелагій проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ благороднымъ Римлянкамъ, спасшимся отъ Варваровъ, громившихъ Италію. Но въ то время, какъ учители Африки все свое вниманіе обращали на сіи пренія, Западная Имперія, отъ которой отсѣченъ былъ Римъ, повсюду распадалась. Готѳы владычествовали въ Греціи и надъ половиною Италіи; Вандалы опустошали Испанію; Франки громили предѣлы Галліи; наконецъ приближались въ грозномъ шествіи своемъ Гунны, истребить и народы образованные и народы варварскіе.

Африка не могла избѣгнуть всѣхъ сихъ бичей. Графъ Вонифатій, правитель области и одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Имперіи, былъ оклеветанъ предъ Равеннскимъ Дворомъ, въ которомъ пронырства и подозрѣнія умножались вмѣстѣ съ слабостію. Римскій Правитель, по кончинѣ своей супруги, хотѣлъ сначала постричься въ монахи, но раздумалъ и вскорѣ потомъ вступилъ въ новый бракъ съ дочерью Гензериха, Царя Вандаловъ, поселившихся въ Испаніи. Союзъ сей еще усилилъ негодованіе Двора, кото-

рый отрѣшилъ Вонифатія; а когда сей отказался повиноваться, то Дворъ объявилъ его врагомъ Имперіи. Оскорбленный Римлянинъ обнажилъ мечь и призвалъ Вандаловъ. Весной 418 года, Варвары сіи приплыли въ Африку, на судахъ, кои даны имъ были Римскимъ Правителемъ. Тогда завладѣли они уступленною имъ Вонифатіемъ Мавританіею; но вскорѣ, недовольные сею добычею, начали опустошать сопредѣльныя страны и угрожали нашествіемъ всей области, бывшей въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Ничто не можетъ быть любопытнѣе для Исторіи увѣщаній Бл. Августина сему Римскому военачальнику, который, увлекаемый честолюбіемъ и гнѣвомъ, губилъ свою отчизну. Мы видимъ, какое сильное, непонятное вліяніе имѣла тогда религія на людей, обуреваемыхъ самыми пылкими страстями. Послѣ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ благочестивыхъ выраженій, Августинъ въ слѣдующихъ словахъ доходитъ до пагубнаго отступничества отъ вѣры Африканскаго Правителя.

„Воспомни“ — говоритъ Бл. Августинъ Вонифатію — „какимъ былъ ты при жизни блаженной памяти твоей супруги и

„въ первые дни по ея отшествіи! Какъ тя-
„готился ты всѣми прелестями міра и
„какъ пламенно желалъ служенія Господу!
„Мы сами были тому свидѣтелями, мы,
„которымъ ты открывалъ тогда душу твою
„и всѣ тайныя твои помышленія. Я и
„братъ мой Алипій, мы одни были тогда съ
„тобою. Не думаю я, чтобы заботы жи-
„тейскія, коими ты обремененъ, могли
„совершенно истребить время сіе изъ тво-
„ей памяти. Ты хотѣлъ тогда отказать-
„ся отъ всѣхъ твоихъ общественныхъ
„должностей, дабы жить въ томъ свя-
„томъ уединеніи, въ которомъ отшельни-
„ки міра посвящаютъ себя Богу."

„Кто же отвратилъ тебя отъ сего
„намѣренія? Не внушенная ли нами тебѣ
„мысль, что ты несравнено полезнѣе бу-
„дешь церкви, продолжая защищать оную
„отъ варваровъ, если, охраняемый щи-
„томъ строгаго воздержанія и оружіемъ
„духовнымъ, крѣпчайшимъ и надежнѣйшимъ
„окружающаго тебя оружія временнаго, ес-
„ли самъ будешь пользоваться благами
„міра столько, сколько нужно для под-
„держанія твоей жизни."

Воспомянувъ Вонифатію сіи обѣты, преданные имъ забвенію, Бл. Августинъ

съ искусною осторожностію касается измѣны Правителя: „Что же скязать о зло„получіи, посѣтившемъ Африку, о хи„щничествѣ Варваровъ, во время коихъ, „удерживаемый семейными дѣлами, не пред„принимаешь ты ничего для отвраще„нія сихъ бѣдствій? Какой робкій чело„вѣкъ могъ бы помыслить, что Варвары „содѣлаются столь дерзновенными, распро„странятъ такъ далеко свои завоеванія, „опустошатъ такое множество мѣстъ оби„таемыхъ, въ то время какъ Вонифа„тій, великій сановникъ Имперіи, началь„никъ Африки, находится въ сей области, „предводительствуя войскомъ многочислен„нымъ, облеченный властію неограничен„ною! Кто не надѣялся, когда ты прини„малъ власть сію, что Варвары не толь„ко будутъ побѣждены, но и содѣлаются „данниками Рима! Нынѣ ты видишь, какъ „много всѣ и каждый обманулись въ своихъ „надеждахъ, и мнѣ нѣтъ нужды простран„нѣе говорить тебѣ о томъ; ибо въ семъ „случаѣ мыслямъ твоимъ должно предста„виться гораздо болѣе, нежели сколько я „могу и хочу выразить.“

Бл. Августинъ возстаетъ противъ негодованія, которымъ преисполненъ былъ

сей военачальникъ на Императора. Негодованію сему противупоставляетъ онъ не важность политической обязанности и вѣрности престолу, но одно прощеніе обидъ, повелѣваемое Евангеліемъ. „Не желай —“ говоритъ онъ ему — „быть однимъ изъ тѣхъ „бичей, чрезъ которыхъ Богъ караетъ „народы, заслуживающіе его наказаніе! Помысли, что вѣчныя муки ожидаютъ нечестивцевъ, кои суть орудія временной кары! „Обратись къ Богу, воззри на Іисуса, „столь много благодѣявшаго міру и столь „много въ мірѣ пострадавшаго. Всѣ, хотящіе быть наслѣдниками Его царствія, „любятъ своихъ враговъ, благотворятъ „ненавидящимъ ихъ, молятся за обижающихъ ихъ. Если ты получилъ отъ Имперіи Римской какія-либо блага, хотя „земныя, хотя тлѣнныя, — ибо она можетъ „даровать только то, что сама имѣетъ — „то не воздавай зломъ за добро; если напротивъ получилъ отъ ней заслуженныя „тобою оскорбленія, то не воздавай зломъ „за зло! Я не буду изслѣдывать, не хочу судить, которое изъ сихъ предположеній справедливо; я говорю съ Христіаниномъ и говорю ему: не воздавай зломъ „за добро, ни зломъ за зло!“

Сіи мысли Христіанскаго совершенства, однѣ могущественныя въ сію эпоху, сильно подѣйствовали на душу Римскаго военачальника. Онъ расторгъ союзъ преступный, снова подчинилъ себя власти Императора, обнажилъ мечь для изгнанія Вандаловъ. Война была жестокая. Варвары, одушевляемые ненавистію сектантовъ, ненавистію, которая была для нихъ предлогомъ къ грабежу и неистовствамъ, опустошили весь берегъ Африки, на коемъ процвѣтали многіе торговые города. Только три: Карѳагенъ, Иппонія и Цирта, избѣгли ихъ опустошеній.

Среди сего хаоса бѣдствій, Августинъ расточалъ высокіе примѣры мужества и Христіанской любви. Одно изъ его посланій, вѣрнѣе всякаго повѣствованія, даетъ намъ понятіе о злополучіи Африки. Оно было писано къ священникамъ, вопрошавшимъ: позволительно ли имъ бѣжать и оставлять своихъ прихожанъ во время приближенія враговъ. Отвѣтъ Августина состоялъ въ томъ, что пресвитеры должны удаляться съ народомъ и послѣ народа. „Потребно оставаться имъ до послѣдняго „часа опасности, когда вѣрные во множе„ствѣ толкутся у вратъ церковныхъ, од-

„ни требуя св. крещенія, другіе отпуще-„нія грѣховъ, всѣ — утѣшенія и небесной „помощи.“ Такова картина сего общества, издыхавшаго подъ ударами варваровъ!

Бл. Августинъ возстаетъ потомъ противъ тѣхъ священнослужителей, кои, водимые чувствомъ самосохраненія, ставили предлогомъ удаленія необходимость сохранить пресвитаровъ для остальнаго народа. — „Почто —“ пишетъ онъ — „должны мы предполагать, что въ семъ общемъ для всѣхъ бѣдствіи погибнутъ остріемъ меча вражескаго всѣ пастыри, а „не всѣ пасомые? Почему не надѣяться, „что время сіе переживутъ нѣкоторые изъ „мірянъ, равно какъ и нѣсколько священнослужителей для ихъ напутствованія! „Впрочемъ, если уже необходимость заставляетъ разсуждать о томъ, кому „изъ служителей олтарей Господнихъ бѣжать и кому оставаться, дабы церковь не вдовствовала совершенно и удаленіемъ и смертію всѣхъ своихъ пастырей; то разсужденіе о семъ, по мнѣнію „моему, долженствуетъ рѣшено быть жребіемъ, который да назначитъ тѣхъ, кои „могутъ удалиться и тѣхъ, кои должны „остаться!“

Бл. Августинъ самъ поступилъ по преподанному отъ него другимъ совѣту самоотверженія: онъ рѣшился не оставлять Иппоніи, осажденной Варварами, и затворился въ семъ городѣ, гдѣ правитель Африки, не столь счастливый въ войнѣ противъ Вандаловъ, сколько прежде былъ счастливъ въ возстаніи своемъ противъ Имперіи, искалъ себѣ спасенія съ малочисленными остатками своего войска.

Въ то время, Св. Августинъ, имѣя 76 лѣтъ отъ рожденія, расточалъ попеченія свои сражающимся и раненымъ и оживлялъ ихъ своею вѣрою. Имя его было въ уваженіи у самыхъ Вандаловъ. Они слабо нападали на стѣны, защищаемыя благочестивымъ Святителемъ, и вскорѣ потомъ освященныя его кончиною. Въ третій мѣсяцъ осады, изнуренный безпокойствами и трудами, Бл. Августинъ скончался, съ душею, истерзанною бѣдствіями отчизны, и взорами устремленными на тотъ Небесный Градъ, о коемъ написалъ исполненное чудесъ повѣствованіе.

Въ слѣдующемъ году, Карѳагенъ былъ взятъ и разрушенъ Гензерикомъ. Такъ изчезла сія вторая Восточная Церковь, столь достопамятная своею ученостію и волно-

вавшими ее раздорами. Она простиралась отъ Карѳагена до пустынь необитаемыхъ. Бл. Августинъ былъ послѣднимъ великимъ мужемъ Африки. За нимъ началась эпоха варварства.

Едвали въ семъ бѣгломъ очеркѣ упомянули мы и о половинѣ твореній Бл. Августина. Мы могли привести на память, только тѣ важнѣйшія черты его краснорѣчія, которыя составляютъ часть его подвиговъ или изображаютъ эпоху, въ которую онъ жилъ. Для насъ достаточно замѣтить, въ обширныхъ его сочиненіяхъ и различныхъ богословскихъ состязаніяхъ, тотъ характеръ ралигіозной всеобщности, которая въ новѣйшія времена повторилась въ Боссюэтѣ. Дѣйствительно, не взирая на неравное достоинство твореній сихъ мужей, не взирая на все, что ржавчина IV вѣка примѣшивала къ генію Бл. Августина, только жизнь и подвиги Боссюэта могутъ дать намъ полное понятіе объ Иппонійскомъ Святителѣ, съ тѣмъ различіемъ, что Августинъ, поставленный Провидѣніемъ во времена, преисполненныя гибельныхъ переворотовъ и безпорядка, имѣлъ необходимость въ характерѣ, болѣе дѣятельномъ и смѣломъ, и что воображеніе его,

смущаемое столь великими злополучіями, было столько же неправильно, сколько воображеніе Боссюэта возвышенно.

Сіи два мужа, отдаленные другъ отъ друга разстояніемъ пятнадцати вѣковъ, ознаменовали печатію своего генія двѣ великія эпохи человѣчества. Въ сочиненіяхъ Епископа Иппонійскаго мы не находимъ изящества слога и прелестей краснорѣчія Христіанской Азіи. Онъ вѣщалъ не въ Антіохіи, не въ Кесаріи. Слогъ Августина болѣе важный, чѣмъ обработанный; часто былъ онъ варварскимъ и, не смотря на то, не простымъ слогомъ; ибо въ варварствѣ народа, стремящагося къ паденію, есть всегда нѣчто отвлеченное и напряженное. Но душа его была неизсякаемый источникъ новыхъ, глубокихъ ощущеній. Черпая изъ ней, онъ восхищалъ сердца своихъ слушателей и исторгалъ оружіе изъ рукъ людей яростныхъ, приобыкшихъ къ буйству въ дни праздничные. Въ рѣчахъ Августина не видно искусства, нѣтъ никакой методы. Онѣ столь же различествуютъ отъ прекрасныхъ бесѣдъ Златоуста, сколько грубые нравы береговъ жителей Иппоніи далеки отъ искусствъ и великолѣпія Константинополя.

Когда Бл. Августинъ проповѣдывалъ въ Карѳагенѣ, слогъ его былъ болѣе возвышенъ и цвѣтущъ; но могущество его пребывало всегда одно, то самое, коего требуетъ онъ отъ Христіанскаго Вишіи — даръ слезъ. Сія умилительная живость души, разлившая столько прелестей на его *Исповѣдь*, видна даже въ его богословскихъ состязаніяхъ. Не столь возвышенный, какъ Св. Василій и Св. Златоустъ, онъ былъ глубокомысленнѣе ихъ. Августинъ былъ проповѣдникъ болѣе Евангельскій; ибо говорилъ болѣе къ сердцу человѣка.

(съ Фр. Д. С.)

—✱—

V.

ВѢЧНЫЙ ОГОНЬ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ВАКУ.

(*окончаніе*)

И прежніе путешественники упоминаютъ о грязныхъ волканахъ, но болѣе на твердой землѣ, чѣмъ на островахъ, которыхъ они, можетъ быть, не посѣщали. Такъ А. Кемпферъ описываетъ весьма подробно видѣнные имъ на Абшеронскомъ полуостровѣ. Неподалеку отъ большихъ соленыхъ озеръ наблюдалъ онъ гряз-

ный (argillam eructans) волканъ Юхтопу, вышиною въ 8 саженей. Сей волканъ высоко выбрасывалъ изъ себя грязь, иногда съ шумомъ, иногда безъ шума a). Лерхе, посѣщавшій мѣста сіи послѣ Кемпфера, описываетъ также подобныя, шумомъ сопровождаемыя, изверженія. „На разстояніи полуверсты отъ Баку" — говоритъ онъ — „есть довольно высокая гора, на вершинѣ коей находится источникъ густой пепеловидной нефти; сей источникъ имѣетъ до 5 саженей въ поперечникѣ; изъ средины его нефть стремится постоянно вверхъ, чрезъ каждую минуту или двѣ, съ большимъ шумомъ, но рѣдко переливается чрезъ край. Въ шести верстахъ оттуда на равнинѣ, при мѣстечкѣ Ухани, къ NNW отъ Баку, находится еще другая растущая гора (такъ называетъ онъ грязный волканъ); окружность ея составляетъ до 300 шаговъ; она очень круга; каждую минуту извергаетъ и разбрасываетъ далеко вокругъ себя густую, соленоватую грязь, съ сѣрой землей или глиной." Лерхе описываетъ еще

Теперь, кажется, сіи нефтяные волканы прекратили свои изверженія; по крайней мѣрѣ я ничего опредѣлительно объ нихъ узнать не могъ. Я видѣлъ мѣста сіи не въ благопріятное время года, въ Мартѣ; волканы были въ совершенномъ бездѣйствіи, но вокругъ вездѣ находилось множество изверженной глины.

многіе, уже въ бездѣйствіи находящіеся, волканы такого же рода.

Сіи описанія путешественниковъ удостовѣряютъ насъ въ существованіи огненныхъ изверженій на островахъ и даже изъ нѣкоторыхъ горъ прибрежныхъ; только во времена Массуди были они вѣроятно гораздо сильнѣе, чѣмъ при Кемпферѣ и Лерхе; ибо симъ послѣднимъ разсказывали о таковыхъ изверженіяхъ, какъ о явленіяхъ давно бывшихъ; съ тѣхъ же поръ онѣ, можетъ быть, возобновлялись еще рѣже. Очень вѣроятно, что на берегахъ Баку и Саліана нефтяные огнеизвергающіе волканы возобновятъ свою дѣятельность; ибо по сію пору существуютъ всѣ условія, нужныя для сего возобновленія. На островахъ при устьѣ Пирсагата, на Буллѣ и Свиномъ Островѣ, и теперь случаются, хотя рѣдко и въ меньшемъ видѣ, огненныя изверженія; мнѣ разсказывали туземцы, что отъ времени до времени показывается на сихъ островахъ дымъ. Также и нынѣ бываютъ въ Баку и его окрестностяхъ землетрясенія. Въ Сентябрѣ 1747 года, во время пребыванія здѣсь Лерхе, случилось землетрясеніе, продолжавшееся минуту, при чемъ былъ слышенъ ударъ, подобный удару сильно за-

хлопнутой двери. Симъ явно показываются волканическія подземныя причины, продолжающія и теперь еще свое дѣйствіе на измѣненіе земной поверхности въ сей странѣ.

Кромѣ того, страна сія, столь богатая нефтяными волканами, имѣетъ еще слѣдующую достопримѣчательность. Волканы сіи образуются на крайней оконечности Кавказскаго хребта, на самой плоскости морскаго берега, слѣдственно тамъ, гдѣ древнія горы оканчиваются и горы новѣйшаго образованія занимаютъ низменность. Замѣчательно и весьма важно для теоріи образованія Кавказскаго хребта, что прямо на противуположной оконечности онаго отъ Баку, на полуостровѣ Керчи и островѣ Таманѣ, оказываются сходныя явленія. Именно, какъ на юговосточной оконечности Кавказскаго хребта, на полуостровѣ Абшеронскомъ, по всему протяженію морскаго берега отъ Баку до Саліана, и на островахъ моря находятся грязные волканы и ключи нефти въ безчисленномъ множествѣ; такъ тѣ же самыя явленія повторяются на сѣверозападной оконечности хребта.

Итакъ мы видимъ, что нефтяные волканы вообще должны происходить отъ нефти, морской воды и наконецъ горючаго возду-

ха или водороднаго газа, чѣмъ руководствуясь, можемъ мало помалу приблизиться къ теоріи образованія ихъ. Не подвержено сомнѣнію, что въ странахъ сихъ долженъ дѣйствовать теплотворъ; это доказывается многими ключами горячей воды, которые обыкновенно начинаютъ бить, какъ скоро разпадается грязный волканъ, и собираются также въ видѣ маленькихъ соленыхъ озеръ. Дымъ, выходящій изъ трещинъ сей страны, означаетъ равномѣрно внутренній жаръ земли. Самое изтеченіе нефти должно служить доказательствомъ существующаго внутри огня, дѣйствіемъ коего возгоняется нефть. Наконецъ, въ разстояніи четверти версты отъ Бакуанскаго Вѣчнаго Огня, изъ трещинъ тамошняго раковино-известковаго камня, обнаруживается жаръ, едва сносный для руки: сего достаточно для того, чтобъ допустить существованіе огня въ землѣ.

Нефть сама по себѣ есть растительное а) произведеніе, вѣроятно образующееся изъ слоевъ горящаго каменнаго угля б);

а) По крайней мѣрѣ она находится большею частію по близости отъ каменноугольныхъ копей.

б) Доказательство тому видимъ мы въ Индіи, гдѣ находится до 500 нефтяныхъ источниковъ; грунтъ состо-

запахъ нефти чисто растительный, совсѣмъ не животный; она пахнетъ, какъ горящее каменное уголье, которое должно быть проникнуто нефтью или происходитъ съ нею вмѣстѣ. Кажется, что смола древесныхъ стволовъ, превратившихся въ каменное уголье, обращается чрезъ продолжительное разгоряченіе въ нефть; жаръ разжижаетъ сію смолу, подъемлетъ ее вверхъ, откуда она снова падаетъ въ видѣ капель, или смѣшивается съ водою, на коей всплываетъ, будучи легче ея. Изъ новѣйшихъ розысканій о земной смолѣ, слѣдуетъ также, что нефть есть растительное произведеніе.

Нефть и горное масло надлежитъ почитать истинными эмпиревматическими маслами; чрезвычайное количество, въ какомъ оныя прежде образовались, ясно доказываетъ, что онѣ суть произведеніе огня и образуются точно такъ же, какъ ихъ дѣлаютъ искусственно изъ органическихъ тѣлъ, посредствомъ дистиллировки. Образованіе большей части каменныхъ угольевъ не можетъ быть до-

---

итъ тамъ сначала, подъ самой поверхностію, изъ песку, потомъ изъ слоистой глины, проникнутой нефтью, за коей наконецъ слѣдуютъ каменные уголья, изъ которыхъ и вытекаетъ нефть.

статочно объяснено, ежели не принять за основаніе дѣйствіе жара, а въ такомъ случаѣ должны были произойдти нефть и горное масло, какъ продукты, безъ отдѣленія коихъ и не можетъ органическое тѣло превратиться въ каменное уголье, которое въ самомъ дѣлѣ находится здѣсь въ большомъ количествѣ.

Когда таковое дѣйствіе разгорѣченія существуетъ, то съ другой стороны можетъ оно быть поддержано горючимъ свойствомъ самой нефти, а отъ того и бываютъ такъ часто подземные пожары тамъ, гдѣ находятся источники нефти. Морская вода, имѣющая свободный входъ въ подземныя пустоты, лежащія ниже поверхности моря, разрѣшается отъ дѣйствія сильнаго жара, а водородный газъ, чрезъ то образовавшійся или смѣшавшійся съ атмосферическимъ воздухомъ, производитъ гремящій воздухъ и чрезъ то громоподобный звукъ нефтяныхъ волкановъ, или причиняетъ огненныя изверженія, которыя могутъ произойдти только отъ водороднаго газа. Отъ того-то въ четверти версты къ сѣверу отъ Вѣчнаго Огня находятся упомянутыя трещины въ известковомъ грунтѣ, изъ коихъ оказывается сильная теплота. На версту

отъ сихъ трещинъ къ сѣверу находятся ключи бѣлой нефти, а черная течетъ не ближе двухъ верстъ оттуда.

Образовавшійся такимъ образомъ и собранный въ подземныхъ ямахъ, водородный газъ проникаетъ наконецъ чрезъ трещины земли, и если въ сіе время приблизить къ нему пламя, то онъ загорается: вотъ какимъ образомъ произходитъ Вѣчный Огонь при Баку. Итакъ сей огонь есть слѣдствіе разрѣшенія подъ землею морской воды, произходящаго отъ вліянія теплоты, которая въ свою очередь производится разгорячеціемъ нефти и каменнаго уголья въ нѣдрахъ земныхъ. Слѣдственно чѣмъ болѣе воды натекаетъ въ сіи подземныя пещеры, тѣмъ болѣе изъ ней можетъ образоваться водороднаго газа; вотъ отъ чего газъ въ *Атеш-Га* при Баку горитъ живѣе, когда дуетъ вѣтеръ южный, вгоняющій воду въ заливъ Бакуанской, чѣмъ когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, изгоняющій воду изъ залива. Въ теченіе долгаго времени, при большомъ накопленіи морской воды, могутъ отъ вышепомянутыхъ причинъ произойдти великія перемѣны; можетъ вода вдругъ разрѣшиться и такимъ образомъ причинить взрывъ; можетъ постепенно развившійся

газъ воспламениться и вырваться въ видѣ огромнаго огненнаго столпа; въ такомъ случаѣ столпъ сей будетъ долго горѣть и видѣть его можно будетъ съ моря весьма далеко.

Итакъ источникъ Вѣчнаго Огня (Атеш-Га) при Баку основывается на постепенномъ разрѣшеніи воды, посредствомъ коего водородный газъ имѣетъ время восходить мало помалу чрезъ узкія трещины земной поверхности и, смѣшиваясь съ атмосферическимъ воздухомъ, загарается вездѣ, гдѣ только коснется огня. Именно постепенное восхожденіе газа чрезъ узкія, глубокія, далеко простирающіяся трещины, препятствуетъ общему мгновенному воспламененію онаго, которое было бы тогда только возможно, когда бы газъ горящій извнѣ имѣлъ сообщеніе съ немалымъ количествомъ онаго, собраннымъ въ большой подземной пустотѣ а); важную роль при взрывѣ должны бъ были играть самые водяные пары.

Другой предметъ, къ изслѣдованію коего Вѣчный Огонь подаетъ поводъ, суть Индійцы, которые въ Атеш-Га обожаютъ святое огненное мѣсто и для поклоненія ему

а) Подобный взрывъ, причиненный воспламененіемъ нефти, можно счесть орудіемъ Божественной казни, постигшей Содомъ и Гоморръ; еще и нынѣ на Мертвомъ морѣ плаваетъ нефть.

приходятъ изъ такой отдаленности. Огнепоклоненіе принадлежитъ, сколько извѣстно, къ древнѣйшимъ вѣроисповѣданіямъ. Изъ свѣденій о семъ поклоненіи могли бы мы извлечь свѣденія о древности Вѣчнаго Огня при Баку, еслибы нашли въ исторіи поклоненія сего точки, доказывающія, что огнепоклоненіе было разпространено здѣсь весьма рано.

Бакуанскіе огнепоклонники суть ли Гебры, или настоящіе Индійцы, которые, не будучи Гебрами, благопріятствуютъ огнеслуженію? Въ отношеніи къ происхожденію, огнепоклонники при Баку суть Индійцы; они говорятъ и пишутъ по-Индійски, что доказывается ихъ молитвами и надписью надъ вратами Атеш-Га; и потому не могутъ быть истинными Гебрами, коихъ языкъ состоитъ изъ смѣси нарѣчій: Зендъ, Пельви, Арабскаго, Татарскаго и Ново-Персидскаго. Оставляю безъ разбора, на чемъ сіе основывается; утверждаю только, что языкъ Гебровъ никакъ не можетъ быть названъ Индійскимъ и что слѣдственно Индійцы не могутъ быть Гебры. Хотя до сихъ поръ называютъ Бакуанскихъ огнепоклонниковъ Гебрами; но это не справедливо, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ, которые теперь живутъ

тамъ a). Впрочемъ давно поклонялись здѣсь огню Индійцы: и Форстеръ b) утверждаетъ тоже. Идоловъ, изъ металла сдѣланныхъ, коимъ они поклоняются, какъ святынѣ, и которыхъ наружный видъ описанъ въ ихъ Священныхъ Книгахъ, приносятъ они изъ Индіи. Но какъ Гебры нашли покровительство отъ гонителей своихъ въ Индіи, то очень можетъ быть, что Индійцы приняли отъ нихъ огнепоклоненіе съ измѣненіями, коихъ служеніе идоламъ требовало.

Въ Индіи находятся Индійцы и Гебры, поклоняющіеся огню; можно бы и тѣхъ и другихъ назвать Гебрами, если подъ симъ именемъ разумѣть только поклоненіе огню. Также какъ между Индійцами, Гебры находятся и между Персіянами, равнымъ образомъ какъ Магометане между Персіянами, Арабами, Татарами и Индійцами. Нынѣ слово Гебръ преобразовалось въ Гяуръ, которое употребляется у Персіянъ, какъ ругательство; и немногіе, еще сохранившіеся въ Персіи, Гебры живутъ въ большомъ презрѣніи и

a) Индійцы сжигаютъ своихъ мертвыхъ, а Гебры своихъ выставляютъ въ поле, чтобъ птицы выклевали имъ глаза.

b) Форстерово путешествіе въ Бенгалу. Voyage du Bengale.

крайней бѣдности а). Ихъ между прочимъ употребляютъ для разсылокъ; такъ на примѣръ многіе изъ нихъ находились въ услуженіи у Англійскаго Посла, который, за неимѣніемъ почты, посылалъ съ ними письма въ Ширасъ. Легко быть можетъ, что огнепоклонничествующіе Индійцы не желаютъ носить имени Гебровъ, именно по причинѣ его двусмысленности; но неоспоримо то, что огнепоклонники, живущіе нынѣ при Баку, суть всѣ Индійцы, пришедшіе большею частію для богомолья изъ самой Индіи. Нимало не правдоподобно предположеніе, что будто истинные Гебры, изъ Персидскаго племени, приносили здѣсь жертвы богамъ своимъ, въ первыя времена огнепоклоненія. Гебры имѣли въ древности здѣсь большой городъ, въ коемъ находился храмъ, привлекавшій славою своею многія тысячи богомольцевъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Сіи набожныя путешествія продолжались до втораго нашествія Ираклія на Персію. Сей завоеватель разрушилъ храмъ Маговъ. Симъ доказывается, что огонь въ семъ мѣстѣ горѣлъ въ глубокой древности; не

а) Во всѣхъ народныхъ Арабскихъ сказкахъ Гебрамъ приписывается все злое или производимое посредствомъ колдовства; имя сіе соотвѣтствуетъ вездѣ нашему: *еретикъ*.

извѣстно однакожъ, въ какое время и какъ онъ въ первый разъ былъ замѣченъ. Храмы Гебровъ много разъ были разрушаемы и созидаемы вновь; сами они, потомки древнихъ Персовъ, оставили Огненное Мѣсто, между тѣмъ какъ Индійцы, подобные имъ огнепоклонничествующіе идолослужители, только не послѣдователи Зороастра, продолжали путешествовать сюда для богомолья и создали себѣ новый храмъ.

Почва мѣста, изъ коего изходитъ Вѣчный Огонь, состоитъ изъ раковинно-известковаго камня третьяго образованія обломки сихъ раковинъ такъ мѣлки, что не возможно опредѣлить ихъ рода; видно только, что это двучерепныя раковины, которыя были необыкновенно малы и тонки; сверхъ того между ими можно явственно различить отпечатки небольшихъ кардій. Чѣмъ далѣе идешь къ сѣверу, къ источникамъ нефти, тѣмъ болѣе изчезаетъ известковый камень и владычествуетъ черная земля, совершенно проникнутая нефтью, которая берется для кровель на домы, предпочтительно изъ близкихъ къ источникамъ нефти мѣстъ или даже изъ самыхъ сихъ источниковъ. Сію землю называютъ тамъ *киръ*. Нефтя-

ныя ямы здѣсь весьма многочисленны и бываютъ разной глубины. Онѣ составляютъ величайшее богатство сей совершенно по себѣ безплодной страны. На полуостровѣ Абшеронскомъ и близлежащихъ островахъ, черной нефти гораздо болѣе, нежели бѣлой. Большею частью черпаютъ ее изъ глубины земли, но кой-гдѣ она вытекаетъ и сама въ видѣ маленькихъ ручейковъ. Та, которая жидка, бываетъ цвѣтомъ зеленоватѣе, нежели густая, имѣющая всегда черноватый цвѣтъ. Черная безъ примѣси зеленой не можетъ служить къ освѣщенію, что̀ именно составляетъ ея назначеніе. А потому черная и употребляется для обмазыванія кораблей. Вокругъ нефтяныхъ колодезей, при деревняхъ Бахче и Шубани, земля и песокъ, проникнутыя огустѣвшею черною нефтью, образуютъ черную густую слежавшуюся массу, которую употребляютъ и вмѣсто дровъ и на кровли. Въ семъ мѣстѣ построено 109 колодцевъ для черной нефти. Бѣлая нефть, въ сравненіи съ черной, находится въ весьма маломъ количествѣ; только въ одномъ мѣстѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ деревни Царахани, построены для добыванія ея 16 колодцевъ. Изо̀ всѣхъ колодцевъ до-

бывается ежемѣсячно до 20,300 пудъ нефти, что составляетъ въ годъ 243,600 пудъ черной нефти; бѣлой же добывается только 800 пудъ. Колодцы находятся на поверхности $2\frac{1}{2}$ верстъ въ длину и около $\frac{1}{2}$ версты въ ширину и содержатъ около 684,000 квадратныхъ саженъ. Почва вездѣ глиниста: кой-гдѣ вытекаетъ нефть сама собою. Мѣстами находится земля на пол-аршина и на аршинъ глубиною, проникнутая нефтью, образующая чернаго и желтаго цвѣта массы, которыя разпространяются на нѣсколько футовъ горизонтально, въ видѣ тонкихъ слоевъ отъ 1 до 3 дюймовъ. Земля сія легко обращается въ пыль; присутствіе же въ ней нефти оказывается тѣмъ, что она горитъ съ пламенемъ, послѣ чего землянистыя частицы, разкалившись, остаются. Она употребляется здѣсь вмѣсто угольевъ, для варенія пищи и топлѣнія домовъ.

Большая часть содержащихъ нынѣ нефть колодцевъ были въ разныя времена или поновлены или совершенно вновь выстроены; жители увѣряютъ, что, за три года предъ симъ, найденъ былъ при одномъ колодцѣ камень съ надписью, что сей колодезь былъ вновь отстроенъ за

200 лѣтъ предъ симъ. Сіе могло бы служить доказательствомъ, что оный колодезь содержалъ непрерывно нефть въ теченіе столь долгаго времени, и обнаружило бы, что въ нѣдрахъ земли находится неизсякаемый источникъ оной. Впрочемъ колодцы сіи строятся и нынѣ, какъ въ прежнія времена. Вырываютъ сначала яму до главнаго источника, дѣлаютъ оную въ видѣ обращеннаго конуса, а по стѣнамъ выкапываютъ ступени, чтобъ легче было работникамъ передавать для выкидыванія вырытую землю; послѣ чего дѣлаютъ стѣны колодезя или изъ дерева или изъ камня. Глубина колодезя бываетъ отъ одного до 15 футовъ; количество добываемой ежедневно нефти простирается отъ 8 фунтовъ до 140 пудъ. Выше замѣтили мы, что чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ болѣе натекаетъ нефти, и что зимою и осенью добывается гораздо менѣе оной. Такое же неблагопріятное вліяніе имѣютъ сѣверные вѣтры, особенно въ холодное время года; южные же вѣтры увеличиваютъ теченіе нефти. Изъ сихъ колодцевъ достается нефть въ смѣшеніи съ водою, или руками посредствомъ бадьи или посредствомъ машины, приводимой въ дѣйство лошадью; для пер-

вой нужно три человѣка, для послѣдней одинъ человѣкъ и лошадь.

Замѣчено, что теченію нефти вредитъ, даже если черпаніе оной будетъ остановлено на два или на три дня, а потому и въ холодные дни во время мороза, когда нефть течетъ менѣе, нежели въ жаркіе, надлежитъ черпать ее, если возможно, всякой день или по крайней мѣрѣ черезъ день.

Вычерпнутая нефть большею частію содержитъ воду; для отдѣленія оной выливаютъ ее сперва въ ямы, находящіяся возлѣ колодцевъ; вода падаетъ по причинѣ тяжести своей внизъ; а плавающую на поверхности нефть, собравши посредствомъ ведръ и плоскихъ деревянныхъ сосудовъ, выливаютъ въ мѣха изъ бараньей кожи, и такимъ образомъ сохраняютъ въ особенныхъ, подобныхъ погребу, магазинахъ, состоящихъ изъ четырехъ стѣнъ; стѣны сіи обложены камнемъ и образуютъ четырех-угольной погребъ; верхнее отверстіе покрыто каменнымъ сводомъ; стѣны обмазаны известью, дабы не пропускали нефти.

Черной нефти ежегодно продаютъ 215,000 пудъ въ Персію; остальные 27,000

пудъ потребляются въ Грузіи; бѣлая нефть посылается въ Астрахань, гдѣ продается по 2 р. 62 к. за пудъ. Всѣ работы при нефтяныхъ колодцахъ исправляются жителями деревни Балахани. Сія деревня имѣетъ 121 дворъ, съ 344 мужескаго и 448 женскаго пола жителями.

(М. В).

VI.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— КРАТКІЙ КУРСЪ СЛОВЕСНОСТИ, *приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ. Василія Плаксина. СПБ. въ типогр. Х. Гинца*, 1832.

Наша учебная библіографія, по всѣмъ отраслямъ наукъ, входящихъ въ составъ народнаго просвѣщенія, такъ скудна, что каждое новое явленіе въ ея области должно считать явленіемъ важнымъ, имѣющимъ всѣ права на вниманіе.

Наблюдающіе за исторіею педагогической нашей литературы съ прискорбіемъ должны замѣтить, что у насъ преимущественный недостатокъ, какъ по количеству, такъ и по качеству, господствуетъ именно въ тѣхъ учебныхъ книгахъ, кои должны руководствовать къ познанію нашего отечества. Причину тому угадать не трудно. Учебныя пособія тѣхъ наукъ,

кои составляющъ общее, такъ сказать, достояніе всего рода человѣческаго, имѣющъ для себя превосходные образцы въ Европейскихъ литературахъ, кои стоитъ только перевести для нашего употребленія. Но науки частныя, систематически обработывающія самопознаніе одного извѣстнаго народа, должны быть сотворены тѣмъ народомъ, который составляетъ предметъ ихъ. Къ сожалѣнію, мы, Русскіе, до сихъ поръ либо робѣемъ, либо лѣнимся быть творцами, во всѣхъ отношеніяхъ. Вовлеченные, силою непреодолимаго тяготѣнія, въ систему Европейской образованности, мы ограничиваемъ всю нашу дѣятельность, поставляемъ всю нашу славу въ томъ, чтобъ быть вѣрными ея отраженіями. Рабское подражаніе, составляющее отличительный характеръ нашей Изящной Словесности, уже часто возбуждало въ насъ горькія сѣтованія. Теперь тоже должны мы сказать и о чисто умственной нашей работѣ. Не довольно того, что мы въ той сферѣ наукъ, которая занимается общими предметами человѣческаго вѣденія, только что прислушиваемся въ Европѣ и ни на шагъ сами впередъ не двигаемся. Даже на самихъ себя мы смотримъ сквозь Европейское стекло и въ чужія, несвойственныя намъ рамы, втѣсняемъ насильственно самобытную, оригинальную нашу физіономію. У насъ нѣтъ доселѣ истинно *Русской* Исторіи, истинно *Русской* Статистики и Географіи. Мы только стараемся заткать Русскими именами чужую основу. Но нигдѣ такъ рѣзко не обнаруживается искаженіе, долженствующее быть естественнымъ слѣдствіемъ, на-

сильственнаго порабощенія нашей народной физіономіи чужимъ формамъ, какъ въ теоріяхъ нашего языка и нашей словесности. Всѣ Грамматики и Риторики наши были доселѣ образцами вопіющей несправедливости. Русскій языкъ долженъ былъ выдерживать въ нихъ мучительную пытку, дабы уложиться на Прокустово ложе системъ, изобрѣтенныхъ для языковъ и литературъ, намъ чуждыхъ. Начиная съ Грамматики Смотрицкаго, изломавшей Славянскій языкъ въ Греческія формы съ неумолимой жестокостью, до Грамматикъ Греча, утонувшихъ въ хаосѣ непонятыхъ взглядовъ Нѣмецкаго трансцендентальнаго языкоученія; съ Риторики Ломоносова, отлитой въ схоластическую форму среднихъ вѣковъ, до Риторики Кошанскаго, представляющей образецъ страннаго умышленнаго безпорядка: вездѣ одна и таже исторія! Бѣдный Русскій языкъ проводятъ по мытарствамъ правилъ, которыя для него не нужны, заставляютъ извиваться — фигурами, которыя ему не свойственны, принуждаютъ укладываться подъ рубрики, для которыхъ нѣтъ образцовъ въ его малочисленныхъ произведеніяхъ. Когда все это кончится?

Къ сожалѣнію, новый *Курсъ Словесности*, изданный *Г. Плаксинымъ*, не порадовалъ насъ ничѣмъ новымъ, утѣшительнымъ. Такъ какъ *Наука Словесности* имѣетъ и общую сферу началъ, которая равно объемлетъ всѣ языки и всѣ литературы; то мы посмотримъ, какъ удовлетворяетъ сей новый *Курсъ* общимъ требованіямъ *Науки Словесности* и частнымъ

требованіямъ *Курса Словесности* собственно *Русской*.

Разсматривая *Курсъ Г. Плаксина* съ первой точки зрѣнія, не льзя не замѣтить, что въ составѣ его господствуютъ смѣшеніе и безпорядокъ, уничтожающія всякую систему. *Г. Плаксинъ* не позаботился о самомъ главномъ и существенномъ условіи всякаго Курса Науки: отдѣлить завѣдываемую имъ область знанія отъ всѣхъ прочихъ къ ней соприкосновенныхъ. У него съ Словесностью соединены и Психологія и Логика, и Грамматика и Эстетика. Сіи другъ отъ друга совершенно отдѣльныя науки, конечно, состоятъ въ тѣсной связи съ Словесностью; но никакъ не должны быть съ нею смѣшиваемы. Кто сомнѣвается, что Исторія имѣетъ существенную, необходимую связь съ Географіей, Хронологіей, Статистикой, со всѣми многочисленными отраслями Документальной Критики, даже съ Политикой и Философіей? И однако это не даетъ никакого права загромоздить кругъ ея сими самобытными науками! *Г. Плаксинъ* оправдываетъ себя необходимостію, проистекающею изъ устройства училищъ, для которыхъ писалъ онъ свой *Курсъ*, гдѣ науки сіи, столь необходимыя для Словесности, *не положены*. Но это очевидно несправедливо въ отношеніи къ Грамматикѣ, которая конечно вездѣ положена и вездѣ читается. Чтожъ касается до Психологіи и Эстетики, то и на что ихъ въ первоначальномъ *Курсѣ Словесности*, который долженъ ограничиваться только изложеніемъ механическихъ формъ, принимаемыхъ словомъ? *Г. Плаксинъ* ссылается на

примѣръ Духовныхъ Семинарій: но и тамъ Психологія читается послѣ Словесности, въ курсѣ Философіи, а Эстетики нѣтъ вовсе. Да и что за Психологія, что за Эстетика въ *Курсѣ Г. Плаксина*? Психологія занимаетъ одну главу, въ коей переведены сокращенно, изъ извѣстной *Логики Шада*, понятія о познавательныхъ силахъ души. Понятія сіи и у Шада замѣчательны только по живому, почти поэтическому изложенію: въ переводѣ же *Г. Плаксинъ* сохранилъ одну ихъ неточность и несвязность. Еще хуждшей участи подверглась у него Эстетика. Назначенная для ней главка состоитъ въ выпискахъ изъ извѣстнаго *Опыта Науки Изящнаго Галича*, отчасти взятыхъ буквально, отчасти измѣненныхъ съ ущербомъ точности. Неужели безъ этихъ крохъ не льзя было обойтися? Неужели остался бы невосполнимый промежутокъ въ *Курсѣ Словесности*, еслибъ не доставало въ немъ подобныхъ н. п. эстетическихъ выдержекъ: „изящное въ искусствахъ раздѣляется: на *пластическое*, какъ на пр. зодчество, ваяніе, рельефъ; *очертательное*: живопись со всѣми ея видами (?); *пластико-очертательное*: мозаика, вышиваніе; *тоническое*: пѣніе, музыка; а *смѣшанное* (?!): изящное садоводство, танцы (пляска), пантомима, вообще сценическія искусства" (с. 56)? Остается одна Логика, которой необходимость для Словесности отрицать не возможно. Но Логика, по нашему мнѣнію, должна быть вступленіемъ въ Грамматику: тамъ собственно ея мѣсто, а не въ Риторикѣ! Теорія понятій должна предшествовать Этимологіи: теорія предло-

женій должна составлять основу Синтаксиса. И отсюда открывается граница, существующая между Грамматикою и Риторикою! Грамматика должна изложить всѣ правила, необходимыя для составленія полнаго предложенія, и потомъ сдать сіе предложеніе Риторикѣ. Риторика вырабатываетъ изъ него періодъ. Симъ оправдывается положеніе, коимъ обыкновенно начинались старинныя школьныя Риторики: *omnis eloquentiae unum fundamentum est periodus (періодъ есть первоначальное основаніе всей словесности)*. Отсюда также очевидно, что фигуры и тропы относятся собственно къ Риторикѣ: ибо принадлежатъ не къ составу, а къ украшенію предложенія. Смѣшавъ всѣ сіи науки умышленно, *Г. Плаксинъ* естественно долженъ былъ подвергнуться безпорядку, господствующему въ расположеніи его *Курса*. Стоитъ посмотрѣть, какъ странно главы слѣдуютъ у него другъ за другомъ: *Глава 6, о Предложеніяхъ, какъ первоначальномъ соединеніи словъ. Глава 7, о Періодахъ или сочиненіи предложеній. Глава 8, о Тропахъ и Фигурахъ. Глава 10, объ Изящномъ вообще и въ рѣчи.* Потомъ слѣдуетъ *Риторика*, гдѣ снова встрѣчается *Глава 7, о Фигурахъ Риторическихъ!!* Впрочемъ, не смотря на сіе смѣшеніе и безпорядокъ, должно отдать справедливость *Г. Плаксину* въ томъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, мыслитъ, чего тщетно будемъ искать въ другихъ нашихъ Риторикахъ. У него не просто исчисляются извѣстные *одиннадцать періодовъ*, какъ *семь Семіоновъ*; а приводятся къ тремъ главнымъ видамъ, по *родамъ отношеній мыслей*

(с. 38.). Только здѣсь непонятно, какимъ образомъ *изъяснительный* періодъ могъ попасть въ категорію *причинныхъ* (с. 39)!

Съ послѣдней точки зрѣнія, какъ *Курсъ Русской Словесности*, трудъ *Г. Плаксина* оказывается еще менѣе удовлетворительнымъ. О риторическомъ механизмѣ Русскаго языка, объ отличительной физіономіи Русскаго періода, объ отличительныхъ примѣтахъ Русскихъ троповъ и фигуръ, здѣсь нѣтъ ни слуху ни духу. Это конечно работа новая, которой не подозрѣваютъ наши риторы! Но она-то и должна составлять главное, существенное содержаніе *Курса Русской Словесности*. Къ чему эти общія мѣста о разныхъ свойствахъ, о разныхъ родахъ *стиля*? Къ чему эти пошлыя раздѣленія на *высокой*, *низкой* и *средній слогъ*, коихъ границъ не возможно указать въ существующихъ произведеніяхъ словесности? Дайте намъ теорію *Русскаго Слога!* Покажите, какъ наша родная рѣчь можетъ и должна изливаться? Вотъ чего требуемъ мы отъ Русской Риторики, чего не находимъ и тѣни въ *Курсѣ Словесности Г. Плаксина!*

По обычаю предковъ, *Курсъ* сей заключается классификаціею прозаическихъ сочиненій. Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя изслѣдованія, почему сія классификація не принадлежитъ къ Риторикѣ. Она составляетъ предметъ особой науки, которой вмѣстѣ съ Піитикой, предлежитъ довершать полное изученіе Словесныхъ Наукъ, начинаемое Грамматикой. Риторика должна занимать средину между сими двумя краями одной цѣпи. Ломоносовъ это чув-

ствовалъ; и потому отдѣлилъ отъ Риторики Ораторію. Прилично ли это наименованіе Теоріи Прозы, не будемъ изслѣдовать: довольно, что идея, для которой оно изобрѣтено, справедлива. Впрочемъ не осуждая слишкомъ строго *Г. Плаксина* за сіе новое смѣшеніе, отдадимъ справедливость, что классификація сія правильно устроена и ясно изложена. Конечно, грустно встрѣтить въ области прозы *романъ*, который признается теперь единогласно высшимъ поэтическимъ созданіемъ: но дѣлать нечего — такъ велось изстари! То, что заслуживаетъ справедливые упреки въ сей части *Курса*, есть неумѣстное и неудачное покушеніе *Г. Плаксина* характеризовать разныя произведенія отечественной словесности, подводимыя имъ, въ качествѣ примѣровъ, подъ рубрики систематической классификаціи. Воля *Г. Плаксина*: а мы думаемъ, что ферула рецензента отнюдь не прилична ритору, который долженъ быть хладнокровнымъ, безстрашнымъ истолкователемъ непреложныхъ законовъ слова человѣческаго! Да и что значатъ подобныя рецензіи: „*Петръ Ивановичъ* (Выжигинъ), какъ герой романа, совершенъ, какъ человѣкъ милъ, (с. 140); или: „*Рославлевъ* со всѣми своими сподвижниками милъ и занимателенъ" (с. 141); или: „*Строевъ*, *Кайдановъ* и *Константиновъ*, каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и недостатки„ (с. 129); или наконецъ: „Вышедшіе при тома *Исторіи Русскаго Народа* съ одной стороны рождаютъ лестную надежду имѣть Исторію, которая бы изображала жизнь и характеръ Русскаго народа, изъ которой, можетъ быть, мы

узнаемъ быть нашихъ предковъ, какъ отдѣльнаго общества и какъ членовъ огромнаго всемірнаго семейства; съ другой возбуждаетъ горестное чувство, каковое обыкновенно раждается при воззрѣніи на человѣка, который, дѣлая добро, сердится и крайне унижаетъ своихъ, по занятію, собратій, за то, что они дѣлаютъ, или даже дѣлали тоже самое, но не такъ, какъ онъ" (с. 130)? Идетъ ли все это къ Риторикѣ?..

VII

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ О ЛАБЛАШѢ.

(КАСТИЛЬ-БЛАЗА).

Имя Лаблаша, окруженное блистательной славой, разносится громко по Европѣ. Сей знаменитый пѣвецъ, одаренный отъ природы голосомъ, который считается за чудо, умѣетъ и владѣть имъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Но особенное удивленіе заслуживаетъ вся его организація, которую можно назвать въ высшей степени музыкальною. Еслибъ Лаблашу и не досталось въ удѣлъ такого великолѣпнаго голоса, какимъ онъ владѣетъ, и тогда онъ занялъ бы не менѣе блистательное мѣсто въ первомъ

ряду современныхъ виртуозовъ. Палашъ и кинжалъ, копье и палица, мечь, шпага и сабля, равно были бы орудіями торжества въ рукахъ Роланда, Ричарда и Дюгескленя. При недостаткѣ искусственнаго, кованаго и вороненаго, оружія, сіи богатыри древнихъ лѣтъ схватились бы за камень, за скалу, чтобъ поразить своихъ противниковъ. Лаблашъ, лишенный своего голоса, сталъ бы играть на віолончели, какъ Бореръ, или вступилъ бы въ состязаніе съ Тулу на флейтѣ. Отъ органа до варгана, всѣ инструменты у него во власти: ему стоилобъ только выбрать.

Жизнь артистовъ по большей части бываетъ исполнена любопытныхъ и занимательныхъ приключеній. Она какъ бы олицетворяетъ въ себѣ поэзію искусства, коей служенію посвящается. Біографія Лаблаша представляетъ тому новое доказательство.

Въ 1791 году, Николай Лаблашъ, купецъ Марсельскій, оставилъ свою родину, преданную въ добычу ужасамъ революціи, и переѣхалъ въ Неаполь. Здѣсь онъ завелъ торговый домъ и вскорѣ женился на Францискѣ Бишакъ, родомъ Ирландкѣ, отъ которой имѣлъ сына, по имени Людовика, и двухъ дочерей, Аделаиду и Клелію. Лаблашъ былъ счастливъ. Успѣшный ходъ его дѣлъ давалъ ему средства воспитывать прилично дѣтей, которыхъ онъ очень любилъ, и ихъ будущность представлялась ему въ пріятной перспективѣ, обезпечивавшей вполнѣ его родительскую нѣжность. Но отъ несчастія не льзя уберечься. Лаблашъ покинулъ Францію, для того чтобы спастись отъ бѣдствій революціи;

другая революція, 1799 года, застигла его въ Неаполѣ. Она совершенно разорила его; и несчастный умеръ съ печали. Семейство его, пораженное вдругъ столькими бѣдствіями, находилось въ ужасной крайности, до прибытія Іосифа Наполеона, который принялъ оное подъ свое покровительство и обезпечилъ воспитаніе трехъ сиротъ.

Аделаида имѣла прекрасный голосъ; она училась пѣнію въ Консерваторіи; и когда оказала столько успѣховъ, что могла сама сдѣлаться учительницею, вступила въ монастырь С. Анны, находящійся въ Сессѣ близь Неаполя, чтобы давать уроки пансіонеркамъ. Спустя шесть мѣсяцевъ, внутреннее влеченіе къ монастырской жизни внушило ей непреодолимое намѣреніе отречься отъ міра и принять покрывало по окончаніи искуса. Тщетно все ея семейство, и особенно мать, старались отклонить ее отъ сего намѣренія, къ коему стремились всѣ ея желанія и которое одно должно было сдѣлать ее счастливою. Аделаида Лаблашъ пребываетъ доселѣ монахиней въ обители С. Анны. Она отличается примѣрною жизнію и наслаждается полнымъ счастіемъ. Сестра ея Клелія вышла за мужъ за Испанскаго Маркиза Брайду.

Людовикъ Лаблашъ поступилъ также въ Неаполитанскую Консерваторію, имѣя двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Первымъ началамъ пѣнія учился онъ у Дженгили; потомъ началъ брать уроки у Валента, который, замѣтя въ ученикѣ своемъ богатыя надежды, полюбилъ его и собственно для его упражненія сочинилъ самъ постепенный рядъ музыкальныхъ экзерцицій. Обнаруживая осо-

бенное расположеніе къ музыкѣ, Людовикъ сначала занимался весьма лѣниво. Онъ былъ большой вѣтренникъ и шалунъ: ловилъ мухъ, раздавалъ щелчки своимъ товарищамъ и зѣвалъ на воронъ во время уроковъ. Джентили хотѣлъ насильно вдолбить что-нибудь въ эту вертячую голову и однажды задалъ ему выучить наизусть съ полстраницы изъясненія первыхъ началъ музыки; двадцати четырехъ часовъ казалось слишкомъ достаточно для этой не важной работы; но, на другой день, Людовикъ не только не зналъ ни слова изъ заданнаго урока, даже не читалъ его. Тогда Джентили объявилъ, что онъ не ожидаетъ никакого пути отъ такого безтолковаго мальчика и что будетъ писать къ матери, дабы она взяла его изъ Консерваторіи и выбрала ему другое состояніе, къ которому онъ больше имѣетъ расположенія. Эта угроза испугала воспитанника; его самолюбіе подстрекнулось; онъ принялся за ученье; и, черезъ два дня, умѣлъ пересказать изъ доски въ доску музыкальную грамматику, надъ которой товарищи его обыкновенно коптѣли по полугоду.

Людовикъ не зналъ еще, какое поприще выбрать себѣ въ музыкѣ. Сначала сталъ онъ играть на скрыпкѣ и на віолончели, хотя имѣлъ у себя прекрасный контр-альтъ. Такимъ образомъ онъ могъ выполнять три и четыре партіи въ оркестрѣ и въ пѣніи, по мѣрѣ надобности для подкрѣпленія слабыхъ сторонъ. Когда умеръ Гайденъ, то въ Имперіи Французской и въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій повелѣно было пѣть заупокойную обѣдню. Въ Неаполѣ, въ церкви Кон-

серваторіи, предположено было дать *Requiem* Моцарта. Въ хорѣ считалось шестнадцать басовъ, двенадцать теноровъ, двенадцать дискантовъ, и только четыре контральта. Людовикъ имѣлъ нѣжно-разборчивое чувство къ музыкѣ и ея эффектамъ: онъ видѣлъ съ прискорбіемъ, что голосъ, который онъ держалъ, находился въ чрезвычайной несоразмѣрности съ прочими и будетъ ими непремѣнно заглушенъ, уничтоженъ. По излишеству рвенія, дабы поддержать равновѣсіе своего любимаго контр-альта, онъ бралъ ноты съ особенною силою во все продолженіе обѣдни и такимъ образомъ умѣлъ не только устоять противъ соперничествующихъ голосовъ, даже успѣшно состязаться съ ними. Но едва окончилъ онъ послѣдній хоръ, какъ органъ его, утомленный продолжительными усиліями, истощился: онъ не могъ даже говорить. Это совершенное истощеніе голоса продолжалось у него два мѣсяца; врачи боялись, что онъ никогда не можетъ возвратить его, даже столько, сколько нужно для обыкновеннаго разговора; какъ однажды по утру, проснувшись, началъ онъ вдругъ кашлять, говорить и пѣть, звучнымъ басомъ, удивительной полноты и силы. Онъ побѣжалъ къ фортепіано, сталъ перебирать гаммы и наконецъ удостовѣрился въ неистощимомъ богатствѣ новаго пріобрѣтенія, коимъ такъ неожиданно подарила его природа. Ему было тогда пятнадцать лѣтъ. Онъ родился въ Неаполѣ 6 Декабря 1794 года.

Марцелло Перрино, Директоръ единственной Консерваторіи въ Неаполѣ, гдѣ собраны всѣ учители и воспитанники трехъ прежнихъ Консерва-

торій, замѣтилъ, что это соединеніе было пагубно искусству, разрушая соревнованіе, происшекавшее изъ соперничества трехъ школъ, кои существовали въ Неаполѣ до революцій. Чтобы возстановить сіе соревнованіе, онъ придумалъ раздѣлить свою звучащую и поющую армію на два корпуса, которые заставлялъ маневрировать поочередно каждое воскресенье, и назвалъ одинъ изъ нихъ *la Pietà*, а другой *Santo Onofrio*, именами, запечатлѣнными вѣковою славою, поелику онѣ принадлежали двумъ главнымъ стариннымъ Консерваторіямъ. Такимъ образомъ можно стало говорить: „*la Pietà* отличилась въ первое воскресенье нынѣшняго мѣсяца! *Santo Onofrio* перещеголялъ въ прошлую недѣлю!" Лаблашъ пѣлъ баса въ *la Pietà*; въ оркестрѣ *Santo Onofrio* не доставало контрбасиста и Перрино сказалъ молодому Лаблашу: „ты очень хорошо играешь на віолончели; такъ тебѣ легко будетъ держать контр-басъ!" Лаблашъ не любилъ этого инструмента; между тѣмъ велѣлъ написать себѣ гамму контр-баса въ пятницу, и въ слѣдующій вторникъ на репетиціи исполнилъ свою партію съ удивительной точностью. Учители стали подлѣ него, дабы удостовѣриться, что это не обманъ и что звуки, поражающіе ихъ слухъ, дѣйствительно происходятъ отъ инструмента, управляемаго Лаблашемъ. Они не могли надивиться этому чуду. Директоръ наградилъ виртуоза медалью и перевелъ его за столъ вмѣстѣ съ старшими, что составляетъ особенное отличіе воспитанниковъ, вожделѣнное по многимъ отношеніямъ. Но это напряженное усиліе, требовавшее непрерывнаго, въ продол-

женіе трехъ дней и трехъ ночей, упражненія на инструментѣ, столь утомительномъ, причинило ему большой нарывъ на ключицѣ, отъ котораго онъ не иначе могъ освободиться, какъ посредствомъ хирургической операціи.

Тогда-то страсть къ театру овладѣла молодымъ музыкантомъ: онъ только одно и спалъ и видѣлъ. Пять разъ бѣгалъ онъ изъ Консерваторіи, чтобы вступить на драматическое поприще. Въ первый разъ онъ опредѣлился въ Салерно за пятнадцать дукатовъ въ мѣсяцъ (40 су въ день) контрбасистомъ; и взявъ впередъ мѣсячное жалованье, остался на два дня въ Неаполѣ, гдѣ и прожилъ всѣ деньги. Между тѣмъ стыдясь явиться на новое мѣсто безъ всего, онъ взялъ съ собой чемоданъ, который набилъ пескомъ. Черезъ два дня, Вице-Ректоръ Консерваторіи пріѣзжаетъ въ Салерно съ двумя сбирами, встрѣчаетъ Лаблаша и приказываетъ схватить. Виртуозъ рѣшился бѣжать въ горы и старался найти предлогъ отлучиться. „Господинъ Ректоръ конечно позволитъ своему покорнѣйшему слугѣ сходить за чемоданомъ въ почтовую контору?“ — „Не нужно, я самъ это сдѣлаю; вы извольте слѣдовать за этими двумя особами, которые должны проводить васъ въ Консерваторію; будьте спокойны, я все исправлю.“ Вице-Ректоръ спѣшитъ на почтовый дворъ, требуетъ чемодана: но *impesario*, будучи еще поспѣшнѣе, сидѣлъ уже на поличномъ, предъявляя, что чемоданъ и все находящееся въ немъ принадлежитъ ему, въ уплату за пятнадцать дукатовъ, отданныхъ впередъ по контракту, ко-

его исполненію господинъ Вице-Ректоръ изволилъ воспрепятствовать. Требованіе было основательно: позвали Подеста; писецъ принесъ *carta e calamajo* (бумагу и перо), чтобы взять допросъ и сдѣлать опись, какъ въ *la Gazza Ladra*; все было готово, чтобы, съ самою строгою точностію, осмотрѣть и переписать движимое имущество, бѣлье, платье и прочую рухляда бѣглаго виртуоза. Вскрываютъ чемоданъ; и такъ какъ на ту пору, не было въ Салернѣ потомковъ колдуна Алидора, *Alidoro gran testone!* коего сверхъестественная сила моглабъ однимъ ударомъ волшебной палочки превратить скарбъ, находившійся въ баулѣ, въ золотой песокъ, то онъ и оказался тѣмъ настоящимъ пескомъ, который былъ всыпанъ туда Лаблашемъ.

Такимъ образомъ заблуждшая овца, или лучше сказать волъ, возвращена была опять въ свою овчарню. Людовикъ снова сѣлъ на скамьи Консерваторіи, которыя съ нѣкотораго времени начали ему казаться слишкомъ жесткими, такъ что онъ ни на минуту не имѣлъ покоя. Лаблашъ ученикъ былъ уже извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ и особенно за кулисами; директоры спектаклей, драматическіе корреспонденты, употребляли всѣ дипломатическія хитрости, чтобы уговорить его къ новому побѣгу. Подосланные лазутчики подъ разными предлогами прокрадывались въ Консерваторію, обманывая бдительность Ректора и Вице-Ректора: они увивались вокругъ молодаго *basso cantante*, какъ модныя торговки увиваются вкругъ миленькой швейки. Лаблашъ цѣ-

лый мѣсяцъ противился всѣмъ искушеніямъ; но, въ одной Французской комической оперѣ, поэтъ говоритъ:

La vertu peut lutter long-temps,
Mais enfin sa force s'épuise!

Эти стихи конечно не имѣютъ большой красоты; но, сопровождаемыя мелодіею на *ut mineur*, съ порядочнымъ аккомпаниментомъ, при помощи віолончелей, кои даютъ имъ кадансъ и какъ бы обрисовываютъ ихъ контуры, могутъ быть выслушаны; подобно многимъ другимъ, и походятъ на дѣло. Лабдашъ упорствовалъ цѣлые тридцать дней и наконецъ предался снова бѣгству, принявъ весьма выгодныя условія на *Teatro Nuovo*.

Скажутъ, какимъ же образомъ этотъ молодой пѣвецъ, котораго уже притащили назадъ изъ Салерно и который зналъ по опыту скорую дѣйствительность преслѣдованій Вице-Ректора, осмѣлился пристать къ Неаполитанскому театру, подъ носомъ у своихъ ревнивыхъ Аргусовъ? Э! Какъ будто не видятъ каждый день, особенно въ провинціяхъ, что молодой обожатель, похитивъ любимую дѣвушку или даже позволивъ ей похитить себя, что гораздо благоразумнѣе и обыкновеннѣе, приводитъ ее въ сосѣднюю деревню. — что мы говоримъ? — за сто шаговъ отъ родительскаго дома, сажаетъ подъ замокъ и потомъ посылаетъ общихъ друзей договариваться и хлопотать о бракѣ, который обстоятельства дѣлаютъ необходимымъ? Это конечно маневръ самый извѣстный, самый пошлый, весьма мало драматическій и пре-

зираемый каждымъ, кто хотя сколько нибудь искусился въ законахъ волокитства; это старинная пружина, заимствованная у блаженной памяти прадѣдовъ нашихъ дѣдушекъ: и однако она доселѣ еще удается; изрѣдка развѣ случается встрѣтить упрямаго отца, который стоитъ твердо, чтобы возвратить, во что бы то ни стало, свою собственность, не взирая ни на какую порчу. Похитители Лаблаша хотѣли достигнуть своей цѣли подобнымъ средствомъ; они имѣли сообщниковъ; прима-донна театра, чтобы не испортить развязки сей импровизированной на скорую руку драмы, согласилась взять на себя роль укрывательницы. Добрый молодецъ былъ оставленъ у ней на рукахъ, въ ожиданіи успѣха переговоровъ для увольненія его изъ Консерваторіи.

Въ Италіи первыя репетиціи лирическихъ драмъ обыкновенно бываютъ у прима-донны. Лаблашъ, во время ихъ, не показывался труппѣ, боясь нескромности: онъ удалялся во внутреннія комнаты своей покровительницы и оттуда вслушивался въ музыку и бралъ ноты, отдѣляясь перегородкою отъ прочихъ актеровъ. Между тѣмъ Неаполитанская полиція сбилась съ ногъ, отыскивая бѣглеца музыканта. Цѣлые двадцать пять дней она рыскала безъ всякаго успѣха, какъ одинъ ходокъ изъ труппы навелъ ее на истинный путь. „Теперь репетируютъ множество новыхъ оперъ для открытія *Teatro Nuovo*. Мы знаемъ очень хорошо женщинъ, теноровъ, вторыхъ басовъ: но, между всѣми намъ извѣстными, есть ли, кто бы могъ занять амплуа *buffo napoletano*?

Конечно нѣтъ! А *impresario* неужели будетъ такъ глупъ, что захочетъ представить публикѣ оперу безъ лица, которое она особенно любитъ? И подавно нѣтъ! Ктожь этотъ *buffo*? На вѣрное Лаблашь! Если мы не видимъ, какъ онъ входитъ къ прима-доннѣ, такъ это потому, что онъ давно уже тамъ; если онъ не выходитъ вмѣстѣ съ другими, такъ отъ того, что живетъ у ней въ домѣ. Пойдемъ, поищемъ, мы вѣрно найдемъ у ней въ футлярѣ какого-нибудь баса!"

Полиція отправилась, начала обыскъ и дѣйствительно отыскала бѣднаго *buffo cantante*, спрятаннаго въ занавѣскахъ постели прима-донны. Но онъ найденъ былъ не совсѣмъ въ добромъ здоровьи. Буфетъ прима-донны былъ неистощимый кладязь, въ коемъ Лаблашъ на досугѣ любилъ потоплять скуку своего затворничества. Двадцать пять дней имѣли на него значительное вліяніе. Историки и сочинители записокъ расказываютъ, какъ заключенники, проведшіе пятнадцать и двадцать лѣтъ въ мрачныхъ тюрьмахъ Бастиліи или Шатле, теряли зрѣніе: двадцатипятидневный покой такъ утомилъ Лаблаша —

Que ses genoux tremblans se derobaient sous *lui* —

что онъ потерялъ употребленіе ногъ своихъ. Сбиры должны были тащить его, ибо онъ самъ уже не двигался.

Такія вылазки молодаго виртуоза подали поводъ къ установленію формальнаго закона, въ коемъ было объявлено: „что всякой хозяинъ театра, который сманитъ воспитанника Консерваторіи безъ дозволенія правительства, будетъ оштрафованъ 2,000 дукатами и подвергнется зак-

люченію театра на пятнадцать дней.“ И такъ Лаблашъ сдѣлался законоположникомъ! Если онъ не самъ дѣлалъ законы, то по крайней мѣрѣ диктовалъ для нихъ тексты! Сенатъ Королевства Обѣихъ Сицилій благоволилъ трудиться для Лаблаша, какъ Россини и другіе сочинители каватинъ.

Но сія государственная мѣра, признана была недостаточной. Перрино, Ректоръ Консерваторіи, былъ человѣкъ съ головою. Видя, что демонъ театра овладѣлъ Лаблашемъ, какъ страсть къ тяжбамъ Жоржемъ Данденемъ, онъ придумалъ доставить молодому пѣвцу такіяже наслажденія въ школѣ, какія Леандръ умѣлъ приготовить для стараго судьи во внутренности его дома. Дандень слушалъ длинный процессъ собаки и каплуна, дабы имѣть удовольствіе осудить виновнаго на галеры; но для пѣвца, долженствовавшаго нѣкогда удивлять Европу своимъ талантомъ, придуманы были сценическія потѣхи съ большей пышностью и интересомъ. Во внутренности Неаполитанской Консерваторіи устроена была театральная зала, чему дотолѣ не было примѣра. Разумѣется, что молодой виртуозъ былъ признателенъ къ такой заботливости начальства: получивъ возможность удовлетворить своей страсти, онъ помирился съ своей участью. Итакъ, отказавшись отъ новыхъ побѣговъ, продолжалъ свое ученье въ Консерваторіи, которое кончилъ въ семнадцать лѣтъ отъ роду.

Тогда-то, не безъ труда и хлопотъ, получилъ онъ дозволеніе оставить скамьи Консерваторіи и опредѣлился, на роли Неаполитанскаго Буф-

фа, въ театръ Сан-Карлино, самый меньшій изъ Неаполитанскихъ спектаклей. Въ Сан-Карлино давалось по два представленія въ сутки, одно днемъ, другое вечеромъ; а по утрамъ дѣлались репетиціи. Лаблашъ тянулъ эту лямку, безъ малѣйшей надсады своему органу; всѣ его товарищи не могли вытянуть до году и покинули театръ; многіе изъ нихъ остались навсегда безъ голосовъ. Теперь въ Сан-Карлино играютъ комедіи; и актеры считаются лучшими въ Италіи.

Пробывъ не болѣе пяти мѣсяцовъ въ Сан-Карлино, Лаблашъ женился на Терезѣ Пиноотти, дочери одного актера тамошней труппы, который былъ величайшій комедіантъ, какого производила Италія. Этотъ счастливый бракъ имѣлъ сильное вліяніе на музыкальную судьбу Лаблаша. Всѣмъ, что онъ теперь, обязанъ онъ неоспоримо своей женѣ. Она умѣла оцѣнить его; и ея проницательная нѣжность употребила всѣ средства, чтобы оторвать его отъ Сан Карлино, театра недостойнаго его таланта. Безпечный Лаблашъ остался бы тамъ на всю жизнь, въ роли Неаполитанскаго Буффа, не помышляя о блестящей судьбѣ, которая его ожидала. Гжа Лаблашъ, безъ вѣдома своего мужа, старалась всячески, чтобы въ Сан-Карлино принятъ былъ актеръ Милотти, который, въ роли Неаполитанскаго Буффа, славился большими успѣхами и любимъ былъ публикой: она устроила разныя кабалы, чтобы достигнуть своей цѣли и передать ему амплуа Лаблаша. Ея супружеская нѣжность простиралась до того, что она готова была подвергнуть свисту своего мужа, еслибъ успѣхи

Милости не заставили его наконецъ искать въ другомъ мѣстѣ лучшаго счастія. Лаблашъ не смѣлъ бросить свое Неаполитанское нарѣчіе и пѣть на Тосканскомъ языкѣ: жена убѣдила его рѣшиться на то и выхлопотала ему мѣсто въ Сициліи. Онъ отправился въ Мессину, гдѣ еще цѣлый годъ держался прежняго амплуа Неаполитанскаго Буффа, которое очень любилъ и въ которомъ не имѣлъ соперниковъ.

Въ Палермѣ онъ дебютировалъ, какъ *basso contante*, въ *Ser Marc-Antonio*, оперѣ-буффѣ, и имѣлъ отличный успѣхъ. Слава его дошла до Неаполя, откуда посыпались самыя выгодныя предложенія, чтобъ заставить его воротиться и занять прежнее амплуа; но жена его, угадывая, чѣмъ онъ долженъ нѣкогда сдѣлаться, отстранила сіи предложенія и удержала его въ Палермѣ, дабы онъ здѣсь, предъ глазами ея, кончилъ свое образованіе для новаго поприща. Здѣсь онъ познакомился съ твореніями Россини, въ коихъ игралъ роли баса. Его не отпускали изъ Палермо, хотя онъ былъ тамъ уже пять лѣтъ. Онъ пробылъ бы и долѣе, безъ революціи карбонаріевъ, возникшей въ 1820 году. Хозяева театровъ въ Палермѣ были всѣ изъ Милана: они принуждены были оставить столицу Сициліи, гдѣ революціонеры сожгли всѣ театральныя зданія и ихъ принадлежности. Воротившись въ Миланъ, они хвалили безъ памяти Лаблаша и совѣтовали *impresario* вызвать его, говоря, что обязываются заплатить всѣ издержки путешествія, если онъ не понравится.

И такъ Г. Росси вызвалъ Лаблаша въ Миланъ, гдѣ онъ дебютировалъ въ *la Scala*, ролею Дандини въ *Ченерентолѣ*. Произведенный имъ восторгъ простирался до бѣшенства; не могли надивиться его голосу, искусству, музыкальному выраженію, комической игрѣ; только находили, что онъ говорилъ по Турецки, а не по Италіянски; такъ по крайней мѣрѣ выражались журналисты, чтобы охарактеризовать его языкъ. Лаблашъ воспользовался симъ замѣчаніемъ и приложилъ всѣ старанія выучиться настоящему Италіянскому произношенію, о которомъ дотолѣ не имѣлъ нималѣйшаго понятія, привыкнувъ къ ролямъ Неаполитанскаго Буффа, говорящаго обыкновенно мѣстнымъ простонароднымъ нарѣчіемъ. Пребываніе въ Пелермѣ только что усилило варварство его произношенія. Славный Раффанели, коего таланть оставилъ по себѣ столько воспоминаній въ Италіи и въ Парижѣ, взялъ на себя перевоспитаніе Лаблаша и не могъ нахвалиться быстрыми успѣхами и понятливостію своего воспитанника.

Съ тѣхъ поръ, вездѣ гдѣ ни являлся Лаблашъ, таланту его отдавалась полная справедливость; публика ласкала въ немъ актера, осыпала рукоплесканіями пѣвца, и оказывала знаки особенной привязанности къ его лицу; нигдѣ не хотѣли съ нимъ разстаться. Въ Миланѣ онъ игралъ шесть лѣтъ сряду: онъ оставался бы тамъ и теперь, еслибъ не возымѣлъ естественнаго желанія поѣздить по Европѣ и расширить кругъ своей репутаціи. Въ Римѣ и потомъ въ Туринѣ, онъ игралъ роль Убертто въ *Агнесѣ* Паэра, съ необы-

чайнымъ успѣхомъ. Пребываніе свое въ Вѣнѣ считаетъ онъ самою блестящею и самою счастливою эпохою своей драматической жизни. Онъ познакомилъ Нѣмцевъ съ *Севильскимъ Цирюльникомъ*. Рубини и Гжа Менвьель-Фодоръ играли въ ней роли Альмавивы и Розины. Они же блистали съ нимъ въ *Тайномъ Бракѣ (il Matrimonio Segretto)* и *Агнесѣ*. Роли Ассура и Фигаро, Уберто и Джеронимо, игранныя Лаблашемъ съ чрезвычайнымъ талантомъ, производили неописанный восторгъ, по причинѣ различія содержащихся въ нихъ характеровъ и страстей. Въ Вѣнѣ выбита была медаль въ честь Лаблаша съ слѣдующею надписью Маркиза Гаргалло, переводчика Горація:

Actione Roscio, Joppe cantu, comparandus utrique,
Lauro conserta, ambobus major.
Vienne XVIIIXXV.

Послѣ Лайбахскаго Конгресса, Лаблашъ представлялся въ Вѣнѣ Неаполитанскому Королю Фердинанду, который сдѣлалъ ему самый благосклонный пріемъ, наименовалъ его пѣвцомъ своей капели и назначилъ пансіонъ тесто его Пиноттти за театральную службу, безъ всякой просьбы Лаблаша. Отсюда онъ воротился въ Неаполь, въ которомъ не былъ цѣлые десять лѣтъ, и такимъ образомъ перешелъ вдругъ съ маленькаго театра Сан-Карлино на огромную сцену Сан-Карло. Здѣсь онъ дебютировалъ ролей Ассура, въ *Семирамидѣ*, которую давали въ первый разъ на Неаполитанской сценѣ; его успѣхи раздѣляла Гжа

Менвьель-Фодоръ, которая играла Вавилонскую Царицу, также съ удивительнымъ талантомъ и искусствомъ.

Послѣ того Лаблашъ открывалъ Большой Пармской Таатръ въ *Заирѣ* Беллини, гдѣ игралъ роль Оросмано. Вѣна, Миланъ, Неаполь удивлялись снова его талантамъ, въ различныхъ путешествіяхъ; кои онъ предпринималъ въ слѣдствіе новыхъ приглашеній. Наконецъ въ 1830 году явился онъ въ Парижѣ. Россини два раза встрѣчался съ Лаблашемъ въ Италіи; но только въ Парижѣ могъ услышать знаменитаго пѣвца, чудеснаго актера, который своимъ необыкновеннымъ талантомъ умѣлъ дать столько блеска ролямъ, кои творецъ *Моисея*, *Севильскаго Цирюльника*, *Осады Коринѳа*, писалъ для артистовъ гораздо низшаго достоинства. Съ 1830 по 1832 годъ, Лаблашъ дѣлился между Парижемъ и Лондономъ: теперь онъ воротился опять на родину.

Въ Неаполѣ онъ воскресилъ старинную музыку, заставивъ возобновить *la Serva Padrona*, *la Scuffiara*, Паезіелло, *Socrate Imaginario*, *Camilletta*, оперу въ трехъ актахъ съ двумя дѣйствующими лицами; въ сей послѣдней Гжа Унгеръ, превосходная актриса и отличная пѣвица, играла съ нимъ роль Камилетты.

Дебютъ Лаблаша въ Италіянскомъ Театрѣ въ Парижѣ долженъ былъ имѣть всю пышность тріумфальнаго вшествія. Всѣ ожидали, что знаменитый *basso contante*, снискавшій себѣ столь

громкую славу въ музыкальной Европѣ и одержавшій сіполько блистательныхъ побѣдъ подъ знаменемъ Ассура, Полидоро, Маометто, явится, предъ Парижскою публикою, съ саблею въ рукѣ, окруженный многочисленными воинами, коихъ подавитъ своею силою и мелодическимъ, громозвучнымъ голосомъ, и что, *duce di tanti eroi*, завоюетъ вооруженною рукою зрителей, какъ нѣкогда Магометъ крѣпость Коринѳскую. Лаблашъ, презирая сей наружный блескъ, сію восточную пышность, замѣнилъ богатый тюрбанъ Повелителя Правовѣрныхъ скромнымъ парикомъ *vecchio buffonismo* и въ простомъ костюмѣ купца Джеронимо явился 4 Ноября 1830 года, въ *il Matrimonio Segretto*.

Созидая сіе удивительное произведеніе и другія оперы-буффы, Чимароза назначалъ партію и для *buffo parlante;* ибо надобножь было, чтобы отецъ или опекунъ оперы имѣлъ языкъ, присвоенный лирической сценѣ. Но эта партія, почти всегда терявшаяся въ ансамбляхъ, не предназначалась блистать въ соло. Да и публика обыкновенно извиняла въ актерахъ, занимающихъ сіе амплуа, слабость музыкальныхъ средствъ, лишь бы только она восполнялась жаромъ и остроуміемъ комической игры. Лаблашъ, обладая симъ послѣднимъ талантомъ въ высшей степени, умѣетъ вмѣстѣ, своимъ великолѣпнымъ голосомъ, выказывать всѣ красоты мелодіи, которая доселѣ постигалась только изъ однихъ инструментовъ: онъ даетъ выраженіе, жизнь, прелесть совершенно новую, декламаціи, которая какъ будто скачетъ подъ гармоническою рисовкою инструментальныхъ зву-

ковъ. Не слыхавъ Лаблаша, не льзя составить понятія объ эффектѣ, который сей необыкновенный артистъ умѣетъ извлекать изъ своей роли. Поочередно дивишься то полному, свѣтлому, плавному звуку его голоса, то необыкновенной чистотѣ и яркости чертъ, коими басъ его какбы прорѣзываетъ совокупность голосовъ, не смѣшиваясь съ густыми чертами инструментовъ, кои для нихъ служатъ какъ бы канвою и подкладкою? Посредствомъ непримѣтныхъ оттѣнковъ, онъ умѣетъ переходить отъ простаго разговора къ речитативу, къ мѣрному пѣнію, которое оставляетъ, чтобы опять говорить и опять схватить свой музыкальный мотивъ. Гарціа, Пеллегрини и другіе пѣвцы владѣли подобною способностію; но что доселѣ было не слыхано, это умѣнье Лаблаша возвышаться на октаву или на квинту, безъ всякой хроматической и діатонической последовательности, умѣнье, которое ни съ чѣмъ не льзя сравнить, какъ съ поднятіемъ струны на фортепіано или на скрыпкѣ посредствомъ колка. Хотя Лаблашъ возвышается съ нечувствительною постепенностью, онъ останавливается вѣрно на нотѣ, которая должна служить ему заключеніемъ и точкою опоры. Сіи гаммы въ четвертую и въ осьмую долю тона, вставленныя въ приличныхъ мѣстахъ, напр. въ *a parte* большаго дуэта *Mutrimonio: Qual risparmio del bel oro!* производятъ удивительное дѣйствіе.

Голосъ Лаблаша имѣетъ обыкновенную обширность басовыхъ голосовъ, отъ *sol* до *mi*. Исключая двѣ крайнія ноты, онъ равно звученъ на

всѣхъ пунктахъ, какъ звонъ колокола; и это происходитъ не отъ сокращенія горла, а отъ силы сотрясенія звуковъ. Голосъ выливается у него изъ груди такъ свободно, какъ изъ трубы органа въ восемь футовъ. Французамъ памятенъ прекрасный голосъ Шерона; сладость его равнялась силѣ. Этотъ голосъ, управляемый съ такимъ искусствомъ и ловкостью, какого нельзя было лучше желать въ 1795 году, когда басы не умѣли еще заливаться по слѣдамъ дискантовъ и тенноровъ, производилъ удивительное дѣйствіе въ соединеніи съ контр-алтино Гарата и сопрано Гжи Барбье-Вальбонъ. Когда Шеронъ, развивъ всю сладость своего очаровательнаго органа и освѣжившись сахарной водой, дулъ въ пустой стаканъ, то ломкой хрусталь разлетался въ дребезги. Голосъ Лаблаша имѣетъ всю круглоту, все очарованіе Шеронова голоса; но, еслибы Италіанскій Геркулесъ вздумалъ пустить въ залѣ свое *re*, со всею силою, которую можетъ дать ему, то стекла оконъ конечно не выдержали бы его дѣйствія. Такіе вокальные феномены являются время отъ времени на музыкальномъ горизонтѣ!

Отличная вѣрность, ударъ твердый и живой, превосходное музыкальное выраженіе, апломбъ, котораго ничто не можетъ поколебать, соединеніе таланта пѣвца съ талантомъ актера, которое ежеминутно возвышаетъ прелесть музыки, сообщая ей возможность выражать намѣреніе, характеръ и цвѣтъ, требуемый сценою, и даетъ пѣвучему разговору тонъ обыкновенной бесѣды: вотъ другія преимущества Лаблаша!

Исполненіе его вообще такъ умно и такъ удовлетворительно для уха, пантомимы и комическія бутады наполняютъ такъ удачно минуты молчанія, которыя голосъ его оставляетъ ритурнелямъ, что невольно объемлешься изумленіемъ, слыша простой разговоръ баса, лишенный всѣхъ украшеній и прелестей пѣнія, съ такимъ же наслажденіемъ, какъ патетическую, легкую блестящую каватину, исполняемую отличной пѣвицей или превосходнымъ теноромъ.

Торжество Лаблаша есть опера-буффа: но его неподражаемое превосходство въ комическомъ родѣ не мѣшаетъ ему быть удивительнымъ, высокимъ, когда онъ играетъ и въ большой оперѣ, какъ н. п. роль Ассура въ *Семирамидѣ*. Его высокій и величественный станъ, прекрасная, выразительная, благородная фигура, сообщаютъ отцу Дездемоны драматическое величіе, котораго нельзя было подозрѣвать, пока Лаблашъ не взялъ на себя эту второстепенную роль. Превосходная сцена проклятія, гдѣ Дездемона, пораженная угрозами Эльмиро, испускаетъ вопль отчаянія: *se il padre m'abandona!* ни когда не производила болѣе дѣйствія, какъ въ устахъ Гжи Малибранъ, вспомоществуемой Лаблашемъ. Роль Маометто, въ оперѣ тогоже имени, заслуживаетъ ему первое мѣсто между трагическими актерами: это конечно блестящій удѣлъ; но Лаблашъ и безъ него можетъ обойтися: онъ является въ трагедіи только для собственнаго удовольствія или изъ угожденія директорамъ театровъ. Кто видалъ, какъ иг-

раетъ онъ роль Кампаноны въ *la Prova*, Джеронимо въ *il Matrimonio Segretto*, Дандини и Магнифико въ *Ченерентолѣ*, Подеста въ *la Gazza*, Лепорелло въ *Don Giovanni*, и даже Фигаро въ *Севильскомъ Цирюльникѣ*, тотъ испыталъ такое полное наслажденіе, такой непрерывный восторгъ, что охотно согласится не видѣть Лаблаша въ трагедіи. Сей отличный актеръ и отличный пѣвецъ соединяетъ въ высшей степени всѣ качества, какія только можно вообразить для буффа. Это образецъ, идеалъ въ своемъ родѣ; и кто не слыхалъ и не видалъ Лаблаша, тотъ не можетъ понять, до какой степени совершенства можетъ возвышаться комическая опера и даже самый фарсъ Италіянскій.

(Revue de Paris)

VIII.

СТАРЫЙ ДОЛГЪ,

ИЛИ

ЗАПОЗДАЛАЯ АНТИКРИТИКА.

Извѣстный Русскій языкописецъ *И. Ѳ. Калайдовичъ* (не говоря о другихъ), въ VI Части Моск. Вѣстника на 1829 г., напечаталъ критику на мою книжонку: *Древніе и Нынѣшніе Болгаре въ историческомъ, политическомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ.*

Томъ I. Москва. 1829 (а). Вы, можетъ быть, не знаете, Почтеннѣйшій Редакторъ, что писать, и даже напечатать критику на сочиненіе, значитъ *въ оба бока* щекотать самолюбіе сочинителя; я же самолюбивъ не менѣе гуся, у котораго, по открытію одного сатирико-романическаго писателя, тоже есть свое самолюбіе. Итакъ я . . . долго не зналъ, на что рѣшиться . . . но наконецъ рѣшился отомстить, т. е. написать, какъ водится, антикритику, о которой бью челомъ помѣстить въ вашемъ журналѣ, во услышаніе всему міру, и даже Герасиму Игнатьичу, у котораго беру нюхальный табакъ подъ названіемъ: *собраніе любви.*

Но скажете: „зачѣмъ антикритику; вѣдь книгѣ вашей отдаютъ справедливость. Слѣдственно нѣтъ обиды."

Это не *резонъ:* ибо на бѣломъ свѣтѣ мстятъ не только за обиды, но и за необиды. Вы знаете,

---

а) Объ упомянутой моей книгѣ въ разныхъ журналахъ были помѣщены сужденія отечественныхъ ученыхъ: достопочтеннаго *О. І. Бичурина* въ Литературной Газетѣ, *М. Т. Каченовскаго* въ Вѣстникѣ Европы, *М. П. Погодина* въ его Московскомъ Вѣстникѣ, *А. М. Кубарева* въ Ашенеѣ и *И. Ѳ. Калайдовича* въ Моск. Вѣстн. Отправляясь въ 1830 году на Дунай, я не могъ сдѣлать своихъ замѣчаній на сіи критики, преимущественно на первыя двѣ. Подобныя замѣчанія однако должны войти въ составъ оправдательныхъ статей перваго тома моего сочиненія.

что кто себя высоко цѣнитъ — (а кто себя высоко не цѣнитъ?) — тотъ не позволитъ себя учить, или переучивать или доучивать. Въ этомъ отношеніи самая негодная вещь есть *мнѣніе*, говорятъ цѣнящіе себя *высоко* и *широко*. Но кто не осердится, если закурить ему подъ носъ новымъ мнѣніемъ, или продолжать переиначивать его собственное? Я помню, что одинъ престарѣлый и преученый докторъ въ своемъ сочиненіи *объ удобно-сваримыхъ и неудобно-сваримыхъ* веществахъ (томъ VI, глав. 7, § 8) говоритъ, что самая неудобно-сваримая и негодная для стараго доктора или ученаго вещь есть противное, хотя бы и лучшее, мнѣніе молодаго лѣкаря при консультаціи; а въ той главѣ, въ коей говорится о средствахъ исправить разстроенный желудокъ, сей великій мужъ XVII вѣка утверждаетъ, что такому неугомонному смѣльчаку надобно тереть языкъ хирургическою щеткою, а послѣ припустить піявки; сверхъ сего можно еще его побранить, поругать, пощипать, помстить, car tout cela fait du bien, заключаетъ онъ.

Но вотъ въ чемъ дѣло: я въ вышеупомянутой моей книгѣ, по поводу слова *Каганъ*, затолковалъ о словѣ *Конязь* или *Князь*, утверждая, что по свойству производства это слово образовалось отъ кончившагося на *гъ* напр. *Конягъ*, не налегая рѣшительно, каковъ могъ быть корень сего послѣдняго *конь* ли, или что другое. На это И. Ѳ. Калайдовичь говоритъ (Моск. Вѣстн. Ч.

VI. стр. 150.): „Слово *Князь* почти утвердительно можно производить отъ слова *конъ* — начало (искони, конецъ): *конъ* — *конакъ*, *конякъ*, *Кончакъ* (Князь Половецкій — нарицательное вмѣсто собственнаго), *Коняжь*, *Княжь*, *Князь*, т. е. Начальникъ."

Скажите, не составляютъ ли всѣ эти слова полнаго мнѣнія? И не обида ли это мнѣ? Не посягалъ ли критикъ на меня? Но этого мало: я говорю въ моей книгѣ (ст. 69) что *Болгаринъ* происходитъ отъ слова *Волги* и прибавляю догадку, что Волгу въ старину въ иныхъ областяхъ Руси и сами Болгаре, можетъ быть, называли *Булгою*, *Болгою*. На это критикъ: „Слово *Волга* тожественно съ словомъ *влага*: волга, волгу, волжить, волгну, волгнуть; влага — влажу, влажить, влажный. Явно одна перестановка согласной и превращеніе *о* въ *а*. Итакъ *Волга* — влага, по преимуществу предъ другими малыми влагами, рѣками — рѣка; Волжанинъ, Волгаринъ, Болгаринъ — житель береговъ Волги."

Это уже слишкомъ; это сверхъ мѣры; я не могу не мстить почтенному критику; не могу не написать ужасной антикритики, въ коей я берусь доказать —

Вопервыхъ: что рецензентъ *неправъ*.

Но какъ не могу говорить противъ совѣсти, то —

Вовторыхъ: что рецензентъ *правъ*.

(А)

ВОЛГА.

— „Слово *Волга* тожественно съ словомъ *Влага*. *Волга* — волгу, волжить, волгну, волгнуть, *влага* — влажу, влажить, влажной. Явно одна перестановка согласной и превращеніе *о* въ *а*. Итакъ *Волга* — влага, по преимуществу предъ другими малыми Влагами, рѣками — рѣка; Волжанинъ, Волгаринъ, Болгаринъ — житель береговъ Волги.“ (Моск. Вѣстн. 1829. Ч. VI. стр. 150.)

Конечно, смотря на качество буквъ, *влага* и *Волга* кажутся тожественными, однако переходъ съ общаго изображенія качества жидкостей на собственное мѣстное названіе, столь крутъ, кажется, и насильственъ, что въ первой мигъ трудно рѣшиться на мнѣніе почтеннаго Русскаго лингвиста, не смотря на соблазнительное сходство механизма. Положимъ, что механическій источникъ обоихъ словъ можетъ быть одинъ и тотъ же; но трудно повѣрить въ тожественность ихъ смысла, ибо: а) *влага* означаетъ состояніе подразумѣваемой матеріи въ рѣдкомъ, умѣренномъ количествѣ, въ видѣ болѣе или менѣе скрытомъ отъ нашихъ взоровъ въ какомъ либо предметѣ на пр. въ воздухѣ, въ платьѣ, которыя только въ умѣренномъ видѣ называются *влажными*, а *мокрыми* въ полномъ; б) *влага* въ чистомъ, большомъ и явномъ видѣ называется *водою*, какъ въ прудѣ, рѣкѣ, и по сему рѣки во множествѣ въ Славянскихъ странахъ носятъ названіе *водъ* черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ,

желтыхъ; но *влагъ* никогда, хотя впрочемъ и можно допустить, что и вода есть *влага* въ самомъ общемъ значеніи.

Это краткое замѣчаніе нашего почтеннаго лингвиста заставляетъ меня объяснить сіе обстоятельство, и настоящее происхожденіе имени *Волги*, которою Русскій народъ можетъ по праву гордиться.

Вообще рѣки получаютъ свое названіе большею частію въ своихъ же источникахъ, отъ какого либо предмета или качества, откуда онѣ уносятъ съ собою свое прозвище, которое дѣлается тѣмъ обширнѣе и извѣстнѣе, чѣмъ громче и шире самая рѣка. Еслиже никто не жилъ возлѣ источника, или не обращалъ вниманія, для наименованія его, то не ручей, а рѣка уже получаетъ названіе отъ своего качества: *Рыбникъ*, *Быстрица*, *Голотва*, *Поротва*, *Нарова*, *Песочна*, *Глубока* и проч.

Въ гористыхъ мѣстахъ довольно находится разнообразныхъ предметовъ при источникахъ рѣкъ, но въ Россіи по плоскости мѣстъ предметы сіи гораздо однообразнѣе, и по качеству поверхности очень часто означаются топкими мѣстами или болотищами.

Итакъ въ числѣ этихъ болотищъ мы должны искать нашъ предметъ. Болотища вообще бываютъ разнокачественны, по сему и разноименны. Извѣстны названія *озера* и *пруда*; *болото*, нетакъ глубокое мѣсто и не такъ чистое, какъ прудъ; оно въ себѣ предполагаетъ воду мутную, непрозрачную: посему болота относятся болѣе всего къ мѣстамъ жилымъ и топ-

таннымъ животными. Мѣсто ограниченное и глубокое, заключающее въ себѣ воду, покрытую цвѣтомъ ржавчины, называется *сулоть*; подобное же мѣсто, на коего поверхность наведена зеленая пелена, болѣе или менѣе крѣпкая, есть *трясина*. Мѣсто въ сѣнокосныхъ лугахъ, черезъ которое нельзя сухо пройти, что̀ бываетъ часто около кустовъ, есть *лоскъ* или *лощина*; иногда цѣлое поле можетъ представить подобное качество. Южные Русаки, преимущественно Карпатскіе, это называютъ *мочарью*. А по-Русски еще *мочежина*. Наконецъ мѣсто, покрытое травою, но въ которомъ можно увязнуть довольно глубоко, есть *вологло*, а короче и *волгло*. Одинъ мужичекъ мнѣ сказалъ даже: „не идите, баринъ, туда, тамъ *вологно*." Въ иныхъ лѣсистыхъ и ровныхъ мѣстахъ сіи послѣднія топи, вязкія мѣста, занимаютъ вдоль и впоперегъ значительное пространство, которое называется посему *во́лога*, хорошею и обыкновенною Славянскою формою на *га*, какъ и *Ладога*, *Судога*, *Судорога*, *Онѣга*, *Вѣтлуга*, *Бѣлуга*, *Дорога*, *Вытега*. Если же впрочемъ сюда вставлено и *д*: *Вологда*, *Судогда*, *Вытегда*, или еще хуже *Вычегда*; то это просто одинъ провинціализмъ въ произношеніи.

Теперь прошу взглянуть на карту, и замѣтишь, что въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской Губерніи находятся значительныя *Вологи*. Одна изъ нихъ и понынѣ подъ именемъ *Вологло* или *Волгло* и *Волгое Озеро*. Эта *Волога* съ ужается въ протокъ, который течетъ, течетъ все далѣе и вшекаетъ въ Каспійское море. Вотъ *Волга*!

Удареніе на первомъ слогѣ: *Вологa*, которое посему поглощаетъ слѣдующее: *Волга*. Но до этаго намъ дѣла нѣтъ. По сему *И. Ѳ. Калайдовичъ* не правъ, утверждая что здѣсь находится *перестановка согласной* и превращеніе *о* въ *а*; здѣсь просто слово выговорено скоро, или выпущено *о* скрытное, Однако съ другой стороны И. Ѳ. правъ: *корова — крава*, *ворона — врана*, *сторона — страна* и *вологa — влага!* Но намъ до *влаги* опять дѣла нѣтъ!

Такимъ же образомъ и *Вологда* вытекаетъ изъ подобной же *Вологи* въ Сяземской волости за 100 верстъ выше города Вологды; такимъ же образомъ и *Волгуша* рѣчка вытекаетъ изъ болота Московской Губерніи въ Верейскомъ уѣздѣ, гдѣ впадаетъ она въ рѣку *Яхрому*. Рукава Волги обыкновенно называются *Воложками*, и Карпато-Россы вмѣсто влажный говорятъ *воложный*.

Слово *вологa* впрочемъ есть только областное Русское слово, преимущественно въ Владимірской и Тверской Губерніи, родинѣ Волги, и можно еще сказать въ Новгородской; а о прочихъ сказать рѣшительно не умѣю. Этого довольно. Но —

Если продолжать словопроизводныя проказы, и добиваться корня сего слова, то онъ будетъ въ *влк*, въ значеніи *влеку* или *волоку*, т. е. тяну рукою что либо тонкое, длинное, на пр. за палецъ, за палку, за веревку; въ противномъ будетъ *тащу*: отъ этаго слова и *волокно* т. е. нитка, вытягиваемая изъ кудели, а отсюда и всякая неискуственная нитка, какъ

шелковое, конопляное, льняное *волокно* (можетъ быть, и *волосъ*?). Наконецъ отсюда и всякая жидкость, которая тянется ниткою, слизь, слюна, медъ, или общимъ именемъ *вологa*. Такъ перенесъ, такъ понималъ древнѣйшій Славянинъ для означенія *тягучести*, *вязкости*, жидкости, и нынѣ еще позднѣйшій его потомокъ только въ этомъ смыслѣ принимаетъ слово *влагу*, которую не рѣшится употребить тамъ, гдѣ жидкость (limpiditas) массы очевидна, которую во всякомъ случаѣ назоветъ водою: но грудная только мокрота есть у него *влага* (а). Посему и стоячія густыя воды, почти заросшія, представляющія видъ вязкости, могъ назвать *влагою*; посему и каплю чистой воды онъ тогда только назоветъ влагою, когда она лишится вида прозрачной капли и вопьется въ тѣло и омочитъ оное, придавъ ему видъ вязкости. Отсюда-то всякое *омоченное* тѣло сдѣлалось *влагимъ* или, выговоривъ *в* покрѣпче, *благимъ* т. е. мягкимъ; а отсюда на сердце т. е. добрымъ, а отсюда и *блаженство* т. е. счастье.

Съ другой стороны *вологи* является *вологань* или *волгань* или по мягкому произношенію *волхань*, т е. деревья, которыя обыкновенно ростутъ у мокрыхъ мѣстъ; но одно, чаще всего встрѣчаясь у этихъ мѣстъ, удержало за собою это имя: это *вольха* или *ольха*, *Ольша*, и Г-нъ *Ольшевскій*, и рѣка *Волховъ*.

а). Въ Рязанской Губерніи *воложный* вм. масленый, а въ Симб. и Оренб. Губерн. слизистые грибы слывутъ *волжанками*.

Съ другой же стороны глагола *влеку* — *волокъ* мѣсто между двухъ рѣкъ, черезъ которое волокли (переволакивали) тяжести. Упоминаю Волочокъ и городъ Вышній Волочокъ; и животное, имѣющее видъ тянущь за собою длинный свой хвостъ, *вóлокъ*, короче *волкъ*, и Г. Волковъ, и волчица, и Г. Волченецкій.

Еще съ другой стороны многократное отъ влеку, волкаю: а) отбросивъ *в*: *олкаю* и *алкаю* т. е. жажду, какъ волкъ, б) измѣнивъ губное *в* на губное же *м*, древле Славянское *молькаю*, слегка рукой потягиваю, глажу, усмиряю (mulceo mulctare по Латыни:) или же опять потягиваю т. е. дою, *молгаю*, *молкаю*, и *молзаю* (mulgeo, прош. mulsi, emulsio по Лат.); отсюда *молокно* (какъ и *волокно*, *толокно*) или короче *молоко*.

Вотъ родственники Волги, болѣе или менѣе близкіе: *волокно* и *ольха*, *блаженство* и *волкъ*, *молоко* и *Панъ Ольшевскій!* Истинно чудный переходъ человѣческаго слова! Но чуденъ, ибо чудна сила человѣческой мысли! Это доказываетъ ту великую филологическую истину, что *слово человѣческое болѣе всего обязано своимъ развитіемъ сродству и цѣпи уподобленій, черезъ которыя перепархиваетъ мысль, подобно мотылку!*

Я привелъ это объясненіе единственно, потому, что почитаю себѣ за обязанность побесѣдовать съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ лингвистовъ. Кромѣ сего, чтобы показать возможность, что Болгаре дѣйствительно могли Волгу называть Болгою, тѣмъ болѣе, что и сами Русаки одно и тоже имя произносятъ двояко: *Волховъ* рѣка

въ Новѣгородѣ и *Болховъ* городъ и рѣчка въ Орловской Губерніи. *Волгое* родъ озера въ Тверской, а *Бологое* или *Болгое* въ Новгородской, въ Валдайскомъ уѣздѣ. Но Болгаринъ требуетъ *Болги.*

Отъ *Болга* вышло *Болгарь*, ибо въ Болгарскомъ языкѣ *арь*, *ѣрь*, *ярь*, очень обыкновенная форма: какъ и *болѣрь*, *овчарь*, *писарь*, *другарь*. Къ сему *Болгарь* прибавлено *инъ*, по тому же поводу, по которому ими же составлено *болѣринъ*, или по которому въ моемъ присутствіи говорили: *Офицеринъ*, *Майоринъ*, *Генералинъ*, *и Генералецъ*. Того же источника и городъ *Болгари*, коего развалины видны на Волгѣ. Посему *Болгаринъ* — житель Волжской стороны, Волжанинъ, и *Болгаринъ* — житель Болгари. Одно къ другому.

Одно лишь прибавлю: Щекатовъ, объясняя „Турниковъ колодезь", говоритъ, что сей ручей въ нынѣшней Слободской Украинской Губерніи, о коемъ въ *Большомъ Чертежѣ* упоминается: „а отъ *Болгиря* по лѣвой сторонѣ *Муравскія* дороги *Турниковъ колодезь*, и палъ въ *Мерчикъ*."

Все показываетъ, что слово *Болгаре* принадлежитъ Славянамъ, и имя города также было чуждо обитавшимъ въ послѣдствіи въ ономъ Татарамъ, какъ и Славянамъ имя Татаръ. Ясно!

(Б).

КОНЪ.

— „Слово *Князь* почти утвердительно можно производить отъ слова *конъ* — начало (искони, конецъ): *конъ* — *конакъ*, *конякъ*, *Кон-*

чакъ (Князь Половецкій — нарицательное вмѣсто собственнаго), *Коняжь, Княжь, Князь*, т. е. Начальникъ!" (Моск. Вѣст. 1829 Ч. VI. с. 150).

Въ Грамотѣ *Млада* Князя Басарабскаго, отъ 1472 года, говорится: „и Господству ми дадоше *конъ* добръ" т. е. и господству моему представили о томъ *доброе* свидѣтельство: *конъ* здѣсь означаетъ посему подлинный, вѣрный или законный актъ или документъ о сдѣлкѣ. Замѣчательно здѣсь употребленіе сего Славянскаго слова, которое, по мнѣнію лучшихъ Славянскихъ языковѣдовъ, значитъ *начало*. Это справедливо: ибо тоже показываютъ и производныя отъ него слова. Такъ и въ текстѣ древле-Болгарскаго нарѣчія: *изъ-кони* бѣ Слово и проч. Уменьшительное *конецъ* противуположно своему корню. Впрочемъ все равно, и то и другое въ понятіи человѣческомъ равно означаетъ *крайность (край)*, и едвали кто изъ смертныхъ возмется доказывать, который изъ краевъ нитки должно называть *началомъ* и которой *концомъ;* оба они концы и оба начала: Славяне имѣютъ нѣсколько словъ для изображенія сего понятія: межа, предѣлъ, край, грань (граница); и производное отъ *чинъ* т. е. рядъ и порядокъ — (*чиню* въ порядокъ привожу, поправляю, начинаю) — *начало*. Самое отвлеченное изъ нихъ *конъ* и *начало* (у другихъ народовъ меньше этихъ словъ). Изъ этихъ словъ произошли понятія власти: *начальникъ*, т. е. дѣлающій, сохраняющій *чинъ* или порядокъ; такой человѣкъ есть *началомъ* того, что называемъ порядкомъ. Правда, что и спутанныя нитки и запутанное дѣло равно приводятъ въ порядокъ

съ концовъ (ordior начинаю, ordo порядокъ). Итакъ *конъ* или начало, принадлежащее къ понятію о *пространствѣ и времени*, такъ тѣсно и неразрывно соединено съ идеею порядка, что нельзя не высказать великой истины — (скажу по-Болгарски): *из-кони бѣ порядокъ, и порядокъ бѣ начало, и начало бѣ у Бога* *). Вотъ

а) Нельзя не замѣтить здѣсь, что простыя и, такъ сказать, голыя слова, смотря по происхожденію, нерѣдко вполнѣ выражаютъ мысль или ученіе народа. Такъ приведенный здѣсь примѣръ содержитъ въ себѣ ту истину, которой нерѣдко и долго добивался бы умъ человѣческій и которую мы знаемъ изъ откровенія. Много можетъ быть примѣровъ въ подтвержденіе сему. Отсюда выходитъ, что полный словарь народнаго языка есть система его *философіи*. Это я называю *Философіей Языка*. Конечно у насъ, Славянъ, нѣтъ поименныхъ Аристотелей, Платоновъ, Зиноновъ, Эмпедокловъ; но что за нужда, у насъ есть огромный словарь: раскрываю его и назидаюсь.

Не всякій языкъ въ равной степени можно назвать философическимъ. Въ этомъ отношеніи можно назвать таковымъ только тотъ, въ которомъ богаче и разнообразнѣе словопроизводство; словопроизводнѣе же тотъ языкъ, въ которомъ меньше всѣхъ корней. Безсмертный Аббатъ *Добровскій* сосчиталъ всѣ корни Славянскаго языка и нашлось съ небольшимъ 1,600. Очень мало! И, не смотря на то, всякаго слова источникъ въ числѣ ихъ. Въ Нѣмецкомъ, столь богатомъ словами, несравненно болѣе корней. Въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ великое множество словъ безъ корней, т. е. одни обломки, или же ихъ корни въ Славянскомъ. Ближе подходитъ къ Славянскому словопроизводность Греческаго. О Французскомъ и Англійскомъ нечего и говорить; все собрано, откуда можно было взять. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Славянскій долженъ быть философичнѣе всѣхъ прочихъ, ибо только полное его и обширное словопроизводство можетъ показать ходъ мыслей Древ-

какимъ образомъ слово перешло съ *конца* въ судопроизводство.

Разныя слова и глаголы произошли отъ *конъ*, сохранившіяся въ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчі-

---

нихъ. Мнѣ часто приходила въ голову дерзкая мысль, что можно въ трехъ или четырехъ томахъ составить, по словарю, *Философскую Систему древнихъ Славянъ*.

Если я приписываю древнимъ Славянамъ высшую мыслительность, то это оправдывается тѣмъ, что они необходимо должны были быть мыслителями по свойству своего языка; или даже можно сказать на оборотъ: языкъ ихъ сдѣлался гибкимъ отъ того, что народъ былъ мыслителенъ.

Доказательствомъ мыслительности служатъ мудрыя изреченія, взятыя изъ общежитія. Эти изреченія суть *пословицы*. Я не знаю ничего о мыслительности Греческаго и Латинскаго народа: *Corpus Adagiorum* или *Sententiae Virorum Clarorum* есть извлеченіе изъ сочиненій ex professo. Англійскія, Нѣмецкія и Французскія пословицы не многочисленны и далеко уступаютъ Славянскимъ. Но за то прошу взглянуть на многочисленность и силу сихъ послѣднихъ. Пословица есть результатъ длиннаго размышленія; и не одна Русская пословица иногда сильнѣе на меня дѣйствуетъ сентенціи Аристотеля или Цицерона.

Но это о цѣлыхъ рѣченіяхъ; а я говорилъ, что даже и одно слово оттѣняетъ нравственную мысль народа. Высоко и справедливо понятіе въ словѣ *начало* (отъ *чинъ*), велико слово *Князь* (*не* отъ *коня*, а отъ *кона*): но такъ ли высоко и благородно выразится Нѣмецъ и Латинецъ? Anfang (отъ fangen схватываю) схватка или principium (или primum *cipium* отъ capio) *первая схватка!* princeps т. е. *первый схватившій!* или у Нѣмцовъ древнихъ *first* т. е. первый или rex (отъ rego править, погонять,) правитель? —

Да не подумаетъ кто-либо, что я это говорю изъ безотчетливой привязанности къ своему племе-

яхъ. У Сербовъ *конацъ* нитка, *концы* нитки, и тоже конецъ, но не часто употребляется: развѣ въ слѣдующемъ выраженіи: *томе нема ни края ни конца;* это нн имѣетъ ни начала ни конца. У Карпато-Россовъ: *конаю* издыхаю; *кананье* послѣднее издыханіе. Поляки: doskonały совершенный, Русскіе (Сѣверяне): *доконать* довести до крайности физически, или доказательствами т. е. убѣдить совершенно. У Чеховъ ukon, konánj и kon дѣйствіе, совершеніе чего-либо, исполненіе (должности) actus, functio, отсюда konawy и wykonny опытный, практическій а). Въ Россіи въ игрѣ въ *городки* или *чужки*, тотъ называется *конъ*, кто начинаетъ. Сверхъ сего *кониться* съ кѣмъ-либо, т. е. мѣряя съ кѣмъ-либо палку отъ конца до конца, узнать кто схватитъ послѣдній или верхній кончикъ. Замѣчательно, что тотъ *начинаетъ*, кто послѣдній кончитъ.

Итакъ *конъ* по-Болгарскому понятію (въ грамотѣ) значитъ *постановленіе*, *сдѣлка*, или какъ говорится *законъ*. Однако *конъ* и *законъ* не есть одно и тоже. Очевидно былъ прежде употребляемъ и глаголъ сложнопроизводный *законаю*, *законяю* (только отсюда *законъ*). *За* въ сложныхъ глаголахъ имѣетъ особенную силу.

ни; я хотѣлъ только обратить на это вниманіе Славянъ, порицателей Славянскаго же племени, которымъ свои предки кажутся грубѣйшими варварами, потому только что сами очень не дальновидны.

а) См. Logika nebo Umnice. Wydaná od *Antonina Marka*, farára na Teyné, auda Cesko-Slovenske Spolecnostj w Uhrich. *W. Praze.* 1820.; т. е. *Логика или Умница. Изд.* Ант. Марекъ, *Пасторъ на Тейнѣ, Членъ Чешско-Словенскаго Общества въ Венгріи.* Въ Прагѣ. 1820.

Поелику *конъ* (начало) есть черта ultra quam non, то *законаю* значитъ отчерчиваю, отстраняю, исключаю; слѣдственно *за* имѣетъ исключительную, воспретительную силу: на пр. *повѣдаю* говорю, велю, *заповѣдаю*, отрицательно велю, или *не* велю; *прещу* — запрещаю. Посему очень естественно десять Божіихъ запрещеній названы *заповѣдями*, ибо почти всѣ состоятъ въ *не*. Итакъ *Заповѣдь* и *Законъ* одно и тоже.

Всякой пойметъ, что вообще постановленія, какъ условія общественнаго существованія, должны быть двухъ противуположныхъ категорій или родовъ, положительнаго и отрицательнаго; положеній *да*, и положеній *да не*, положеній требующихъ существованія или осуществленія, и требующихъ уничтоженія, несуществованія.

Такимъ образомъ на двойственномъ своемъ понятіи *добра* и *зла* Славяне, сообразно съ двойственнымъ характеромъ ихъ миѳологіи, основали два источника своего правовѣдѣнія, своего кодекса, положительный и запретительный. Отсюда ихъ *коны* и *законы*.

Конечно ни одинъ народъ не дѣлалъ подобнаго различія въ постановленіяхъ; у нихъ lex, Gesetz, ois на все; и кажется, въ самомъ дѣлѣ, можно одну и туже вещь выразить и положительно и запретительно, напр. *старыхъ почитать* и *старымъ не оказывать неуваженія*. Нѣтъ; и то и другое будетъ положительно: но сверхъ сего не все можно изъ человѣческихъ постановленій высказать и положительно и запретительно. Много постановленій касаются только

одного запрещенія, напр. *не убей*. Все раздѣляется на *повелѣнія* и *запрещенія*.

Запрещенія, отстраняя зло, дѣлаютъ всѣхъ и всякаго безопаснымъ; *повелѣнія* указываютъ порядокъ, въ коемъ всѣ и всякій долженъ пользоваться, и можетъ быть, еще наслаждаться жизнію. Не тотъ великій наставникъ, кто наговоритъ своему воспитаннику кучу поучительныхъ наставленій (*повелѣній*), но тотъ, кто умно, хотя и вкратцѣ, умѣлъ *запретить*. Творецъ нашъ небесный далъ намъ одни *запретительные* законы (leges divinae), и оставилъ намъ (что непостижимо мудро) на волю уладить между собою свои положительные, и даже измѣнять сообразно характеру, климату, обстоятельствамъ, всякому народу порознь (leges humanae). Онъ ими отвратилъ отъ насъ зло, и этого довольно, чтобы мы были счастливы.

Итакъ (leges humanae) *коны* были собственно внутреннія, правительственныя *постановленія*, а наконецъ и *частныя сдѣлки*, такъ какъ и въ сей грамотѣ сдѣлка купчей называется *кономъ*.

Можетъ быть кто-либо скажетъ, почему же нынѣ Славяне одно слово *законъ* употребляютъ въ обоихъ смыслахъ, и если одно изъ сихъ двухъ словъ должно было остаться въ употребленіи, то почему не сохранилось *конъ*? Что *конъ* буквально сохранилось, мы уже это видѣли; но что слово *законъ* употребительнѣе, причина тому та, что *запрещеніе* простолюдію, да и всякому человѣку ощутительнѣе, нежели *позволеніе*, или какая-либо сдѣлка. Такова природа человѣческая. Впрочемъ *конъ* есть основаніе тому,

что̀ и мы и другіе народы называютъ *правомъ*. Собраніе *коновъ* составляетъ *правду*. И постановленіе наказанія за нарушеніе закона есть *конъ*; и *конъ* и *законъ* есть дѣло *правды* (*даянія права*) т. е. суда.

Посему всякое постановленіе называлось *конига* или короче *книга*. А отсюда простолюдіемъ названъ *конигою* или *книгою* и всякій исписанный лоскутокъ кожи (пергамина), доски, или бумаги; а наконецъ и матеріалъ. Это тоже, что̀ и у Римлянъ tabula, tabella доска, дощечка, и tabella письмо, tabellarius писмоводитель, письмоносецъ, почталіонъ.

И нынѣ Болгаре письмо, и даже всякую исписанную бумажку называютъ *книгою*; а наконецъ слово перешло и на бумагу, которую означаетъ: *чиста книга* и собраніе исписанныхъ листовъ *книга*.

Разумѣется, что съ симъ вмѣстѣ связано неразрывно и лицо законодателя; это слово *Конязь* или *Князь*. Впрочемъ въ моемъ сочиненіи я показалъ, что *Князь* или *Конязь* есть производное прилагательное притяжательнаго смысла, и что, по свойствамъ языка, оно произошло отъ имени кончавшагося на *гъ*: посему *Конягъ*. Я тогда не толковалъ о смыслѣ сего имени, заговоривъ объ ономъ только по поводу слова *Каганъ*. Я полагалъ тогда, и то впрочемъ только мелькомъ, что это имя было собственное вѣроятно лица: но теперь вижу, что оно было самое прямое нарицательное названіе верховнаго повелителя, или лучше сказать, *законодателя*; ибо по смыслу слово *Ко-*

нягъ или *Конягa* (отвага, бродяга, скряга, плутяга, очагъ, врагъ) значитъ законодателя. Теперь можно рѣшительно сказать, что König *Koning* (какъ и *Шелягъ* schilling, *Варягъ* wering) и *Konig*, употребляемое Нѣмцами, есть Славянское слово. Отсюда — то *Конязь*, *Князь*, сынъ *Конягa*.

Юрій Венелинъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 29 го дня 1832 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1832 N 16

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КЮВЬЕ,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ СТАРШИМЪ ДЮПЕНЕМЪ,

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ.

ММ. ГГ.

Велика была мысль соединить въ Академіи Французской всѣ роды литературы; но мысль гораздо величайшая внушила намѣреніе совокупить словесность, изящныя искусства и науки въ одно обширное сообщество и составить изъ нихъ одно учрежденіе. Такимъ образомъ, между умами, воздѣлывающими различныя отрасли познаній человѣческихъ, установилось общее собратство, живой символъ союза, существующаго между всѣми истинами.

Связь сообщества сего наиболѣе укрѣплена счастливымъ способомъ, посредствомъ коего оно возобновляется и продолжаетъ бытіе свое. Въ сей независимой области познаній, въ сей благо-

родной аристократіи наукъ и искусствъ, допущена одна наслѣдственность дарованій; никакая власть не только не опредѣляетъ выбора, ниже руководствуетъ къ оному; здѣсь все поручено рѣшенію мужей, избранныхъ ихъ предшественниками, мужей, кои обязаны титлами своими единственно общему гласу имъ равныхъ.

Здѣсь всякой въ правѣ искать въ другихъ того же, чего въ немъ самомъ искали; ибо честь каждаго члена, равно какъ и всего сословія, требуетъ, чтобъ въ оное включаемъ былъ *достойнѣйшій*. Здѣсь увѣнчавается не знатность породы, не богатство, не многочисленность друзей, но знанія, таланты, характеръ. Здѣсь чтятъ человѣка, а не мѣсто, занимаемое имъ въ обществѣ. Обозрѣвая прошедшее вмѣстѣ съ будущимъ, принимаютъ въ соображеніе, что кандидатъ сдѣлалъ и что еще можетъ сдѣлать; основываютъ на немъ часть надеждъ общества, не только въ отношеніи къ защитѣ правъ его, но преимущественно къ усугубленію его славы и продолженію бытія его. Вотъ почему предпочтительно лестенъ такой выборъ: и первое чувство, которое внушитъ онъ долженъ, есть чувство признательности живой и глубокой. А потому, ММ. ГГ., объявляю торжественно, что изъ всѣхъ титлъ, коими я былъ почтенъ и коихъ обязанности приняты

мною, всегда буду почитать первыми три слѣдующіе: выборъ, коимъ меня удостоили въ Старшины Адвокатовъ, послѣ тридцатилѣтней службы на поприщѣ самомъ благородномъ и независимомъ, выборъ въ депутаты Департамента, гдѣ я родился, и наконецъ выборъ въ члены сей знаменитой Академіи.

Но избраніе Академіи представляетъ еще другую выгоду, кромѣ чести свободнаго выбора; оно становится источникомъ неразрывнаго союза между избранными ею. Сіе посвященіе налагаетъ на нихъ неизгладимую печать твердости, для коей не страшны козни партій и противъ которой покушенія всякой власти безсильны.

Дабы занять мѣсто между знаменитыми литераторами и учеными, достаточно обработывать, съ нѣкоторымъ превосходствомъ, только одну какую-либо отрасль познаній человѣческихъ. Даже кажется, что вообще всякой человѣкъ можетъ отличиться только въ одномъ какомъ-нибудь родѣ, къ которому влечется своими склонностями, способностями и вкусомъ. Природа, слишкомъ бережливая на дары свои, любитъ раздѣлять ихъ между многими и несовмѣщаетъ въ одномъ лицѣ. Бываютъ однако, хотя рѣдко, счастливые смертные, для коихъ она дѣлаетъ блестящія исключенія: и сіи исключенія не мо-

гутъ скрываться отъ членовъ общества, назначеннаго для поддержанія союза между науками, искусствами и словесностью. Если всякой отдѣльный талантъ долженъ стать въ томъ классѣ семейства Академическаго, къ коему принадлежитъ по свойству своего генія: то врата всѣхъ Академій должны быть отверсты необыкновенному смертному, обладающему всѣми дарованіями, кои доставляютъ входъ въ оныя. И такъ, если является превосходный умъ, могущій обнимать почти всѣ науки, умъ, изслѣдовавшій многія изъ нихъ глубоко и съ блистательнымъ успѣхомъ, умъ, который, постигнувъ тайны природы, обладаетъ еще искусствомъ изящно описывать исторію собственныхъ своихъ открытій и открытій учиненныхъ другими и излагать оныя въ живомъ, блестящемъ словѣ; такой умъ не принадлежитъ уже къ одному классу, а ко всѣмъ: всѣ могутъ требовать его, какъ свою собственность!

Таковымъ безъ сомнѣнія, ММ. ГГ., оказался предъ вами Г. Кювье, когда, будучи уже членомъ Академіи Наукъ, удостоился быть причтеннымъ къ числу *сорока* мужей Французской Академіи. Столь богатое наслѣдіе не могло достаться въ удѣлъ одному; его неминуемо надлежало раздѣлить. Я получилъ только часть сего наслѣдія: и вы конечно не пожелаете обременить

меня всѣмъ. Исполненный удивленія къ мужу знаменитому, ума почти всеобъемлющаго, о которомъ мнѣ должно теперь говорить предъ вами, я не берусь изобразить вполнѣ, что онъ былъ и что онъ сдѣлалъ. Только человѣкъ, не способный чувствовать его цѣну, могъ бы возмечтать, что онъ въ тѣсныхъ предѣлахъ рѣчи умѣститъ описаніе жизни, столь исполненной трудовъ и заслугъ?

Г. Кювье родился 1769 года въ Монбельярдѣ. Въ 1784 году, изучалъ онъ, въ знаменитой тогда академической Штутгардской школѣ, философію, математику, права и администрацію. Неосновательно утверждали про него, будто онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлаться богословомъ, несправедливо также, что онъ занимался медициною; онъ изучалъ только анатомію и физіологію, которыя необходимы для познанія естественной исторіи. Къ сей послѣдней наукѣ оказывалъ онъ особенную склонность. Ей посвящалъ уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ все время, которое оставалось ему отъ другихъ занятій! И въ послѣдствіи, никакая общественная обязанность, во все продолженіе жизни великаго мужа, не могла отвлечь его отъ ученія, составлявшаго услажденіе его исполненной трудовъ жизни, ученія, которое въ глазахъ потомства пребудетъ лучшимъ памятникомъ его славы.

Многіе Парижскіе ученые, съ коими онъ переписывался и коимъ сообщалъ свои сочиненія, пригласили его въ сію столицу новѣйшей образованности. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ (въ 1795) онъ наименованъ былъ членомъ Коммиссіи Искусствъ, а вскорѣ потомъ Профессоромъ въ Центральной Школѣ Пантеона, для коего составилъ свое *Первоначальное Начертаніе Исторіи Животныхъ*.

Но особенно желалъ онъ вступить въ Музеумъ Естественной Исторіи, коего богатыя собранія однѣ могли доставить ему возможность привести въ исполненіе его ученыя предпріятія. Желаніе это совершилось: его назначили помощникомъ къ Г. Мертруду, который, получивъ каѳедру *Сравнительной Анатоміи*, не за долго предъ тѣмъ учрежденную, по причинѣ старости своей не могъ предаваться труду, совершенно для него новому.

Съ сей минуты Кювье непрерывно трудился надъ составленіемъ прекрасной анатомической коллекціи, столь извѣстной всей ученой Европѣ, и библіотеки, въ коей произведенія ума соединены и распредѣлены съ такимъ остроуміемъ и тщательностію! Просвѣщенный монархъ намѣренъ оставить сей памятникъ неприкосновеннымъ въ сугубую честь наукѣ и ученому!

Г. Кювье былъ принятъ въ Институтъ съ

первыхъ временъ его образованія (1796). Въ качествѣ Секретаря Академіи Наукъ, въ 1808 году, издалъ онъ свой *Историческій Отчетъ объ Успѣхахъ Естественныхъ Наукъ въ теченіе* 1789 *года.* Сей отчетъ, торжественно поднесенный Императору въ Государственномъ Совѣтѣ, замѣчателенъ не только какъ ученое и литературное произведеніе, но какъ произведеніе патріотическое, достойное своего заключенія, столь сладостнаго для національной нашей гордости, съ коимъ и вся Европа согласна: »Французскіе ученые, во всѣхъ почти отрасляхъ Естественныхъ Наукъ, достойны занимать первое мѣсто въ сей исторіи!«

Читая сію великолѣпную лѣтопись науки, не знаешь, чему болѣе удивляться, старанію ли, съ коимъ авторъ выставляетъ заслуги ученыхъ, коихъ труды разбираетъ, или скромности, съ коею говоритъ о собственныхъ своихъ заслугахъ. Изъ словъ его можно достаточно узнать другихъ: но самъ онъ остался бы въ неизвѣстности, если бы не имѣлъ, кромѣ себя, другаго историка.

Такъ какъ различіе существъ природы составляетъ истинное основаніе Естественной Исторіи, то обширное количество ихъ требуетъ порядочнаго, методическаго распредѣленія, которое бы облегчало память.

Уже было дознано, что, для успѣхенія

подобнаго распредѣленія, необходимо сравнительное изученіе организаціи животныхъ и что основываться на однихъ наружныхъ признакахъ сходства или несходства недостаточно. Но средство сіе было принаровляемо робко и къ нѣкоторымъ только родамъ животныхъ.

Самъ Линней, возведшій до такой высокой степени искуство распредѣленія, собралъ безъ порядка въ одной и той же категоріи, подъ общимъ именемъ червей, всѣхъ животныхъ безпозвоночныхъ. Казалось, что въ области животныхъ это былъ какой-то презрѣнный классъ, не достойный чести имѣть собственное имя. Даже многіе натуралисты, въ пренебреженіи своемъ, называли ихъ просто *низшими животными*.

Г. Кювье принялъ подъ свое покровительство сію покинутую область природы; наблюдая съ особенною подробностію голыхъ моллюсковъ, онъ доказалъ, что ихъ организація столь же сложна и чудесна, какъ организація человѣка и другихъ совершеннѣйшихъ животныхъ. Ему удалось такимъ образомъ составить новый способъ классификаціи, гдѣ твари распредѣлены по ихъ истиннымъ отношеніямъ, т. е. по степенямъ сходства или различія, проистекающаго изъ ихъ организаціи.

Это былъ, можно сказать, только опытъ, малая часть того огромнаго и великолѣпнаго зда-

нія, которое воздвигнуть онъ намѣревался. Вскорѣ, изслѣдовавъ анатомически всѣ классы животныхъ, издалъ онъ *Уроки Сравнительной Анатоміи*, первое общее о сей наукѣ сочиненіе.

Цѣль онаго состоитъ въ томъ, чтобы сравнить анатомически всѣхъ животныхъ, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ, разсмотрѣть послѣдовательно, во всемъ ряду твореній, каждый органъ, дабы опредѣлить назначеніе сихъ органовъ, ихъ взаимныя отношенія и отношенія каждаго животнаго ко всѣмъ другимъ. Такъ, на примѣръ, Г. Кювье, сравнивъ мозги разныхъ классовъ, показалъ отношенія ихъ болѣе или менѣе совершенной формы съ степенью разумѣнія животныхъ и даже съ нѣкоторыми свойственными имъ привычками.

Сколько нужно было, для достиженія къ симъ демонстраціямъ, наблюденій и анатомическихъ разъятій, многочисленные рисунки коихъ сдѣланы отчасти самимъ Г. Кювье, ибо онъ въ высшей степени обладалъ искуствомъ рисованья! Огромность сего творенія и вліяніе на успѣхи науки ставятъ оное на ряду съ первѣйшими сочиненіями новѣйшихъ временъ.

Приложеніе Сравнительной Анатоміи къ различенію живыхъ существъ вскорѣ открыло Г. Кювье, что между органами ихъ существуетъ соотношеніе формъ, столь отличитель-

ное, что, разсмотрѣвъ устройство одной какой либо части животнаго, можно опредѣлить общее свойство и строеніе онаго. Слѣдуя сей методѣ, имъ изобрѣтенной, можно по разсмотрѣніи одного зуба, одной кости какого либо члена, даже одной грани кости, опредѣлить не только разрядъ, но самый классъ и родъ, часто даже видъ животнаго, коему принадлежалъ сей обломокъ. Причина сего очень проста: всѣ органы одного и тогоже животнаго составляютъ одну систему, коей всѣ части связаны взаимнымъ дѣйствіемъ, и перемѣнъ въ одной изъ нихъ не можетъ быть безъ того, чтобъ оныя не оказывались въ другихъ.

Открывъ сіе начало, Г. Кювье приложилъ оное съ блистательнымъ успѣхомъ къ изученію костей, часто изломанныхъ, отдѣльно находимыхъ во внутренности земли. Въ короткое время сочиненіемъ своимъ *объ Ископаемыхъ Костяхъ*, возвалъ онъ къ жизни великое множество породъ, изъ коихъ ни одного отдѣльнаго существа не находится въ живыхъ на поверхности земнаго шара, и вывелъ заключеніе, что чѣмъ древнѣе образованіе слоевъ, въ коихъ сіи кости находятся, тѣмъ болѣе животныя, коимъ онѣ принадлежали, различествуютъ отъ нынѣ существующихъ.

Такимъ образомъ Сравнительная Анатомія не только озарила новымъ блескомъ зоологію, до-

ставивъ ей твердыя основанія для различенія породъ, образованія родовъ, семействъ и классовъ, но даже пролила яркій свѣтъ и на геологію, науку, доставляющую свѣденія о порядкѣ и расположеніи различныхъ веществъ, кору нашего земнаго шара составляющихъ. Благодаря трудамъ Г. Кювье, остатки ископаемыхъ животныхъ сдѣлались какъ бы медалями, свидѣтельствующими объ относительной древности слоевъ, ихъ покрывающихъ: онѣ указываютъ эпохи, въ которыя природа производила разныя дѣйствія для образованія нашей почвы; онѣ показываютъ такъ сказать хронологическую таблицу перемѣнъ, приведшихъ землю въ то положеніе, въ которомъ мы оную теперь видимъ.

Во времена Галилея, обнародованіе такихъ открытій неминуемо ввергло бы проповѣдника ихъ въ темницу. Если въ то время считали достойнымъ наказанія преступленіемъ утверждать, что земля вертится: то не менѣе виновнымъ показался бы тотъ, кто нѣкоторымъ образомъ пополнялъ твореніе, нашедши слѣды животныхъ, коихъ породы уже не существуютъ на землѣ и которыя какъ будто не нашли себѣ убѣжища въ ковчегѣ. Но Кювье, по примѣру Галилея, съ тою же благородною твердостію, воскликнулъ бы: *однакожъ они существовали!* Онъ имѣлъ бы все мужество, внушаемое убѣжденіемъ!

Метода Г. Кювье была одинакова съ методами Аристотеля, Бакона, Нютона; она основывалась на наблюденіи и опытѣ.

По его мнѣнію, общія формулы должны произтекать изъ сближенія фактовъ, вѣрно наблюденныхъ и разпредѣленныхъ на основаніи общихъ законовъ. Онѣ должны быть логическимъ выводомъ сихъ фактовъ, обобщенною опытностью, а не, подверженнымъ сомнѣнію, гадательнымъ приложеніемъ началъ совершенно отвлеченныхъ. Однакожъ онъ не отвергалъ, подобно нѣкоторымъ поверхностнымъ умамъ, всѣхъ систематическихъ теорій; а былъ увѣренъ, что на пути наблюденій онѣ весьма часто приводятъ къ заблужденію. И въ самомъ дѣлѣ, хотя сіи теоріи руководствуютъ иногда къ открытію важныхъ фактовъ или неизвѣстныхъ истинъ, но часто вредятъ наукѣ, приучая умъ видѣть, изучать, допускать изъ сихъ фактовъ только тѣ, кои служатъ къ подтвержденію системы, и отвергать, утаивать, даже отрицать все то, что противорѣчитъ предварительно составленной теоріи.

Труды, прославившіе Г. Кювье, требовали обширной памяти: и онъ обладалъ ею. Въ умѣ его всегда были готовы не только многія тысячи родовыхъ и видовыхъ именъ животныхъ всякаго рода, но даже имена и генеалогія, гораз-

до многосложнѣйшая, всѣхъ знатныхъ фамиліи Европы древней и новой; и, что можно уже назвать восточной роскошью, онъ также зналъ, столь мало достойныя памяти, имена и династіи государей всѣхъ мѣлкихъ Азіатскихъ державъ. Память сего, можетъ быть, величайшаго ученаго въ Европѣ, удерживала все; она сохраняла даже любопытные анекдоты съ собственными именами, даже текстъ сатиръ, эпиграммъ и куплетовъ, сохраняющихся въ исторіи.

Ни что не могло сравниться съ легкостію занятій Г. Кювье. Помѣшать ему трудиться значило только похитить нѣкоторую часть его времени. Отдѣлавшись отъ посѣтителей (безъ нетерпѣнія), онъ снова принимался за перо и продолжалъ фразу, какъ будто ему ничто не мѣшало. Вотъ чѣмъ объясняется тайна, что онъ успѣвалъ исполнять столько обязанностей, заниматься столькими предметами, трудиться такъ много и замѣнять собою нѣсколько человѣкъ.

Г. Кювье состоялъ въ должности Секретаря Института, когда Первый Консулъ былъ избранъ въ его Президенты. Непосредственныя сношенія, учредившіяся между ими, обнаружили предъ Главою Правительства всѣ способности ученаго его сотоварища. Въ 1802 году, когда Наполеонъ вознамѣрился преобразовать народное просвѣщеніе во Франціи, включилъ онъ

Г. Кювье въ число Генерал-Инспекторовъ, опредѣленныхъ для учрежденія Лицеевъ въ тридцати главныхъ городахъ Франціи. Въ послѣдствіи, когда Г. Кювье сдѣланъ былъ Совѣтникомъ Университета, кругъ дѣйствій его распространился и на завоеванныя земли. Изъ сношеній его съ Гроссмейстеромъ Народнаго Просвѣщенія въ Голландіи и въ частяхъ Германіи и Италіи, присоединенныхъ къ Имперіи, явствуетъ, сколь велики и обширны были идеи его о просвѣщеніи и наукахъ. Въ нихъ развита вполнѣ мысль, заключающая его рапортъ *объ Успѣхахъ Естественныхъ Наукъ:* »Вести умъ человѣческій къ благородному его назначенію, къ познанію истины; распространять здравыя понятія даже въ самыхъ низшихъ классахъ народа; освобождать человѣчество отъ ига предразсудковъ и страстей; учинить разсудокъ верховнымъ судіей и путеводителемъ общественнаго мнѣнія: вотъ существенная цѣль наукъ, вотъ какимъ образомъ онѣ содѣйствуютъ ускоренію образованности, вотъ чѣмъ заслуживаютъ попеченіе правительствъ, желающихъ сдѣлать власть свою непоколебимою, основывая оную на общемъ благѣ!«

Соединяя теорію съ практикою, Г. Кювье и самъ съ большимъ успѣхомъ читалъ лекціи. Онъ училъ и въ Центральной Школѣ Пантеона и въ Музеумѣ Естественной Исторіи и въ Лицеѣ

и во Французской Коллегіи, училъ всегда при многочисленномъ стеченіи слушателей. Между сими послѣдними, замѣчалъ онъ всегда съ удовольствіемъ молодыхъ людей, подававшихъ хорошія надежды; присвоивалъ ихъ такъ сказать себѣ, снабжалъ совѣтами, ободрялъ первые успѣхи ихъ; даже многіе только въ благотворительности его находили способы окончить свое ученіе. Лекціи его не были заранѣе писаны: онъ импровизировалъ ихъ съ удивительною ясностію, чистотою и даже изяществомъ.

Съ какой высокой точки смотрѣлъ онъ на Естественныя Науки, можно видѣть изъ рапорта его Императору, ежегодныхъ разборовъ трудамъ Академіи Наукъ и даже похвальныхъ его рѣчей, особенно замѣчательныхъ по точности и ясности, съ коими онъ понятно для всѣхъ излагалъ сущность открытій самыхъ трудныхъ и рѣшеніе проблемъ самыхъ сложныхъ. Какъ непринужденно умѣлъ онъ, среди важнаго описанія трудовъ самыхъ отвлеченныхъ, бросить характеристическую черту, довершающую своею оригинальностію портретъ человѣка, о коемъ говорилъ, и извлекающую улыбку у слушателя самаго суроваго!

Весьма жалко, что не записаны лекціи, читанныя имъ въ Коллегіи Французской объ *Исторіи Естественныхъ Наукъ*, надъ коей онъ трудился тридцать лѣтъ! За нѣсколько дней

передъ кончиною своею, (8 Мая), читалъ онъ послѣднюю лекцію и обѣщалъ снова вскорѣ начать, *если силы дозволятъ!*.. Увы! на самомъ поприщѣ своихъ блистательныхъ успѣховъ, сей голосъ толико могущественной, сія мысль толико богатая предувѣдомлена была тайнымъ предчувствіемъ, что скоро должна угаснуть!

Черезъ три дни послѣ того сдѣлался онъ вдругъ боленъ; его знанія открыли ему всю опасность, не взирая на легкость первыхъ признаковъ и убѣжденія врачей, которые не находили болѣзни его смертельною, или, по крайней мѣрѣ, старались его въ томъ увѣрить. Онъ одинъ не обманывался. »Я анатомистъ!« говорилъ онъ: »я самъ анатомистъ!« и, изъяснивъ ученымъ образомъ причину своей болѣзни, доказалъ равнодушно, что искусство не можетъ уже помочь ему. Онъ разговаривалъ объ участи своей также хладнокровно, какъ о всякомъ другомъ предметѣ. Четыре дня ожидалъ онъ смерти: и въ теченіе сего времени, безъ сомнѣнія очень долгаго для того, кто долженъ умереть, не потерялъ ни на минуту своего спокойствія и даже веселости. Высокія умственныя способности сдѣлали изъ него въ высшей степени философа: онъ оказалъ болѣе, чѣмъ простую преданность святой волѣ Провидѣнія; онъ покорился ей безъ усилія.

Во второй день болѣзни своей, простился

онъ въ послѣдній разъ съ семействомъ своимъ, не произнося однакожъ убійственнаго слова: *прости*! Владѣя собой, онъ умѣрялъ чувствованія свои и слова, опасаясь слишкомъ сильно тронуть тѣхъ, коими былъ окруженъ. Много разъ говорилъ онъ, что ему хотѣлось бы прожить столько еще, сколько нужно для окончанія сочиненій его, уже въ печать поступившихъ, и совершенія тѣхъ, для которыхъ въ теченіе многотрудной жизни собралъ безчисленные матеріалы. Но говорилъ сіе безъ сожалѣнія, безъ горькихъ жалобъ на свой жребій. Такъ Лавуазье, въ послѣдній часъ свой, просилъ, какъ милости, не пощады, а того, чтобъ казнь его отсрочили только на время, нужное для окончанія важнаго химическаго опыта, долженствовавшаго имѣть спасительныя слѣдствія для человѣчества.

Не за долго предъ кончиною, въ тотъ самый вечеръ, когда его не стало, былъ онъ въ усыпленіи и, пробудившись, сказалъ нѣсколько словъ о странныхъ снахъ, имъ видѣнныхъ. Сіи слова, произнесенныя съ улыбкою, доказывали, что онъ сохранялъ все присутствіе разума. Черезъ полчаса послѣ того, взглянувъ выразительно на брата своего, сказалъ ему: »голова моя приходитъ въ замѣшательство.« Голосъ его и взглядъ выражали: *все кончено!* Черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

И такъ Г. Кювье до послѣдняго часа жизни

имѣлъ счастіе сохранить свои умственныя способности!.. Онъ узналъ минуту, когда умъ его сталъ приходить въ помѣшательство, и былъ увѣренъ, что кончитъ жизнь вмѣстѣ съ потерею понятія. Не правда ли, ММ. ГГ. что сію смерть можно сравнить съ смертію славнѣйшихъ мужей древности!

Довольнобъ было и сей потери для Франціи! Но въ тоже почти мгновеніе, умиралъ другой гражданинъ, не менѣе знаменитый, столь же мужественно встрѣтившій смерть, которому предопредѣлено было оказать всю твердость характера своего на поприщѣ политическомъ! Этотъ гражданинъ Казимиръ Перье, другъ отечества и законовъ, врагъ ужасавшихся его партій, коимъ за ненависть, къ нему питаемую, ежедневно отмщаетъ всенародная признательность! Къ кому можно лучше примѣнить сіи слова древняго поэта: »онъ присутствіемъ своимъ раздражаетъ и жжетъ: ему отдадутъ справедливость... отдадутъ... когда его не будетъ!«

»Urit... praesens; extinctus amabitur idem!«

Простите мнѣ ММ. ГГ. сію невольную дань, вынуждаемую сближеніемъ двухъ потерь, въ одинъ день претерпѣнныхъ науками и отечествомъ! Возвратимся къ трудамъ Академика.

Г. Кювье блисталъ предъ вами, какъ уче-

ный, какъ писатель, какъ профессоръ: могу прибавить еще, и какъ человѣкъ государственный. Онъ оставилъ замѣтную пустоту въ Государственномъ Совѣтѣ, съ тѣхъ поръ какъ изъ него удалился.

Тоже самое будетъ со всѣми мѣстами, которыя занималъ этотъ необыкновенный человѣкъ. Нигдѣ нельзя будетъ замѣнить его!

И такъ къ чему послужитъ мнѣ разборъ его жизни? Только къ усугубленію удивленія, что я призванъ занять его мѣсто!

Знаю, что, по счастію, другая Академія имѣетъ право на большую часть его славы: но могу ли даже въ литературномъ отношеніи выдержать соперничество съ тѣмъ, кто на поприщѣ, представляющемъ столько трудностей и препятствій для красоты слога, часто равнялся и нерѣдко превосходилъ своихъ предшественниковъ, не исключая самаго Фонтенеля, столь прославившагося похвальными рѣчами, и показалъ въ себѣ совершеннѣйшій образецъ того, что называется академическимъ родомъ?

Скажутъ безъ сомнѣнія, что Г. Кювье, свободно и краснорѣчиво изъяснявшійся предъ публикою, не былъ однакожъ ораторомъ въ собственномъ значеніи слова. Правда, въ сочиненіяхъ его не видно движеній живыхъ и страстныхъ, коими отличается высшее краснорѣчіе; но сіе воспрещалъ ему здравый вкусъ. Впрочемъ его

слогъ блисталъ всѣми красотами, которыя онъ долженъ имѣть: особенно тѣмъ совершеннымъ приличіемъ предмету, которое составляетъ, можно сказать, первое и главнѣйшее условіе истиннаго краснорѣчія, требуемое отъ оратора.

И если бы изъ всѣхъ, занимающихся литературою, надлежало избирать совершеннаго оратора, то кто, господа, удостоился бы чести принадлежать къ вашему сообществу?

Славнѣйшій образецъ краснорѣчія у древнихъ, наиболѣе приближавшійся къ совершенству, объявлялъ, что онъ тщетно искалъ такого оратора, какимъ создалъ его въ своемъ воображеніи.

Но между тѣмъ сей высокій геній утѣшалъ себя тѣмъ, что, въ великихъ предметахъ, если нельзя достигнуть совершенства, то должно по крайней мѣрѣ довольствоваться усиліями, которыя приближаютъ къ нему.

Да и отъ чего краснорѣчіе судебное было какъ будто забыто Академіею? Весьма не многіе адвокаты были допущены въ составъ ея, послѣ Патрю а), столь замѣчательнаго чистотою слога, сравнительно съ вѣкомъ, въ коемъ онъ жилъ, и вкусомъ, который былъ тогда весьма рѣдокъ, особенно въ судебныхъ мѣстахъ. Я думаю, что виною тому было прежнее правленіе, при которомъ

а) Только три: Барбье д'Анкуръ, Тарже и Лакретель Старшій.

только духовное краснорѣчіе было свободно; судебному же оставались однѣ мѣлочныя тяжбы, о которыхъ Цицеронъ отзывался съ такимъ пренебреженіемъ. Трибуналы, лишенные лучшей части своего достоянія, не были назначаемы для свободнаго защищенія обвиненныхъ, которые судились тогда не всенародно и безъ пособія защитниковъ, судились часто особенными комиссарами и не рѣдко были задушаемы среди двухъ стѣнъ! Съ возвращеніемъ естественной самостоятельности судопроизводству, возвращено достоинство краснорѣчію. Сей эгиды требовали всѣ партіи, одна за другою бывшія побѣдоносными и побѣжденными! Французское судебное краснорѣчіе отличилось тѣмъ, что защищало всѣхъ и пріобрѣло чистѣйшую славу. Несправедливо, ММ. ГГ. утверждать, что въ ту гибельную эпоху, которая конечно никогда уже не возвратится къ намъ, Французская честь находилась только въ лагеряхъ! Она присутствовала равно въ тѣхъ мужахъ, кои столь же неустрашимо, хотя безъ оружія, осмѣливались оказывать защиту жертвамъ, предъ лицемъ палачей!

Въ послѣдствіи великія задачи общественнаго права предстали на рѣшеніе трибуналовъ и доставили такимъ образомъ новѣйшему судебному краснорѣчію поприще, столь же обширное и возвышенное, какъ оно было у древнихъ.

Между писателями и законоискусниками скоро учредился благородный союзъ, въ слѣдствіе обвиненій, коимъ, при свободѣ печатанія, такъ часто подвергались первые. Витійство, принявъ съ дружелюбіемъ подъ защиту свою литературу, долженствовало сблизить Академію съ послѣдователями Патрю. Можетъ быть и я сему чувству благоволенія обязанъ избраніемъ моимъ; вы восхотѣли наградить, по крайней мѣрѣ, мое усердіе и преданность.

Наша трибюна имѣла также свои превратности, какъ и судопроизводство. Здѣсь ММ. ГГ. я прошу у васъ дозволенія изложить нѣкоторыя общія понятія о семъ особенномъ родѣ краснорѣчія, о краснорѣчіи преній, которое у насъ современно эпохѣ нашихъ народныхъ собраній.

Есть краснорѣчіе письменное, обработываемое на свободѣ въ тишинѣ кабинета. Патріотизмъ внушаетъ оное и воспламеняетъ, философія управляетъ имъ, размышленіе назначаетъ ему мѣру, а очищается оно въ горнилѣ вкуса. Сіи ученыя рѣчи, приготовленныя искусствомъ, проливаютъ яркій свѣтъ въ лабиринтъ преній: никакая импровизація не можетъ сравниться съ ихъ ученой конструкціей, разчисленнымъ сцѣпленіемъ доказательствъ, основательностію выводовъ. Справедливо, что сей великій трудъ надлежитъ поставить на первомъ мѣстѣ.

Но не менѣе должно отдавать справедливость, даже въ литературномъ отношеніи, рѣчамъ, произносимымъ безъ приготовленія. Сколько достоинства и опасности находится въ положеніи общественныхъ людей, кои, въ избыткѣ ревности, видя только потребность дѣлъ, слѣдуя единственно стремительнымъ порывамъ сердца, движимаго выгодами отечества, летятъ въ сраженіе, не имѣя времени очистить свое оружіе! О, конечно, если обращать вниманіе только на слогъ, то сіи импровизированныя рѣчи дурно бываютъ написаны: ибо онѣ и не пишутся никогда. Но такъ ли должно судить объ нихъ?

Въ сочиненіи чисто литературномъ недостатки не могутъ быть извинены поспѣшностію. Кто принуждалъ издавать его? Но когда обсуживаются важнѣйшія выгоды общества, когда дерзновенныя уста предлагаютъ гибельныя мѣры, когда пагубныя страсти, искусно возбужденныя, начинаютъ превозмогать, тогда ГГ. ММ. время много значитъ. Тогда надобно извинить тѣхъ, кои, предоставленные однимъ себѣ, долженствуя рѣшиться въ туже минуту и вмѣстѣ будучи обязаны воздерживать свои страсти, пускаются въ сіе мятежное море, не обращая вниманія, дурно или хорошо говорить будутъ: ибо когда въ сей области кипящихъ

страстей возстанетъ буря, то для сопротивленія ей должно съ величайшей поспѣшностью хвататься за трезубецъ!

Читая подобную, внезапно излившуюся и часто не вполнѣ записанную рѣчь, вы въ составленіи ея тщетно будете искать симметріи, согласной съ правилами искусства... изобрѣтенія... расположенія... слога... на это нужно время! Но въ это время, вопросъ, важнѣйшій для жизни получилъ бы превратное рѣшеніе; и рѣчь, какъ второе изданіе Цицероновой *за Милона*, поспѣла бы тогда, когда дѣло уже проиграно.

Такъ, при непредвидѣнномъ нападеніи на худо стрегомый лагерь, первый, замѣтившій опасность, съ крикомъ схватившись за оружіе, бросается противъ непріятеля, другіе слѣдуютъ за нимъ, толпятся и симъ безпорядочныхъ сопротивленіемъ доставляютъ арміи время приготовиться къ бою.

Обратимся воспоминаніемъ къ великимъ примѣрамъ! Не доказали ли славнѣйшіе политическіе наши ораторы, Мирабо, Барнавъ, де Серръ, Генералъ Фуа, что тотъ, кто въ сихъ жаркихъ схваткахъ предается всѣмъ случайностямъ импровизаціи, находитъ часто въ самомъ замѣшательствѣ положенія своего неожиданныя пособія!

Если онъ хорошо знаетъ предметъ, о коемъ идетъ дѣло, если одушевляется сильнымъ чув-

ствомъ, если совѣсть его ободряетъ, то хотя онъ говоритъ безъ приготовленія, хотя восклицанія, часто совершенно безразсудныя, препятствуютъ ему развить вполнѣ мысль свою, хотя всѣ способности его находятся такъ сказать въ состояніи пытки: онъ найдетъ обороты, выраженія, порывы, которые никогда не выльются изъ устъ человѣка, менѣе одушевленнаго. То, что теряетъ въ такихъ случаяхъ витія относительно слога и красоты расположенія, то дополнитъ онъ ораторскимъ дѣйствіемъ, коему древніе приписывали столь много силы. Въ рукѣ его нѣтъ тетради; взоръ его не обращенъ на письмо; этимъ взоромъ поражаетъ онъ окружающихъ его; умъ не колеблется на зыбкихъ нитяхъ памяти; свободный, какъ Нумидійскій наѣздникъ, несущійся безъ сѣдла и узды къ врагу своему, ораторъ нападаетъ смѣло на слушателей; въ его власти сократить или разпространить рѣчь свою, быстро пробѣжать то, что начинаетъ производить непріятное впечатлѣніе, разпространиться о томъ, что привлекаетъ вниманіе; и если онъ истинно вдохновенъ, то успѣхъ всегда будетъ его наградою! Тогда обнаруживается то электрическое сочувствіе слушателей съ ораторомъ, которое возвѣщаетъ ему, что онъ завоевалъ голоса и что большинство обращается на его сторону.

Во всякомъ случаѣ, ММ. ГГ. воздадимъ чистѣйшую дань удивленія симъ привиллегированнымъ смертнымъ, коихъ небо изрѣдка, въ теченіе вѣковъ, посылаетъ на землю; которые чрезъ многія столѣтія по смерти своей услаждаютъ еще читателей, какъ они восхищали нѣкогда слушателей. Въ ожиданіи возвращанія сихъ чудесъ витійства, не престанемъ изучать образцы, до коихъ мы достигнуть не можемъ: благоговѣя къ нимъ, послѣдуемъ за ними хотя издали и ободримъ нѣкоторымъ снизхожденіемъ искусство столь трудное и имѣющее такое вліяніе—на жребій цѣлыхъ государствъ!

Но симъ могуществомъ слова должна управлять мудрость на основаніяхъ чистой совѣсти. Если ораторъ честный человѣкъ, то въ рѣчахъ его будетъ заключаться столько же нравственности, сколько въ самомъ поведеніи; онъ равно не захочетъ утверждать худое правило, какъ учинить несправедливое дѣло.

Такова цѣль литтературы, таково благородное назначеніе тѣхъ, кои предаются служенію ея! Говорить, писать, печатать: вотъ три дѣйствія, для коихъ должна быть одна и та же цѣль: истина, правосудіе, здравый разсудокъ! Тисненіе и слово, могущественные органы всего, что мысль человѣческая имѣетъ благороднѣйшаго и возвышеннѣйшаго, не только не должны противорѣчить здравому смы-

слу и вкусу, но обязаны подвергнуться благодѣтельному вліянію того и другаго.

Сіе направленіе, которое необходимо дать умамъ, можетъ быть съ успѣхомъ произведено Академіями.

Академіи могутъ, при возрожденіи литературы, покровительствовать ея младенчество, облегчать развитіе; въ послѣдствіи же онѣ могутъ предупредить и отдалить эпоху ея паденія; во всякое время обязаны онѣ доставлять мудрые уроки и прекрасные примѣры.

И такъ, противопоставимъ во всякомъ родѣ сочиненій, усиліямъ безсмысленнаго, страннаго вкуса, не могущаго приобрѣсти у насъ народности по причинѣ нѣжной разборчивости нашихъ нравовъ, тѣ превосходныя творенія, коихъ вѣчный типъ всегда находится въ изученіи природы и истины. Это правило есть самое вѣрнѣйшее: оно не старѣется, оно не противоположно успѣхамъ литературы, оно есть неизчерпаемый источникъ прекраснаго. Пойдемъ смѣло по сему пути и дерзнемъ даже въ наши времена надѣяться, что новая эра славы возблистаетъ для литературы и изящныхъ искусствъ!

Когда независимость, первое условіе ихъ процвѣтанія, находилась на высшей степени? Въ какое царствованіе можно было надѣяться болѣе на ея продолжительность, если мы сами не разрушимъ творенія собственныхъ нашихъ рукъ?

Здѣсь похвала не есть, какъ прежде бывало, оффиціальная обязанность, ничто не вынуждаетъ словъ моихъ: я говорю торжественно то, что истинное чувство мнѣ внушаетъ. Какихъ поощреній не могутъ ожидать литтераторы, ученые и художники, отъ государя, который среди изгнанія самъ искалъ утѣшенія въ наукахъ, который въ отправленіи скромныхъ обязанностей профессора находилъ личныя пособія, предохранившія отъ униженія его патріотизмъ и благородную гордость? государя просвѣщеннаго, знающаго всѣ Европейскіе языки, который могъ бы съ каждымъ посланникомъ объясняться на природномъ его языкѣ, если бы не предпочиталъ языка Французскаго! государя, обладающаго могущественнымъ даромъ слова, хладнокровно витійствующаго среди величайшихъ опасностей?

Людовикъ Филиппъ, коего выгоды столь тѣсно связаны съ выгодами націи, будетъ покровителемъ искусствъ и наукъ, равно какъ защитникомъ чести и независимости государственной. Онъ другъ общественнаго воспитанія, ибо ему ввѣрилъ дѣтей своихъ, на которыхъ отечество возлагаетъ по немъ свою надежду; онъ не пренебрежетъ никакимъ средствомъ распространить познанія человѣческія, озарить свѣтомъ наукъ своихъ согражданъ, дабы сдѣлать ихъ лучшими и счастливѣйшими. Какая будущность,

ММ! ГГ! Намъ остается только искренно и съ довѣренностію предаться ей!

Отъ націи, какова наша—исполненной пламенныхъ чувствованій и энтузіазма—которая въ привиллегіяхъ ненавидитъ только препятствія, полагаемыя ими равному развитію способностей каждаго, для которой слава — необходимость, посредственность — лютѣйшая казнь—отъ такой націи чего нельзя ожидать, если дано будетъ должное направленіе толикому множеству благородныхъ и высокихъ мыслей, кипящихъ во всѣхъ умахъ! Если юношество Французское, столь нетерпѣливо желающее вступить въ соперничество съ тѣми, кои упредили его лѣтами и опытностію, постигнетъ, что не буйство, его недостойное, но образованность, трудъ, постоянство и достоинство характера, суть орудія, коими должны бороться съ совмѣстниками: то какихъ новыхъ чудесъ не возникнетъ изъ сего общаго стремленія всѣхъ желаній къ одной и той же цѣли? Тогда родится правильное и мирное развитіе общественныхъ улучшеній, усовершенствованіе всѣхъ искусствъ, способствующихъ счастію человѣка и усугубляющихъ благодѣянія образованности!

30 Августа, 1832.

II.

ТРИ ВѢКА.

Преданье есть: въ минувши вѣки,
Тамъ, при сліяньи дивныхъ рѣкъ,
Сошли на землю человѣки...
И былъ тогда прекрасный вѣкъ!
Какъ царь земли былъ здѣсь свободенъ,
И тѣломъ бодръ и чистъ умомъ,
И сердцемъ добръ и благороденъ,
Съ открытымъ взоромъ и челомъ!

Былъ вѣкъ другой: умовъ волненье,
Въ сердцахъ страстей мятежный жаръ,
Вражда, корысть и изступленье —
Раздули гибельный пожаръ.
Здѣсь человѣкъ упрапилъ волю,
Одряхлъ и тѣломъ и умомъ —
И шелъ по жизненному полю
Пóникнувъ взоромъ и челомъ!

Но въ третій вѣкъ прошла невзгода,
Затихла буря, свѣтъ проникъ:
И процвѣла опять природа,
И лучшій міръ опять возникъ.
И въ этотъ вѣкъ земную долю
Холодный опытъ намъ открылъ,
И гордый умъ и сердца волю
Законамъ вѣчнымъ подчинилъ!

Л. Якубовичъ.

III.

ЕЩЕ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВѢСТИ:

ДАВИДЪ ЯКУНОВИЧЪ КРУШИНА.

ГЛАВА VI.

Отдайте мнѣ мою свободу,
Отдайте край отцевъ,
Отчизны выоги, непогоды!
(Батюш.)

Два дни прошло послѣ жестокой битвы Раковорской. Солнце уже закатилось; на небѣ тихо плыли облака, озлащенныя зарею; и деревья, обремененныя снѣгомъ, покрылись розовымъ отблескомъ. Едва замѣтная луна выглядывала изъ за вершины лѣса и, кажется, искала своего зеркала, которое она въ лѣтнюю ночь пересѣкала золотою тропинкою; но озеро стояло недвижно въ ледяныхъ оковахъ, окруженное печальными соснами и изсохшимъ тростникомъ, который съ шелестомъ качался отъ дуновенія вѣтра. На возвышенномъ берегѣ низкая хижина, покрытая соломою; она едва отличалась отъ снѣга только дымомъ, который изъ отдушины клубился въ многоразличныхъ отливахъ; длинныя, ледяныя сосульки, висѣвшія у кровли, со звономъ ломались отъ вѣтра.

Кругомъ не видно дороги и, кажется, жилище сіе незнакомо проѣзжему: только индѣ въ глубокомъ снѣгу отпечатаны слѣды волковъ, единственныхъ сосѣдей пустынника, кои въ глухую полночь воемъ своимъ наполняютъ окрестности. Низкій плетень, покрытый сучьями, окружалъ хижину и служилъ ей ненадежною защитою отъ рѣзкихъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Внутренность избы соотвѣтствовала ея наружному виду: она вся закоптѣла въ уголь и раздѣлялась на двѣ половины невысокою перегородкою изъ кольевъ, переплетенныхъ ивовыми сучьями; за сею перегородкой тощая лошадь жевала полусогнившее сѣно и коза лежала на соломѣ. Посреди передняго отдѣленія куча камней, служащихъ вмѣсто печи, на коихъ курился валежникъ и наполнялъ избу чернымъ дымомъ. Въ углу не стоитъ святой образъ и не теплится лампадка: видно, что хозяинъ не Русской. По стѣнамъ висятъ: старый лукъ, ножъ большой и короткое копье — орудія, служащія единственною защитою отъ хищныхъ звѣрей, а можетъ быть и отъ наѣздниковъ. У порога кожи медвѣдей и волковъ, индѣ птицы висятъ на гвоздяхъ. Въ переднемъ углу можно замѣтить изъ за мѣховъ деревянную голову грубо-изваяннаго кумира, въ рукахъ котораго была мѣдная чаша, прочія же части были тщательно завѣшены. Передъ огнемъ доска, положен-

ная на двухъ камняхъ и служащая вмѣсто скамейки; на ней сидѣлъ старикъ, подобіе мертвеца; синее пламя тускло обрисовывало лице его и придавало ему цвѣтъ свинцовый; передняя часть головы была совершенно обнажена, другую покрывали длинные, бѣлые волосы, подобные снѣгамъ, среди коихъ онъ живетъ; нависнувшія сѣрыя брови закрывали узкіе, быстрые глаза его; вообще наружность его являла человѣка убитаго горестію; морщины, покрывавшія лице, казались еще глубже при свѣтѣ огня. Самая одежда его была отлична отъ прочихъ Эстонцевъ: кафтанъ, или кожуха, обшитая волчьимъ мѣхомъ, опоясанъ и перекрещенъ былъ ремнями, на коихъ висѣли кольца желѣзныя, гвозди и крючья, звенѣвшія при малѣйшемъ движеніи старика. То былъ послѣдній Вайделотъ а) Эстонскій, одинъ избѣгшій Ливонскаго меча, оплакивающій конечное истребленіе боговъ своихъ.

Впереди, на связкѣ соломы видѣнъ другой человѣкъ, покрытый медвѣжьимъ мѣхомъ; бархатное полукафтанье и скарлатный опашень, висѣвшіе на гвоздѣ, показываютъ, что онъ Русскій воинъ; лице его блѣдно и, чудится, дыханіе останавливается, такъ что можно почесть

а) Жрецъ Эстонскій.

его за мертваго; но порою слышатся тяжкіе вздохи и легкая краска мелькаетъ на блѣдныхъ щекахъ его. Хотя страданіе изнурило его, но по широкимъ плечамъ, огромному мечу, въ углу стоящему, и тяжелой бронѣ, висящей на перегородкѣ, можно судить, что онъ былъ нѣкогда витязь могучій и грозный.

Старикъ сидѣлъ неподвижно, опершись руками на колѣни, и изрѣдка подкладывалъ въ огонь можжевельнику; тогда пламя вспыхивало и освѣщало всю внутренность избы; иногда онъ взглядывалъ на своего пришельца, какъ будто ожидая его пробужденія, но въ семъ взорѣ не выражалось ни печали, ни сострадания.

Давидъ Якуновичь наконецъ открылъ глаза, привсталъ съ тяжкимъ вздохомъ и озираясь кругомъ, какъ будто не вѣря глазамъ своимъ.

»Наконецъ ты очнулся!« произнесъ Вайделотъ: »спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ и очутиться въ Перголѣ а) или въ другомъ мѣстѣ, еслибы не я.« . .

— »Это ты, добрый мой другъ! Да наградитъ тебя Богъ въ сей жизни и въ будущей! Гдѣже мой конь вѣрный товарищъ?«

»Далеко въ лѣсу его клюютъ теперь вороны: и тебѣбъ быть ихъ снѣдію, еслибы Юмма-

---

а) Адъ у Эстонцевъ.

ла не указалъ мнѣ кровавой тропинки; въ суметѣ, подъ сосною, вижу коня до половины зарытаго снѣгомъ — паръ не валилъ изъ ноздрей его—не ляскали удила ворту—уже обрѣзалъ я ремни на твоей кольчугѣ и скоро призналъ тебя — можетъ быть я вытащилъ изъ болота волка, который перегрызетъ мнѣ горло. « . .

Давидъ сталъ на колѣна, поднялъ къ небу сложенныя руки и усердно шепталъ благодарственную молитву за свое спасеніе, наконецъ спросилъ заботливо: » чтожь наши земляки? «

»Перебиты, перестрѣляны, зарыты въ снѣжной могилѣ! « отвѣчалъ старикъ съ злобною улыбкою.

Тяжело простоналъ Давидъ устремивъ на небо болѣзненный взоръ: »воля Господня! слава Святой Троицѣ! «

» Много, много легло вашихъ, но вдвое болѣе Датчанъ и Ливонцевъ мучителей нашихъ: рыцари, какъ вороны вкругъ падалища, лежатъ на полѣ Раковорскомъ; притаившись за холмомъ, я выглядывалъ, какъ лисица; моя вѣрная стрѣла искала своей жертвы, но ее еще не было. « . .

— »Пусть будетъ, что Богу угодно! я знаю — Русскіе не посрамили себя — дружно стояли за Св. Троицу и Св. Софію! «

»Всѣмъ твоимъ землякамъ не видать бы кровлей домовъ своихъ, еслибъ не я!«

— »Такъ, добрый старикъ! я помню: ты повѣстилъ насъ о нападеніи вѣроломныхъ Ливонцевъ.«

»Не то, Давидъ! да будетъ вѣчное надъ ними проклятіе! они думали, что вы одни только у горы и напали раздѣльными силами; они схватили меня, угрожали, били—я къ побоямъ давно уже привыкъ — сказалъ, что прочіе Русскіе еще подоспѣли... глупецъ я былъ... однимъ бы все меньше!«..

— »Не раскаявайся въ добромъ дѣлѣ, наши никогда безъ причины не обижали твоихъ земляковъ! Скажи мнѣ: живъ ли храбрый, благочестивый Довмонтъ?«

»А что ему дѣлается? пусть еще поживетъ! если песъ грызетъ волковъ, то стадо можетъ безъ страха бродить по лугу?«

— »Онъ живъ: слава Христу Спасителю! жаль, если убиты Борисъ и Лува—ты знаешь ихъ?«

»Мнѣ что за нужда?« сказалъ старикъ съ презрительною улыбкою: »тотъ живъ, кому я желалъ тысячу разъ умереть; рука его еще владѣетъ мечемъ на гибель моимъ единоземцамъ! голова, которую я желалъ бы, что бъ птицы разклевали—еще на плечахъ для ужаса Эстонцевъ!«

— »Про кого ты говоришь, старикъ?«

»О, я всегда благословлялъ бы твой мечь, ес-

ли бы онъ очистилъ нашу страну отъ этой язвы! . . но только шлемъ раздвоенъ. . . И какъ меня кровь не задушила! — можетъ быть онъ вѣшаетъ послѣдняго моего сына! «

Давидъ смотрѣлъ не него и читалъ въ глазахъ его горесть и отчаяніе. » Ты съ ума сошелъ? «

»Желалъ бы также сойти, какъ желаю, чтобъ отъ береговъ моря до предѣловъ Псковскихъ не было ни одного рыцаря, Шведа и Датчанина!—Но къ моему несчастію, память у меня свѣжа и все прошлое ясно въ головѣ, какъ звѣзды въ свѣтлую зимнюю ночь. Для чего эта ночь на вѣки не покрыла глазъ моихъ или звѣри не растерзали меня! Мечь одного меня пощадилъ, чтобъ стенать надъ истлѣвающими трупами моихъ родственниковъ! Давидъ, ты имѣлъ отца? «

— » На что тревожить мертвыхъ! его давно уже нѣтъ! «

» Да! его давно уже нѣтъ! Кости тлѣютъ въ землѣ, упитанной нашею кровію, а тѣло разклевали вороны!—Отца, шестерыхъ братьевъ и четырехъ сыновей зарѣзалъ Доннеръ! «

— » Доннеръ! старикъ ты клевещешь! онъ рыцарь. «

» Нѣтъ, нѣтъ! то не Доннеръ былъ, а воплощенный Куратъ « а)!

а) Дьяволъ.

— »Чѣмъ же вы его оскорбили?«

Старикъ дико захохоталъ. »Датчане брали все, Шведы также—чтожъ ему оставалось, кромѣ головъ нашихъ! Славное время тогда было! Огонь, залитый дождемъ, вспыхнулъ, хотя не надолго: мои земляки вспомнили, хотя поздо, старинную вольность! Прочь Христіянство! домы вымыты, церкви сломаны!«

— »Окаянный! что ты говоришь?«

»Молчи, Давидъ! Когда мы были вѣрны богамъ своимъ, кони чужіе не топтали нашихъ нивъ, огонь не сожигалъ нашихъ жилищъ и чужеземный мечь не лилъ крови земляковъ моихъ! Рыцари, Датчане, Шведы—всѣ Христіяне—много, много ихъ тогда побито; мечь, дымящійся ихъ кровью, переходилъ изъ деревни въ деревню и служилъ благодатнымъ вѣстникомъ свободы... Тогда мы всѣ клялись не оставлять, покуда живы, древней вѣры отцевъ нашихъ. Призвали мы и Веновъ а): но они поступили по братски! — Рыцари отняли у вашихъ Феллинъ и повѣсили много Новгородцевъ — Ярославъ мстилъ за сіе невиннымъ соотчичамъ, лилъ ихъ кровь, жегъ ихъ домы. Тогда мы, изнуренные болѣзнями и ранами, скитались, словно звѣри въ лѣсу, и служили потѣхою для Ру-

---

а) Братья: такъ Эстонцы называли Русскихъ.

скихъ и Нѣмцевъ! Послѣдняя наша ограда рушилась, когда Князь Вячко былъ пораженъ въ Юрьевѣ Ливонцами; страшно отомстили они! Какъ бѣшеный волкъ ворвался Доннеръ въ мою хижину; мечь его сверкалъ, какъ молнія; головы моихъ братьевъ и сыновъ со стукомъ покатились на полъ! — крики и стоны!.. Я думалъ, разгнѣванный Юммала рушитъ небо и землю... И солнце не выглянуло... страшно и ему было смотрѣть на кровавое побоище! — Плачь младенца на рукахъ былъ похоронною пѣснею... ляснулъ мечь... я упалъ... Воскресаю ...кругомъ тишина, какъ въ священномъ лѣсѣ грознаго Юммалы... кровавые потоки струились вокругъ труповъ моихъ родственниковъ!.. Я поднялся... мой отецъ съ разрубленнымъ черепомъ лежалъ подлѣ меня, холоденъ какъ камень, но еще мозгъ его дымился... Страшно было смотрѣть на его искаженное лице... я рвалъ въ безуміи его сѣдые волосы, трясъ и насильно хотѣлъ возвратить къ жизни... звалъ ихъ всѣхъ по имени... никто не откликался... и ночь, страшная ночь окружила меня!.. Три дня и три ночи скитался я по лѣсамъ, не видѣлъ свѣта, не ѣлъ и не пилъ—не знаю какъ дошелъ до своего жилища—вижу одинъ пепелъ и легкій дымъ подымается—раскапываю золу... кости моихъ братьевъ и дѣтей, сгорѣлыя въ уголь! Я сѣлъ на камень, на которомъ отдыхалъ отецъ мой

съ внучатами, и смотрѣлъ на дымъ, который уносилъ съ собой послѣдніе остатки моихъ родственниковъ; тогда я не плакалъ, не вздыхалъ... слезы изсушились и вздохи вѣтеръ развѣялъ по лѣсамъ... Иду въ рощу... Юммала поверженъ на землю и священная чаша разбита! « . .

— »Куда жь дѣвался твой сынъ младенецъ? « спросилъ Давидъ послѣ долгаго молчанія, насилу собравшись съ духомъ послѣ сей страшной исторіи.

»Я нашелъ его: но лучше, еслибъ онъ сгорѣлъ, какъ полѣно. Слуга Доннера, видно не совсѣмъ звѣрь, сжалился надъ нимъ и взялъ его съ собою. . . теперь онъ рабомъ у Доннера и клянетъ часъ своего спасенія! Сколько разъ я, какъ рысь, на суку подстерегалъ *его!* Сколько ночей проводилъ на берегу у башней *его* крѣпкаго замка! одинъ одинехонекъ съ вѣрнымъ товарищемъ булатнымъ ножемъ! сторожилъ его словно коршунъ голубя!... Но онъ еще живъ! не разъ каленая стрѣла свистѣла мимо ушей и звенѣла объ латы его! Но онъ еще живъ—знать не приспѣло время! «

— »И такъ тебѣ не осталось утѣшенія въ жизни?

»Мщеніе, кровавое мщеніе! ударъ въ сердце за каждаго моего родственника! а потомъ есть птицы выклевать глаза и звѣри оглодать мои кости, *когда я пойду въ міръ лучшій, гдѣ Нѣм-*

цы не могутъ уже господствовать надъ нами, а будутъ рабами нашими. а)! «

Старикъ замолчалъ. Давидъ съ удивленіемъ разсматривалъ его лице, на коемъ горесть, болѣзни, непогоды положили рѣзкую печать свою; оно во время разсказа Вайделота покрылось синевато-багровымъ румянцемъ; глаза быстро обращались, блистали—опять сдѣлались неподвижны, когда онъ кончилъ разсказъ. Якуновичь спрашивалъ его о подробностяхъ сраженія; но старикъ, погруженный въ мрачныя думы, не слыхалъ его; и чрезъ нѣсколько времени всталъ, принесъ больному козьяго молока, приложилъ къ ранѣ траву, коей цѣлительное свойство ощутилъ Давидъ; боль его уменьшилась и онъ къ утру уснулъ крѣпко и спокойно. На другой день старикъ возвратился къ полдню, принесъ дикихъ утокъ, изжарилъ ихъ на угольяхъ и предложилъ своему гостю; онъ увѣдомилъ его также, что Рускіе возвращаются домой и что Довмонтъ опустошаетъ Вируянскую Область.

На пятый день Давидъ могъ уже вставать съ ложа своего и прохаживаться по избѣ; онъ бралъ мечь лѣвою рукою, испытуя, не забылъ ли владѣть имъ; пытался надѣвать и кольчугу, но не былъ еще въ силахъ носить ее.

а) Историческое.

Вечеромъ Вайделотъ вбѣжалъ въ избу запыхавшись. »Скройся подъ мѣха, сюда въ уголъ!« кричалъ онъ Крушинѣ. Сей схватилъ мечь и въ недоумѣніи спрашивалъ: »что случилось?«

»Не теперь, Давидъ! ты весь израненъ! если бы у тебя на тѣлѣ ни одной царапины не было и тогда бы ты погибъ!«

При сихъ словахъ онъ разостлалъ за перегородкою свѣжей соломы, развѣсилъ надъ нею множество волчьихъ мѣховъ и приглашалъ туда Якуновича.

— »Кто бы ни былъ тотъ, про кого ты говоришь, я никогда не прятался ни въ домѣ, ни на полѣ битвы.«

»Доннеръ съ двумя окуженосцами ѣдетъ сюда; я видѣлъ, ты его ранилъ въ голову и съ коня ссадилъ—этого онъ никогда не проститъ; если бы ты испускалъ послѣднее дыханіе, если бы тебѣ оставалось столько времени жить, сколько потребно спустить стрѣлу, и того онъ не далъ бы тебѣ... Глухъ что ли ты?« кричалъ онъ, когда Крушина въ раздумьи не зналъ что дѣлать. Послышался топотъ коней и сей неохотно повиновался. »Вотъ такъ,« продолжалъ Вайделотъ, укрывая его мѣхами: »лежи также смирно, какъ лежалъ въ снѣгу, не шевелись; когда они заснутъ—выползи какъ ящерица изъ норы. Приспѣло время и дни его

изочтены: духи моихъ праотцевъ, лежащихъ во гробѣ, будутъ помогать намъ и возрадуются отмщенію! «

— »Воля твоя, старикъ! что бы ты ни дѣлалъ, я твой не помощникъ; стыдъ и грѣхъ изъ за угла убивать и друга и врага смертельнаго. «

»Молчи Давидъ! « сказалъ Вайделотъ, старательно завѣшивая деревянный кумиръ. Потомъ упалъ предъ нимъ и прошепталъ на своемъ языкѣ усердную молитву. Давидъ лежалъ, притаивъ дыханіе, съ безпокойствомъ ожидая прибытія рыцаря и стыдясь своего положенія, которое извинялось необходимостію. Старикъ снялъ со стѣны большой ножъ, подошелъ къ огню и пробовалъ острее. »Не измѣни и ты мнѣ, старинный товарищъ, какъ измѣнили мнѣ всѣ надежды и желанія!« Потомъ спряталъ его между шкурами и сѣлъ предъ огнемъ.

Дверь отворилась. Входитъ Доннеръ въ лисьей шубѣ, изъ подъ коей видѣлся лосинный полукафтанъ; голова его была обвязана бѣлымъ полотномъ; на немъ не было ни шлема, ни латъ; позади два оруженосца и слуга Эстонецъ несъ его вооруженіе.

»Ты старый бездѣльникъ, отведи нашихъ коней и дай имъ хорошаго корму!« грозно ска-

залъ онъ, осматривая внутренность избы и хозяина. Старикъ молча вышелъ. »Ни шагу далѣе! у меня голова кружится и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ! смерть и адъ! Еще одна такая битва и вся Ливонія сляжетъ въ могилу! Къ тому же пришлось отдыхать въ этомъ звѣриномъ берлогѣ; ты, Адольфъ, достоинъ висѣлицы за то, что выбралъ такое убѣжище! «

— »Не моя вина, благородный рыцарь, вы сами поспѣшили изъ замка рыцаря Гайно: тамъ было вамъ покойнѣе! «

» Развѣ ты не могъ найти лучшаго? «

— »Не задолго предъ симъ, благородный рыцарь, я бы вамъ предложилъ достойное васъ пристанище: но Русскіе сожгли села и усадьбы и пепелъ развѣяли по вѣтру; мы должны радоваться, что нашли и эту хижину: иначе пришлось бы на снѣгу ночевать. Не прикажите ли перевязать вашу рану? «

— » Пусть отсохнетъ языкъ твой за эти слова! « сказалъ Доннеръ, сжимая голову руками и потомъ развязавъ ее.

— »Видно ихъ удары такъ же долго не заживаютъ, какъ и вашихъ сотоварищей, благородныхъ рыцарей! « сказалъ Адольфъ, примачивая ему голову.

»Ты настоящій глупецъ! Будучи курицею, хочешь подняться такъ же высоко, какъ сѣрые орлы! «

— »Преумно и премилостиво, благородный рыцарь! только я дамъ голову на отсѣченіе, что вы теперь побѣдѣ Ливонскаго Ордена не такъ бы обрадовались, какъ встрѣчѣ съ Давидомъ Якуновичемъ!«

»Не напоминай мнѣ объ этомъ человѣкѣ, если дорога тебѣ жизнь! Одно имя его сводитъ меня съ ума! Однакожь ты сказалъ правду; клянусь Пресвятою Дѣвою, я отдалъ бы лучшаго аргамака, лишь бы увидѣть его пѣшаго или коннаго, безоружнаго или съ мечемъ въ рукахъ! Пристыженъ, униженъ, презрѣнъ предъ всѣмъ Орденомъ — и это уже въ другой разъ!« вскричалъ съ яростію Доннеръ, ударивъ копьемъ по валежнику и искры съ трескомъ разлетѣлись.

— »Я слышалъ, благородный рыцарь, что его не нашли на полѣ и, какъ видно, ему не придется болѣе обнажить меча на семъ свѣтѣ.«

»За сіи слова, Адольфъ, ты стоишь умереть благородною смертію подъ сѣкирою!«

— »Нижайше благодарю за милость, хотя я охотно отказался бы отъ ней; правда выборъ былъ бы плохой, еслибъ мы опять попались въ плѣнъ Русскимъ.«

Въ сіе время старикъ возвратился и смиренно сталъ у порога. Оруженосецъ долго всматривался въ лице его и потомъ подвелъ къ огню.« Гдѣ ты былъ, пріятель, шесть дней тому назадъ?

— Гдѣ мнѣ быть, какъ не дома! отвѣчалъ презрительно Вайделотъ.

— »Вѣрнѣе смерти, благородный рыцарь, это нашъ предатель, Русскій лазутчикъ, который обманулъ насъ и привелъ къ вооруженному стану Псковичей.

» Собакѣ собачья смерть! Задавить его!« сказалъ съ ужаснымъ хладнокровіемъ рыцарь. »Посмотри, Адольфъ, какая богатая кольчуга и огромный мечь! Старикъ силенъ не по лѣтамъ; закинь сѣть, не поймаешь ли рыбы?«

Оруженосецъ схватилъ копье, сильно ударилъ въ передній уголъ, и острее вонзилось въ деревянный кумиръ; онъ упалъ на землю, голова съ трескомъ отлетѣла отъ туловища и мѣдная чаша выпала изъ рукъ.

» Язычникъ!« воскликнулъ Доннеръ въ крайнемъ изумленіи.

— Разбойникъ, кровопійца! произнесъ въ отчаяніи Вайделотъ, раздирая сѣдые свои волосы. Да будетъ проклятіе вѣчное надъ тобою отъ Бога и людей! Пусть кровь твоихъ родныхъ окропитъ лице твое!..

» Погоди, запоешь на кострѣ другую пѣсню! Свяжите его такъ, что бы кровь хлынула изо рта!« При сихъ словахъ рыцарь разрубилъ попаламъ деревянное изображеніе и бросилъ его въ огонь; старикъ скрипѣлъ въ яро-

сти зубами. . . »Извѣдай, не кроется ли чего подъ этими мѣхами!« сказалъ рыцарь, указывая на шкуры за перегородкою; онѣ зашевелились и оттуда поднялся высокій, блѣдный Якуновичь. Рыцарь попятился назадъ и зачиталъ молитву, полагая, что предъ нимъ мертвецъ. Адольфъ уронилъ копье.

Рыцарь не могъ долго промолвить ни одного слова; наконецъ задыхаясь отъ ярости вскричалъ: »Это ты Давидъ! клянусь Всемогущимъ Богомъ! адъ не можетъ такъ радоваться погибели души праведника, какъ я радъ встрѣтивъ тебя здѣсь! Теперь не спасутъ тебя ни Богъ, ни дьяволъ! . . Не молишься ли? Да, молись! молитва необходима для отходящихъ въ другой міръ! . . Нѣтъ, ты не умрешь! будешь призывать смерть, какъ верховное благодѣяніе; будешь проклинать день своего рожденія; будешь жаждать свѣта, но тебя окружитъ вѣчный, могильный мракъ! Воззрѣніе на живое существо будетъ тебѣ радостнѣе, нежели сіяніе солнца для прозрѣвшаго: но ты не увидишь ничего—ничего, кромѣ голыхъ каменныхъ стѣнъ! Ты будешь томиться и изнлѣвать, какъ трупъ и никто не услышитъ твоего голоса, никто не придетъ прекратить твои мученія! . . «

—»Я презираю твои угрозы!« сказалъ спокойно Давидъ: »земля и небо возстанутъ противъ

тебя! Надѣюсь, между твоими собратами найдутся люди не по названію только благородные! Да, рыцарь! если бы всѣ они были тебѣ подобны, знаешь ли что бы тогда произошло? Давно бы Ливонію земля поглотила или попалилъ бы огонь небесный! «

» Не надѣйся Давидъ ни на человѣковъ, ни на высшія силы! клянусь преисподнею, никто у меня не вырветъ моей добычи! «

— »Не говори такъ, Доннеръ! ни присоединяй къ своимъ злодѣяніямъ ужаснѣйшаго грѣха безбожія! Есть судія надъ нами, котораго ты никогда не избѣгнешь! Удались на край свѣта и тамъ Его гнѣвъ постигнетъ тебя! « . .

»Такъ, дорогой проповѣдникъ! есть судія надъ нами на небесахъ, а твой судія на землѣ! Это я, судія строгій и неумолимый! Ты осматриваешься? Не ищешь ли сострадания у сихъ людей? — напрасно! Они съ молокомъ всосали ненависть ко всему Русскому. Или — не ждешь ли помощи отъ земляковъ? нѣтъ, ихъ трупы не воскреснутъ спасти тебя! . . Осуждаю тебя именемъ цѣлаго Ордена, который ты опозорилъ! осуждаю тебя, какъ оскорбителя моей чести! Ты не забылъ, какъ, на берегу Пейпуса, предъ поединкомъ назвалъ ты меня самохваломъ! Этотъ самохвалъ теперь судитъ тебя! Помнишь ли, ты по дьявольскому навожденію побѣдилъ меня, запятналъ на вѣки мое доброе

имя!—Теперь ты мой плѣнникъ. — Я осуждаю тебя на вѣчное, позорное заточеніе! Таково наше опредѣленіе неизмѣнное и неизбѣжное. «

— »Если ты не боишься небеснаго судіи, то есть на землѣ судія твой, Магистръ. « . .

» Не надѣйся, говорю тебѣ; стѣны башни моей такъ толсты, что не выпустятъ на свѣтъ ни единаго звука твоего! Я трупъ твой выброшу въ море и ни одинъ человѣкъ на землѣ не узнаетъ о твоей смерти; никто не придетъ закрыть твои глаза; никто не погребетъ костей твоихъ и имя твое исчезнетъ на вѣки ! . . «

— »Извергъ! служитель дьявола! я не вѣрю — не воплощенный ли ты соблазнитель рода человѣческаго? Ты не сказалъ бы мнѣ этаго, если бы встрѣтилъ меня въ чистомъ полѣ, здороваго, съ мечемъ въ рукахъ. Гнусный убійца! не думай, чтобы я дешево продалъ свою жизнь и свободу! «

» Называй меня чудовищемъ, злымъ духомъ! выдумывай страшныя проклятія — мнѣ пріятно ихъ слышать изъ устъ моего смертельнаго врага; пусть это будетъ оплатою за твою вѣчную неволю. «

Давидъ въ сіе время вынулъ ножъ, спрятанный Вайделотомъ, и устремился къ перегородкѣ. »Погибни, изчадіе ада!« воскликнулъ онъ; но

силы измѣнили ему: онъ оступился, упалъ, былъ схваченъ оруженосцами и крѣпко связанъ.

»Кто спѣшитъ, тотъ смѣшитъ!« произнесъ Доннеръ съ язвительною улыбкою; »какъ упалъ духомъ этотъ гордый побѣдитель! Я тебя не узнаю, Давидъ; тогда смотрѣлъ ты на всѣхъ, какъ завоеватель свѣта; не гнѣвайся, Крушина, мы только размѣнялись долгомъ; тогда мой конь, вооруженіе и я самъ принадлежали тебѣ; теперь же разсуди: я еще въ накладѣ, не беру коня твоего!«

— »Ужасный человѣкъ! кто зналъ, что убійца мой ѣлъ со мною хлѣбъ-соль, пилъ вино мое и послѣ такъ страшно обманулъ! Непостижимы пути Твои, Господи! да будетъ благословенно имя Твое во вѣки вѣковъ!« сказалъ съ глубокимъ вздохомъ Давидъ.

»Вотъ тебѣ знатный плѣнникъ, Адольфъ, побѣгъ котораго не можетъ быть искупленъ и головою твоею! а ты безмозглый, сказалъ онъ, обращаясь къ молодому Эстонцу, стереги, какъ глазъ, этаго стараго грѣшника!«

Другой оруженосецъ постлалъ въ переднемъ углу нѣсколько волчьихъ мѣховъ и вмѣсто одѣяла медвѣжій; рыцарь легъ, положивъ подлѣ себя мечь, и скоро уснулъ.

Наступила мертвая тишина въ избѣ, только прерываемая тяжелымъ дыханіемъ рыцаря

и шорохомъ коня, жевавшаго сѣно за перегородкою. Огонекъ слабо курился и на потолкѣ образовалъ красноватый дрожащій кругъ; темнота царствовала по всѣмъ угламъ и только свѣтъ обозначался на мѣдныхъ кольцахъ и копьяхъ сторожившихъ; по временамъ одинъ изъ нихъ подкладывалъ можжевельнику въ огонь, который мгновенно вспыхивалъ, освѣщалъ всю внутренность; и тогда являлись всѣ ея обитатели въ странныхъ положеніяхъ. Адольфъ сидѣлъ на скамейкѣ, опершись на копье; на смугломъ лицѣ его написано было закоренѣлое злодѣйство; темные волосы, черныя брови и курчавая борода придавали ему страшный видъ; красноватые глаза его часто обращались къ Русскому плѣннику, неподвижно лежащему на соломѣ. Рыцарь бормоталъ несвязныя рѣчи, безпокойно ворочался, будто испуганный страшнымъ видѣніемъ. Слуга Эстонецъ у порога, съ ножемъ въ рукахъ, дремалъ, но тотчасъ спохватывался, взглядывалъ безпокойно на своихъ товарищей и опять засыпалъ. Старикъ лежалъ, какъ убитый: ни одного движенія, ни одного вздоха; только примѣтно было, когда огонь попухалъ и мракъ водворялся, сверкали глаза его изъ подъ широкихъ бровей; но глаза сіи тотчасъ смыкались, какъ скоро пламя вспыхивало или кто нибудь изъ стражей на него взглядывалъ.

Мрачныя думы роились въ душѣ Псковскаго

вишязя: »Связанъ, какъ злодѣй, осужденъ безъ вины«—думалъ онъ—»страшно! Когда я мыслилъ умереть такою смертію! Не моя ли это звѣзда погасаетъ?« продолжалъ онъ, смотря на потухающій огонь: »такъ, правдивъ и сонъ и свѣча моя не даромъ погасла. Умереть не по Христіански! тѣло мое непогребенное разклюютъ небесныя птицы, кости разнесутъ по лѣсамъ дикіе звѣри, . . не найдетъ моей могилы Анастасія, не усыплетъ ее цвѣтами, ни одна слеза не канетъ на прахъ мой! . . Не уже ли это дѣйствительность? . . эти стѣны—отъ нихъ будто пашетъ сыростью; темно кругомъ — не башня ли это, сокрывшая меня отъ свѣта и людей! Имя мое. . . да! — люди склоннѣе думать худое о ближнихъ, чѣмъ доброе!—трусъ убѣжалъ съ поля битвы. . . кровь стынетъ и морозъ пронзаетъ мои кости! Нѣтъ! нѣтъ! есть Богъ надъ нами, всевидящій и всеслышащій! Нѣтъ мѣста въ душѣ моей тебѣ, гибель человѣковъ—отчаяніе!« Онъ шепталъ усердную молитву и сонъ благодатный, никогда не оставляющій невиннаго въ самые ужасные часы жизни, слетѣлъ на вѣжды его: онъ уснулъ крѣпко и спокойно.

Скоро задремали и стражи; огонекъ чуть курился. Вайделотъ приподымаетъ голову и осторожно озирается кругомъ; опять прилегаетъ къ землѣ, ибо въ сіе время оруженосецъ

во снѣ пошевелился; глаза его сверкаютъ какъ угли и, кажется, хотятъ выскочить: онъ не ворохнется, какъ рысь на деревѣ, ожидая добычи; вотъ опять приподымается—тихонько кашляетъ и съ напряженіемъ ожидаетъ, что кто нибудь проснется; но оруженосцы крѣпко спали, утомленные дальнею ѣздою. Старикъ зашумѣлъ соломою и шелестъ раздался по всей избѣ—опять всѣ спокойны; онъ повертываетъ голову къ молодому Эстонцу—сей также погруженъ былъ въ сонъ, ножъ не далеко лежалъ отъ него, голова повисла; старикъ толкнулъ его связанными ногами — сей поспѣшно выпрямилъ станъ и съ испугомъ оглянулся—не рыцарь ли пришелъ наказать его за нерадѣніе—схватилъ ножъ, потомъ примѣтивъ, что все спокойно, подвинулся къ старику.

»Сынъ мой, любезный сынъ!« шепталъ сей послѣдній: » ты ли это? «

— Ради Бога, батюшка! « сказалъ молодой Эстонецъ, нагнувшись къ самому уху его: »неизбѣжная смерть, если хоть одно слово они услышатъ! «

»Глупецъ!« продолжалъ старикъ съ негодованіемъ: »и ты измѣнилъ вѣрѣ отцевъ своихъ! но я прощаю тебя, благословляю—сдѣлай доброе дѣло; здѣсь лежитъ человѣкъ, рука котораго много, много... ты меня разумѣешь? У тебя есть

оружіе, ступай! Такой случай бываетъ въ жизни одинъ только разъ.«

—»Не губи себя и меня, батюшка! не крѣпокъ сонъ злодѣевъ.«

»Взгляни на дѣда, на братьевъ; смотри, какъ течетъ кровь изъ глубокихъ ранъ ихъ и требуетъ мести!«

Эстонецъ, въ недоумѣніи и страхѣ, разрѣзалъ осторожно веревки; Вайделотъ радостно сложилъ руки на грудь, схватилъ ножъ и долго лежалъ неподвижно, опершись локтями о землю; поползъ, какъ змѣя; сдѣлавъ шагъ, опять таилъ дыханіе и лежалъ словно убитый; протягивая впередъ правую руку, онъ коснулся древка оруженосцова копья. Сей мгновенно проснулся, ударилъ своимъ оружіемъ объ полъ, прислушивался нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ огню и положилъ въ него кучу хворосту, который съ трескомъ вспыхнулъ и ярко освѣтилъ избу; онъ занимался разведеніемъ огня, стоя спиною къ дверямъ. Старикъ проворно покатился по полу на прежнее мѣсто къ порогу, заложилъ руки назадъ и притворился крѣпко спящимъ; шелестъ отъ соломы во время его движенія смѣшался съ трескомъ хворосту и не былъ замѣченъ стражемъ. Оруженосецъ кинулъ недовѣрчивый взглядъ на молодаго Эстонца, который тихо запѣлъ пѣсню въ доказательство своей исправности.

Адольфъ также пробудился и боязливо спросилъ: »не случилось ли чего?«

— Ничего, совершенно ничего, только я чувствую, что съ открытыми глазами надо стеречь этихъ плѣнниковъ, если не хочешь самъ попасть головою въ петлю; я не довѣряю этому Эстонцу: онъ волченокъ изъ одной берлоги съ старымъ язычникомъ; сядь здѣсь, молодецъ! я вижу ты не такъ простъ, какъ кажешь глупое лице твое; гдѣ оружіе?

Старикъ въ сіе время непримѣтно пододвинулъ къ сыну ножъ и сей подалъ его оружеиосцу. Адольфъ воткнулъ его въ стѣну надъ рѣщаремъ и сталъ насвистывать пѣсни. Товарищъ его, отъ бездѣлья, попадалъ копьемъ въ голову птицы, висѣвшей на гвоздѣ, но скоро наскучилъ однообразнымъ занятіемъ и опять задремалъ.

Между тѣмъ Вайделотъ жевалъ въ ярости солому; всѣ надежды его рушились; осталось одно спасеніе чрезъ проломъ въ перегородкѣ выбраться въ другое отдѣленіе избы; много времени употребилъ онъ, чтобы доползти къ отверстію; здѣсь онъ остановился, медленно поворотилъ голову къ огню и лице его изобразило, рѣзкими чертами, радость, надежду, ужасъ и отчаяніе; глаза его сверкали, щеки покрылись неестественнымъ багровымъ румянцемъ. волосы на головѣ шевелились, грудь спиралась

отъ удерживаемаго дыханія и все тѣло дрожало. Призывая въ помощь своего бога, онъ просунулся сквозь отверстіе и опять сдѣлался недвижимъ, прильнулъ лицемъ къ сѣну и медленно изпустилъ въ него глубокій вздохъ. Въ первый разъ онъ всталъ здѣсь на ноги; согнувшись, крался онъ словно тать ночной, такъ медленно, какъ будто опасался на каждомъ шагу упасть въ бездонную пропасть; наконецъ достигъ темнаго угла, взглянулъ на бдящаго стража; коза, испуганная его приходомъ, вскочила и побѣжала къ противоположной стѣнѣ. Шумъ отъ ея шаговъ привлекъ вниманіе Адольфа: онъ поспѣшно схватилъ головню, всталъ и внимательно смотрѣлъ за перегородку. Вайделотъ ринулся на землю и думалъ, что ударилъ послѣдній часъ его; оруженосецъ, примѣтивъ нарушительницу спокойствія, положилъ головню и опять усѣлся на скамейкѣ.

Осталась Вайделоту послѣдняя дверь, заложенная тремя досками и служившая для выгону скота, которую стражи въ темнотѣ не примѣтили. Старикъ, пролежавъ на землѣ безъ всякаго движенія, осторожно приподнялся, устремилъ свои узкіе глаза на Адольфа, держа указательный палецъ въ зубахъ и грызя его; вотъ рука его коснулась уже доски, служащей къ выходу; онъ остановился; все тѣло его дрожало какъ въ лихорадкѣ; дыханіе замирало отъ

страха; онъ протянулъ обѣ руки впередъ, схватилъ доску, приподнялъ безъ всякаго шуму — вотъ выставилъ ее за перекладину, поставилъ ногу на порогъ, отдѣлявшій жизнь отъ смерти—еще подвинулъ впередъ: и выходъ сдѣлался такъ широкъ, что можно было пролѣзть. Тогда въ отверстіе дунулъ вѣтеръ со вьюгою, пронесся до передней избы и пригнулъ пламя на сторону Адольфа, который, почувствовавъ движеніе воздуха, взглянулъ за перегородку и не обратилъ на это вниманія. Старикъ заложилъ дверь по прежнему и уже былъ на дворѣ.

Въ избѣ стало по прежнему спокойно и пламя не качалось; чрезъ нѣсколько времени слышенъ былъ топотъ коня, но Адольфъ того не слыхалъ.

Было уже за полночь; пѣтухъ на дворѣ пропѣлъ свою обычную пѣсню; крикъ его пробудилъ отъ размышленій оруженосца: онъ встрепенулся, посмотрѣлъ на своего храпящаго товарища, толкнулъ его копьемъ. Сей проснулся и смутно вспоминая вчерашнее, оглядывался по угламъ. »Ну что!« спрашивалъ онъ, не вовсе очнувшись: »старикъ ускользнулъ? Не диво, вѣдь всякому жизнь дорога! «

»Тс!« произнесъ Адольфъ, прикладывая указательный палецъ къ губамъ; потомъ быстро обернулся къ порогу: тамъ ничто не шемнѣлось; онъ подвигался къ дверямъ, какъ человѣкъ,

который изыскиваетъ средства замедлить открытіе страшной тайны. Подходитъ. Веревки, связывавшія Вайделота, однѣ лежатъ на соломѣ. Онъ все еще не вѣритъ глазамъ своимъ, схватываетъ веревки. »Такъ и есть! дроздъ улетѣлъ, а клѣтку оставилъ! проклятый соня! гдѣ-то мы уснемъ будущую ночь? «

Сіи слова онъ произнесъ довольно громко, такъ что не вовсе пробудившійся товарищъ его вскочилъ съ лавки и безъ сознанія приближился къ огню. »Тфу пропасть! я спалъ такъ крѣпко, какъ усопшій во гробѣ; твой голосъ, словно труба, не предвѣщаетъ ли суда страшнаго? «

»О, страшный судъ! старикъ исчезъ! «

— Ну что же? это былъ чародѣй, такъ тутъ и дива нѣтъ никакого!

Адольфъ поднесъ къ огню веревки. »Онѣ перерѣзаны!« Потомъ вытащилъ ножъ. »Вотъ нитки и пухъ на лезвеѣ! «

— Перерѣжъ и ты горло этому молодцу, такъ и концы въ воду!

»Мертвую петлю!« вскричалъ Адольфъ и ударилъ древкомъ копья въ голову спящаго Эстонца; сей жалобно вскрикнулъ; рыцарь проснулся и спросилъ торопливо: »что такое?«

»Онъ убѣжалъ!« отвѣчалъ Адольфъ, въ отчаяніи ломая руки.

»Дьяволы!« гаркнулъ въ страшномъ гнѣвѣ Доннеръ, хватаясь за мечь; потомъ, когда увидѣлъ Давида, который мирно наслаждался сномъ, глаза его радостно заблистали. »А! Старый грѣшникъ! Ну стоитъ ли такъ шумѣть объ немъ?« Повернулся и опять уснулъ.

— »Ну слава Богу! собака не завыла передъ окнами! скорѣе вколоти въ землю колъ!«

»Дурачина, развѣ онъ благородный, чтобъ отъ меча умереть?« отвѣчалъ Адольфъ, ставъ одною ногою на перегородку и привязывая петлю къ перекладинѣ.

Уже разсвѣтало. Эстонецъ лежалъ неподвижно, въ отчаяніи обращая взоры на своихъ палачей, какъ бы испрашивая помилованія; но лица ихъ уподоблялись черной тучѣ, сквозь которую не блеснѣлъ ни одинъ лучъ солнечный. . .

Чрезъ нѣсколько времени послышался топотъ коней »Чу! слышишь?« вскричалъ Адольфъ, спрыгивая съ перегородки и устремившись къ дверямъ.

»Руби безъ пощады разбойниковъ!« раздалось снаружи и что-то сильно ударило въ дверь; она устояла. Рыцарь поспѣшно вскочилъ съ своего ложа и прислушивался »Га!« произнесъ онъ, скрыпя въ ярости зубами: »Давидъ, наши счеты кончились, прежде нежели я думалъ — въ этомъ не моя вина!«

При сихъ словахъ дверь треснула и — Лува съ Борисомъ, сопровождаемые Русскими воинами, вломились въ избу. Мечь засверкалъ въ рукахъ Доннера, свиснулъ; и Давидъ испустилъ послѣднее дыханіе, тяжко простонавъ. Потомъ рыцарь прислонился къ стѣнѣ, держалъ поднятый мечъ, еще дымящійся въ крови Якуновича; къ нему присоединились оба оруженосца; на лицахъ злодѣевъ написана была твердая рѣшимость дорого продать жизнь свою: они перепрыгнули за перегородку, выставили копья и мечи и мужественно ждали непріятелей.

Русскіе витязи сначала не примѣтили Якуновича, устремились къ узкому проходу въ другое отдѣленіе избы; но тамъ ихъ встрѣтили сверкающія оружія. Лува сильно ударилъ въ перегородку и она треща сломилась и упала; въ сіе мгновеніе стрѣла просвистѣла мимо ушей его и мѣтко вонзилась въ лобъ рыцаря, незащищенный забраломъ. Доннеръ, въ послѣднемъ напряженіи, заскрипѣлъ зубами, яростно устремился на Луву и однимъ отчаяннымъ ударомъ разрубилъ ему шапку, подложенную желѣзомъ, до черепа. Оглушенный Лува отступилъ назадъ; очнувшись, онъ замахнулся на Доннера, но мечь засвистѣлъ, разсѣкая одинъ воздухъ. Рыцарь уже упалъ, страшно заревѣвъ; судорожно хватаясь за землю и грызя рукоять меча своего, онъ гаркнулъ: »Ну, дьяволы, я въ

вашихъ когтяхъ! и ты здѣсь, Давидъ? ты пойдешь другою дорогою!« Онъ вырвалъ стрѣлу и кровь брызнула ручьемъ изъ головы. »Оруженосцы! поддержите своего господина!« .. Никто не отвѣчаетъ. »Адское пламя! .. тьма кромѣшная!« .. Онъ силился подняться, захрипѣлъ и закрылъ глаза на вѣки. Оба оруженосца послѣдовали за нимъ. Вайделотъ топталъ ногами страшнаго истребителя своихъ родственниковъ.

Между тѣмъ Борисъ упалъ на трупъ Давида, громко рыдая; трясъ его — не возвратится ли къ жизни — тщетно! Лува стоялъ, опершись на копье, надъ мертвымъ витяземъ; и двѣ горячія слезы скатились на густые усы его и канули на хладное лице Якуновича.

В. Троицкій.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

IV.

СЕДЬМАЯ БЕСѢДА (МАКАМАТА)

ХАРИРИ а),

ИЗВѢСТНАЯ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

БАРКАИДА.

Харетсъ, сынъ Гиммама, разсказывалъ слѣдующую повѣсть:

Я вознамѣрился было отправиться изъ Баркаиды; но блескъ наступающаго праздника удержалъ меня въ этомъ городѣ: я пожелалъ ви-

---

а) Харири, одинъ изъ отличныхъ писателей Востока, родился въ 446 г. по Геджирѣ (1055) и умеръ въ 515 (1121) въ Басрѣ. Онъ писалъ весьма много сочиненій въ прозѣ и стихахъ; но особенно прославилъ себя произведеніями, извѣстными подъ именемъ: *Макаматы* или *Бесѣды*. Сіи *Макаматы*, писанныя стихами и риѳмическою прозою, заключаютъ въ себѣ чрезвычайное богатство Арабскаго языка съ разными его діалектами, исполнены пословицами и многими фигурными и замысловатыми выраженіями. Онѣ также весьма любопытны и занимательны по произшествіямъ, которыя въ себѣ содержатъ, по оригинальности дѣйствующихъ лицъ, по нравственнымъ урокамъ философіи и особенно по новому роду сочиненія. Харіри каждую повѣсть заставляетъ разсказывать подложное лицо, *Харетса сына Геммама*,

дѣть торжество сего великаго дня. Когда наступилъ праздникъ, время исполненія правилъ вѣры и данныхъ обѣтовъ, и когда всадники и пѣшіе стекались со всѣхъ сторонъ: то я, слѣдуя Суннѣ а), одѣлся въ новое платье и вышелъ

а главное дѣйствующее лице вводитъ подъ именемъ *Абу-Зейда*, который является во всѣхъ *Макаматахъ* (числомъ ихъ 50), въ разныхъ таинственныхъ видахъ, и вездѣ отличается умомъ, необыкновеннымъ знаніемъ языка Арабскаго и особенно поэтическою изобрѣтательностію. Въ переведенной мною бесѣдѣ, *Абу-Зейдъ* является слѣпымъ нищимъ. *Харетсъ* въ такомъ состояніи встрѣчаетъ его на мѣстѣ молитвы во время праздника Байрама въ маленькомъ городкѣ Баркаидѣ (отъ чего и названіе получила сія *Макамата*), недалеко отъ Мосулы. Надобно знать, что *Харири* каждой почти *Макаматъ* даетъ мѣстное названіе и употребляетъ мѣстныя слова и выраженія. Это показываетъ, судя по разнообразію племенъ Арабскихъ, какъ онъ отлично зналъ языкъ Арабскій, и вмѣстѣ объясняетъ, какъ трудно переводить такого автора, у котораго нѣкоторыя слова и выраженія до сихъ поръ не объяснены удовлетворительно первѣйшими оріенталистами. *Примѣч. Переводч.*

а) Сунна, правило жизни, обычай. Отсюда всѣ тѣ Мусульмане, которые, сверхъ Курана, слѣдуютъ

вмѣстѣ съ другими принять участіе въ общемъ праздникѣ. Въ то время какъ всѣ сбирались въ Моссалу а) и, занимая мѣста по порядку, производили чрезвычайную задуху, появился одинъ старикъ въ широкомъ двойномъ плащѣ съ закрытыми глазами. Онъ держалъ подъ мышкою родъ мѣшка и слѣдовалъ за старухою страшною, какъ домовой. Потомъ остановился, едва держась на ногахъ отъ слабости, и началъ всѣхъ униженно привѣтствовать. Окончивъ привѣтствіе, старикъ вложилъ руку въ мѣшокъ и вынулъ изъ него нѣсколько листковъ, расписанныхъ весьма искусно разноцвѣтными красками б). Онъ отдалъ листки своей проводницѣ, удрученной дряхлостію лѣтъ,

---

другимъ обычаямъ, приписываемымъ преданіями Мухаммеду, называются Суннитами.

а) Мосалла, обширное мѣсто, устроенное на открытомъ воздухѣ, куда народъ сбирается молиться, особенно во время праздника Байрама, о которомъ здѣсь и рѣчь идетъ.

б) На Востокѣ, за неимѣніемъ типографій, весьма высоко цѣнится хорошій почеркъ и искусство расписывать края бумаги и заглавныя слова. То же принято было у насъ до введенія, или лучше сказать, до распространенія типографій.

и приказалъ, чтобы она, замѣтивъ людей щедрыхъ и тѣхъ, у которыхъ рука привыкла изливать росу благодѣяній, одѣлила бы всѣхъ ихъ по одному листку. Ненавистная судьба, продолжалъ сынъ Харетса, назначила и мнѣ одинъ изъ сихъ листковъ, въ которомъ были написаны сдѣдующіе стихи:

»Я растерзанъ и измученъ болѣзнями и несчастіями; я содѣлался добычею людей гордыхъ, хитрыхъ и коварныхъ; я испыталъ вѣроломство отъ брата, который возненавидѣлъ меня, за то что я бѣденъ, и злобу отъ начальниковъ, опорочившихъ мои поступки. Сколько разъ я сгаралъ отъ ненависти, нищеты и трудныхъ путешествій! Сколько разъ я бродилъ въ старой изорванной одеждѣ и ни въ одномъ сердцѣ смертнаго не пробудилъ къ себѣ состраданія! О когда бы судьба, столь жестокая противъ меня, похитила дѣтей моихъ! Если бы они не были моими львенками и не составляли бы всѣхъ заботъ и печалей моихъ: то я никогда не пошелъ бы просить милостыни у богатыхъ и знатныхъ и никогда не влачилъ бы полъ моей одежды по мѣстамъ позорнымъ! Я предпочелъ бы сему униженію мое бѣдное и темное жилище и для меня лучше было бы носить ветхое рубище. Нѣтъ ли между вами человѣка великодушнаго, который своимъ подаяніемъ облегчилъ бы тяжкія нужды и по-

тушилъ бы пламя пожирающихъ меня заботъ, прикрывъ наготу моего тѣла?«

Когда я, продолжалъ сынъ Харетса, прочиталъ со вниманіемъ стихи а), то пожелалъ узнать сочинителя ихъ и того, кто такъ искусно разрисовалъ края бумаги. Мысль шепнула мнѣ, что я легко могу узнать объ этомъ отъ старухи; и притомъ я зналъ, что законъ Пророка позволяетъ платить награду тому, кто извѣщаетъ насъ о какомъ-либо дѣлѣ. Я сталъ пристально смотрѣть за старухою, когда она ходила по рядамъ собранія и убѣдительно всѣхъ просила, чтобы излился на руку ея дождь милостыни, но не имѣла большаго успѣха: кошельки присутствовавшихъ не вспомѣли отъ подаяній. Какъ скоро просьбы и старанія ея остались тщетными и она, проходя ряды собранія, почувствовала усталость: то обратилась къ Богу, прося его о покровительствѣ обыкновенною формою б). Потомъ начала сбирать листки, которые раздала, но дьяволъ надоумилъ ее забыть мой листокъ: она не пришла на то мѣсто, гдѣ я находился, и возвратилась къ старику, горько плача, по причинѣ худаго успѣха, и жалуясь на жестокость

а) Въ подлинникѣ: ткань стиховъ.

б) Мы всѣ отъ Бога и возвратимся къ Богу!

судьбы. Старикъ сказалъ: »мы всѣ созданія Бога и успѣхъ дѣлъ нашихъ зависитъ отъ Него. *Нѣтъ силы и могущества*, гласитъ Пророкъ, *кромѣ въ Богѣ!*« Потомъ сказалъ слѣдующіе стихи:

»Нѣтъ въ нынѣшнее время ни души добродѣтельной, ни друга чистосердечнаго, ни источника, изъ котораго можно было бы почерпнуть воду чистую, ни покровителя, который облегчилъ бы участь несчастныхъ. Злоба и ненависть къ людямъ у всѣхъ одинаковы. Нѣтъ человѣка, кому можно было бы ввѣриться и кто могъ бы цѣнить достоинства!«

Окончивъ сіи стихи, старикъ сказалъ своей проводницѣ: »Успокойся и не отчаявайся въ надеждѣ на будущее время; сбери листки и сосчитай ихъ«.—»Ахъ!« воскликнула старуха: »я собрала ихъ и сочла, но одного не достаетъ.«—»Презрѣнная!« вскричалъ старикъ: »да низринутся на тебя всѣ бѣдствія! Несчастная, что ты сдѣлала? Уже ли мы потеряли западню и сѣть, загасили искру огня и свѣтильникъ, способные воспламенять сердца смертныхъ? Увы! несчастіе на несчастныхъ, какъ рана на рану а)«!—Послѣ сихъ укоризнъ, несчастная старуха отправилась снова по прежнимъ слѣдамъ искать лис-

---

а) Въ подлинникѣ пословица: *диетсунъ аля иббалятинъ*, т. е. *связку сѣна на связку дровъ*.

токъ. Когда она, продолжалъ сынъ Харетса, приблизилась ко мнѣ, то я, присоединивъ къ листку дергемъ и другую мелкую монету, сказалъ ей: »Если ты хочешь открыть мнѣ тайну, то получишь эту серебренную монету; если же нѣтъ, то возми мелкую и удались«. Старуха, прельстясь дергемомъ, полнымъ и свѣтлымъ, какъ звѣзда въ мрачную ночь, сказала мнѣ: »Я согласна; спрашивай у меня, что тебѣ угодно.«—»Я желаю знать«—сказалъ я ей—»кто этотъ старикъ, котораго ты водила, и откуда онъ? Кто сочинилъ сіи стихи и разукрасилъ ихъ подобно богатой ткани?«—»Этотъ старикъ«—отвѣчала она мнѣ—»изъ племени Саруджіевъ; онъ самъ же сочинилъ и разрисовалъ сіи стихи!«—Потомъ она схватила у меня дергемъ съ такою же быстротою, съ какою ястребъ хватаетъ свою добычу, и изчезла подобно стрѣлѣ, пущенной изъ лука. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, что этотъ старикъ долженъ быть Абу-Зейдъ. Я почувствовалъ сильную печаль, видя его лишеннымъ зрѣнія; захотѣлъ приблизиться къ нему и поговорить съ нимъ, чтобы удостовѣриться въ своей догадкѣ; но не возможно было подойти, развѣ по шеямъ людей, что законъ нашъ запрещаетъ дѣлать. И такъ опасаясь, чтобы не утѣснить кого либо и тѣмъ не навлечь на себя упрека, я остался на своемъ мѣстѣ, и между тѣмъ не спускалъ съ глазъ

старика до тѣхъ поръ, пока кончилась Хотба а), и народъ началъ разходиться. Въ это время я устремился къ старику и узналъ, что у него дѣйствительно глаза были закрыты вѣками. Когда я убѣдился, что догадка моя также справедлива, какъ догадка сына Аббаса, и что я имѣю такую же проницательность, какую имѣлъ сынъ Іяса б), я извѣстилъ о себѣ Абу-Зейда, подарилъ ему одно изъ своихъ платьевъ и пригласилъ его съ собою отобѣдать. Онъ весьма былъ доволенъ моимъ подаркомъ и тѣмъ, что я узналъ его, также принялъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе и отправился со мною. Рука моя была его вожатымъ и тѣнь предшественникомъ. Съ нами шла третья старуха, которая была *лишняя спица въ колесницѣ* в), мѣшала намъ, такъ что отъ ней невозможно бы-

---

а) Родъ проповѣди, въ которой у Мусульманъ прославляется Богъ, Мухаммедъ, семейство его и царствующій Государь.

б) Аббасъ и Іясъ извѣстны на Востокѣ, по своей проницательности, дальновидности и догадливости. Объ нихъ много расказываютъ Арабы и употребляютъ ихъ въ пословицахъ.

в) Въ подлинникѣ: *теалятсату - митсафи*, третій изъ камней или подставокъ, на которыя ставятъ Бедуины котелъ, когда варятъ пищу. Но такъ какъ они въ этомъ случаѣ употребляютъ толь-

ло скрыть никакой тайны. Когда Абу-Зейдъ пришелъ въ мое жилище и я, по возможности, тотчасъ предложилъ ему пищу; то онъ сказалъ мнѣ: »Харетсъ! нѣтъ ли съ нами кого-нибудь третьяго?«—»Никого нѣтъ«—отвѣчалъ я—»кромѣ старухи.«— »Отъ ней« — сказалъ онъ — »не скрыта тайна.« Потомъ тотчасъ открылъ глаза и быстро взглянулъ на меня: два свѣтила лица его заблистали, подобно двумъ яркимъ звѣздамъ. Я весьма обрадовался, что онъ не лишился зрѣнія, но вмѣстѣ удивлялся страннымъ его поступкамъ. Желая поскорѣе узнать причину сему и не имѣя возможности удержаться отъ любопытства, я спросилъ у него: »Абу-Зейдъ! что заставило тебя притворяться слѣпымъ, скитаться по стѣнамъ, блуждать по пустынямъ и ходить по опаснымъ дорогамъ?« Но онъ притворяясь, будто не въ силахъ ничего сказать, ѣлъ предложенныя мною ему кушанья. Когдажь затушилъ голодъ, то бросилъ на меня быстрый взглядъ и сказалъ слѣдующіе стихи:

»Когда рокъ, отецъ рода человѣческаго, притворяясь слѣпымъ, отступилъ въ направле-

---

ко два камня, слѣдственно третій не нужный, излишній, съ которымъ Харетсъ и сравниваетъ старуху. Я это замѣнилъ нашею пословицею. Это мѣсто неудовлетворительно объяснено въ комментаріяхъ.

тіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ отъ пути справедливаго: то я стараюсь содѣлаться достойнымъ его послѣдователемъ, дабы дѣйствительно признали меня слѣпымъ. Да и что тутъ удивительнаго, если сынъ также дѣйствуетъ, какъ и отецъ его?«

Окончивъ сіи стихи, онъ мнѣ сказалъ: »Харетсъ! встань, поди въ кладовую свою и принеси мнѣ мыльнаго порошка а), который прояснилъ бы мое зрѣніе, содѣлалъ бы бѣлыми мои руки, облаговонилъ бы дыханіе; укрѣпилъ бы десны и исправилъ бы желудокъ; притомъ, чтобы онъ былъ въ чистой коробочкѣ, издающей приятный запахъ, и чтобы истертъ былъ такъ, что коснувшійся до него, могъ бы счесть его за сурму, а понюхавшій вообразилъ бы, что это канфара. Кромѣ сего, принеси мнѣ зубочистку, сдѣланную изъ самаго лучшаго дерева, приятную по употребленію, прекрасную по фигурѣ, возбуждающей аппетитъ къ пищѣ, нѣжную какъ чувствительный любовникъ, гладкую, какъ мечь или другое орудіе военное, и наконецъ гибкую, какъ молодая вѣтвь земнаго дерева.«

а) *Гасуль.* Это родъ мыла, составленнаго изъ разныхъ соланчековыхъ травъ и извѣстное на Востокѣ также подъ именемъ: *кали.*

Я тотчасъ, продолжалъ сынъ Харетса, всталъ съ мѣста, чтобы принести ему то, что онъ просилъ, для очищенія дурнаго запаха во рту своемъ. Я никакъ не думалъ, чтобы онъ обманулъ меня, посылая въ кладовую, и никакъ не воображалъ, чтобы онъ подшутилъ надо мною, прося мыльнаго порошка и зубочистку; но когда я возвратился, со всѣмъ тѣмъ, что онъ просилъ, гораздо скорѣе, нежели можно было дохнуть; то я нашелъ комнату пустою: старикъ и старуха исчезли. Обманъ ихъ воспламенилъ меня гнѣвомъ; я бросился въ слѣдъ за ними, но не могъ найти: они канули какъ будто въ воду или поднялись на облака.

съ Арабскаго Н. Коноплевъ.

V.

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Б).

ФРАНЦУЗСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Одно изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ нынѣшней Французской Словесности есть не знающая никакихъ предѣловъ смѣлость, съ коей она посягаетъ на современное. Мы не говоримъ здѣсь о безчисленномъ множествѣ книгъ и брошюрокъ, въ коихъ исторически расказываются вчерашнія событія и къ которымъ вкусъ, всегда и вездѣ, поддерживается естественнымъ любопытствомъ. Характеристическое въ нынѣшней Французской словесности есть то, что сіи вчерашнія событія составляютъ любимую пищу современной поэзіи и не только просто описываются въ романахъ и такъ называемыхъ историческихъ сценахъ, но даже выводятся на театръ, представляются въ живыхъ лицахъ. Сія дерзость, какъ извѣстно, простерлась до такой степени, что Палата Депутатовъ, въ прошломъ году, намѣревалась взять мѣры, дабы оградить закономъ беззащитную личность отъ оскорбительнаго вызова на позорище. Мы намѣрены здѣсь разсмотрѣть сію вольность только относительно къ выгодамъ искусства. Особенно любимою темою сихъ, такъ сказать, животрепещущихъ зрѣлищъ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, была высоко поэтическая судьба *Напо-*

леона; и ихъ-то хотимъ мы теперь подвергнуть внимательному изслѣдованію.

Между несмѣтнымъ множествомъ *Наполеоновъ*, наводнявшихъ Парижскіе театры, особенно заслуживаютъ вниманіе *четыре* слѣдующіе:

НАПОЛЕОНЪ, мелодрама въ трехъ частяхъ и четырехъ картинахъ, соч. *Анисе-Буржуа* и *Франси*, представл. въ Ambigu-Comique.

НАПОЛЕОНЪ ИЛИ ШЕНБРУНЪ И ОСТРОВЪ С. ЕЛЕНЫ, историческая драма въ двухъ частяхъ и девяти картинахъ, соч. *Дюпети* и *Ренье*, представл. à la Porte-Saint-Martin.

ИМПЕРАТОРЪ, историческія произшествія въ пяти дѣйствіяхъ и осьмнадцати картинахъ, соч. *Проспера*, представ. въ *Олимпійскомъ Циркѣ*.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ ИЛИ ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРІИ, драма въ шести дѣйствіяхъ и въ двадцати картинахъ, соч. *А. Дюма*, представ. въ *Одеонѣ*.

Три дѣйствія сей послѣдней помѣщены были въ *Телескопѣ* прошлаго года; а недавно и вся она издана отдѣльно, въ переводѣ *А. Шишкова* 2-го.

Весьма понятно необыкновенное участіе, возбужденное сими зрѣлищами въ Парижѣ. Кромѣ истинно поэтическаго величія, осіявающаго дивную судьбу *Наполеона*, имя его соединено неразрывными узами съ душой каждаго Француза. Нынѣшніе шестидесятилѣтніе старики родились вмѣстѣ съ нимъ, ихъ молодость была сверстницею его молодости: люди, зрѣлаго те-

нерь возраста, имѣли отъ пятнадцати до осьмнадцати лѣтъ, когда громъ славы его пробудилъ въ юныхъ сердцахъ ихъ геройскій энтузіазмъ, ненасытную жажду подвиговъ; и, назадъ тому двадцать лѣтъ, кормилицы, вмѣсто волшебныхъ сказокъ, усыпляли нынѣшнюю молодежь разсказами о его побѣдахъ! Кто-же могъ оставаться равнодушнымъ къ симъ зрѣлищамъ? Кому не пріятно было видѣть воскрешенными на сценѣ событія, кои, такъ не давно, въ его глазахъ, колебали вселенную и — уже прошли невозвратно?..

Но столь неистощимаго богатства занимательности достаточно ли для возбужденія драматическаго интереса? Электрическое сочувствіе, производимое именемъ *Наполеона* въ массахъ, могло ли возвыситься до эстетическаго достоинства? Разсматривая, въ безмолвной тишинѣ кабинета, всѣ сіи зрѣлища, болѣе или менѣе шумныя и великолѣпныя, нельзя не видѣть, что все ихъ дѣйствіе ограничивается минутнымъ сценическимъ эффектомъ. Это заказная работа для выставки, а не изящныя художественныя произведенія! Мы видимъ въ нихъ лоскутки изъ газетъ, отрывки изъ записокъ, болѣе или менѣе удачно выбранные, болѣе или менѣе искусно сшитые; но напрасно будемъ искать того, что называется созданіемъ, напрасно будемъ искать поэзіи!

Сущность поэзіи составляетъ творчество. Дѣйствительность, въ самой высшей степени поэтическая, можетъ потерять все свое очарованіе, если будетъ представлена въ рабскомъ подражаніи. Поэтъ долженъ быть всегда творцемъ, изобрѣтателемъ:

безъ сомнѣнія, дѣйствительность должна быть его моделью; но необходимо, чтобы списокъ его ознаменованъ былъ печатію свободнаго, зиждительнаго одушевленія. Истина должна находиться въ цѣлой совокупности изображаемой физіономіи, въ идеѣ, коей она оживляется, а не въ матеріяльномъ сходствѣ подробностей. Вотъ прекрасная фигура: ея глаза ярки, щеки румяны, зубы бѣлы, какъ слоновая кость, брови и волосы сама природа. . . но это фигура мертвая, это восковая фигура! Три черты кистью на полотнѣ — и Микель-Анджело оживилъ бы ее! Всѣ нынѣшнія драматическія изображенія *Наполеона* выставляютъ на сцену фигуры въ родѣ Квинта-Курція: и когда-то явится Микель-Анджело, который бы совлекъ съ нихъ эту плоскую, прозаическую истину и одушевилъ свободной, поэтической жизнью?

Въ драматическомъ зрѣлищѣ, назначаемомъ для сцены, сіе поэтическое одушевленіе дѣйствительности необходимо въ высшей степени. Здѣсь всякое матеріяльное подражаніе есть конечная гибель для искусства. Глазъ зрителя упорно противится обману: его ослѣпить невозможно. Тайна сценическаго обольщенія состоитъ въ томъ, чтобы расположить воображеніе, безъ насилія физическому органу зрѣнія, воспроизвесть, собственною силою, во всей полнотѣ, то, что на сценѣ только что образовывается. Когда сержантъ, пишущій на уступѣ батареи, видя бумагу свою засыпанную землей отъ разрыва близь упавшей бомбы, говоритъ холодно офицеру, который ему диктуетъ: »*вотъ и песку не надобно!*« эта черта безъ сомнѣнія имѣетъ высокое эстетическое до-

ствоинство: но, чтобы понять всю ея силу, надобно, чтобы изреченіе сіе сопровождалось дѣйствительно громомъ треснувшей бомбы, чтобы оно, такъ сказать, было облито пламенемъ, вырвавшимся изъ ея утробы. Вы переносите это изреченіе на сцену, пускаете ракетку, которая, лопнувъ, выбрасываетъ изъ себя щепоть пыли, и хотите, чтобъ зрители удивлялись... они будутъ смѣяться; это пародія! Мы указываемъ одну черту: но въ упомянутыхъ драмахъ тысячи подобныхъ, которыя не что иное, какъ пародіи. Самъ *Наполеонъ* есть непрерывная пародія: это фигура, которая ходитъ, садится, нюхаетъ табакъ, надѣваетъ шляпу, какъ *Наполеонъ* дѣйствительно ходилъ, садился, нюхалъ табакъ и надѣвалъ шляпу. Но гдѣ произвольность этихъ движеній, гдѣ блескъ этихъ глазъ, гдѣ выраженіе этой физіономіи, гдѣ поэзія всего человѣка? Мы слышимъ слова, заблаговременно выученныя; видимъ движенія, заранѣе вычисленныя: мы не можемъ освободиться отъ мысли, что у насъ предъ глазами выпускная кукла, которая не владѣетъ своими дѣйствіями. Изволитежь совмѣстить поэзію съ подобнымъ предубѣжденіемъ! Сочинители такъ боялись вымысла, что перенесли на сцену точь въ точь картины Стебена и Верне: но тамъ полотно кипитъ жизнію, а здѣсь мы видимъ автоматовъ, деревянныхъ болвановъ, которыхъ ставили предъ собой живописцы. Сіи сценическія *картины*, составленныя по условнымъ моделямъ, гдѣ каждое лице, какъ будто по командѣ, приходитъ занять извѣстное, давно предугаданное зрителями мѣсто, суть образцы высочайшей

нелѣпости и крайняго безвкусія: пружины, коими онѣ приводятся въ движеніе, слишкомъ ощутительны; ихъ безжизненность слишкомъ очевидна.

Поэты, не очень заботливые о поэзіи, пропускаютъ мимо ушей упрекъ въ прозаизмѣ, относящійся ко всѣмъ подобнымъ произведеніямъ, въ коихъ представляются слишкомъ близкія современныя событія: они думаютъ повершить все дѣло, отвѣчая, что пишутъ исторію. Но, говоря откровенно, мы видимъ здѣсь столь же мало исторіи, какъ и поэзіи. Исторію? пусть такъ! Но какую исторію! Безъ всякой философіи, безъ истины и безпристрастія! Исторію *исторіографа*, льстеца и угодника, не властей, а толпы народной! Здѣсь тщательно прикрывается все, что могло бы оскорбить причудливость публики, предубѣжденія классовъ, которые мало размышляютъ, но живо чувствуютъ, и которыхъ вся умственная дѣятельность ограничивается минутными впечатлѣніями; умышленно ласкаютъ страстямъ зрителей, дабы они заплатили за сію угодливость усердными рукоплесканіями. Не смотря на свой энтузіазмъ, народъ Французскій глубоко чувствовалъ зло, причиненное ему *Наполеономъ*; ибо, въ оба его паденія, оставилъ его пасть безъ защиты, тогда какъ отъ него зависѣло быть его спасителемъ. Но теперь, забывъ о своихъ прошедшихъ страданіяхъ, онъ помнитъ только славу героя, славу дѣйствительно безсмертную, коей лучи долго будутъ сіять надъ Франціей, между тѣмъ какъ тучи бѣдствій ея уже разсѣялись! Сему, вновь пробудившемуся, энтузіазму авторъ обязанъ льстить теперь всячески, дабы при-

обрѣсть благосклонность своей піэсѣ: и эта необходимость убиваетъ всю философическую и даже всю драматическую занимательность дивной судьбы *Наполеона.* Будетъ конечно время, когда истинный поэтъ, вырвавшись изъ заразительной атмосферы предразсудковъ, тяготѣющей нынѣ надъ Франціей, овладѣетъ симъ великимъ колоссомъ, проникнетъ въ таинственную силу его доселѣ неизвѣданнаго духа и распутаетъ всю ткань сей исполненной чудесъ жизни. Его изображеніе будетъ тогда безпристрастно и высоко! Но нынѣшняя толпа не того требуетъ. Для ней нуженъ апотеозъ любимаго героя съ тѣхъ именно сторонъ, которыя ей нравятся. Нарядите актера въ мундиръ, въ которомъ обыкновенно видали *Наполеона*, подстригите волосы такъ, какъ онъ нашивалъ — и довольно! Сердце, которое билось подъ этимъ мундиромъ, мысль, которая кипѣла подъ этими волосами—это вещи, о которыхъ никто не думаетъ, которыхъ никто не домогается видѣть! Работа портнаго и парикмахера — вотъ что интересуетъ толпу: что ей до искусства поэта! Въ апотеозѣ сей восковой фигуры она любитъ видѣть только одно — героя, побѣдителя! Онъ стоитъ на первомъ планѣ картины: *великая армія* должна наполнять глубину. Это ли живая, полная, всеобъемлющая исторія!

Положивъ здѣсь общія начала, приступимъ къ частному разсмотрѣнію самыхъ піэсъ.

Между поименованными четырьмя главными, мелодрама, представленная въ Ambigu-Comique, есть первая, по порядку времени, гдѣ жизнь *Наполеона* пред-

полагалось изобразить съ нѣкоторою обширностію. Сначала *Бонапартъ* представляется подъ Тулономъ, гдѣ фортуна его усыновляетъ; потомъ при Монтеро, гдѣ она прощается съ нимъ, оставляя послѣдній залогъ своей благосклонности. За сими двумя картинами слѣдуютъ: прощаніе съ гвардіей и отправленіе на Эльбу. Піэса оканчивается апотеозомъ. Явно, что авторы, еще робкіе на новомъ поприщѣ, ограничились только началомъ и концемъ военной жизни ихъ героя, не слѣдуя за нимъ ни на Эльбу ни на островъ С. Елены. Двадцать лѣтъ проходитъ между первыми двумя картинами: это дѣйствительно двѣ великія эпохи жизни Императора, но отнюдь не вся его жизнь; и, въ столь тѣсныхъ рамахъ, лице его конечно не могло быть развито со всей полнотою; здѣсь одинъ только профиль военной физіономіи *Бонапарта*—и только! Вся поэзія этой мелодрамы или, лучше сказать, единственное изобрѣтеніе авторовъ есть лице Корсиканской шинкарки, которая, въ дѣтствѣ, играла съ героемъ, угадывала его великую судьбу и провидѣла, въ мечтахъ своихъ, побѣды при Лоди, при Маренго, и коронованіе въ Парижскомъ Катедральномъ Соборѣ. Въ ту минуту, когда *Наполеонъ* располагается взять Тулонъ, она расказываетъ ему будущую судьбу его на цѣлыя десять лѣтъ, въ одномъ изъ куплетовъ, которые Французы называютъ couplets de facture. *Наполеонъ* снова встрѣчаетъ вѣщунью въ хижинѣ при Монтеро. Она покинула армію съ 1804 года, но сохраняетъ весь свой энтузіазмъ къ Императору. Увы! теперь она болѣе не мечтаетъ: ей нечего предсказывать

своему герою. Не желая разстаться съ нимъ, она слѣдуетъ за нимъ на Эльбу.

Названіе: *Шенбрунъ и Островъ С. Елены*, заблаговременно устанавливаетъ воображеніе зрителей и показываетъ, что авторы избрали также весьма небольшую часть изъ жизни героя. Но это опять двѣ важныя ея эпохи: миръ съ Австріей въ 1809 году когда Императоръ стоялъ въ зенитѣ своего счастія, и его изгнаническая смерть въ тюрьмѣ, коей Гудзон-Ловъ былъ сторожемъ. Въ первой части сей мелодрамы есть нѣсколько изобрѣтенія, по крайней мѣрѣ въ расположеніи произшествіи. Заговоръ студентовъ, между коими жребій назначаетъ Фридриха Штабса для умерщвленія Императора; энтузіазмъ молодаго человѣка, который, въ самый день своей свадьбы съ любимою дѣвушкой, обрекается на сіе патріотическое злодѣйство; его твердость предъ солдатами, готовыми его разстрѣлять; наконецъ помилованіе, изреченное вмѣстѣ съ согласіемъ на миръ: все это составляетъ картину не безъ эффекта. Но для сего надобно было оболгать главное лице, вопреки исторической истинѣ. Какаябъ была печальная развязка! Сколько интереса сосредоточилось бы на несчастномъ Штабсѣ и какое мрачное чувство возбудилось бы къ Императору, еслибъ пылкій защитникъ Германской самостоятельности противъ Французскаго ига палъ подъ роковымъ ѳвинцомъ завоевателя? И между тѣмъ такъ гласитъ исторія: великодушіе *Наполеона* есть совершенный вымыслъ. Доколѣ будутъ упорствовать представлять въ *Наполеонѣ* лице вездѣ удивительное, всегда занимательное, до-

колѣ не перестанутъ изображать его идеальнымъ героемъ, очищеннымъ отъ всякой примѣси человѣка, отлитымъ въ необыкновенныя, сверхъ-естественныя формы: дополѣ должно будетъ отказаться отъ всякаго изображенія, достойнаго уваженія и будущности! Вторая часть мелодрамы не стоила никакихъ издержекъ фантазіи сочинителей: это *Меморіалъ Острова С. Елены*, раздѣленный на сцены съ самою буквальною вѣрностію, не опустившею даже и погребенія. Вымышлено только одно лице солдата, который, и въ первой части, играетъ довольно важную роль, а потомъ, переодѣвшись въ матроса, проникаетъ въ заточеніе героя. Этотъ вѣрный слуга прибылъ на кораблѣ, приготовленномъ спасти *Наполеона*. Долго отказываясь отъ побѣга, Императоръ, наконецъ доведенный до крайности недостойными поступками Губернатора, рѣшается пріобрѣсть свободу: но въ ту минуту какъ онъ выходитъ уже изъ своего дома, раздается ружейный выстрѣлъ, и солдатъ, который посланъ былъ дать сигналъ, приносится съ раздробленною ногою. Вскорѣ онъ вырываетъ могилу своему Генералу и, когда всѣ сопутники изгнанія его возвращаются во Францію, одинъ остается на островѣ С. Елены, вѣчнымъ часовымъ при гробѣ человѣка, которому посвятилъ себя. Это лице изображено прекрасно и возбуждаетъ истинное участіе. Посему вторая часть сей драмы, въ продолженіе всѣхъ представленій, извлекала постоянно слезы.

Наконецъ *Олимпійскій Циркъ* понялъ, что это былъ предметъ, собственно ему принадлежащій.

Циркъ имѣетъ у себя настоящую армію, настоящую кавалерію: на своей сценѣ онъ давалъ и выигрывалъ столько сраженій, сколько *Наполеонъ* во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта. Онъ привыкъ говорить болѣе глазамъ, чѣмъ уму: вся поэзія его зрѣлищъ заключается въ декораціяхъ, въ живописномъ расположенія массъ, въ глубокой смышленности и чудесной игрѣ его четвероногихъ лицедѣевъ. И поелику дѣло состояло въ томъ, чтобы представить не столько внутреннюю исторію души *Наполеона*, сколько шумъ внѣшней, такъ сказать, парадной его жизни: то *Циркъ* воспользовался всѣми своими средствами. Онъ пренебрегъ манеру, принятую à la Porte-Saint-Martin, манеру робкую и слишкомъ еще похожую на правильную драму; ибо авторы усиливались растрогать зрителей и сосредоточить интересъ на двухъ только эпохахъ жизни героя. *Циркъ* овладѣлъ почти всей этой жизнью: онъ изкромсалъ ее на осьмнадцать отдѣльныхъ кроки и преслѣдовалъ *Бонапарта* съ возвращенія изъ первыхъ Италіянскихъ кампаній до апотеоза. Сначала герой представляется въ присутствіи Директоріи; потомъ отправляющимся изъ Тулона въ Египетъ, среди Дивана, одерживающимъ славную побѣду при Пирамидахъ. Далѣе видимъ его спасающимся отъ взрыва адской машины и сопровождаемъ въ Оперу, гдѣ встрѣчаетъ его всеобщій восторгъ. Вскорѣ Парижскій Каѳедральный Соборъ открываетъ свою обширную базилику, великолѣпно украшенную, населенную Королями и Королевами, наполненную всею торжественностію религіи и всею грозною пышностію войны; предъ престолами Импе-

ратора и Императрицы возвышается тронъ Папы; можно сказать, что весь клиръ Рима, вся великая армія Франціи, столпилась подъ сими сводами; трудно вообразить зрѣлище, болѣе ослѣпительное. Въ представленіи *Цирка*, кампанія Аустерлицкая, кампанія Іенская, изчезаютъ; царства рушились, другія возникли, могущественное слово Императора сотворило столько царей: *Цирку* нѣкогда останавливаться на подобныхъ бездѣлкахъ—и вотъ мы въ Испаніи! Великій Инквизиторъ является предъ Наполеономъ. Говоря по совѣсти, монахъ былъ правѣе завоевателя: но, во всѣхъ нынѣшнихъ драмахъ, положено, чтобы справедливость была всегда на сторонѣ Императора; и Доминиканецъ уходитъ съ крѣпко намытою головою. Увѣщанія Императора раздражили его; и въ слѣдующей картинѣ представляется инсуррекція монаховъ въ Мадритѣ: это настоящее сраженіе! Прощаніе *Наполеона* съ Жозефиной, въ ту минуту, какъ новая Императрица пріѣзжаетъ въ Компіень, представлено довольно сухо и мало драматически; *Циркъ* гораздо больше знаетъ толку въ ружейномъ огнѣ, чѣмъ въ изліяніяхъ чувствительности; посему онъ спѣшитъ перенести зрителей на поле битвы. Является Москва, пожираемая пламенемъ. Переходъ черезъ Березину изображается во всей печальной наготѣ ужасной истины. Это родъ торжественныхъ похоронъ великой арміи! За тѣмъ слѣдуетъ ея воскресеніе. Театръ представляетъ послѣднюю побѣду ея при Монмиралѣ: но, увы! побѣду безполезную! Это доказываетъ печальная сцена прощанія въ Фонтенебло. Острова Эльбы нѣтъ. Зрители переносятся на

Нортумберландъ, въ открытомъ морѣ, передъ Островомъ С. Елены. Въ слѣдующей картинѣ смерть *Наполеона*, похороны и наконецъ апотеозъ. Мы почли себя обязанными войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности, дабы дать понять все разнообразіе, все великолѣпіе, и вмѣстѣ несвязность и отсутствіе всякаго драматическаго интереса въ сей обширной галлереѣ картинъ. Это фантасмагорія волшебнаго фонаря — и только! Но фантасмагорія конечно любопытная и занимательная для всѣхъ взрослыхъ дѣтей, сколько ихъ есть въ Парижѣ!

Для *А. Дюма* конечно было существеннымъ несчастіемъ, что онъ нашелъ тему, уже такъ истощенную. Ему не льзя отказать въ плодовитости и въ изобрѣтательности: но воображеніе его, принужденное, на ряду съ прочими, видѣть въ *Наполеонѣ* одну только пошлую сторону безусловнаго удивленія, чувствовало себя тѣсно скованнымъ. Все что ни было новаго, философическаго, истинно одушевленнаго, въ его предметѣ, не принадлежало къ его горизонту: оставалось передѣлывать то, что уже было сдѣлано, прибавить нѣсколько лицъ, нѣсколько приключеній, къ сценамъ уже обрисованнымъ. По крайней мѣрѣ онъ умѣлъ помѣстить кое-гдѣ черты истинно энергическія и мысли высокія. Поэтъ пробовалъ также ввести нѣсколько комическихъ картинъ; но онъ лучше успѣлъ въ драмѣ; и его вѣчный хлопотунъ (Лябредешь), который изъявляетъ свою преданность и подаетъ прозьбы всѣмъ правительствамъ, есть каррикатура, слишкомъ уже истертая.

Дюма особенно усиливался развить, съ большею, чѣмъ у предшественниковъ его, полнотою и обширностью, послѣднюю часть жизни своего героя, его великую политическую катастрофу и долгую смертную агонію. Почти вся піэса посвящена послѣднимъ девяти годамъ жизни *Наполеоновой.* Первая картина: *Тулонъ*, 1793, весьма много походитъ на первую картину мелодрамы Ambigu-Comique: это было неизбѣжно, поелику произшествія и лица совершенно тѣже. Только эпизодъ Корсиканской шинкарки замѣненъ здѣсь другимъ эпизодомъ Корсиканскаго же шпіона, который перешелъ въ службу Англичанъ и, будучи пойманъ во Французскомъ лагерѣ, получаетъ отъ *Бонапарта* помилованіе и жизнь. Съ этой минуты, шпіонъ сей привязывается всѣмъ существомъ своимъ къ особѣ своего спасителя и обрекается неусыпно бдѣть надъ безопасностью его жизни. Изъ Тулона сцена переносится въ Сен-Клу, среди народнаго праздника. Это на канунѣ коронаціи. *Бонапартъ* переодѣтый вмѣшивается въ толпу, чтобъ прислушаться къ мнѣнію народа; убійца бросается на него; но шпіонъ здѣсь; подставивъ себя, онъ отводитъ ударъ, назначенный Консулу. Послѣ кабинетной сцены въ Сен-Клу и народной предъ Тюльери, зрители переносятся въ Дрезденъ, гдѣ Короли царедворствуютъ предъ Императоромъ; потомъ на биваки подъ Бородинымъ, на канунѣ знаменитой битвы. Здѣсь картина лагеря, одна изъ лучшихъ въ піэсѣ! Пожаръ Москвы и ужасныя бѣдствія отступленія изображены въ слѣдующихъ картинахъ. Переходъ черезъ Березину представляетъ менѣе ма-

теріяльной истины, чѣмъ въ *Циркѣ*, но за то имѣетъ болѣе театральной очаровательности. Потомъ зрители видятъ себя среди Парижскаго народа, когда союзники уже у воротъ; и вслѣдъ за тѣмъ сцены въ Фонтенебло. По возвращеніи въ Парижъ мы находимъ Бурбоновъ возстановленными: безразсудная самонадѣянность царствуетъ въ переднихъ Министерства, глупость въ гостиныхъ Сен-Жерменскаго предмѣстія. Между тѣмъ на островѣ Эльбѣ дѣлаются приготовленія къ отъѣзду; и вскорѣ судно, несущее *Бонапарта*, встрѣчается съ тѣмъ, второе должно стеречь его. Безпорядокъ въ Тюльерійскихъ чертогахъ, гдѣ съ одной стороны выѣзжаетъ Людовикъ XVIII, съ другой входитъ *Наполеонъ*, составляетъ предметъ послѣдней картины во Франціи. На Островѣ С. Елены авторъ старается съ особенною подробностію изобразить жестокость Гудзон-Лова. Послѣ мелодрамы à la Porte-Saint-Martin и зрѣлища въ *Циркѣ*, гдѣ сіи картины были представлены и всѣ историческіе матеріялы взяты въ дѣло, автору не много было поживы. Онъ старался извлечь особенный эффектъ изъ своего шпіона, который не теряется изъ виду во все продолженіе піэсы. Сей вѣрный слуга успѣлъ приготовить средства для избавленія узника изъ заточенія. Потомъ втирается въ Англійскую службу и, добравшись до Императора, извѣщаетъ, что корабль ждетъ его въ недальнемъ разстояніи отъ берега. Императоръ отказывается ѣхать; шпіонъ открытъ и осужденъ на смерть. Это, явно, не совсѣмъ удачная копія стараго *Наполеоновскаго* солдата изъ ме-

лодрамы de la Porte-Saint-Martin. Сіе трагическое произшествіе причиняетъ Императору, уже умирающему, кризисъ, который довершаетъ его конецъ. Послѣдняя агонія его чрезмѣрно продолжительна. Авторъ, принужденный повторять ситуацію, уже истощенную двумя предшествовавшими опытами, думалъ прибавить ей сколько нибудь новой занимательности, растянувъ ее; но онъ конечно лучшебы достигъ сей цѣли противнымъ. Піэса оканчивается также похоронами и апотеозомъ.

Не будемъ придираться къ заглавію, которое авторъ далъ піэсѣ: *Тридцать Лѣтъ Исторіи Франціи*; четыре слова очень легко вымарать! Но не льзя не замѣтить, что заглавіе сіе весьма мало оправдывается произведеніемъ, въ коемъ большаа часть событій, составлявшихъ въ это время судьбу не только Франціи, но и всей Европы, покрыты молчаніемъ; гдѣ, исключая нѣсколько минутъ 1804 года, цѣлыя двадцать лѣтъ, между 1793 и 1812 годами, скрадены въ антр-актѣ; гдѣ, слѣдовательно, самъ *Наполеонъ*, за исключеніемъ дня въ Сен-Клу, показывается только на двухъ краяхъ своего политическаго поприща; гдѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ піэсахъ, главное лице представлено въ профилѣ; гдѣ, наконецъ, видны только пол-*Бонапарта* и лице шпіона. Во Франціи, въ продолженіе *тридцати лѣтъ*, было много кой-чего другаго. Трудно предположить, чтобы это совершенное, такъ сказать, уединеніе главнаго героя, это пожертвованіе одному лицу всѣми другими событіями, необходимо требовалось для драматическаго интереса; но несомнительно что

интересъ историческій потерпѣлъ отъ того весьма много. Не льзя пріучить себя видѣть *Наполеона*, открывающаго простому шпіону всѣ свои великія намѣренія, всѣ тайны своей политики; не менѣе также странно, въ то время какъ всѣ начальники арміи играютъ въ Москвѣ такую постыдную роль, не слышать ни одного слова о несчастномъ Маршалѣ Неѣ, истинномъ героѣ ужаснаго отступленія. Коротко сказать, сіе насильственное сосредоточеніе всего интереса въ лицѣ *Наполеона*, нанесло существенный вредъ истинѣ, безъ всякаго выигрыша или даже съ рѣшительнымъ ущербомъ для поэзіи.

Явно теперь, каковы слѣдствія сей новой системы драматизированія современныхъ событій, которая замѣняетъ вымыслъ дѣйствительностью, въ область творческаго изобрѣтенія вводитъ рабское, матеріяльное подраженіе, и несвязнымъ сцѣпленіемъ приключеній, не проникнутыхъ одною животворною идеею, ищетъ возбудить драматическій интересъ, достигаемый только тогда, когда фантазія художника, переплавливая въ своемъ горнилѣ дѣйствительность, созидаетъ предъ нами новый высшій міръ, гдѣ смутный хаосъ земныхъ волненій разрѣшается въ вѣчную гармонію, поучительную для ума, усладительную для сердца.

Всѣ исчисленные нами *Наполеоны* имѣли необычайный успѣхъ въ Парижѣ: но, за исключеніемъ мелодрамы de la Porte-Saint-Martin, гдѣ есть еще, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые слѣды драматическаго искусства, очевидно, что успѣхомъ своимъ они были одол-

жены только имени героя и что всякой другой предметъ былъ бы непремѣнно убитъ господствующею въ нихъ системою представленія.

Такъ называемые *Братья Господнихъ Страстей* (Confrères de la Passion), въ коихъ, при концѣ XIV столѣтія, впервые показалась Французская драматическая поэзія, стояли на той точкѣ театральнаго искусства, какъ разобранныя нами теперь піэсы. Самое ихъ имя показываетъ, что содержаніе ихъ драматическихъ произведеній составляли священныя событія, изъ жизни Спасителя, преимущественно Его страданія. И такъ какъ вѣра возпрещала имъ искажать Евангельскую истину произвольными вымыслами, то въ ихъ представленіяхъ господствовала безусловная покорность дѣйствительности. Они только прелагали въ разговоры и представляли въ въ картинахъ Священную Исторію. Карлу VI такъ нравились сіи представленія, что онъ *Братству Страстей* далъ привиллегію играть сіи духовныя піэсы »devant nous, devant nostre commun et ailleurs«, какъ говорится въ патентѣ. Мы считаемъ не безполезнымъ дать здѣсь нѣкоторое понятіе о сихъ первыхъ младенческихъ опытахъ, въ коихъ зародилась нынѣшняя драматическая поэзія, дабы лучше видѣть сходство ихъ изобрѣтенія и расположенія съ разбираемыми піэсами. Одна изъ наиболѣе славившихся между ними называется: *Таинство* (Mystère) *Зачатія и Рождества препрославленной Дѣвы Маріи, съ Ея Бракосочетаніемъ, Рождествомъ, Страстями, Воскресеніемъ и Вознесеніемъ Искупителя и Спасителя нашего Іисуса Христа, представленное въ Пари-*

есть, въ лѣто Благодати тысяча пять сотъ седьмое а).

Въ сей піэсѣ *Зачатіе* можно считать прологомъ, а *Воскресеніе* эпилогомъ представленія, коего истинный предметъ есть жизнь и страданія І. Христа. Она раздѣлена на *четыре* части или *дня* (journées), изъ коихъ каждый подраздѣляется на множество картинъ.

Въ *Первомъ Днѣ*, сначала представляется проповѣдь С. Іоанна Крестителя въ пустынѣ; потомъ

а) Долго сіи зрѣлища соединялись съ чувствами истинной набожности: ихъ представляли преимущественно въ большіе праздники и церковь откладывала часъ вечернихъ молитвъ, чтобы дозволить народу на нихъ присутствовать. Въ послѣдствіи, къ нимъ начали примѣшивать соблазнительныя шутовства, отъ чего онѣ исказились такъ, что Парламентъ наконецъ запретилъ ихъ закономъ въ 1543 году. Въ Испаніи подобныя зрѣлища представлялись въ самыхъ церквахъ, въ навечеріе праздниковъ. И у насъ, до временъ Петра Великаго, бывали подобные примѣры. Въ одномъ изъ монастырей Новогородскихъ существуетъ и понынѣ *пещь*, въ которую ввергали *трехъ отроковъ*. Въ теремахъ Софіи Алексіевны игрались многія историческія и алегорическія піэсы духовнаго содержанія. Сущность одной изъ нихъ, подъ именемъ: *Кающійся Грѣшникъ*, гдѣ на сценѣ дѣйствуютъ Ангелы и Дьяволы, описана Княземъ *А. А. Шаховскимъ* въ *Театральномъ Альманахѣ* (1830). *С. Димитрій*, Митрополитъ Ростовскій, соединявшій съ обширною ученостью глубокое поэтическое чувство, писалъ много подобныхъ духовныхъ трагедій, которыя игрались въ Ростовской Семинаріи, а потомъ, при Императрицѣ Елисаветѣ, на Придворномъ Театрѣ.

крещеніе І. Христа, въ продолженіе коего Ангелы воспѣваютъ небесныя пѣснопѣнія. Отсюда сцена переносится въ адъ, гдѣ дьяволы держатъ совѣтъ; какъ погубить новаго пришельца, котораго еще не знаютъ, но уже боятся. Потомъ Пилатъ пріѣзжаетъ въ Іудею, со всею наружною пышностію власти, сопровождаемый, какъ Тристанъ Людовика XI, четырьмя палачами съ веревками и ножами; онъ издаетъ свои повелѣнія. За тѣмъ видимъ Іуду, встрѣчающагося съ сыномъ Царя острова Искаріота, которому онъ предлагаетъ играть въ шашки. Здѣсь начинается у нихъ ссора; Іуда убиваетъ Царскаго сына и укрывается отъ правосудія, вступивъ въ службу къ Пилату. Между тѣмъ Сатана, въ слѣдствіе адскаго совѣщанія, отправляется къ І. Христу, который сорокъ дней постился въ пустынѣ, и подъ разными переодѣваньями, искушаетъ его, но безполезно. Въ слѣдующей картинѣ Іуда заводитъ ссору съ своимъ отцемъ, котораго не знаетъ, убиваетъ его и потомъ женится на своей матери. Послѣ, узнавъ свои преступленія, онъ идетъ къ І. Христу, проповѣдывавшему милосердіе грѣшникамъ, и принимается имъ въ число Апостоловъ. Бракъ въ Канѣ Галилейской и превращеніе воды въ вино; изгнаніе купцовъ изъ храма; воскресеніе дочери Іаира; встрѣча и бесѣда съ Самарянынею; обращеніе Лазаря, произведенное воскресеніемъ сына вдовы Наинской—составляютъ предметы слѣдующихъ картинъ. Въ одной изъ предидущихъ изображено заключеніе Іоанна Крестителя въ темницу. Теперь представляется пиръ у Ирода; Иродіада приказываетъ дочери своей Флоренціи тан-

цовать; и восхищенный отецъ отдаетъ ей голову Іоанна. Казнь совершается предъ глазами зрителей, слугой Ирода Гроньяромъ, который съ ремесломъ палача соединяетъ еще званіе царскаго шута. Въ слѣдующихъ трехъ картинахъ, душа С. Іоанна нисходитъ во адъ; потомъ отчаяніе дьяволовъ, которые предвидятъ конецъ ихъ владычества; наконецъ погребеніе С. Іоанна.

Главныя картины *Втораго Дня* суть: исцѣленіе дочери жены Хананейской; преображеніе І. Христа; обращеніе Маріи Магдалины; смерть Лазаря и воскресеніе; заговоръ Фарисеевъ и Старцевъ противъ Спасителя; наконецъ вечеря въ домѣ Симона, гдѣ Магдалина возливаетъ ароматы, а Іуда замышляетъ предательство.

Третій День открывается торжественнымъ входомъ Спасителя въ Іерусалимъ, посреди многочисленнаго народа съ ваіями и вѣтвями. Онъ упрекаетъ Іудеевъ за ихъ нечестіе; и враги его, особенно Анна и Каіафа, приходятъ въ бѣшенство. За тѣмъ сцена опять переносится въ адъ, гдѣ дьяволы, раздраженные торжествомъ Спасителя, отправляютъ отъ себя трехъ злѣйшихъ духовъ, кои раздуваютъ неистовство Іудеевъ и подущаютъ Іуду къ предательству. Въ слѣдующихъ картинахъ изображается тайная вечеря и ночныя страданія на горѣ Элеонской. Является Іуда съ спирою и даетъ условленный знакъ лобзанія. Спаситель взятъ, Апостолы разбѣгаются. Допросы у Анны и Каіафы, и потомъ недостойные поступки съ І. Христомъ въ продолженіе ночи, оканчиваютъ сію третью часть. Здѣсь особенно достой-

на замѣчанія бесѣда Спасителя съ С. Дѣвой, которая увлекаясь материнскою любовью, тщетно умоляетъ его отвратить отъ себя мучительную смерть, которую предвидитъ.

Угрызенія Іуды и скорбь С. Дѣвы начинаютъ *Четвертый День*. За сценою въ преторіи, предъ Пилатомъ, слѣдуетъ погибель Іуды; олицетворенное Отчаяніе, посланное Люциферомъ, преслѣдуетъ предателя и на всѣ мольбы его о помилованіи отвѣтствуетъ только дозволеніемъ выбрать самому родъ смерти; предатель вѣшается и дьяволы уносятъ его душу. Слѣдующая картина представляетъ бичеваніе, возложеніе терноваго вѣнца и другія поруганія Спасителя. Потомъ сцена опять перемѣняется и, какъ видно, умышленно, для возвышенія интереса искусственнымъ замедленіемъ. Въ адѣ узнаютъ, что осужденный праведникъ есть истинный Мессія и что именно его смерть должна сокрушить владычество Люцифера, который такимъ образомъ видитъ, что запутался въ собственныя свои сѣти. Немедленно отправляетъ онъ Сатану къ женѣ Пилата, чтобы возбудить ее страшнымъ сновидѣніемъ испросить помилованіе Спасителю. Но уже поздо. Смерть изречена. Приготовляютъ крестъ и обременяютъ имъ Божественнаго страдальца. Многочисленный народъ сопровождаетъ шествіе къ Голгофѣ. Адъ бѣснуется въ отчаяніи. Распятіе Спасителя посреди двухъ разбойниковъ. Воины потомъ дѣлятъ его одежду; и Сатана, присутствуя вездѣ подъ человѣческимъ видомъ, изобрѣтаетъ на сей случай игру въ кости, которая посему провозглашается изобрѣтеніемъ дьявольскимъ.

Спаситель испускаетъ послѣдній вздохъ; и, по указанію піэсы, наступаетъ глубокая темнота, земля потрясается, завѣса храма раздирается на двое и мертвые возстаютъ изъ гробовъ. Всѣ признаютъ Сына Божія. Ангелы воспѣваютъ хвалебныя пѣсни (по Латыни, какъ замѣчается въ піэсѣ). Въ утѣшеніе С. Дѣвѣ, Гавріилъ Архангелъ напоминаетъ, что І. Христосъ долженъ воскреснуть. Въ предпослѣдней картинѣ, Спаситель нисходитъ во адъ, разрушаетъ врата его и изводитъ въ рай души Адама, Еввы, Іоанна Крестителя и другихъ праведныхъ. День оканчивается погребеніемъ І. Христа и учрежденіемъ стражи при гробѣ.

Воскресеніе, составляющее, какъ мы сказали, родъ эпилога, состоитъ изъ многихъ картинъ, въ коихъ представляются различныя явленія І. Христа, вознесеніе и наконецъ просвѣщеніе человѣчества Его одесную Бога Отца а).

а) Тѣ, которые мало знакомы съ исторіею театра, безсомнѣнія удивятся, что въ сіи отдаленныя времена, когда искусство находилось въ совершенномъ младенчествѣ, могли быть представляемы піэсы, требующія, по видимому, всего очарованія декорацій и особеннаго совершенства машинъ. Но *Братья Страстей* были не большіе машинисты. Вотъ какъ они устрояли свои театры. Глубина сцены занималась множествомъ подмостокъ, которыя называлась *établies*; изъ нихъ, которая выше всѣхъ, означала рай; прочія носили названія другихъ мѣстъ, смотря по предмету. Вотъ описаніе, сдѣланное авторомъ одной мистеріи называемой *Вознесеніе*, о театрѣ, на которомъ игралась сія мистерія:

Сіе произведеніе, по его формѣ, можно разсматривать, какъ типъ всѣхъ драматическихъ опытовъ, кои во время младенчества искусства представлялись во Франціи въ продолженіе полутора вѣковъ. Не льзя ли въ немъ видѣть и типъ сценъ Имперіи, наводняющихъ нынѣ театръ Французскій? Составъ, ходъ, разнообразіе приключеній, наклонность изображать дѣйствительность со всѣми подробностями, такъ сказать, матеріализировать поэзію — въ равной степени представляются въ піэсахъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга пространствомъ четырехъ столѣтій! Даже справедливость требуетъ сказать, что въ мистеріи,

---

» Открытый рай, устроенный на подобіе трона, кругомъ обшитый золотомъ: посреди его Богъ Отецъ на богатоукрашенномъ сѣдалищѣ; одесную Миръ и подъ нимъ Милосердіе; ошую Правда и подъ ней Добродѣтель; вокругъ девять Чиновъ Ангельскихъ другъ надъ другомъ.

»Домъ родителей С. Дѣвы.

»Ея моленная.

» Хлѣвъ.

» Адъ, сдѣланный на подобіе большей пасти, отворяющейся и закрывающейся по нуждѣ.

»Обиталище душъ праотцевъ, сдѣланное на подобіе темницы, и при томъ поддѣльное, только для вида.

»Мѣста для пророковъ, отдѣльно другъ отъ друга.

По бокамъ театра были устроены скамейки, гдѣ актеры садились, когда переставали говорить; совсѣмъ же уходили не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи ролей. *Юлій Скалигеръ* очень смѣялся подобному устройству въ своей *Піитикѣ. Poëtique, L. I.*

коей канву теперь мы изложили, гораздо болѣе творческаго одушевленія и драматическихъ идей. И это, конечно, должно приписать не столько таланту автора мистеріи, сколько существенной невыгодѣ, происходящей для нынѣшнихъ поэтовъ отъ слишкомъ близкой современности избираемыхъ ими происшествій.

Мы уже сказали, что ничто такъ не убиваетъ фантазіи, какъ безусловная положительность, матеріяльная дѣйствительность: она любитъ отдаленную неопредѣленную перспективу минувшаго, гдѣ можетъ работать свободно на просторѣ. *Бонапартъ*, конечно, будетъ нѣкогда превосходнымъ героемъ драмы; но не теперь: ибо для настоящаго поколѣнія, живущаго въ атмосферѣ имъ преисполненной, онъ представляется гораздо колоссальнѣе въ своей простой дѣйствительности, нежели какъ фантазія можетъ идеализировать его. Когда время поставитъ его въ нѣкоторой тѣни, тогда онъ сдѣлается болѣе способнымъ къ поэтической обработкѣ; ибо, какъ онъ самъ, такъ и происшествія, среди коихъ онъ возвышается, не такъ подробно будутъ извѣстны.

Не при свѣтѣ солнечномъ оракулы издаютъ свои прорицанія: напротивъ святилище ихъ мрачно, жрица всегда подъ таинственнымъ покрываломъ. Во мглѣ временъ, равно какъ во тмѣ пространства, заключается нѣчто недовѣдомое, священное, мистическое: и здѣсь-то поэзія! Она исчезаетъ при блескѣ, который все озаряетъ, который не обѣщаетъ никакой таинственности!

Древніе Греки, кои намъ теперь кажутся столь поэтическими, не были таковы въ собственныхъ своихъ глазахъ. Когда Эсхилъ вознамѣрился драматизировать современное событіе, когда хотѣлъ возвеличить побѣду Саламинскую и прославить Ѳемистокла, то ни подъ какимъ видомъ не осмѣлился вывести на сцену самаго героя, даже не наименовалъ его; но онъ сочинилъ *Персовъ*.

Это не отъ того, чтобы Аѳиняне, народъ столь тщеславный и хвастливый, не находили для себя особеннаго удовольствія рукоплескать самимъ себѣ, что и случалось весьма не рѣдко, когда драматическіе поэты давали къ тому поводъ. Но они любили, чтобъ сіе удовольствіе доставлялось имъ не прямыми остроумными намеками, которые они сами моглибъ принаровить къ себѣ. Они рукоплескали своей свободѣ, противуполагая ее порабощенію другихъ народовъ; прославляли свои побѣды, указывая на побѣжденныхъ.

Персы были тогда народомъ поэтическимъ для Грековъ: не имѣя тѣснаго сообщенія съ ними, ни по нравамъ, ни по умственнымъ связямъ, они видѣли ихъ какъ будто сквозь туманъ. Исторія, обычаи, религія, правленіе, коротко сказать, вся Персія была для нихъ тайною. И Эсхилъ очень хорошо понялъ, что весьма легко дать поэтическій цвѣтъ происшествію, случившемуся на канунѣ, у самыхъ воротъ Аѳинскихъ, въ коемъ и зрители и самъ поэтъ были настоящими актерами, перенеся сцену въ Сузы и заставивъ говорить и дѣйствовать однихъ Персовъ. Это было испол-

нено имъ съ удивительнымъ искусствомъ. Дадимъ здѣсь понятіе объ его піэсѣ, которая очень хорошо показываетъ, какимъ образомъ отецъ Греческой трагедіи понималъ поэзію современныхъ событій а).

Піэса открывается сценою, гдѣ хоръ, составленный изъ старцевъ, главныхъ особъ Персіи, пространно исчисляетъ всѣ народы, хлынувшіе изъ Азіи на Грецію: онъ прославляетъ ихъ мужество и изображаетъ ихъ страшными и непреодолимыми. Между тѣмъ, посреди надеждъ почти несомнѣнной побѣды, возникаютъ сомнѣнія: о войскѣ, отправившемся въ походъ, нѣтъ извѣстій; а судьба такъ своенравна! Является женщина, достопочтенная по своимъ лѣтамъ и наружнымъ признакамъ могущества: Персы почитаютъ ее супругою и матерью своихъ боговъ: это въ самомъ дѣлѣ вдова Дарія, дочь Кира и мать Ксеркса; это Атосса. Тоска, гнетущая ее душу, изгнала ее изъ царскихъ чертоговъ. Она разказываетъ сны, которые безпрестанно ее тревожатъ, и предчувствія, кои поражаютъ ее при пробужденіи. Вездѣ въ сихъ предчувствіяхъ, ей видится Греція, страшная и грозная. Атосса навѣдывается о сей неизвѣстной ей странѣ: и въ отвѣтахъ хора, слава Греціи, и особенно Аѳинъ, сіяетъ въ полномъ блескѣ. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ сей сцены:

е) Трагедія Эсхилова была представлена спустя восемь лѣтъ послѣ Саламинской битвы. Тотъ же самый предметъ былъ уже выводимъ на сцену поэтомъ Фриникомъ.

АТОССА.

И такъ это городъ, которымъ сынъ мой жаждетъ овладѣть?

ХОРЪ.

Да! и если онъ будетъ его владыкою, то будетъ владыкою всей Греціи!

АТОССА.

Вѣрно въ немъ неемѣтное воинство?

ХОРЪ.

Каково ни есть, но оно было пагубно для Мидянъ!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . .

. . . . . .

АТОССА.

Но какъ же противостанутъ они ратникамъ, которые идутъ на нихъ?

ХОРЪ.

Они истребили уже великую, сильную рать Дарія!

АТОССА.

О! ты возбуждаешь ужасное, зловѣщее предчувствіе въ сердцахъ матерей, коихъ дѣти теперь тамъ!

Посреди сихъ безпокойствъ является вѣстникъ, который ихъ подтверждаетъ. Онъ представляетъ, въ печальной картинѣ, кровавое истребленіе Персидскаго воинства; повѣствованіе его безпрестанно пре-

рывается стенаніями хора, выражающими глубокую, раздирающую скорбь!

ВѢСТНИКЪ.

О Саламина! ужасное имя! сколько слезъ при одномъ воспоминаніи объ Аѳинахъ!

ХОРЪ.

Аѳины гибель врагамъ своимъ! сколько Персянокъ лишили онѣ дѣтей, супруговъ!

. . . . . .

АТОССА.

Боги покровительствуютъ граду Паллады!

ВѢСТНИКЪ.

Аѳины непобѣдимы! пока граждане ихъ существуютъ, онѣ окружены непроницаемымъ оплотомъ!

Вѣстникъ старается выказать чрезвычайную несоразмѣрность между малымъ числомъ Аѳинянъ и несмѣтнымъ множествомъ Персовъ; изображаетъ неустрашимость Грековъ, безпорядокъ Варваровъ, отчаяніе Ксеркса; описываетъ пораженіе его со всѣмъ услажденіемъ, какое только можно чувствовать Греку. Атосса безпрестанно допрашивается новыхъ подробностей.

ВѢСТНИКЪ.

Я буду говорить десять дней сряду и не кончу исторіи нашихъ несчастій. Довольно, что никогда столько людей въ одинъ день не погибало!

Расказъ сей производитъ чрезвычайный эффектъ, исполненный скорби и ужаса. Стоитъ прочесть его послѣ сценъ Одеона и Цирка, представляющихъ ги-

бельный переходъ черезъ Березину: и тогда пусть скажутъ, гдѣ болѣе чувства и поэзіи, на Французскомъ или на Греческомъ театрѣ!

Между тѣмъ какъ Атосса отправляется принести возліянія за погибшихъ, хоръ изливаетъ свою скорбь въ жалобныхъ, исполненныхъ отчаянія, пѣсняхъ; онъ предвѣщаетъ Персіи гибельную судьбу и продолжительное уничиженіе.

Хоръ и Атосса, покрытые печальною одеждою, вызываютъ въ жертвоприношеніи тѣнь Дарія. Сія тѣнь не знаетъ ничего о бѣдствіяхъ, постигшихъ царскій домъ. Это служитъ предлогомъ расказать снова несчастія Персовъ и славу Грековъ. Послѣ довольно продолжительнаго разговора между Атоссою, хоромъ и тѣнью Дарія, испрашиваются совѣты у усопшаго царя, что дѣлать въ такомъ великомъ бѣдствіи: совѣты сіи заключаютъ въ себѣ новую лесть для народной гордости Аѳинскихъ зрителей.

ХОРЪ.

О царь Дарій! изъясни намъ свои мысли! Какъ, послѣ толикаго злополучія, народъ можетъ быть еще счастливымъ!

ДАРІЙ.

Не должно болѣе покушаться итти на Грецію, хотябъ воинство Мидійское было еще многочисленнѣе!

Тѣнь укоряетъ Персовъ за ихъ варварство и нечестіе, оказанное во время войны; потомъ предсказываетъ Платейское пораженіе, которое будетъ имъ за то казнію:

Они разрушали алтари, ниспровергали храмы боговъ. И за зло, ими учиненное, они наказываются зломъ, которое претерпѣваютъ, зломъ, которое должны будутъ претерпѣть: ибо не пришелъ еще конецъ ихъ бѣдствіямъ. По-

токи крови, пролитой копьемъ Дарійскимъ, упоятъ землю Платейскую; и, до третьяго поколѣнія, груды костей будутъ говорить взорамъ людей и свидѣтельствовать своимъ безмолвнымъ краснорѣчіемъ: *что гордость не примична смертнымъ; что надменность, разцвѣтши, колосится преступленіемъ; и что жатва съ ней собирается слезами!* Свидѣтели сей казни, памятуйте Аѳины и Грецію!

За сими словами, послѣ коихъ тѣнь скрывается, хоръ изображаетъ въ пышной картинѣ древнее могущество Дарія, исчисляетъ Іонійскіе города и Греческіе острова, кои были покорены его владычеству, и сравниваетъ съ настоящимъ бѣдственнымъ положеніе, въ которое Греки привели Ксеркса.

Наконецъ возвращается и самъ Ксерксъ, во всемъ безпорядкѣ горести, раздираемый тоскою отчаянія. Новыя жалобы, новыя изображенія бѣдствій, новыя косвенныя похвалы Греціи! Хоръ вопрошаетъ у побѣжденнаго царя, что сдѣлалось съ его царедворцами, военачальниками, сатрапами, которыхъ именуетъ другъ послѣ друга. Все погибло: и изъ всѣхъ безмѣрныхъ приготовленій къ войнѣ, которыми Ксерксъ окруженъ былъ при своемъ отправленіи, ничего не осталось у него, кромѣ пустаго колчана. Піэса оканчивается сценами самой глубокой скорби. Вопли хора и царя смѣшиваяся прерываютъ другъ друга самымъ плачевнымъ образомъ: они рвутъ себѣ бороды и волосы, раздираютъ свои одежды, поражаютъ себя въ грудь съ изъявленіями лютѣйшаго отчаянія. Такимъ образомъ сіе зрѣлище производитъ впечатлѣніе самое горестное и самое трагическое.

Сія піеса, гдѣ ни одинъ Аѳинянинъ не появляется

на сценѣ, очевидно вся наполнена Аѳинами. Ихъ слава и могущество выражаются тѣмъ торжественнѣе, чѣмъ живѣе изображено паденіе ихъ ужаснаго непріятеля. Какъ глубоко должно было трогать сердца Аѳинскихъ гражданъ и вмѣстѣ какъ сладко льстить гордости побѣдителей это зрѣлище смятенія цѣлаго народа, уничиженія царей столь гордыхъ и могущественныхъ, отчаяніе враговъ столь надменныхъ! Могло ли прямое изображеніе торжества Грековъ, какъ бы оно ни было великолѣпно, произвесть подобное впечатлѣніе? Перенеситесь на минуту въ сіи отдаленныя времена, вообразите себя соотечественниками Эсхила: вы поймете, сколько здѣсь величія и поэзіи! Напротивъ какъ пошло и ничтожно показалось бы вамъ, еслибъ на сценѣ явились настоящіе герои Саламанской битвы, съ которыми каждый изъ зрителей можетъ быть здоровался предъ началомъ представленія! Воображеніе тѣмъ болѣе поражается картинами, представленными въ піэсѣ, что онѣ никѣмъ не были видѣны и слѣдовательно имѣютъ всю прелесть новости а).

а) У Грековъ, столь счастливо организованныхъ для изящныхъ искусствъ, поэзія такъ тѣсно соединялась съ драмой, что даже *старую комедію*, назначавшуюся собственно для изображенія дѣйствительности и часто дѣйствительности самой прозаической, Аристофанъ умѣлъ оживлять высокою и великолѣпною, не рѣдко совершенно фантастическою поэзіею. Вообще въ ихъ драмѣ, хоры должны были поэтизировать предметъ и сообщать ему идеальность. И это производилось не одними фантомами, создаемыми воображеніемъ поэта. Такъ

Вотъ какъ Греки понимали поэзію современныхъ событій: нынѣшніе Французскіе драматурги понимаютъ ее, какъ *Братья Страстей Господнихъ*!

Между историческими піэсами Шекспира есть одна, коей содержаніе можно почесть современнымъ: ибо поэтъ вывелъ въ ней на сцену, предъ лицемъ Елисаветы, бракъ ея матери и даже собственное ея крещеніе. Эта піэса – *Генрихъ VIII*. Глубокая истина составляетъ отличительное свойство историческихъ драмъ Шекспира. Не рѣдко довольствовался онъ разъясненіемъ на разговоры и преложеніемъ въ стихи отрывковъ, взятыхъ изъ старинныхъ Англійскихъ хроникъ. Но не смотря на сію почти буквальную точность изображаемыхъ событій, въ художественномъ устроеніи его драмъ строгая историческая истина приносилась въ жертву поэтическому интересу. Отдаленность эпохъ и невѣжество большей части его зрителей давали полную свободу его творческой фантазіи. Да и въ самомъ *Генрихѣ VIII*, котораго впрочемъ должно отнести къ слабѣйшимъ его произведеніямъ, онъ не былъ слѣпымъ рабомъ исторіи. Считаемъ не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о сей піэсѣ, которую можно назвать посредствующимъ звеномъ между древнею трагедіею

облака, осы, птицы, лягушки, равно какъ сладкозвучный хоръ *всадниковъ*, въ комедіяхъ Аристофана, говоритъ языкомъ, исполненнымъ роскошнѣйше поэзіи; и поетъ, устами ихъ, или воспѣваетъ славу гражданъ Аѳинскихъ, или изливаетъ саркастическую желчь сатиры на пороки и странности, выводимыя имъ на сцену

Эсхила и нынѣшними современными драмами Французскаго театра.

Содержаніе сей піэсы составляютъ: разводъ Генриха VIII съ Екатериною Аррагонскою, бракъ его съ Анною Болейнъ и рожденіе Елисаветы. Произшествія сіи занимаютъ собой пространство времени около двенадцати лѣтъ. Сія піэса представлена была предъ Елисаветой, въ началѣ XVII столѣтія, и спустя нѣсколько лѣтъ, при Іаковѣ I; въ сей-то послѣдній разъ, по крайней мѣрѣ такъ предполагаютъ Джонсонъ и другіе критики, внесена была въ нее похвала Іакову.

Стѣсненный между обязанностію быть вѣрнымъ и желаніемъ угодить Елисаветѣ, Шекспиръ предпочелъ послѣднее. Въ его піэсѣ, историческій характеръ Генриха VIII, столь странный, столь своенравный, столь ужасный, совершено изглаженъ. Этотъ человѣкъ, который могъ иногда, изъ прихоти, казаться благороднымъ и безкрыстнымъ, но внутренно расположенъ былъ к жадности и свирѣпству, который погубилъ в мукахъ двухъ своихъ женъ и множество другихъ несчастныхъ, принесенныхъ въ жертву его безмысленному фанатизму, этотъ человѣкъ изображен здѣсь подъ чертами, приличными наилучшему изъ Государей. »Я знаю его благородное сердце,« говоритъ объ немъ Кардиналъ Вольсей. Да и ему самому поэтъ влагаетъ слова, которыя можно почесть словами Французскаго Генриха IV: »Мы не должны насильственно исторгать нашихъ подданныхъ из подъ сѣни законовъ, дабы оковать ихъ нашею волею. Шестая часть всего ихъ

имущества! это налогъ ужасный! Нѣтъ! Если мы отнимемъ у деревьевъ ихъ вѣтви, кору и часть ствола, то напрасно оставимъ имъ корень: воздухъ пожретъ весь сокъ въ ихъ обнаженныхъ нѣдрахъ!« Вотъ Генрихъ VIII поэта!.. Знатоки исторіи! онъ ли это?..

Анна Болейнъ изображена также съ удивительной лестью. Всѣмъ извѣстна безпорядочная нравственность историческаго лица: лице, созданное поэтомъ, кромѣ легкихъ намековъ, исполнено ангельской чистоты; даже личный врагъ Анны, Кардиналъ Вольсей, объявляетъ, что онъ признаетъ ее добродѣтельною и достойною уваженія. Извѣстно, какъ показала она себя вѣроломною и жестокою въ отношеніи къ Королевѣ, коей прежде была фрейлиною и потомъ заняла мѣсто; здѣсь напротивъ она представлена благородною и чувствительною. Но между тѣмъ Анна Болейнъ осуждена была на эшафотъ Генрихомъ VIII. Это поставляло Шекспира въ самое затруднительное положеніе: онъ не могъ совершенно пощадить оба сіи лица, не могъ льстить Елисаветѣ съ обѣихъ сторонъ, со стороны отца и со стороны матери; посему, дабы выпутаться изъ сихъ крайностей, онъ рѣшился уступить кое-что истинѣ, тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, она могла быть менѣе горькою и непріятною. При извѣстіи, что Анна Болейнъ должна скоро родить, Епископъ Винчестерскій восклицаетъ: »Я возсылаю изъ глубины сердца мольбы о плодѣ, который носитъ она; желаю ему счастія и долгой жизни; но, что касается до дерева, я хотѣлъ бы, чтобъ оно было исторгнуто... добра не будетъ, пока Кран-

меръ и Кромвель, двѣ руки этой женщины, и сама она не уснутъ во гробѣ!« Слова сіи вложены въ уста заклятому врагу Анны и слѣдовательно не имѣютъ большаго вѣса; посему истина является въ нихъ искусно прикрытою, не во всей суровой наготѣ своей. Такимъ образомъ Шекспиръ, не избѣгъ опасности, ожидающей неминуемо всѣхъ, кои берутся изображать современныя событія: онъ долженъ былъ измѣнить правдѣ и изображать дѣйствительность въ профилѣ, не вѣрно, безъ сходства.

Впрочемъ должно отдать справедливость великому Англійскому поэту за то, что онъ имѣлъ смѣлость представить въ прекрасной и величественной картинѣ Екатерину Аррагонскую, первую жену Генриха VIII, отвергнутую для матери Елисаветы. Въ заточеніи, на которое осудила ее жестокость тирана, предъ лицемъ вѣроломныхъ судей, въ минуту своей смерти, она представляетъ идеалъ величія, кротости, терпѣнія, силы. Это поэтическое созданіе, которое дѣлаетъ равную честь смѣлости, какъ и таланту Шекспира. Портретъ Кардинала Волсея, въ различныхъ переворотахъ судьбы его, также исполненъ силы и блеска. Въ сихъ двухъ фигурахъ Шекспиръ восторжествовалъ надъ неудобствами, предъ которыми долженъ былъ смириться, изображая оба главные персонажа.

Сверхъ того, не смотря на весь прозаизмъ дѣйствительности, при столь близкой современности лицъ и событій, геній Шекспира умѣлъ внести въ свою драму нѣсколько поэзіи. Если нѣтъ ея въ цѣлой

совокупности піэсы, то встрѣчаются нѣкоторыя отдѣльныя сцены, ознаменованныя печатію творчества. Таковы послѣднія минуты Екатерины Аррагонской, услаждаемыя утѣшительнымъ видѣніемъ: таково пророчество, открывающее, при рожденіи Елисаветы, ея славную будущность! Это сцены, блестящія всѣмъ очарованіемъ поэзіи: но за то дѣйствительность исчезаетъ въ нихъ совершенно. Быть истиннымъ или быть поэтомъ, вотъ двѣ крайности, между коими Шекспиръ былъ поставленъ: здѣсь онъ выбралъ быть поэтомъ и выбралъ удачно; но этотъ выборъ есть уже осужденіе избраннаго имъ рода поэмы.

Впрочемъ истинная прелесть *Генриха VIII* для Англичанъ того времени, точно какъ *Наполеона* для нынѣшнихъ Французовъ, состояла въ удовольствіи видѣть на сценѣ лице, бывшее кумиромъ любви народной. Дѣйствительно, въ то время, когда Елисавета, достигши предѣла своего поприща, взошла на верхъ славы и исторгла всеобщее удивленіе — въ это время, для народа, коему она сообщила свое величіе, должно было составлять несказанное наслажденіе, видѣть пышную церемонію ея крещенія, слышать герольда, среди многочисленнаго кортежа, возвѣщающаго рожденіе наслѣдницы трона: »Небо! въ безконечной твоей благости, пошли жизнь долгую, благоденственную и препрославленную, высокой и могущественной Англійской Принцессѣ, Елисаветѣ!« внимать Архіепископу Кантерберійскому, который вдохновеннымъ гласомъ восклицаетъ: »Внемли, Государь! ибо небо повелѣваетъ мнѣ говорить; и да ни-

кто не обвинитъ во лести слова, которыя я прореку и которыя освятитъ будущность! Еще покоясь въ колыбели, сіе порфирородное дитя обѣщаетъ землѣ тысячи благословеній, кои возраститъ время. Она будетъ образцомъ для современныхъ владыкъ, для тѣхъ, кои за ней послѣдуютъ. . . Она будетъ внушать любовь и ужасъ: народъ будетъ благословлять ее; враги вострепещутъ предъ ней, подобно класамъ, возметаемымъ бурею, и преклонятъ главу въ уныніи. Съ нею возрастетъ наше благоденствіе. Во дни ея, каждый будетъ вкушать безопасно, подъ сѣнію своего виноградника, плоды, имъ насажденные, и воспѣвать своимъ сосѣдямъ радостныя пѣсни мира. Богъ познается воистинну: окружающіе нашу царицу, научатся отъ ней путямъ правды и чести; и въ нихъ будутъ искать своего величія, а не въ благородствѣ произхожденія и крови! «

Но, не смотря на всѣ усилія Шекспира внести поэзію въ изображаемое имъ событіе, поэтическая совѣсть его не была спокойна: онъ чувствовалъ тайныя угрызенія ея; и потому въ прологѣ, предшествующемъ піэсѣ, поспѣшилъ увѣдомить зрителей, что они должны искать въ ней одной истины. Съ симъ вмѣстѣ, поэтъ извѣщаетъ ихъ шутя, что историческія лица должны замѣнять собой всякой другой родъ театральнаго зрѣлища. »Тѣ, кои придутъ сюда, въ надеждѣ услышать піэсу, одушевленную веселостью, вольнымъ остроуміемъ или шумомъ оружія; видѣть какого-нибудь фарсера, одѣтаго въ пестрое платье, обшитое желтыми каймами: тѣ весьма обманутся;

ибо знайте, любезные слушатели, что еслибы мы примѣшали къ истинѣ избранныхъ произшествій какое-нибудь зрѣлище, напримѣръ, баталію, или шута, то, кромѣ того, что это оскорбило бы собственный нашъ вкусъ и повредило бы нашему намѣренію представить вамъ одну чистую истину, насъ осудилъ бы и здравый смыслъ нашихъ друзей. И такъ, по извѣстному вашему добродушію, и потому, что вы считаетесь, по справедливости, первою и разумнѣйшею публикою изъ всего города, будьте строги, такъ какъ мы желаемъ, и увѣрьтесь, что вы видите предъ собой настоящія лица нашей знаменитой исторіи, какъ будто бы онѣ дѣйствительно жили! «

Мы сказали уже, что должно думать объ этой строгой вѣрности истинѣ. И эта настойчивость, съ которою поэтъ какъ будто хвастается, что онъ удалилъ отъ своей піэсы все, что не истинно, и старается убѣдить зрителей, что историческая буквальная точность должна замѣнять всѣ другія собственно драматическія достоинства, не показываетъ ли, что авторъ пролога, кто бы онъ ни былъ — (ибо критики догадываются, что его должно приписать не Шекспиру, а Бен-Джонсону, его современнику и другу) — самъ чувствовалъ потребность другаго интереса въ драмѣ, кромѣ чисто историческаго! Въ самомъ же дѣлѣ, *Генрихъ VIII*, котораго доселѣ любятъ видѣть въ Англіи, сколько по причинѣ народности славнаго имени Елисаветы, столько и по сценической пышности спектакля, не имѣетъ въ себѣ ни довольно историческаго достоинства, хотя

авторъ объявилъ себя такъ строго вѣрнымъ истинѣ, ни довольно поэтической жизни, хотя онъ, вопреки своему объявленію, противъ воли объ ней заботился. Заключимъ отсюда, что, если не возможно теперь соединить всѣхъ условій, благопріятствовавшихъ Эсхилу при драматизированіи современныхъ происшествій, то не должно отваживаться на сей подвигъ, даже съ геніемъ Шекспира!

VI.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

— СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ О ДИМИТРІѢ САМОЗВАНЦѢ. *Часть II.* ЗАПИСКИ ГЕОРГА БЕРЕ. *С. П. Б. въ Типогр. Императорской Россійской Академіи.* 1832. а)

Въ извѣстіи о запискахъ Бера, мы поздравляли издателя съ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ въ пользу изданія его и особенно съ выгодными отношеніями къ журналистамъ, между которыми не за что быть у него врагамъ, и къ товарищамъ по ремеслу, съ которыми еще не было точекъ соприкосновенія, между которыми не успѣли еще возникнуть завистники.« Увы! сіи благопріятныя обстоятельства недолго продолжались для него: уже

а) Сія рецензія давно уже была доставлена къ издателю; и до сихъ поръ была не напечатана потому, что затерялась было въ бумагахъ. *Изд.*

при второй части, вздумавъ приложить къ Запискамъ Паэрле свое разсужденіе, онъ вошелъ по необходимости въ отношенія щекотливыя, непріятныя къ нѣкоторымъ писателямъ и ихъ публикѣ. О Борисѣ Годуновѣ писали ГГ. Булгаринъ, Арцыбышевъ; объ нихъ надобно было непремѣнно упомянуть, а здѣсь похвала столько же опасна, сколько и порицаніе: непремѣнно раздражишь тотъ или другой приходъ, почитателей или противниковъ, непремѣнно произведешь въ коемъ нибудь невыгодное впечатлѣніе. Издатель поступилъ очень осторожно: объ однихъ изысканіяхъ онъ упомянулъ вскользь, о другихъ ни слова. Но законъ Солоновъ гласитъ: въ дѣлѣ общественно приступай къ той или другой сторонѣ. Можетъ быть, за это въ Сѣверной Пчелѣ наказанъ Бопланъ; можетъ быть за это наши журналисты, наши ученые, тѣ или другіе, примутъ съ меньшимъ радушіемъ, съ меньшимъ участіемъ будущіе труды издателя. Но шутки въ сторону. Записки Паерле въ самомъ дѣлѣ гораздо ниже драгоцѣнныхъ записокъ Бера. Этотъ холодный, разсчетливый, необразованный купецъ, заѣхавшій въ Россію случайно за торговыми дѣлами и заточенный вмѣстѣ съ другими иностранцами по убіеніи Самозванца, »записывалъ вѣроятно отъ нечего дѣлать, что ни случалось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Димитріи Самозванцѣ и слѣдствіяхъ его дерзскаго предпріятія.« Сочиненіе его вышло подъ заглавіемъ: »Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца Аугсбургскаго съ господами Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ младшимъ изъ Кракова въ Москву, и изъ Москвы въ Краковъ, съ 19

Марта 1606 года по 15 Декабря 1608. »Это сочиненіе по содержанію своему раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ Исторію Димитрія Самозванца, котораго признаетъ сыномъ Іоанна Грознаго; разсказываетъ мнимое спасеніе отъ смерти въ Угличѣ, пребываніе въ Польшѣ, войну съ Годуновымъ, воцареніе, бракъ съ Мариною, споры съ Литовскими Послами, наконецъ низверженіе съ Престола. Во второй части онъ описываетъ въ видѣ дневника, осмнадцатимѣсячное заключеніе Пословъ Литовскихъ, переговоры ихъ съ Боярами, неустройства въ Москвѣ, стѣсненіе Государства и проч. Въ сочиненіи Паерле наиболѣе замѣчательны подробности Лже-Димитріева похода въ Россію; авторъ описываетъ вѣрно и точно весь путь Самозванца отъ предѣловъ Польши до самой Тулы: всѣ его побѣды и неудачи, всѣ намѣренія и хитрости воинскія, даже мѣста, гдѣ онъ останавливался для ночлега. Неизвѣстно, откуда заимствовалъ Паерле сіи любопытныя подробности; но сказанія его такъ опредѣлительны, что по всѣмъ признакамъ онъ имѣлъ въ рукахъ какой нибудь Польской дневникъ, или возпользовался дружбою Яна Бучинскаго и отъ него узналъ всѣ дѣйствія Самозванца до прибытія его въ Москву. Остальное же — съѣздъ Марины, свадьбу, пиры, возстаніе народа и свою неволю — онъ разсказываетъ, какъ очевидецъ.

Въ Запискахъ Паерле мы находимъ множество примѣровъ тѣхъ басенъ, которыя ходили тогда между Поляками. Такова сказка напр. о спасеніи Димитрія, о дядькѣ Симеонѣ, о которомъ никто у насъ и слыхомъ не слыхалъ, объ убитомъ отрокѣ ночью, когда

все дѣло, такъ или иначе, происходило днемъ, и проч. А что разсказываетъ Товяновскій объ разговорѣ семилѣтняго Димитрія съ своимъ дядькою! Сколько нелѣпостей въ описаніи сраженій Лже-Димитрія! Вотъ разсказы современниковъ, очевидцевъ! Кто имъ повѣритъ? Я говорю здѣсь это въ томъ смыслѣ, что наши лѣтописцы заслуживаютъ вообще столь же мало довѣренности въ этомъ сложномъ и запутанномъ періодѣ Русской Исторіи. Самозванецъ долженъ былъ лгать, Поляки увеличивали ложь. Шуйскій принялъ ложь готовую, имѣлъ нужду въ ней, а лѣтописи—ихъ отголосокъ. На критику одна надежда— и на оффиціальные документы.

Описаніе похода Димитрія, не смотря на басни, очень любопытно: здѣсь видно яснѣе, нежели гдѣ либо, какъ мало средствъ и усилій сначала употреблено было съ той и другой стороны: дѣйствовали слова, а не вещи. Наконецъ состояніе иностранцевъ въ Москвѣ послѣ убіенія Лже-Димитрія — подробное и вѣрное.

Выпишемъ одну черту, дающую понятіе о Русскомъ дворѣ XVII вѣка: »Димитрій, во время вѣнчанія, подозвавъ знатнѣйшаго Сенатора Ивана Васильевича Шуйскаго, велѣлъ подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги; тоже приказалъ сдѣлать и брату его Димитрію Шуйскому; потомъ послалъ ихъ обоихъ съ какимъ-то повелѣніемъ; вмѣсто ихъ подозвалъ другихъ знатныхъ бояръ, и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; выславъ и сихъ, призвалъ снова другихъ Князей. Такъ онъ подзывалъ и высылалъ своихъ вельможъ нѣсколько разъ.«

*

Въ примѣчаніяхъ помѣщены большею частію выписки изъ печатныхъ грамотъ. Въ розыскѣ новаго только замѣчаніе о показаніяхъ Угличскихъ гражданъ: »Судя по образу изложенія, можно думать, что слѣдователи писали именно со словъ допрашиваемыхъ лицъ: стоитъ только сравнить, какъ говорятъ жильцы, Архимандритъ, кормилица, пономарь.« Издатель затрудняется объяснить: »почему не приведены слова Царицы; ее безъ сомнѣнія спрашивали? Вѣроятно потому, что считали неприличнымъ мѣшать ее съ подданными.« Можетъ быть; но надо замѣтить и то, что въ подлинномъ слѣдовательномъ дѣлѣ не достаетъ первыхъ листовъ. Притомъ Царица прислала особое объявленіе. Вообще можнобъ было обойтись легко безъ сихъ приложеній. Книга моглабъ быть меньше и слѣдовательно дешевле.

— СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ О ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ. *Часть III.* ЗАПИСКИ МАРЖЕРЕТА. *С. П. Б. въ тип. Имп. Росс. Акад.* 1832.

Маржеретъ, родомъ Французъ, Капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Годунова и Самозванца, служилъ сначала въ войскѣ Генриха IV, былъ съ Турками въ Трансильваніи и Венгріи, служилъ Королю Польскому и Императору Римскому, наконецъ пріѣхалъ въ Россію. Въ сраженіи [illegible] съ Добрынничами онъ рѣшилъ побѣду въ пользу Бориса; по смерти его покорился Самозванцу, а по воцареніи Шуйскаго удалился во Францію, гдѣ и написалъ свое сочиненіе о Россіи по вызову Генриха IV. Послѣ явился опять у насъ, присталъ къ Тушинскому вору, опять предался Полякамъ, участвовалъ въ Клушинской битвѣ,

спасъ въ Москвѣ отрядъ Гонсевскаго отъ Русскихъ, удалился въ Польшу, и опять, изъ Гамбурга предлагалъ Россіи свои услуги, но получилъ отказъ отъ Князя Пожарскаго.

Соглашаемся съ издателемъ, что Маржеретъ, »зная хорошо Россію, умѣлъ ловить самыя рѣзкія черты и живо описывать, что видѣлъ. Его извѣстія о Русскомъ дворянствѣ, о свадебныхъ обрядахъ, о Царскихъ пиршествахъ, объ устройствѣ нашего войска, о набѣгахъ Татаръ, такъ вѣрны и выразительны, что и въ наше время украсили бы сочиненіе образованнаго путешественника. Сверхъ того Маржеретъ сообщаетъ много любопытнаго о Борисѣ Годуновѣ и о Димитріи Самозванцѣ. Въ особенности же замѣчательны его мысли о семъ обманщикѣ, заставляющія призадуматься не одного Историка.«

У Маржерета во множествѣ извѣстій вѣрныхъ и любопытныхъ встрѣчаемъ мы уже другія басни, другіе слухи. Вдову Іоаннову съ сыномъ Борисъ будто отправилъ въ Угличь, спустя долгое время по вступленіи на престолъ Ѳеодора, между тѣмъ какъ она выѣхала изъ Москвы немедленно. Димитрія убилъ сынъ одного чиновника, опредѣленнаго Борисомъ въ Секретари къ Царицѣ, между тѣмъ какъ по нашимъ преданіямъ первой ударъ нанесъ ему Волоховъ, сынъ мамки, а прочіе Битяговскій вмѣстѣ съ Качаловымъ. Симеона ослѣпилъ Борисъ, приславъ ему въ гостинецъ Испанскаго вина, и проч. и проч.

Но чѣмъ объяснить это упорство, съ которымъ доказываетъ Маржеретъ права Самозванца? Развѣ — только легкомысліемъ, романическимъ воображеніемъ

и благодарностію къ его благодѣяніямъ? Живъ въ Москвѣ во все время его царствованія, онъ, разумѣется, могъ получить истинное извѣстіе объ немъ, какъ Беръ; но конечно сначала не сомнѣвался, а въ послѣдствіи вѣрный первому впечатлѣнію, уклонялся нарочно отъ противнаго мнѣнія. Во Франціи жь хотѣлъ, можетъ быть, произвести больше дѣйствія такою повѣстію о странной судьбѣ человѣка, коему служилъ столько.

Впрочемъ Маржеретъ не убѣдилъ Де-Ту, современнаго Французскаго историка—(что весьма замѣчательно)—съ коимъ былъ знакомъ и много разговаривалъ обо всѣхъ произшествіяхъ. У Де-Ту, который пользовался источниками нынѣ потерянными, напр. Патерсономъ, Іезуитами, находимъ мы новое баснословное извѣстіе: въ день мнимаго убіенія Димитрія произведенъ былъ въ Угличѣ пожаръ (ибо Царевичь выхаживалъ обыкновенно смотрѣть на огонь), и среди смятенія оно совершилось. Другіе говорили, разсказываетъ онъ, что не Дмитрій, а подмѣненный отрокъ былъ убитъ, и не на дворѣ, а на постелѣ а). Намъ кажется очень замѣчательнымъ извѣстіе, что по мнимомъ спасеніи Царевича распущенъ былъ слухъ, будто бы онъ умеръ отъ язвы (падучей

а) Въ отрывкѣ Издателя о Де-Ту—(какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ его приложеній)—мы желалибъ менѣе высокопарности: н. п. »братъ Тациту, другъ Цицерона, почти идеальный, величественный характеръ, едвали не безпримѣрный въ кругу министровъ и царедворцевъ. « . .

болѣзни—peste absumtus). Слѣдовательно при многихъ другихъ слухахъ, о смерти Царевича, *былъ и этотъ*. Самозванца ознакомили съ Мнишкомъ Іезуиты, а не Вишневецкій, по словамъ Де-Ту. Въ Лихвинѣ, во время похода Самозванца, схваченъ былъ знаменитый Чародѣй Hinsko Otiopelus. Это имя похоже на Гришку Отрепьева. Гревенбрухъ, издавшій въ 1609 году сочиненіе свое объ этомъ времени, называетъ его также, по свидѣтельству Карамзина (X, 254). Любопытно свести всѣ сіи извѣстія: Маржеретъ говоритъ, что Самозванецъ привелъ съ собою Гришку Отрепьева, сосланнаго послѣ въ Ярославль и жившаго еще при Шуйскомъ. По нашимъ извѣстіямъ также Самозванцу сопутствовалъ сначала монахъ Леонидъ, принявшій будто имя Отрепьева. Отъ чего же у Де-Ту слово: схваченъ? — На чемъ основываясь Карамзинъ оставляетъ Леонида въ Ельцѣ (X, 154)? а).

Говорить о важности всѣхъ сихъ сочиненій для Россійской исторіи почитаемъ излишнимъ: онѣ признаны и изслѣдователями и публикою. У Карамзина въ X и XI томѣ на рѣдкой страницѣ не встрѣчается имя Бера, Маржерета и Паерле. Г. Устряловъ заслуживаетъ полную благодарность соотечественниковъ. Благодаря неутомимой его дѣятельности, мы надѣемся вскорѣ читать нашего знаменитаго писателя и историка Курбскаго. Пуб-

---

а) Кстати—отъ Ливенъ до Москвы не 700 верстъ (Сказ. III, 12), а около 400.

лика можетъ быть заранѣе увѣрена, что сей новый трудъ Г. Устрялова будетъ имѣть всѣ тѣ достоинства, коими отличается изданіе современныхъ свидѣтельствъ о Димитріи Самозванцѣ. (П).

VII.

ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ

въ московской губернской гимназіи,

со времени преобразованія ея по новому уставу.

(1831 Іюля 1 — 15 Октября 1832).

Въ достославное царствованіе Блаженныя Памяти Государя Императора Александра I, даровавшаго уставы Университетамъ и состоящимъ подъ вѣденіемъ ихъ низшимъ ученымъ заведеніямъ, бывшее въ Москвѣ Главное Народное Училище, открытое въ 1786 году Сентября 22 дня, преобразовано 1804 года Генваря 2 дня въ Губернскую Гимназію при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Графѣ Петрѣ Васильевичѣ Заводовскомъ, при Попечителѣ Московскаго Учебнаго Округа Михайлѣ Никитичѣ Муравьевѣ и при Директорѣ Московскихъ Училищъ Петрѣ Михайловичѣ Дружининѣ. При семъ преобразованіи учащихся въ ней было 72 человѣка, число коихъ, годъ отъ году увеличиваясь, возрасло наконецъ столь значительно, что въ прошломъ 1830 году простиралось до 277. Умноженіе числа учащихся въ Гимназіи было слѣдствіемъ учрежденія при ней двухъ вос-

питательныхъ заведеній, одного для разночинцевъ въ 1808-мъ году, другаго для благородныхъ въ 1814, основаніемъ своимъ обязанныхъ покойному Петру Михайловичу Дружинину, бывшему Директоромъ въ теченіи почти двадцати пяти лѣтъ. Сей достойный мужъ, при всей скудости средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, успѣлъ ввѣренныя управленію его учебныя заведенія привести въ надлежащее устройство. Чуждый честолюбія и своекорыстія, онъ не щадилъ ни трудовъ, ни своего достоянія, впрочемъ весьма ограниченнаго, дабы только облегчить и улучшить способы къ образованію юношества. Дружественную связь, коей удостоивали его многіе изъ вельможъ, обращалъ онъ въ благодѣтельное орудіе пользы общественной. По ходатайству его, принесли въ даръ Гимназіи: въ 1804 году Князь Александръ Александровичь Урусовъ 1,568 минеральныхъ штуфовъ, стоившихъ въ тогдашнее время до 4,000 рублей, и 328 сочиненій въ 827 томахъ, относящихся большею частію къ естественной исторіи и доселѣ составляющихъ драгоцѣннѣйшую и лучшую часть библіотеки Гимназической; а въ 1808-мъ году Ея Превосходительство Анна Павловна Козлова 126 сочиненій. И столь усердная дѣятельность его на трудномъ поприщѣ училищнаго служенія не могла не принести плодовъ вожделѣнныхъ. Въ Гимназіи, бывшей подъ его управленіемъ, получили первоначальное образованіе весьма многіе юноши, нынѣ уже возмужавшіе и мѣсту воспитанія своего приносящіе честь полезными трудами своими по разнымъ отраслямъ службы государственной. Многіе изъ нихъ или зани-

мали, или занимаютъ почетныя должности. Вообще воспитанники Гимназіи ежегодно въ большемъ или въ меньшемъ числѣ поступали въ Московскій Университетъ въ званіи Студентовъ или слушателей, а другіе опредѣляемы были на учительскія мѣста въ приходскія и уѣздныя училища, состоящія подъ вѣдомствомъ Московской Дирекціи училищъ. Таково было вліяніе Московской Губернской Гимназіи вообще на образованіе юношества, въ первой періодъ ея существованія!

Вторый періодъ начинается новымъ преобразованіемъ ея согласно съ Уставомъ, утвержденнымъ въ 8 день Декабря 1828 года нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Къ сему преобразованію, по предписанію начальства, приступлено было въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1831 года.

Учащихся въ Гимназіи было въ то время 363 человѣка: слѣдовательно 86 болѣе противу числа, бывшаго до преобразованія.

Но не однимъ преобразованіемъ достопамятенъ будетъ для Гимназіи протекшій 1831 годъ. Съ глубочайшимъ чувствомъ благоговѣнія и съ умиленіемъ сердца вѣчно будетъ она воспоминать тридцать первое число Октября, сей благознаменитый день, въ который Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно было осчастливить ее Высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ. Его Величество, сопровождаемый Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, благоволилъ обратить отеческое вниманіе на всѣ подробности содержанія и уче-

нія воспитанниковъ; и обозрѣвъ устройство ея во всѣхъ частяхъ, соизволилъ изъявить Высочайшее благоволеніе Директору училищъ. Въ тотъ же день послѣдовалъ Высочайшій Имянный указъ на имя Его Свѣтлости Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о пріобрѣтеніи покупкою для Гимназіи сосѣдственнаго съ нею дома Генерал-Маіорши Ермоловой. На покупку сего дома, на необходимыя въ немъ перестройки и на передѣлки въ нынѣшнемъ Гимназическомъ домѣ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ отпустить сто шестьдесятъ тысясь рублей.

Въ концѣ сего же 1831 года состоящее при Гимназіи воспитательное заведеніе для благороднорожденныхъ преобразовано, согласно съ новымъ уставомъ, въ Благородный Пансіонъ. За годовое содержаніе воспитанниковъ сего пансіона, съ разрѣшенія Его Свѣтлости, Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначено, вмѣсто прежнихъ 450 рублей, взимать по 700 рублей, съ тѣмъ что изъ сей суммы воспитанники удовлетворяются столомъ, одеждою, обувью, бѣльемъ, учебными пособіями, словомъ: всѣми потребностями. Взиманіе сей платы началось уже съ 1 Января текущаго года.

Въ нынѣшнемъ же году и въ заведеніи для разночинцевъ, также съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, плата за полное содержаніе воспитанниковъ онаго, вмѣсто прежнихъ 250 рублей, увеличена до 300 рублей; и взиманіе оной началось съ 1 Іюля.

Въ пользу Гимназіи сдѣланы слѣдующія пожертвованія: а) Чиновникъ по особымъ порученіямъ при Г. Попечителѣ Московскаго Учебнаго Округа Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Графъ Александръ Никитичь Панинъ 25 снарядовъ для физическаго кабинета, цѣною по меньшей мѣрѣ на 800 рублей; и б) Старшій Учитель Гимназіи Коллеж. Совѣтникъ Лейбрехтъ по 25-ти экземпляровъ изданныхъ имъ Нѣмецкой и Латинской Грамматики, Нѣмецкой Христоматіи и Нѣмецкой Азбуки, цѣною на 185 рублей.

Физическій Кабинетъ, въ теченіи сего года, сверхъ снарядовъ, пожертвованныхъ Его Сіятельствомъ Графомъ Панинымъ, пріумноженъ еще тремя снарядами, относящимися до электричества, купленными за 320 рублей; да въ концѣ прошлаго 1831 года куплено 29 снарядовъ суммою на 994 руб. 47 коп. ассигн.

Библіотека Гимназіи, со времени преобразованія, умножилась 102 нумерами книгъ разнаго содержанія.

Въ заведеніяхъ, состоящихъ при Гимназіи, съ 1 Января сего года было воспитанниковъ: а) въ благородномъ пансіонѣ 18, да поступившихъ вновь 7; всего 25; б) въ заведеніи для разночинцевъ 91; в) вольноприходящихъ учениковъ 247; а всѣхъ учащихся въ первой половинѣ года было 363.

Изъ нихъ къ 1 Октября выбыло: а) изъ благороднаго пансіона 3; б) изъ заведенія для разночинцевъ 19; в) вольноприходящихъ 73; а всѣхъ выбыло 95.

Вновь поступило во второй половинѣ года: а) въ благородный пансіонъ 14; б) въ заведенія для разночинцевъ 43; в) вольноприходящихъ 113; всѣхъ поступившихъ 170.

Нынѣ состоитъ на лицо: а) въ Благородномъ Пансіонѣ 36; б) въ заведеніи для разночинцевъ 115; и в) вольноприходящихъ 287; а всѣхъ учащихся 438 человѣкъ; слѣд. 75 болѣе противу прошлогодняго.

Число воспитанниковъ въ заведеніи для разночинцевъ, по причинѣ малой помѣстительности, болѣе увеличено быть не можетъ; и потому начальство Гимназическое увидѣло себя принужденнымъ отказывать многимъ лицамъ, желавшимъ помѣстить дѣтей въ оное заведеніе.

(сообщено)

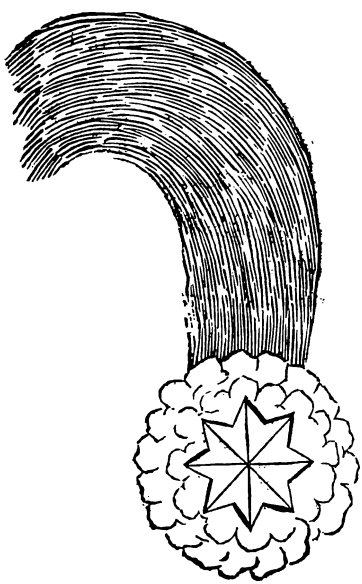
VIII.

ДВѢ КОМЕТЫ

ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Кстати къ кометѣ, которая путешествуетъ теперь на нашемъ горизонтѣ, инкогнито для простыхъ глазъ, невооруженныхъ астрономическими трубами! Вотъ замѣтки одного изъ нашихъ прадѣдовъ о двухъ сестрахъ ея, кои лѣтъ за сто являлись, по видимому, съ большей пышностью. Выписываемъ изъ дневника, содержащаго въ себѣ много другихъ любопытныхъ подробностей.

1737 годъ.



»Февраля противъ 9 дня въ ночи, стояла на западѣ комета симъ подобіемъ и еще послѣ того числа много ночей показывалась.«

Такъ сказано въ запискахъ а). Послѣ сего описанъ набѣгъ Крымскихъ Татаръ. 12 Февраля переправа ихъ чрезъ Днѣпръ выше Переволочной; разореніе, причиненное ими, 15 тогожъ Февраля обратной ихъ уходъ.

Далѣе описано выступленіе Слободскихъ полковъ, и 24 Іюня вступленіе въ Крымъ.

Разныя переправы и стычки съ Татарами; сожженіе многихъ Татарскихъ деревень; 14 Іюля Карасъ-Базаръ сожгли.

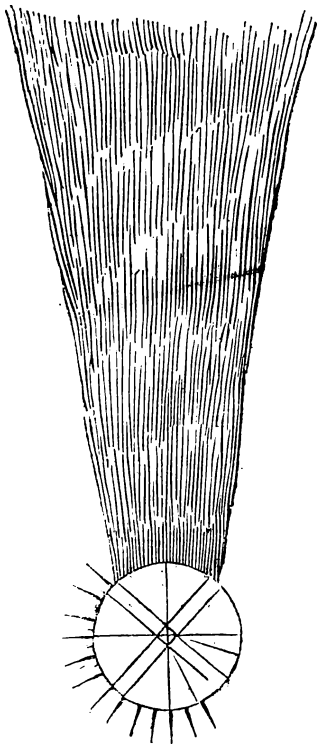
20 и 29 Іюля нападенія Татаръ и Турокъ въ Крыму, совершенное всѣхъ силъ ихъ разбитіе и потомъ описано благополучное возвращеніе Слободскихъ полковъ въ домы свои.

Въ теченіе всего того года ничего особеннаго не записано, кромѣ взятія Графомъ Минихомъ Очакова; при чемъ болѣе 20,000 Турокъ побито и потоплено въ морѣ и много въ полонъ взято съ немалою и пребогатою добычею.

1744 годъ.

Въ первыя числа Января ничего особеннаго. Потомъ послѣ 7 числа Января написано:

а) Выписываемъ слѣдующія подробности для тѣхъ, кои сохраняютъ и нынѣ дѣдовскую слабость вѣрить въ зловѣщность кометъ. Надобно вспомнить, что тогдашніе Крымскіе набѣги были тоже, что нынѣшніе Черкесскіе и Киргиз-Кайсацкіе, о которыхъ только и знаютъ въ пограничныхъ селеніяхъ.



»Сего мѣсяца показалась на небѣ великая комета, звѣзда съ долгимъ хвостомъ въ гору, симъ подобіемъ съ вечера посреди неба, а къ свѣту и заходила, и весьма свѣтло сама и хвостъ сіяли и при мѣсяцѣ полномъ. А въ Мартѣ мѣсяцѣ и на востоцѣ предъ всходомъ солнца видима та или другая была.«

Въ произшествіяхъ сего года подробно описано, какъ Слободскіе полки выходили къ Сѣверу для встрѣчи Государыни Елисаветы Петровны и Великаго Князя Наслѣдника Петра Ѳеодоровича и Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, когда Они изволили слѣдовать въ Богоспасаемый градъ Кіевъ, какъ происходила встрѣча и проч. и въ весь годъ ничего достопримѣчательнаго.

(*сообщено.*)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 10 дня, 1832 года.

Цензоръ *Н. Лазаревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Весеннія Воды. (*Ѳ. Тютчева*). 22
Помѣщики. (*М. Н. А.*). 155
Весеннее Успокоеніе. (*Ѳ. Тютчева*) . . . 297
Три Вѣка. (*Л. Якубовича*). 442

ПРОЗА:

Лондонъ. Изъ Дорожныхъ Картинъ *Г. Гейне*. 88
Замокъ Яксмундъ. Повѣсть. (Изъ Blackwood's Magazine). 23
Телеграфъ Ренсійскій. (*Ж. Жаненя*). . . . 161
Отрывокъ изъ романа: Атаръ-Гюль (*Евгенія Сю*). . . . . , ... 298
Похвальное Слово Кювье, произнесенное Старшимъ Дюпенемъ, во Французской Академіи. 415
Отрывокъ изъ Исторической Повѣсти: Давидъ Якуновичь Крушина. Гл. IV. (*В. Троицкаго*). 443

НАУКИ И ИСКУССТВА:

Нѣчто для Философіи Музыки. (*Фетиса*). . 143
Блаженный Августинъ. (Изъ *Вильменя*) 212 и 322
Сѣверныя Руны. (Изъ Revue de Paris). . . 281

Седьмая Бесѣда (Макамата) *Харири*, извѣстная подъ названіемъ: Баркаида. 474

КРИТИКА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Мірозданіе. Опытъ Духовнаго Стихотворенія. *В. Соколовскаго.* (*Сообщено*). . . . 108

Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская Быль XV вѣка. Соч. *Николая Полеваго.* Часть I, II, III.

Шемякинъ Судъ или Послѣднее Междоусобіе Удѣльныхъ Князей Русскихъ. Историческій Романъ XV столѣтія, въ четырехъ частяхъ. Сочин. *Павла Свиньина.*

Стрѣльцы. Историческій Романъ. Соч. *К. Массальскаго.* Изданіе второе. 4 части.

Послѣдній Новикъ, или Завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго. Историческій Романъ. Соч. *И. Лажечникова.* Часть III. 232

Курсъ Словесности, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ. *Василія Плаксина.* 365

Сказаніе Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Ч. II. Записки Георга Паерле. . 524

Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Ч. III. Записки Маржерета. . . 527

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

а) Нѣмецкая Словесность. 97

б) Французская Словесность. 485

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ:

Курскій Купецъ-Астрономъ. (*М. Погодина*) 5
Некрологическія Подробности о Гете. . . 116
Вѣнскіе Театры. (*В. Менцеля*) 138
Вѣчный Огонь въ Окрестностяхъ Баку. 192 и 348
Испанскіе Разбойники. (*Мериме*). 247
Некрологія Вальтера-Скотта. 266
Біографическія Подробности о Лаблашѣ, (*Кастиль-Блаза*). 373
Обозрѣніе происшествій въ Московской Губернской Гимназіи со времени преобразованія ея по новому Уставу. (1831 Іюля 1го—15 Октября 1832). 532

СМѢСЬ:

Старый долгъ, или Запоздалая Антикритика. (*Ю. Венелина*). 394
Двѣ Кометы прошлаго столѣтія. 538